

ФОНД
содействия науке и образованию в области правоохранительной деятельности
«УНИВЕРСИТЕТ»

АССОЦИАЦИЯ ФИЛОСОФИИ ПРАВА САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

МОЛОДЕЖНАЯ АССОЦИАЦИЯ «ФИЛОСОФИИ ПРАВА»

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77 – 40505

Журнал аккредитован в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ)

Подписной индекс по каталогу Агентства «Роспечать» – **71080**

Электронная копия издания размещена в фондах Президентской библиотеки

Мир политики и социологии

2019, № 10

Санкт-Петербург
2019

FOUNDATION
FOR PROMOTION OF SCIENCE AND EDUCATION IN THE AREA OF LAW
ENFORCEMENT ACTIVITIES
“UNIVERSITY”

ASSOCIATION OF THE PHILOSOPHY OF LAW SAINT-PETERSBURG

YOUTH ASSOCIATION PHILOSOPHY OF LAW

Journal is registered by Federal Service for Supervision in the Sphere
of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor)
Certificate of printed publication registration No. ФС 77 – 40505

Journal is accredited in Russian Science Citation Index (RINTs)

Subscription index according to the catalog of Rospechat Agency – **71080**

An electronic copy of publications available in the holdings of the Presidential Library

World of politics and sociology

2019, Issue 10

Saint-Petersburg
2019

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Сальников В.П., главный редактор журнала «Мир политики и социологии», доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (Санкт-Петербург, Россия)

Бейдина Т.Е., заведующая кафедрой государственного, муниципального управления и политики Забайкальского государственного университета, доктор политических наук, профессор (г. Чита, Россия)

Богатырев Д.К., ректор Российской христианской гуманитарной академии, доктор философских наук, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия)

Бурлай Е.В., руководитель управления правовой экспертизы Конституционного Суда Украины, кандидат юридических наук, старший научный сотрудник, профессор (г. Киев, Украина)

Григорьев В.Н., заведующий кафедрой уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Московского психолого-социального института, доктор юридических наук, профессор (Москва, Россия)

Добовсек Боян, доцент кафедры уголовного правосудия и службы безопасности университета Марибор, Словения, доктор философии (г. Любляна, Словения)

Захарцев С.И., заведующий кафедрой адвокатуры и организации правоохранительной деятельности Российского государственного социального университета, доктор юридических наук, доцент (г. Москва, Россия),

Иванников И.А., профессор кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Южного федерального университета, заведующий кафедрой теории государства и права Ростовского государственного университета путей сообщения, доктор юридических наук, доктор политических наук (г. Ростов, Россия)

Иванов В.А., профессор кафедры новейшей истории Санкт-Петербургского государственного университета, доктор исторических наук, профессор, Заслуженный работник Высшей школы Российской Федерации (Санкт-Петербург, Россия)

Кейси ЛаФранс, доцент кафедры политологии Западного Иллинойского университета, доктор философии (США)

Керимов А.Д., главный редактор «Российского журнала правовых исследований», доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Кузнецов Э.В., заведующий кафедрой теории права и государства Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения, Президент Российской Ассоциации философии и права (Санкт-Петербург), доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, (Санкт-Петербург, Россия)

Курдюк П.М., заместитель Председателя законодательного собрания Краснодарского края, заведующий кафедрой административного и финансового права Кубанского государственного аграрного университета, доктор юридических наук, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, Заслуженный деятель науки Кубани (г. Краснодар, Россия)

Масленников Д.В., профессор кафедры общегуманитарных дисциплин Юридического института (Санкт-Петербург), доктор философских наук, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия)

Родионова А.К., профессор кафедры теории и истории государства и права Читинского института Байкальского государственного университета экономики и права, доктор политических наук (г. Чита, Россия)

Сативалдыев Р.Ш., заведующий кафедрой теории и истории государства и права юридического факультета Таджикского национального университета, доктор юридических наук, профессор (г. Душанбе, Республика Таджикистан)

Тодд Лог, доцент школы правоохранения и управления юстиции Западного Иллинойского университета, Макоб, Иллинойс (США)

Адрес редакции: 198261, Санкт-Петербург, пр. Ветеранов, д. 114, корп. 1, лит. Б.

Ответственность за достоверность сведений в опубликованных статьях несут авторы. Полная или частичная перепечатка материалов и использование их в любой форме, в том числе в электронных СМИ, допускается только с письменного разрешения редакции журнала.

© Мир политики и социологии, 2019

© Фонд содействия науке и образованию в области правоохранительной деятельности «Университет», 2019

EDITORIAL TEAM

Sal'nikov V.P., Editor-in-Chief of the journal "World of politics and sociology", Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (Saint Petersburg, Russia)

Beidina T.E., Head of the Department of State Administration, Municipal Management and Politics of Transbaikal State University, Doctor of Political Science, Professor (Chita, Russia)

Bogatyrev D.K., Rector of the Russian Christian Academy of Humanities, Doctor of Philosophy, Professor (St. Petersburg, Russia)

Burlai E.V., Head of the Legal Expertise Administration at the Constitutional Court of Ukraine, Candidate of Legal Sciences, Senior Researcher, Professor (Kyiv, Ukraine)

Grigoryev V.N., Head of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics of Moscow Psychological and Social Institute, Doctor of Legal Sciences, Professor (Moscow, Russia)

Dobovšek Bojan, Associate Professor of the Department of Criminal Justice and Security of Maribor University, Slovenia, Doctor of Philosophy (Ljubljana, Slovenia)

Zakhartsev S.I., Head of the Department of Advocacy and Law Enforcement Organization of the Russian State Social University, Doctor of Law, Associate Professor (Moscow, Russia)

Ivannikov I.A., Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Faculty of Law of Southern Federal University, Head of the Department of State and Law Theory of Rostov State Transport University, Doctor of Legal Sciences, Doctor of Political Sciences (Rostov-on-Don, Russia)

Ivanov V. A., Professor of the Department of Contemporary History of Saint Petersburg State University, Doctor of Historical Sciences, Professor, Honored Worker of Honorary Figure of Higher Education of the Russian Federation (Saint Petersburg, Russia)

Casey LaFrance, Assistant Professor of the Department of Political Science of Western Illinois University, Doctor of Philosophy (USA)

Kerimov A.D., Editor-in-Chief of Russian Journal of Legal Research, Doctor of Law, Professor (Moscow, Russia)

Kuznetsov E.V., Head of the Department of Law and State Theory of St. Petersburg State University of Airspace Instrumentation, President of Russian Association of Philosophy and Law (Saint Petersburg), Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (Saint Petersburg, Russia)

Kurdyuk P.M., Deputy Chairman of Legislative Assembly of Krasnodar Territory, Head of the Department of Administrative and Financial law of Kuban State Agrarian University, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Honored Worker of Science of Kuban (Krasnodar, Russia)

Maslennikov D.V., Professor of humanities disciplines Law Institute (St. Petersburg), Doctor of Philosophy, Professor (Saint-Petersburg, Russia)

Rodionova A.K., of the Department of Theory and History of State and Law of Chita Institute of Baikal State University of Economics and Law, Doctor of Political Science (Chita, Russia)

Sativaldyev R.Sh., Head of the Department of Theory and History of State and Law of Tajik National University, Doctor of Legal Sciences, Professor (Dushanbe, Republic of Tajikistan)

Todd Lough, Associate Professor of School of Law Enforcement and Justice Administration of Western Illinois University, Macomb, Illinois (USA)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Сальников В.П., председатель редакционного совета журнала «Мир политики и социологии», доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (Санкт-Петербург, Россия)

Александров А.И., член Комитета Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству; член бюро Президиума Ассоциации юристов России; заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации (Москва, Россия)

Дженнифер М. Аллен, координатор в области уголовного правосудия (BSCJ / MSCJ), координатор общего высшего образования, кафедра политологии и уголовного правосудия колледжа и государственного университета Северной Джорджии, доктор философии (США)

Зонров Д.М., председатель комитета Маджлиси Намояндагон Маджлиси Оли (Парламента) Республики Таджикистан по правопорядку, обороне и безопасности, профессор Таджикского национального университета, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный работник Республики Таджикистан (г. Душанбе, Таджикистан)

Исмагилов Р.Ф., депутат Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации первого созыва; вице-губернатор Ленинградской области; Президент и Председатель Совета Ленинградской Торгово-промышленной палаты (1997-2014 гг.), доктор юридических наук, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия)

Козюбра Н.И., заведующий кафедрой общетеоретических и государственно-правовых наук Национального университета «Киево-Могилянская Академия»; судья Конституционного Суда Украины (1996-2003 гг.), доктор юридических наук, профессор, академик, Заслуженный юрист Украины (г. Киев, Украина)

Корольков А.А., заведующий кафедрой философской антропологии и истории философии факультета философии человека Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, доктор философских наук, профессор, академик Российской Академии Образования (РАО) (Санкт-Петербург, Россия)

Майкл Пальмиотто, профессор уголовного правосудия в школе по делам общин, координатор Бакалавриата в программе уголовного правосудия. Учиито, университет штата (США)

Романовская В.Б., заведующая кафедрой теории и истории государства и права Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, доктор юридических наук, профессор (г. Нижний Новгород, Россия)

Ромашов Р.А., профессор кафедры теории права и правоохранительной деятельности Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации (г. Санкт-Петербург, Россия)

Савенков А.Н., директор института государства и права Российской Академии наук; заместитель министра внутренних дел Российской Федерации (2014-2016 гг.); заместитель председателя Комитета Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации по конституционному законодательству, правовым и судебным вопросам, развитию гражданского общества (2009-2013 гг.); заместитель Генерального прокурора Российской Федерации – Главный военный прокурор (2002 – 2006 гг.); первый заместитель Министра юстиции Российской Федерации (2006 – 2008 гг.), доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, Почетный работник прокуратуры Российской Федерации Москва, Россия)

Степашин С.В., сопредседатель Общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России»; председатель наблюдательного совета государственной корпорации – Фонда содействия реформированию жилищно-коммунального хозяйства; народный депутат РСФСР, Председатель Комитета Верховного Совета Российской Федерации по вопросам обороны и безопасности (1990 – 1993 гг.); первый заместитель Министра безопасности, Директор Федеральной службы контрразведки, Директор Федеральной службы безопасности, Министр юстиции, Министр внутренних дел России (1993 – 1998 гг.); Первый заместитель Председателя Правительства Российской Федерации – Министр внутренних дел, Председатель Правительства Российской Федерации (1999 год); депутат Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, председатель Комиссии по борьбе с коррупцией (1999 г.); Председатель Счетной палаты Российской Федерации (2000-2013 гг.), доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, Почетный доктор Дипломатической Академии МИД (Москва, Россия)

Терри Морс, заведующий кафедрой школы правоохранения и управления юстиции, профессор, Западный Иллинойский университет (США)

Шахрай С.М., декан Высшей школы государственного аудита (факультета) Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, народный депутат РСФСР, член Верховных Советов РСФСР и СССР, член Президиума Верховного Совета РСФСР (1990-1992 гг.), Государственный советник РСФСР по правовой политике (1991 г.), член Совета Безопасности Российской Федерации (1992 – 1996 гг.), заместитель Председателя Правительства Российской Федерации, Министр Российской Федерации по делам национальностей и региональной политике (1991 – 1996 гг.), депутат Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации (1993 – 1997 гг.), Полномочный представитель Президента Российской Федерации в Конституционном Суде Российской Федерации (1996 – 1998 гг.), руководитель аппарата Счётной палаты Российской Федерации (2004 – 2013 гг.), доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации (Москва, Россия)

EDITORIAL BOARD

Sal'nikov V.P., Chairman of the editorial team of the journal "World of politics and sociology", Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (Saint Petersburg, Russia)

Aleksandrov A.I., Deputy Chairman of the Committee of The Council of Federation of the Federal Assembly of the Russian Federation for constitutional legislation, legal and judicial issues, development of civil society, Head of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics of St. Petersburg State University, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Jurist of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Jennifer M. Allen, Coordinator of Criminal Justice (BSCJ / MSCJ), Coordinator of General Studies Degree, Department of Political Science & Criminal Justice of North Georgia College & State University, Doctor of Philosophy (USA)

Zoirov D.M., Chairman of the Committee of the Majlisi Namoyandagon Majlisi Oli (Parliament) of the Republic of Tajikistan on the Rule of Law, Defense and Security, Professor of the Tajik National University, Doctor of Law, Professor, Honored Worker of the Republic of Tajikistan (Dushanbe, Tajikistan)

Ismagilov R.F., Member of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation of the first convocation; Vice-Governor of the Leningrad Region; President and Chairman of the Leningrad Chamber of Commerce (1997-2014), Doctor of Legal sciences, Professor (Saint Petersburg, Russia)

Kozyubra N.I., Head of the Department of General-Theoretical and State-Legal sciences of the National University of "Kyiv Mohyla Academy"; judge of the Constitutional Court of Ukraine (1996-2003), Doctor of Legal Sciences, Professor, Academician, Honored Jurist of Ukraine (Kyiv, Ukraine)

Korolkov A.A., Head of the Department of Philosophical Anthropology and History of Philosophy, Faculty of Philosophy of the Russian State Pedagogical University. A.I. Herzen, Doctor of Philosophy, Professor, Academician of the Russian Academy of Education (RAO) (St. Petersburg, Russia)

Michael J. Palmiotto, Professor of Criminal Justice in the School of Community Affairs, Undergraduate Coordinator of the Criminal Justice Program. Wichita, State University (USA)

Romanovskaya V.B., Head of the Department of Theory and History of State and Law of the Lobachevsky Nizhny Novgorod State University (National Research University), Doctor of Legal Sciences, Professor (Nizhny Novgorod, Russia)

Romashov R.A., Professor of the Department of Theory of Law and Law Enforcement of the St. Petersburg Humanitarian University of Trade Unions, Doctor of Law, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation (St. Petersburg, Russia)

Savenkov A.N., Director of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (since 2017); Deputy Minister of Internal Affairs of the Russian Federation (2014-2016); Deputy Chairman of the Committee of The Council of Federation of the Federal Assembly of the Russian Federation for constitutional legislation, legal and judicial issues, development of civil society (2009-2013); Deputy Procurator General of the Russian Federation – Chief Military Procurator (2002 – 2006); First Deputy Minister of Justice of the Russian Federation (2006 – 2008), Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Jurist of the Russian Federation, Honored Worker of Public Prosecutor's Office of the Russian Federation (Moscow, Russia) (Moscow, Russia)

Stepashin S.V., Co-Chairman of the All-Russian public organization "Association of Lawyers of Russia"; Chairman of the supervisory board of the state-owned corporation – Support Fund for the Reform of the Housing and Utilities Sector; People's Deputy of the RSFSR, Chairman of the Committee of the Supreme Soviet of the Russian Federation for the Issues of Defence and Security (1990 – 1993); First Deputy Minister of Security, Director of Federal Counterintelligence Service, Director of Federal Security Service, Minister of Justice, Minister of Internal Affairs of Russia (1993 – 1998); First Deputy Chairman of the Government of the Russian Federation – Minister of Internal Affairs, Chairman of the Government of the Russian Federation (1999); Deputy of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation, Chairman of Anti-Corruption Commission (1999); Chairman of the Accounts Chamber of the Russian Federation (2000-2013), Doctor of Legal Sciences, Candidate of Historical Sciences, Professor, Honorary Doctor of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Terry Mors, Department Head of the School of Law Enforcement and Justice Administration, Professor, Western Illinois University (USA)

Shakhrai S.M., Decree of the Higher School of State Audit (Faculty) of Moscow State University M.V. Lomonosov, People's Deputy of the RSFSR, member of the Supreme Soviet of the RSFSR and USSR, member of the Presidium of the Supreme Soviet of the RSFSR (1990 -1992), RSFSR Counsellor of State on legal policy (1991), member of the Security Council of the Russian Federation (1992 – 1996), Deputy Chairman of the Government of the Russian Federation, Minister of the Russian Federation on Nationalities Matters and Regional Policy (1991 – 1996), Deputy of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation (1993 – 1997), Authorized Representative of RF President in the Constitutional Court of the Russian Federation (1996 – 1998), Head of the apparatus of the Accounts Chamber of the Russian Federation (2004 – 2013), Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Jurist of the Russian Federation (Moscow, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

История политических и правовых учений, учреждений и процессов

<i>От редакции.</i>	О дискуссии, вызванной статьей-презентацией доктора юридических наук, профессора, Заслуженного деятеля науки Российской Федерации В.В. Лазарева «Идеологическое сопровождение современного правосудия»	11
<i>Гутман М.Ю.</i>	Или это хорошо? Или это плохо? Одни скажут – хорошо, а другие – плохо!.....	35
<i>Юрковский А.В.</i>	Объективные и субъективные детерминанты государственной идеологии в формировании и функционировании механизма государственной власти: в рамках дискуссии, вызванной статьей-презентацией В.В. Лазарева «Идеологическое сопровождение современного правосудия»	40
<i>Литвинов Н.Д., Сальников М.В., Кручинин В.Н., Чернявский В.С., Шахов С.В.</i>	Россия как объект криминальной геополитики и гибридных войн Запада	51

История, теория, практика политико-правовых институтов России и зарубежных стран

<i>Богатырёв Д.К., Сальников В.П.</i>	Государство в постконстантиновскую эпоху	79
<i>Ромашов Р.А.</i>	К проблеме типологии государства и типы государств.....	86

Политика. Правовая политика. Политическая жизнь. Политическая и государственная власть. Модернизация политической системы

<i>Брылева Е.А., Сальников М.В.</i>	Благотворительная деятельность общества Красного Креста в годы русско-турецкой войны 1877-1878 гг. (на примере Пермского края)	107
<i>Безрядин В.И., Юренкова А.В.</i>	Разумный срок, как новый принцип уголовного судопроизводства	112

Демократия. Гражданское общество. Правовые аспекты политических процессов

<i>Стародубцев М.П.</i>	Педагогическая культура офицера. Самовоспитание и самообучение. Лекция.....	117
-------------------------	---	-----

Экономические потрясения и социальная экономика. Модернизация экономики. Примирительные процедуры разрешения споров

<i>Булатов Р.Б., Боер В.М., Андрейцо С.Ю.</i>	Представительные органы муниципальных образований в осуществлении власти избирателей	132
---	--	-----

**Социология. Социология и реализация демографических программ.
Политика в области материнства и детства**

<i>Захарцев С.И., Гвай А.М.</i>	Убийство матерью новорожденного ребенка: от древней Руси до современной России.....	143
-------------------------------------	--	-----

**Национальная, государственная, экономическая, финансовая, информационная и военная
безопасность. Внешняя политика, международная безопасность и экономическая интеграция**

<i>Виноградова Е.В., Захарцев С.И., Сальников В.П.</i>	Санкции и реторсии как инструмент международного давления	150
--	---	-----

**Безопасность человека, общества и государства.
Экологическая безопасность и правовые аспекты охраны окружающей среды**

<i>Захарцев С.И., Гаранин А.О.</i>	Исследование подходов к оперативно-розыскному мероприятию и его определение... 158
<i>Завурбеков Ф.З., Смирнова Л.А.</i>	Классический ислам и радикализм: проблемы правовой интерпретации..... 166

**Философия права. Правосознание. Правовая культура. Социология права.
Юридическая психология**

<i>Захарцев С.И., Сальников В.П.</i>	Продолжаем знакомство с компрехендной теорией права.....	173
<i>Зорина Н.В., Исмагилов И.Р., Максимов А.А., Морозов А.И., Хабибулин А.Г.</i>	Интерпретация христианских ценностей и идеи государства в первых рукописях Г.В.Ф. Гегеля.....	184
<i>Сальников М.В., Захарцев С.И., Гаврилова Е.Н.</i>	Проблема обоснования идеи права в философии Нового времени и в трансцендентальном идеализме немецкой классики.....	189

Информация для авторов.....	196
-----------------------------	-----

CONTENTS
History of political and legal doctrines, institutions and processes

<i>From the editors.</i>	About the discussion caused by the article-presentation of the Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation V.V. Lazarev "The ideological support of modern justice"	11
<i>Gutman M. Yu.</i>	Or is it good? Or is it bad? Some will say good, others bad!	35
<i>Yurkovsky A.V.</i>	Objective and subjective determinants of state ideology in the formation and functioning of the mechanism of state power: in the framework of the discussion caused by the article-presentation by V.V. Lazarev «The ideological support of modern justice»	40
<i>Litvinov N.D., Sal'nikov M.V., Kruchinin V.N., Chernyavskiy V.S., Shakhov S.V.</i>	Russia as an object of criminal geopolitics and hybrid wars of the West.....	51

History, theory, practice of political-and-legal institutions of Russia and foreign countries

<i>Bogatyrev D.K., Sal'nikov V.P.</i>	The State in the Post-Constantine Era	79
<i>Romashov R.A.</i>	To the problem of state typology and types of states	86

Politics. Legal policy. Political life. Political and state power. Modernization of the political system

<i>Bryleva E.A., Sal'nikov M.V.</i>	Charitable activities of the Red Cross Society during the Russian-Turkish war of 1877-1878 (on the example of the Perm Territory)	107
<i>Bezryadin V.I., Yurenkova A.V.</i>	Reasonable time as a new principle of criminal proceedings (some problem issues)	112

Democracy. Civil society. Legal aspects of political processes

<i>Starodubtsev M.P.</i>	Pedagogical culture of an officer. Self-education and self-education. Lecture	117
--------------------------	---	-----

Economic perturbations and social economy. Modernization of the economy. Preliminary procedures for dispute resolution

<i>Bulatov R.B., Boer V.M., Andreytso S.Yu.</i>	Representative bodies of municipalities in exercising the power of voters	132
---	---	-----

**Sociology. Sociology and implementation of demographic program.
Policy in the area of motherhood and childhood**

<i>Zakhartsev S.I., Gvay A.M.</i>	Mother's murder of a newborn child: from ancient Russia to modern Russia.....	143
---------------------------------------	---	-----

**National, state, economic, financial, informational and military security.
Foreign policy, international security and economic integration**

<i>Vinogradova E.V., Zakhartsev S.I., Sal'nikov V.P.</i>	Sanctions and retortions as an instrument of international pressure	150
--	---	-----

**Human, society and state security. Environmental security and legal aspects
of environmental protection**

<i>Zakhartsev S.I., Garanin A.O.</i>	Study of approaches to the operational-search activity and its definition.....	158
<i>Zavurbekov F. Z., Smirnova L.A.</i>	Classical Islam and radicalism: the problems of interpretation.....	166

Philosophy of law. Legal consciousness. Legal culture. Sociology of law. Legal psychology

<i>Zakhartsev S.I., Sal'nikov V.P.</i>	We continue our acquaintance with the comprehend theory of law.....	173
<i>Zorina N.V., Ismagilov I.R., Maksimov A.A., Morozov A.I., Khabibulin A.G.</i>	Interpretation of Christian values and the idea of the state in the first manuscripts of G.V.F. Hegel.....	185
<i>Sal'nikov M.V., Zakhartsev S.I., Gavrilova E.N.</i>	The problem of substantiating the idea of law in the philosophy of modern times and in the transcendental idealism of the German classics	189
	Information for the authors.....	196

ИСТОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ И ПРАВОВЫХ УЧЕНИЙ, УЧРЕЖДЕНИЙ И ПРОЦЕССОВ

От редакции.

О ДИСКУССИИ, ВЫЗВАННОЙ СТАТЬЕЙ-ПРЕЗЕНТАЦИЕЙ ДОКТОРА ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОРА, ЗАСЛУЖЕННОГО ДЕЯТЕЛЯ НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В.В. ЛАЗАРЕВА «ИДЕОЛОГИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ СОВРЕМЕННОГО ПРАВОСУДИЯ»

Аннотация. Приводится обзор дискуссии, ведущейся на страницах журнала, вызванной статьей-презентацией доктора юридических наук, профессора, Заслуженного деятеля науки Российской Федерации В.В. Лазарева «Идеологическое сопровождение современного правосудия». Анонсируются предложенные статьи на данную тему.

Ключевые слова: дискуссия; право; идеология; идеологическое сопровождение.

From the editors.

ABOUT THE DISCUSSION CAUSED BY THE ARTICLE-PRESENTATION OF THE DOCTOR OF LAW, PROFESSOR, HONORED SCIENTIST OF THE RUSSIAN FEDERATION V.V. LAZAREV "THE IDEOLOGICAL SUPPORT OF MODERN JUSTICE"

The summary. The review of the discussion conducted on the pages of the journal caused by an article presentation by the doctor of legal sciences, professor, Honored Scientist of the Russian Federation V.V. Lazarev "The ideological support of modern justice." Presented articles on this topic are announced.

Key words: discussion; right; ideology; ideological support.

В четвертом номере нашего журнала за 2019 год была опубликована статья-презентация классика теории государства и права [83], доктора юридических наук, профессора, Заслуженного деятеля науки Российской Федерации, заведующего отделом имплементации решений судебных органов в законодательство Российской Федерации Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, профессора кафедры теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина В.В. Лазарева «Идеологическое сопровождение современного правосудия» [54].

В предисловии к статье мы предложили развернуть дискуссию по тем вопросам, которые поднимает автор. В частности, обратили внимание на такие аспекты проблемы:

- возможна ли в принципе обязательная идеология в государстве, в котором господствует легитимная власть: если возможна – можно ли эту идеологию назвать государственно-правовой?
- является ли идеология правящей партии, имеющей большинство в парламенте, государственной и выступает ли она в качестве обязательной, если воплощена в законе?
- как идеология связана с правосознанием и

правовой культурой субъектов права (физических лиц), в том числе представляющих политическую элиту общества (руководство государства, правящей партии, оппозиционных партий, институтов гражданского общества и т.д.)?

- какие возможны формы государственно-правовой идеологии?
- является ли разрушительным для государственности отрицание правовой идеологии государства?
- всегда ли есть (или должна быть) у государства правовая политика и каково влияние на государственность отрицания правовой политики государства?
- какие взгляды существуют в отечественной и зарубежной науке по поводу государственно-правовой идеологии?
- возможна ли деидеологизация науки?
- где проявляет себя государственно-правовая идеология, какие объекты в нее входят, является ли правосудие ее объектом?
- многообразие характеристик идеологии;
- имеет ли идеология позитивные цели и нужно ли ее вернуть в образование?
- есть ли идеология у государственных учреждений и возможно ли ее наличие в субъектах, формирующих законодательную политику?
- как и где концентрируется государственно-правовая идеология?
- к чему приводит деидеологизация «по-полицейски»?
- правовая идеология в классике, модерне и постмодерне;
- как относиться к идеологии конвергенции и каково ее проявление в национальном и наднациональном правосудии?
- необходимо ли и важно отечественным правоведам критически анализировать западную литературу или надо их идеи принимать безоговорочно?
- как относиться к отечественным классикам Российской Империи и современности?

и др. [66]. Высказали уверенность, что позиция В.В. Лазарева, несомненно, вызовет желание отечественных и зарубежных исследователей высказать свое мнение. Мы опирались на приобретенный в 2017 году опыт журнала «Юридическая наука: история и современность», который во втором номере опубликовал

статью-презентацию В.В. Лазарева «Право и революция» [56] и развернул по ней соответствующую дискуссию. Дискуссия продолжалась весь 2017 год [4; 6; 8; 10; 20; 22; 46; 49; 50; 60; 63; 65; 68; 69; 71; 72; 95; 101; 103] и захватила и часть 2018 года [47]. Как нам известно, и в 2019 году в редакцию продолжают поступать статьи в рамках дискуссии.

Дискуссию по проблемам идеологического сопровождения современного правосудия мы начали статьей заведующего кафедрой экономических и финансовых расследований Высшей школы государственного аудита (факультета) Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, профессора кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, доктора юридических наук, профессора, Заслуженного юриста Республики Башкортостан А.Г. Хабибулина.

А.Г. Хабибулин предложил к идеологии подойти как к основополагающему фактору общественного развития [92]. Он формулирует мысль о том, что именно идеологический фактор находится в основе социального развития. По его мнению, как раз идеология обуславливает наличие приоритетов, первостепенных целей и задач. Идеологическое начало обеспечивает реализацию любой стратегии. Эффективность же управленческой деятельности государства напрямую зависит от идеологии.

Профессор А.Г. Хабибулин подчеркивает особую значимость идеологического обеспечения общественно-государственной деятельности в современной России с учетом имеющейся у нас системы базовых идеологических ценностей.

Автор особо обращает внимание на то обстоятельство, что социальная природа государства предполагает выражение интересов не элиты, каких-то отдельных личностей, а всего населения, и поддержку тех ценностей, которые направлены на благо всего общества. Государственная деятельность должна обеспечивать реализацию общественных интересов.

Обращая внимание на различные функции государственной идеологии, исследователь выделяет значимость консолидирующей функции, направленной на обеспечение политической целостности, единства общества.

«С помощью данной функции, — пишет он, — политическая идеология сглаживает

возникающие противоречия между различными социальными группами, создает единую направленность понимания различных представлений о дальнейшем социально-экономическом и политико-правовом развитии общества».

Именно благодаря своим возможностям, государство, по мнению А.Г. Хабибулина, «формирует ценности, адекватные потребностям общества», а на их основе «создает политическую идеологию, отвечающую общественным запросам». Вместе с тем автор специально отмечает, что указанная идеология «не означает отрицание инакомыслия и многообразия идеологических представлений или создание унифицированной ценностной модели». Важность сохранения государственной и общественной идентичности и целостности обуславливает необходимость формирования объединяющей системы взглядов.

По мнению ученого, деятельность государства по формированию политической идеологии не противоречит статье 13 Конституции Российской Федерации. В задачи государства входит обеспечение безопасности своих граждан, сохранение целостности общества. Успешное решение указанных задач напрямую и во многом зависит именно от идеологии государства. В то же время современное государство не уничтожает духовную сферу жизнедеятельности общества и не подменяет ее лишь собственными идеологемами. Профессор обращает внимание на значимость воззрений всех субъектов духовно-политической сферы современного общества (государства, политических партий, общественных движений, церкви, различных групп политической элиты и т.д.). Вместе с тем указывает на интегрирующую роль государства в установлении ценностей, свойственных всему населению страны.

«Современное демократическое государство, – считает А.Г. Хабибулин, – осуществляя идеологическую деятельность, не устанавливает государственной или иной обязательной идеологии, оно способствует развитию общества посредством поддержания наиболее социально полезной общенаправленной идейной установки».

С этих позиций автор обосновывает необходимость противодействия государственных органов «пропаганде антиобщественных ценностей, направленных на раскол общества, насильственное ли иное неправомерное изменение

конституционного и государственного строя».

Автор обращает внимание на социально-экономический и политико-правовой кризис в современной России, который во многом обусловлен упадком духовной сферы, отсутствием идеологии государства.

В этих условиях деятельность государства по формированию общесоциального идейного начала приобретает особое значение.

Необходимы значимые «шаги по созданию идейной основы для сплочения всего населения» страны «и мобилизации всех ресурсов российского общества», что очень важно для обеспечения стратегии общегосударственного его развития и обеспечения национальной безопасности.

А.Г. Хабибулин уверен в том, что развитие политической идеологии главным образом определяет государство. Отсюда он приходит к выводу: государственная идеология выступает основополагающей по отношению к политической. Объектом ее воздействия является все общество, а политическая идеология воспринимается лишь заинтересованной частью населения.

Исследователь анализирует различие политической и государственной идеологии, указывая на инструментальную составляющую. «Государство, – констатирует А.Г. Хабибулин, – обладает несравненно большим арсеналом воздействия на общество, соответственно интенсивность и эффективность воздействия государственной идеологии на общественные отношения значительно выше политической».

В то же время ученый обращает внимание на застойный характер (свойство) идеологии государства: она стремится «к самосохранению, затвердевает, останавливается в развитии. Освященная авторитетом общества и государства, – *размышляет теоретик права*, – идеология превращается в автономную силу, автоматически мобилизующую на свою защиту все находящиеся в распоряжении политической системы средства».

А.Г. Хабибулин подчеркивает воспитательное значение идеологии для общества. Именно она позволяет создать систему ценностей, и тем самым значимость правового воспитания, а мы бы сказали – формирования правовой культуры общества и личности [74; 75; 80].

Автор подчеркивает то обстоятельство, что система правового воспитания базируется на

идеологическом фундаменте. Именно идеология «выступает средством реализации правовых целей, правовой политики, она позволяет обеспечить реальное единство ценностных ориентаций индивида и права». Он формулирует вывод о ценностных ориентациях, пропагандирующих морально-этические доминанты, «представления о путях и конечных целях развития общества и государства», которые постепенно трансформируются «в правовые нормы, установленные и охраняемые государством».

А.Г. Хабибулин подчеркивает важность именно государственного регулирования в интересах «принципиально новой модели взаимодействия между государством и обществом», обеспечивает значимость правовой культуры в этом процессе и говорит о невозможности эффективного управления в условиях «усложнения социальных связей и внедрения информационных технологий», без непосредственного активного участия общества.

Участник дискуссии обозначает роль средств массовой информации в проведении идеологии в общественную жизнь [2; 7; 45; 104], обращает внимание на появление новых информационно-телекоммуникационных технологий (система Интернет), говорит об опасности отсутствия «отсутствие ценностно-ориентационной системы координат развития общества и государства», которое приводит «появлению в духовно-нравственной сфере общественной жизни негативных факторов (нигилизм, национализм, экстремизм и иные)». Об этом же он указывает и в других своих публикациях [93; 96; 97], как в общем-то и некоторые другие авторы [3; 82; 99].

Завершая обозначенную часть своих размышлений, профессор А.Г. Хабибулин приходит к обоснованному выводу о том, что «отсутствие идеологического начала в деятельности государства угрожает национальной безопасности страны». Он последователен в данном своем выводе, ибо известен редакции по прежним своим работам [86; 93].

Завершает А.Г. Хабибулин свои рассуждения выводом об идеологической регуляции как фундаментальном элементе общественного развития. Именно благодаря идеологии практически реализуются политико-правовые цели и обеспечивается единство ценностных ориентаций индивида и права. Морально-этические детерминанты о путях и конечных целях развития общества и

государства, по мнению ученого, благодаря идеологии преобразовываются в правовые установления государства. А если учитывать синкретизм современной правовой культуры, добавим от себя – и комплексно воздействуют на сознание и поведение людей [26; 27; 28].

В этом же номере журнала дискуссию продолжает доцент из Санкт-Петербургского государственного архитектурно-строительного университета **С.Ф. Мазурин** [61]. С.Ф. Мазурин рассмотрел проблемные вопросы именно идеологического обеспечения нашего современного российского общества. Идеологическое обеспечение он связал с необходимостью совершенствования самосознания российского народа, его духовным и нравственным воспитанием. В то же время определил «рамки» допустимой и необходимой государственной идеологии, полагая, что идеология должна быть основана на принципиальных положениях Нового завета.

У него нет сомнений в необходимости, важности и значимости государственной идеологии. «Отсутствие у государства единой общепризнанной воспитательной идеологии», по его мнению, основанной на исторических добродетелях: любви к ближнему, милосердию, справедливости, сострадании, уважении «неизменно будут порождать внутренние социальные конфликты. По мнению автора, указанные (и иные) исторические добродетели присущи всем традиционным религиозным конфессиям.

По разумению исследователя, именно генетический «менталитет русского народа, его духовные и нравственные идеи, выраженные в единой православной идеологии» объединили «разрозненные, нередко враждующие между собой княжества в единое российское государство, спасающее его не только русских, но и многие другие народы от их полного уничтожения».

С.Ф. Мазурин уверен в том, что «именно эта, православная идеология, на протяжении всего исторического развития российской государственности, позволяла и позволяет до настоящего времени оставаться нашему государству тем, чем оно является в современном мире и чего боятся все наши внешние противники, не понимающие силы духа русского народа». Он сожалеет о том, что порой и некоторые представители российской политической элиты не всегда уверены в духовной силе своего народа,

обосновывая приоритет государства не в ней (духовности), а лишь в исключительной значимости экономического потенциала и развитии бизнеса. Напоминаем об исторической судьбе тех богатых и могущественных в экономическом плане государств, не имевших единой, справедливой для всех социальных слоев общества идеологии, которые «рассыпались как карточные домики».

Предлагая экономическое благополучие в государстве, С.Ф. Мазурин приоритет отдает духовности народа. По его мнению, «государственная деидеологизация» способствовала и будет способствовать в дальнейшем «устойчивому уровню коррупции не только в системе государственного управления, но и в судебной практике. Ужесточение системы юридической ответственности и наказания «без формирования в социальной среде общества, и прежде всего в аппарате государственного управления среди государственных чиновников и судебного персонала духовного и нравственного менталитета, никаких положительных результатов не принесет».

Он обращается к Святому Евангелию, к Новому завету, обосновывая свою позицию, и формулирует вывод: «Чем скорее политическая элита государства и российское научное сообщество осознает тот факт, что единая государственная идеология, носящая воспитательный характер, направленный на формирование духовности и нравственности в социальной среде общества на основе христианских добродетелей, является необходимым условием совершенствования общественного самосознания, тем скорее в России будет происходить повышения качества жизни российского народа, тем меньше будет происходить социальных конфликтов и коррупционных проявлений, тем быстрее будет развиваться экономика государства, укрепляться его национальная безопасность».

Вероятнее всего, воодушевленный необычной формой подачи материала в статье-презентации В.В. Лазарева, предложившей дискуссию, С.Ф. Мазурин завершает размышления строками собственного стихотворения «Смысл жизни».

Продолжили дискуссию в номере 7 журнала доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации из Самары и Тольятти Наталья Алексеевна Боброва и доктор юридических наук, доцент из Воронежа Николай

Дмитриевич Литвинов.

Н.А. Боброва, широко известный исследователь в области конституционного права [11; 12; 15; 16; 17] и теории государства и права, своими «острыми» публикациями и выступлениями, имеющая богатый опыт региональной правотворческой деятельности как депутат многих созывов Самарской губернской думы. В статье «Государство без идеологии – это нонсенс» [13] она доказывает, что деидеологизация есть вид идеологии победившего либерализма, который действительно не нуждается в текстуальном закреплении. Лозунг деидеологизации сам имеет идеологическую природу, позволяя морально разоружать общество в период кардинальной смены прежних ценностей, делая его бессильным в борьбе против вульгарных рыночных ценностей, насаждаемых под видом общечеловеческих ценностей. Деидеологизация есть идеология хаоса и лицемерия, где всегда побеждают капитал. Критикующие часть 2 ст.13 Конституции РФ вовсе не выступают за то, чтобы записать в Конституции какую-то идеологию, в чем их обвиняют оппоненты. Эта статья просто должна быть исключена из текста Конституции как не соответствующая действительности и антинаучная.

По мнению Н.А. Бобровой, закрепленный в статье Конституции Российской Федерации идеологический плюрализм в предложенных категорических формулировках «не только не прекратили, но и активизировали дискуссию ученых по вопросам идеологии». Она поддерживает позицию тех исследователей, которые пришли к выводу о том, что «государственно-правовую идеологию мы подвергли остракизму, а взамен ничего не дали», и соглашается с многими выводами, сделанными профессором В.В. Лазаревым в статье-презентации «Идеологическое сопровождение современного правосудия», указывая буквально следующее: «Его рассуждения о государственной идеологии выверены, как гвозди, забитые по самую шляпку, и его размышления о судебной власти тоже чрезвычайно любопытны, поскольку он имел возможность изучать законодательный и конституционный процесс изнутри». Наталья Алексеевна напоминает читателю, что Валерий Васильевич занимал должность полномочного представителя Государственной Думы в Конституционном Суде Российской Федерации.

Профессор Н.А. Боброва ставит вопрос и

приглашает читателя к рассуждению: Академик Лихачёв как зеркало русской контрреволюции, или О том, есть ли особая миссия у России?

Приведя предложенную В.В. Лазаревым цитату Д.С. Лихачева: «Никакой особой миссии у России не было и нет! Не надо искать никакую национальную идею для России – это мираж. Жизнь с национальной идеей неизбежно приведёт сначала к ограничениям. А потом возникнет нетерпимость к другой расе, к другому народу и религии. Нетерпимость же обязательно приведёт к террору. Нельзя добиваться возвращения России к какой-либо единой идеологии, потому что единая идеология рано или поздно приведёт Россию к фашизму», она, сославшись на статью В.И. Ленина «Лев Толстой как зеркало русской революции», считает возможным именовать Д.С. Лихачева «зеркалом русской контрреволюции».

Автор ссылается на мнение о Лихачеве писателя Ю.М. Полякова, отношение к нему Раисы Горбачевой, М.С. Горбачева и Б.Н. Ельцина, тесную связь Фонда Д.С. Лихачева через программу «Открытый мир» с сенатом США, напоминает о том, что академик в 90-е годы был доверенным лицом С.М. Миронова, ныне председателя партии «Справедливая Россия» в Государственной Думе РФ, на выборах в Санкт-Петербургское законодательное собрание.

Н.А. Боброва отсылает читателя еще к одной интересной цитате Д.С. Лихачева, которую приводит в своей недавней статье С.М. Миронов «Канун выборов в Мосгордуму и выборов(довыборов) в нескольких регионах России». Эта цитата о совести не только как ангела-хранителя человеческой чести, но и духовной свободы. Наталья Алексеевна предлагает интересную интерпретацию цитаты с учетом использования ее С.М. Мироновым и приходит к выводу об исключительной остроте и даже судьбоносности идеологических споров.

Профессор Н.А. Боброва, далее, в основном анализируя научное творчество профессора С.М. Шахрая как одного из авторов действующей Конституции, ставит на обсуждение проблему: Не нужно записывать в конституции идеологию, но не нужен и запрет на государственную идеологию.

Она заявляет: «Нет, мы вовсе не собираемся устанавливать (записывать) какую-либо идеологию в Конституции, но мы за то, чтобы ч.2

ст.13 исключить из текста Конституции РФ, поскольку отрицать государственную идеологию – это столь же абсурдно, как отрицать государственную политику. Государство без идеологии невозможно, как человек без мыслей. Более того, государственная идеология всегда существует, ельцинская ли, путинская ли».

Достаточно тщательно анализирует идеологические постулаты, на которых основывалась политика Б.Н. Ельцина:

- свобода рынка;
- частная собственность на землю и природные ресурсы.

Уточняет, что эти два краеугольных принципа вошли в текст Конституции.

- уничтожение принципа верховенства союзной конституции и законодательства СССР, что было началом уничтожения Советского Союза;
- провозглашение дальнейшей безудержной суверенизации, что поставило на грань геополитической катастрофы уже саму Россию;
- ликвидация советской символики, в т.ч. советского герба, гимна, красного флага;
- отождествление коммунизма с фашизмом.
- высмеивание патриотизма и предательство национальных интересов

Констатирует далее: «Причем все эти идеологические гадости настолько заполонили информационное пространство под лозунгом «деидеологизации» (термин горбачёвско-ельцинского периода), что люди, не участвовавшие в разграблении страны по принципу «Куй бабло, пока Горбачёв!», оказались в состоянии идеологического ступора, анабиоза».

Приводит характерную цитату из творчества русского актёра, режиссёра и поэта (автора знаменитой стихотворной сказки «Про Федота-стрельца») Леонида Филатова, который в свое время прямо заявил: «нынешние идеологические законодатели вколачивают в мозги людей свои мысли ещё более активно, чем это делали коммунисты»

Профессор Н.А. Боброва предлагает и свое видение государственной идеологии эпохи Путина:

- восстановление принципа верховенства российского законодательства и приведение в соответствие с ним регионального законодательства;

- административная реформа, явившаяся псевдонимом выстраивания вертикали власти;
- прямое общение Президента с народом;
- режим «ручного управления»;
- возвращение красного знамени Победы и гимна на музыку Александрова;
- реабилитация патриотизма;
- реабилитация советских достижений;
- «обида за державу»;
- мощная обороноспособность страны;
- исправление перекосов в изучении отечественной истории;
- возрождение чувства национальной гордости.

По мнению Наталья Алексеевны, «Государственная идеология озвучивается в ежегодных посланиях Президента Федеральному Собранию, в государственных Программах, Национальных проектах, во всех публичных речах лиц, замещающих государственные должности России, и т.д.». Она приходит к выводу о необходимости исключения из Конституции Российской Федерации ч. 2 ст. 13, как содержащей «абсурдную и аномальную норму», но в то же время подчеркивает отсутствие необходимости фиксации в тексте Основного закона какой-то обязательной государственной идеологии, так как «этой идеологией и является сама Конституция, система закреплённых в ней идей, норм-принципов, целей и задач».

Профессор Н.А. Боброва специально останавливается на вопросе: О соотношении программного и реального элементов в тексте конституции как идеологической проблеме. По ее мнению, «Победители закрепили свою либеральную победу в Основном законе, причем именем народа. Поэтому красивые фразы о правах человека были лишь демократическим декором, «смазкой» для лучшего проталкивания «тройного коня» через доверчивое сознание уже обманутого и обобранного приватизацией народа». В статье приводятся конкретные примеры нашего сегодняшнего законотворчества, явно не соответствующие закреплённым в Конституции ценностям. Автор, подчеркивая значимость положений Конституции и закреплённых ею ценностей, в то же время вновь обращает внимание на бесспорное положение о том, что «принципы первой главы – это не констатация достигнутого, а целевые установки, нормы-цели, нормы-задачи,

существование которых никто из конституционалистов не отрицает».

Интересный подход демонстрирует исследователь к проблеме: Приоритет международного права как идеологическая проблема, кто нам навязал этот принцип и как он ещё отзовется? Здесь профессор Н.А. Боброва привлекает публикации профессоров В.Д. Зорькина, С.М. Шахрая, аргументы, используемые в свое время Б.Н. Ельциным, оценивает ситуацию о всеобщем высоком мнении международных экспертов по поводу нашей Конституции. При этом замечает, что эксперты-то в первую очередь были из США. «Странно, – пишет Н.А. Боброва, – когда конституция суверенного государства проходит «экспертизу» зарубежных «экспертов». Ни одно суверенное государство не будет хвалиться тем, что его конституция прошла экспертизу за рубежом».

В нашей Конституции «чужое право оказалось выше национального».

Наталья Алексеевна констатирует, что «общепризнанные» принципы и нормы, на которые указывает п.4. ст. 15 Конституции РФ, признаны в первую очередь в США и Европейской союзе. Она приводит подписанную Россией как членом G-8 в 2000 году Окинавскую хартию глобального информационного общества. В соответствии с указанной хартией мы обязались «строить общество, цели и предпочтения членов которого формируются на основе информации, циркулирующей в глобальной сети Интернет. Россия должна была обеспечить как создание национального сегмента Интернета и доступа к нему своих граждан, так и пожизненное обучение их навыкам использования Интернета». Итог этой деятельности хорошо известен.

В дискуссии приводится позиция академика РАН Владимира Петелина об очень опасной интернет-зависимости детей и целого поколения, для которого «общепризнанными в мире авторитетами являются Facebook и Google». О существенной опасности массовых коммуникаций для физического и психического здоровья не только детей, но и взрослых, все чаще пишут российские ученые [31; 32; 73; 94].

Кроме того, профессор Н.А. Боброва обращает внимание и на то обстоятельство, что в соответствии с Женевской конвенцией по открытому информационному обществу Россия обязана закупать необходимые технологии у

США. «Следование «общепризнанным нормам и принципам», – пишет она, – сформировало у нас «экономику услуг», в основе которой не производство промышленной продукции, а продажа и обслуживание чужих технологических «изделий». Внедрённая в России модель информационного общества призвана обрабатывать информацию, но не производить технические средства, которые для этого необходимы. В результате российская система образования для такой экономики должна готовить пользователей чужих технологий, но не их создателей: российские «лохи» должны знать свой шесток. Сказано – не суйся в разработчики новейших информационных технологий, а готовься платить за их покупку и использование. Выходит, страны, подписавшие эти договоры, будут платить держателям технологий и «замораживать» своих Биллов Гейтсов. Международные договоры стоят выше национальных интересов».

Здесь хочется вспомнить историю защиты одной кандидатской диссертации, выполненной аспирантом Абдуллаевым Магомедом Имрановичем в далеком 1992 году (еще до принятия Конституции) под руководством профессора Л.С. Явича на кафедре теории и истории государства и права ЛГУ им. А.А. Жданова, которую возглавлял в то время профессор А.И. Королев. Интересна она в первую очередь тем, что это была первая диссертация в России, обосновывающая примат международного права над отечественным законодательством. Предложена она была первоначально по двум научным специальностям: 12.00.01 (Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве) и 12.00.10 (Международное право).

Еще до выхода на защиту данной диссертации развернулась острая дискуссия. Профессорский корпус кафедры «Международное право», возглавляемый профессором С.А. Малининым, категорически возразил отнесению проблемы к предмету специальности 12.00.10 и потребовал снять с диссертации указание об отнесении ее к двум специальностям. Эту позицию поддержал и профессор А.И. Королев. Диссертация была защищена по специальности 12.00.01 [1], а нынешний главный редактор журнала «Мир политики и социологии» выступил по ней официальным оппонентом.

Еще тогда, в 1992 году многие участники

дискуссии по диссертации не могли понять, почему профессора-международники всей кафедрой и заведующий кафедрой теории и истории государства и права профессор А.И. Королев высказались против внесения ее в проблематику предмета международного права. Возможно, они были прозорливее многих теоретиков права и лучше понимали, к чему приведет примат международного права над внутригосударственным.

Профессор Н.А. Боброва поднимает также проблему: Соотношение идеологии и методологии, идеологии и образования. Она соглашается с профессором В.В. Лазаревым, когда он с горечью замечает: «Мы постоянно проигрываем, разоружаясь идеологически. Мы перестали критически анализировать западную правовую идеологию». И приходит к заключению о невозможности отмены государственной идеологии еще и потому, что вопрос об идеологии неизбежно связан с проблемой методологии.

Констатируя фактическое превалирование в нашей стране рационалистического подхода к оценке всех общественных явлений после 1985 года, автор заключает, что закономерным венцом этой ситуации стала рецепция так называемых «общечеловеческих ценностей». Она-то (рецепция) и вытеснила классовый подход. Далее формулируется сомнение: «ещё неизвестно, когда наука была идеологически более «неприимчивой»: в последнее десятилетие советской цивилизации или потом». После чего делается вывод: «от классовой «стерильности» наука не выигрывает, а проигрывает».

Продолжая дискуссию, исследователь останавливается на проблеме демократии и формулирует тезис: «демократия из идеологического оружия защиты интересов народа (то есть большинства населения) превратилась в идейное знамя защиты интересов меньшинства». Приводятся примеры деятельности ТВ-каналов, насыщенной программами пропаганды повседневной беззаботной жизни «светских львиц» и «хозяев жизни», тем самым насаждению чуждых большинству населения России западных ценностей, превращения его в общество потребителей [30; 40; 76; 77; 81]. Осмеиваются простые российские граждане, занимающиеся физическим трудом и имеющие скромные материальные доходы, выставляются напоказ в качестве положительных примеров неработающие содержанки, живущие на средства богатых «папиков» и тратящие на

шопинг миллионы, неуважительно относящиеся и демонстрирующие это в медиапространстве к истинным людям труда. Н.А. Боброва еще раз подчеркивает упадок моральной планки в обществе, в том числе и в СМИ, приходит к заключению: «началась вся нынешняя идеологическая действительность, где процветают олигархи и их содержанки и «нищобродствует» большинство, с развенчания «советского мифа» и появления слова «совок», брезгливо высмеивающего всё советское».

Ученый предлагает интересное понимание демократии как острейшей идеологической проблемы. Приводит следующие слова В.В. Путина: «В 90-е годы под флагом воцарения демократии мы получили не современное государство, а подковёрную борьбу кланов и множество полуфеодалных кормлений. Не новое качество жизни, а огромные социальные издержки. Не справедливое и свободное общество, а произвол самоназначенных «элит», откровенно пренебрегавших интересами простых людей». Оспаривает необходимость установки четырех памятников Егору Гайдару, говорит о проведении экономических форумов его имени как торжестве либеральной идеологии. В то же время сожалеет, что в стране нет денег на памятники русским патриотам Валентину Распутину, Виктору Астафьеву, Василию Белову, Дмитрию Шостаковичу, на оказание необходимой материальной помощи больным детям, нуждающимся в дорогих медицинских операциях. Предлагает всегда помнить: «то, что полезно России, достойно быть частью общечеловеческих ценностей».

Завершая статью, Наталья Алексеевна предлагает выводы:

- 1) вопрос о государственной идеологии является частью государственной политики;
- 2) не может быть государства без идеологии, как не может быть государства без политики и человека без мыслей;
- 3) государство без идеологии – это нонсенс и абсурд;
- 4) политика «деидеологизации государства» была лишь видом государственной идеологии, позволявшей расправиться с ценностями советского государства;
- 5) конституционный запрет на государственную идеологию не означает, что с момента появления этого запрета у российского государства не было идеологии;

- 6) идеология в России имеет персонафицированный характер (ельцинский, путинский);
- 7) часть вторую ст.13 Конституции РФ следует исключить из текста российской Конституции;
- 8) исключение этого запрета не означает, что нужно записать в конституцию какую-то новую идеологию;
- 9) все принципы конституции являются руководящими идеями, т.е. имеют ярко выраженный идеологический характер, так что система этих идей и есть государственная идеология;
- 10) внутри системы этих идей есть определённые противоречия, обусловленные определёнными причинами и отражающиеся на политике государства и правоприменительной практике.

В этом же номере журнала предлагается статья доктора юридических наук, доцента, руководителя Экспертного центра «Национальной безопасности» из Воронежа **Н.Д. Литвинова** «Конституция Российской Федерации 1993 года – полностью ли она соответствует интересам России с позиций проводимой Западом гибридной войны».

Журнал предлагает статью в авторской редакции, в аннотации к ней объяснив причину.

Мы не стремимся оценивать, поддерживать или критиковать предлагаемые в статье положения, обращается внимание в аннотации. Познакомившись с материалом, читатель поймет, почему именно такую позицию занял журнал. При всем максимализме предложенного автором подхода к оценке действующего вот уже более 25 лет Основного закона России, считаем возможным, а может быть и необходимым, представить на обозрение позицию ученого.

В крайние месяцы появилось достаточно много публикаций, связанных с дальнейшей судьбой нашей Конституции. Как известно, в нее уже включаются «точечные изменения» и необходимость их внесения продолжает, считает спикер Государственной Думы РФ, доктор юридических наук, профессор В.В. Володин, оставаться актуальной [25].

Сенатор и известный представитель российской политической элиты, доктор юридических наук, профессор А.И. Александров, обсуждая проблему государственной идеологии, полагает

ее (идеологию) необходимым направлением государственной деятельности, а эта позиция вызывает определенные вопросы по поводу конституционного запрета данной идеологии [87].

О необходимости совершенствования Конституции пишут профессора Н.А. Боброва, Н.Д. Бондарь, А.Г. Хабибулин, Б.С. Эбзеев и многие другие. Достаточно часто на это обращает внимание и Председатель Конституционного Суда Российской Федерации профессор В.Д. Зорькин. Обо всем указанном упоминает в своей статье и Н.Д. Литвинов.

Мы посчитали, что проблема может обсуждаться в рамках проводимой дискуссии, но в отношении каких-то отдельных ее проявлений. Поэтому мы поместили эту статью как бы не в рамках дискуссии, отдельно, но в то же время как дискуссионную. Выражаем уверенность, что Н.Д. Литвинов откликнется и непосредственно относящейся к дискуссии публикацией.

В номере восемь нашего журнала опубликована статья доцента из Перми **Е.А. Брылевой**, которая обращает внимание на необходимость поиска государственно-правовой идеологии, основанной на базовых ценностях российского общества. одной из которых является традиция благотворительности. Она исследует отдельные аспекты благотворительной деятельности в Российской империи в отношении осужденных лиц и выделяет следующие ее (благотворительности) основные черты: безвозмездность, индивидуальность, законность [19].

Автор отмечает рост и активность благотворительных организаций в настоящее время и предлагает продолжить поиск государственно-правовой идеологии при активном участии гражданского общества.

Исследователь подчеркивает правоту позиции инициатора дискуссии профессора В.В. Лазарева о нашем проигрыше, «идеологическом разоружении» и говорит об идеологии конвергенции. Следствием нашего идеологического поражения видит появление в среде подрастающего поколения различных проявлений криминальной субкультуры и полагает в этом подрыв российских национальных интересов.

Сделав однозначный вывод о необходимости государственно-правовой идеологии, которая должны базироваться на традиционных российских ценностях, таких как государство, православию, семья, образование, культура, наука,

благотворительность, не исключая и региональный (почвеннический) аспект, Е.А. Брылева ведет речь о влиянии на ее формирование институтов гражданского общества. При этом она апеллирует к позиции в том числе и западных исследователей Ю. Хабермаса, Джинно Л. Коэна и Эндрю Арато, Марка Уоррена, не забывает и классиков теории права Российской империи, в частности, приводит взгляды Г.Ф. Шершеневича.

В статье говорится об основных формах выражения общественного мнения, в том числе и через информационные средства коммуникации. Обращается внимание на облик современного гражданского общества в России, который, по мнению автора, соединяет в себе признаки традиционализма и западных институтов, базирование на сохранении государственного патернализма по отношению к гражданскому обществу. Здесь сочетаются традиции восточной и западной моделей, но имеются и свои собственные особенности, обусловленные отечественными национальными традициями. Среди них Е.А. Брылева выделяет благотворительность.

Она приводит примеры благотворительной деятельности в городе Перми, говорит о двухкомпонентной составляющей благотворительности: «добро» и «благо», всегда присущих русскому человеку, напоминает о благотворительности, распространенной среди русского купечества в период Российской империи, подчеркивает показательность царской фамилии в этом благородном деле. При этом особо выделяет деятельность обществ патроната, останавливаясь на концептуальных идеях их функционирования. Специально акцентирует внимание на том, что государство всячески поощряло деятельность обществ патроната, предоставляя им государственные заказы, награждая медалями и орденами, вручая различные знаки отличия. Существовала практика введения знаков отличия для лиц, занимающихся филантропией. «Постепенно, – указывает Е.А. Брылева, – развилась целая индустрия изготовления знаков благотворительных обществ и учреждений: это были золотые с бриллиантами и без, серебряные, позолоченные или латунные, бронзовые значки, жетоны, кулоны, медальоны, брелки с особой символикой, сочетанием цветов, различными способами ношения»

Интересны были и условия награждения знаками благотворительных обществ. Эти условия, как и сами знаки, устанавливались

специальными уставами и правилами, чаще всего утвержденными императором. Существовали благотворительные общества, находящиеся под покровительством царской семьи (например, Имперского Человеколюбивого Общества). Меценаты награждались знаками благотворительных обществ, а также орденами и медалями.

Приводится информация о награждении за благотворительную деятельность только в 1868-1869 гг. 26 меценатов, орденами и медалями, такими как Св. Анны, Св. Станислава и Св. Владимира, с ношением на ленте.

Активная поддержка благотворительной деятельности, всемерное ее поощрение и развитие со стороны Российского государства и императорской семьи Е.А. Брылева считает проявлением государственно-правовой идеологии в Российской империи в качестве мягкой силы, обеспечивающей стабильность общества и поддержку его гражданских институтов.

Государственно-правовая идеология проявляется не в том, чтобы об этом постоянно вещать в СМИ и Интернете, а в проведении государственной политики, направленной на благополучие, безопасность, доброту, высокую нравственность и справедливость в жизнедеятельности российских граждан и чиновников, обеспечение такой ситуации в нашем обществе, когда государство способно обеспечить признание, соблюдение и защиту прав и свобод человека и гражданина, самого человека как высшей социальной ценности (ст. 2 Конституции РФ).

Завершая свои размышления, Е.А. Брылева приводит данные о многочисленных благотворительных фондах и организациях современной России, в том числе и тех, которые патронируют осужденных. Важно, чтобы их практическая деятельность отвечала высоким требованиям «добра» и «блага», а это уже задача и обязанность государственно-правовой идеологии.

Дискуссию продолжил доцент из МГУ им. М.В. Ломоносова **К.Р. Мурсалимов** [64]. Ссылаясь на ст. 13 Конституции РФ, он утверждает, что в данной норме заложены фундаментальные ценности, исключаящие монистическое восприятие социального общения и предполагающие политический плюрализм функционирования политической системы.

В то же время исследователь констатирует, что прогресс государства, а следовательно, и права [33; 35; 36; 37; 38; 39], возможен лишь благодаря

ценностно ориентированной позиции, сформулированной в конкретной идейной программе, реализуемой публичной властью.

Он иллюстрирует свою позицию, ссылаясь на концепции, доктрины, стратегии, исходящие от Президента России (Стратегия национальной безопасности, Концепция долгосрочного социально-экономического развития, Военная доктрина, Концепция внешней политики, Морская доктрина, Стратегия развития Арктической зоны и т.д.). Говорит о том, что Правительство Российской Федерации также формулирует определенный идеологический курс общественно-политического развития страны путем издания концептуальных нормативно-правовых актов и, в связи с этим, анализирует Стратегию пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года.

К.Р. Мурсалимов обращает внимание на такое отправное идеологическое начало в правообразующей сфере нашего Отечества, как реализация мер по законодательному обеспечению принципа равноправия субъектов РФ, в соответствии с заложенной в Конституции моделью федеративного устройства. В то же время подчеркивает возможность изменения конституционной модели. Отсюда предложения о необходимости размышлений по дальнейшему совершенствованию не только федеральных отношений, но и самого федерального устройства нашего государства.

Он обращает внимание на ч. 2 ст. 85 Конституции РФ, фиксирующую право Президента приостанавливать действие актов органов исполнительной власти субъектов федерации в случае противоречия их Конституции и федеральным законам, российским международным обязательствам и нарушающих права и свободы человека и гражданина, до решения этого вопроса соответствующим судом.

Указанная мера, по его мнению, позволяет также обеспечивать отправное идеологическое начало, прежде всего «правотворческую деятельность органов исполнительной власти с целью формирования системного правового регулирования, основанного принципах справедливости, защиты прав и свобод человека и гражданина».

От также обосновывает мысль об учете коррупционного фактора при подготовке нормативно-правовых актов, как одного из идеологических начал современного правотворчества.

Тщательно анализирует Методику проведения антикоррупционной экспертизы нормативно-правовых актов и их проектов. Приходит к выводу: «Устранение коррупциогенных факторов в правотворческой деятельности свидетельствует об идеологическом сдвиге в понимании высокой значимости права для обеспечения нормальной жизнедеятельности людей, а также в осознании необходимости доверия к нему как со стороны государства, так и со стороны общества».

В дискуссию, продолжаемую в девятом номере журнала, внедряется ее инициатор, профессор **В.В. Лазарев**. Он ее продолжает с учетом высказываемых в литературе позиций по вопросам принятия возможных поправок к Конституции РФ и отталкивается от статьи сенатора А.И. Александрова «Конституция Российской Федерации и идеология государства – одно и то же» [3].

При этом ученый сразу предупреждает, что не обращается к анализу общих вопросов, и видит свою задачу в том, чтобы «во-первых, сказать о связи права и, соответственно, правовой науки с идеологией; во-вторых, оттенить эту связь применительно к конституции; в-третьих, высказать свое отношение к позициям участников дискуссии» (стр. 26).

Отвлекаясь от вопросов понимания права, и в то же время принимая к руководству интегративный подход к нему (например, пропагандируемую журналом компрехендную теорию [34; 55]). Классик теории государства и права говорит о необходимости признания очевидного вывода, сделанного уже давно профессором В.А. Тумановым: «Любое право является выразителем определенных идей и, более того, определенного социального мировоззрения и в этом качестве идеологически воздействует как на общественное сознание в целом, так и на сознание отдельных граждан» [90; 91].

Подчеркивая авторитет В.А. Туманова, хорошо известного и в советской, и в российской юридической науке, В.В. Лазарев с горечью констатирует, что его вывод о значимой идеологической роли Конституции совсем не принимался во внимание при принятии Конституции Российской Федерации в 1993 году. Более того – было продекларировано отстранение идеологии от Конституции. Исследователь заключает: «Это произошло исключительно по причинам политического порядка вопреки научному подходу»

(стр. 26).

В.В. Лазарев тщательно формулирует позицию В.А. Туманова по идеологии первого и высшего порядка, его замечания по определенным типам идеологии, которые способны достаточно далеко отходить от истинной теории, строгой научности и вообще противоречить элементарным принципам человечности, морали, логики (в частности, фашистская идеология). В то же время подчеркивает тезис о том, что это не означает исключения плохого мировоззрения и плохой теории из мировоззрения и теории как таковых. А отсюда необходимость отражения в законодательстве, и в первую очередь в Конституции, научной идеи.

Исследователь полагает, что судьба любой Конституции во многом зависит от решения вопроса, должна ли она фиксировать достигнутое, закреплять сложившиеся отношения или провозглашать некие цели в качестве должных, программных. И опять с сожалением говорит: «Беда советской государственности, начиная с Н.С. Хрущева, в потере лица государства, утрате юридического в переходе на программный партийный метод» (стр. 26), в результате чего идеология превращалась в прожекты, обещания, агитацию и пр. Но этот отрицательный опыт актуализирует соображения участников дискуссии о гарантиях социального государства, предполагает внесение в Конституцию определенных поправок, развенчивающих иллюзорность антинаучной идеологии.

Далее ученый рассуждает об опасности инфляции законодательства, особенно когда речь идет о Конституции. Резюмирует – идеология, воплощенная в регулярных правовых нормах, реально обеспечиваемых всеми средствами государственной поддержки, предотвращает эту инфляцию.

Предотвращение инфляции законодательства должно сопровождаться значимой работой специалистов, способных с помощью средств юридической техники обеспечить решение проблем. Такая возможность предполагает необходимый консенсус научных и политических представителей.

В.В. Лазарев предлагает экскурс в классические работы теоретиков права по вопросам правосознания (И.Е. Фарбер, Г.С. Остроумов, Е.А. Лукашева, Н.И. Матузов, И.Ф. Рябко) и правоприменительную практику 60-70-х годов

прошлого столетия, обращает внимание на актуальность проводимых размышлений и необходимость их дальнейшего развития с учетом критики сугубо нормативистского подхода к праву и признания разных его источников., наблюдая, чем руководствуется суд, принимая решение в нетипичных условиях правоприменения.

Он подчеркивает важность понимания правовой идеологии как единения взглядов, выражаемых государственными и политическими деятелями, отражаемых в публичных выступлениях, программах политических партий и т.д. Правовая идеология всегда носит политический характер, ибо само право есть мера политическая, есть политика. Ее нельзя отождествлять с юридической наукой. Она должна базироваться на достижениях науки, но может и отклоняться от них, преследуя своекорыстные политические интересы. Она в чем-то шире, а в чем-то уже юридической науки. Кроме того, ее питают непосредственные выражения правовых идей лично гражданами и через неполитические коллективы, путем использования возможностей Интернет-ресурсов и СМИ в целом.

Конечно, эти идеи нельзя отождествлять с наукой, но они служат исходным началом для социологического и политического анализа. Это скорее правовая психология, научная же правовая идеология представляет собой сознательно обобщенную и концептуально оформленную совокупность мыслей, идей и понятий, в которой проявляется политическая ориентация субъектов (стр. 28). Отсюда В.В. Лазарев приходит к убеждению о необходимости для науки конституционного права сосредоточить свое внимание и определить в качестве ближайшей цели необходимость формирования положений, составляющих идеологию нашей Конституции. Правовая идеология опосредствует процесс уяснения правовых норм. Споры о соответствии нормативно-правовых актов Конституции будут продолжаться. Необходимость обращаться к основополагающим политическим и теоретическим концепциям остается, как и важность определения поправок к Основному закону.

Далее ученый обосновывает необходимость и важность закрепления в Конституции идей суверенного национального государства, особо значимых для современной России. Он подчеркивает, что традиционно наше Отечество постоянно доказывает свою суверенность, да и

государственные, политические деятели в своих выступлениях не обходят данный вопрос стороной, включая президента. Кроме того, проблемы суверенитета России находят отражение в разнообразных Стратегиях развития и укрепления государства.

Учитывая, вероятно, вышесказанное, В.В. Лазарев обосновывает необходимость внесения в Преамбулу Конституции определенных уточнений, в частности, отражающих основополагающую идеологию России как суверенного государства. Это уточнение, по его мнению, должно содержать следующие слова: «утверждая суверенную государственность России, незыблемость ее идеологической и политической демократической основы».

По мнению автора статьи, «данное уточнение скрасило бы политизированное содержание ст. 13 Конституции, которое основывается на односторонней трактовке понятия идеологии и подвергается все большему сомнению в самых широких кругах. Очевидно, что партии имеют свою идеологию и правящая партия проводит ее в законодательстве, делая тем самым государственной и обязательной».

Дополняя приведенное основание необходимости научного подхода к пониманию ст. 13 Конституции, В.В. Лазарев ссылается на компетентное суждение профессора Н.А. Бобровой, высказанное в ходе дискуссии на страницах нашего журнала: «Критикующие часть 2 ст.13 Конституции РФ вовсе не выступают за то, чтобы записать в Конституции какую-то идеологию, в чем их обвиняют оппоненты. Эта статья просто должна быть исключена из текста Конституции как не соответствующая действительности и антинаучная» [13]. Как известно, «исключить» не представляется возможным по целому ряду причин.

Классик теории государства и права отмечает последовательность, энергичность и увязку рассуждений Н.А. Бобровой, известного конституционалиста-теоретика и практика [11; 14; 17] с остропроблемными вопросами юридической науки и подчеркивает, что многократные попытки формулирования национальной идеи в России пока еще не увенчались успехом. В свою очередь, он предлагает чаадаевскую идею: «Любить Родину с открытыми глазами» [57].

Далее Валерий Васильевич представляет заслуживающий внимания вывод А.А. Васильева,

сделанный в его докторской диссертации: «Изучение консервативной правовой традиции в России, безусловно, служит формированию общей национальной идеи, укорененной в российской истории и духовных традициях» [23]. Современный патриотизм, считает В.В. Лазарев, оправдан в той мере, в какой он покоится на признании отечественных исторических ценностей, на признании правом того, что на Руси именовалось Правдой.

Обратив внимание на публикацию Н.А. Бобровой в нашем журнале, исследователь подчеркивает, что уязвимость нормы, обесценивающей государственную идеологию, обосновывают многие отечественные специалисты, ссылаясь на работу Ю.Б. Власовой, которая считает, что отрицание государственной идеологии в современной России привело к своеобразному отрицанию идеологической функции государства, ценностной дезориентации общества, что отразилось на всех формах общественного сознания, в том числе и на правосознании, а, следовательно, и на правовой идеологии. Так, сложившаяся в настоящее время ситуация отсутствия четких идеологических ориентиров негативно сказывается на действующем праве [24]. Обращает внимание на анализ ситуации на более высоком методологическом уровне со стороны профессора А.Г. Хабибулина, который хорошо известен в общей теории права своими фундаментальными оценками проблем общественно-экономических формаций. Импонирует его подход к идеологии как основополагающему фактору общественного развития [92].

В.В. Лазарев считает, что с А.Г. Хабибулиным вполне можно согласиться с учетом некоторых коррекций. Справедливы его мысли о том, что именно идеологический фактор находится в основе социального развития, идеология обуславливает наличие приоритетов, первостепенных целей и задач, что идеологическое начало обеспечивает реализацию любой стратегии, что эффективность управленческой деятельности государства напрямую зависит от идеологии.

Анализируемая статья А.Г. Хабибулина оценивается как содержательная и во многом инновационная. Обосновывающая многофункциональную роль идеологии. В частности, убедительно показывающая ее (идеологии) консолидирующую функцию, направленную на обеспечение политической целостности, единства

общества. Автор статьи убедителен в своем стремлении демонстрации интегрирующей роли государства в условиях ценностей, свойственных всему населению страны. Он стремится изложить свои позиции в духе статьи 15 Конституции, но все-таки чувствуются его симпатии к критикам конституционной нормы. Более того, предполагает В.В. Лазарев, автор идет дальше при обсуждении проблемы, заявляя, что «отсутствие идеологического начала в деятельности государства угрожает национальной безопасности страны».

В.В. Лазарев высказывает мнение о том, что включение ст. 13 в текст Конституции в 1993 году было связано с интересами предотвращения закрепления какой-либо философской или политической доктрины в качестве обязательной. Сторонников данной позиции пугали материализм и марксизм, а доктрина руководящей и направляющей роли коммунистической партии была общепринятым пугалом. Исследователь подчеркивает наивность и поверхностность этих представлений. Он справедливо говорит: «Мы можем гнать в дверь ту или другую философию, но она войдет в окно – каждой идеологии естественно присуща своя философская основа, свои социально-политические основания, свои корни. Проблема только в том, как государство интегрирует все в привязке к вопросам, составляющим предмет конституционно-правового регулирования».

В.В. Лазарев обращается к позиции С.Ф. Мазурина, определившего «рамки» допустимой и необходимой государственной идеологии, основанной на положениях Нового завета [61], констатирует оживление дискуссии в стране о месте религии в социально-политической сфере. По разумению представителя приводимой позиции, именно генетический «менталитет русского народа, его духовные и нравственные идеи, выраженные в единой православной идеологии», объединили «разрозненные, нередко враждующие между собой княжества в единое российское государство, спасающее не только русских, но и многие другие народы от их полного уничтожения». С.Ф. Мазурин уверен в том, что «именно эта, православная идеология, на протяжении всего исторического развития российской государственности, позволяла и позволяет до настоящего времени оставаться нашему государству тем, чем оно является в современном мире и чего боятся все наши

внешние противники, не понимающие силы духа русского народа».

В.В. Лазарев с грустью замечает: несколько наивно полагать, что все беды в нашей жизни исчезнут с укоренения духовности и нравственности в социальной среде общества на основе христианских добродетелей, но признаем, что позитивный потенциал ее не исчерпан. Возразить можно только в том, что в России она не может закрепляться в качестве единой государственной идеологии.

Ученый считает целесообразным обратить внимание на наиболее значимые в идеологии возможные изменения в Конституцию. Прежде всего он говорит о необходимости тех изменений, которые учитывают идентичность правовых реалий жизненным посылам. Важно, с его точки зрения, хотя бы в общей форме конституционно закрепить в качестве основ динамичного развития то, что увековечено тысячелетней историей, что сохранено памятью предков, переданной нам в качестве идеалов, что диктуется законами преемственности в развитии Отечества. Что естественно для продолжения рода человеческого.

Важно подумать и о вопросах международно-правового характера. Он констатирует, что доктрина и практика в России всегда относились к положениям ст. 15 Конституции как признание верховенства национального Основного Закона над любыми иными нормативными решениями национальных и международных органов. Мы со своей стороны можем добавить уточнение о той теоретической работе, которая особенно активно проводилась в научной литературе отечественными исследователями где-то накануне и с начала второго десятилетия XXI века по обоснованию приоритета в этих вопросах российских конституционных ценностей и выработке соответствующего правового механизма его обеспечения [18; 21; 42; 43; 53; 70; 78; 79; 89; 102].

Подчеркнув, что действующая Конституция РФ не предполагает отказа Российской Федерации от соблюдения международных договоров и выполнения международных обязательств, В.В. Лазарев считает необходимым иметь соответствующее конституционное закрепление механизма при соблюдении требования о российской правовой системе, в которой составной частью выступают международные правовые акты. Выработка такого механизма возможна, по

его мнению, в процессе внесения изменений в Конституцию.

Исследователь обращает внимание на то обстоятельство, что все чаще во время дискуссий обосновывается необходимость поменять идеологию относительно местного самоуправления в системе государственной власти. Включение самоуправленческих форм в систему власти на основе единых принципов с государственными позволит им функционировать более эффективно, в том числе и в контексте обеспечения государственного суверенитета.

В.В. Лазарев выразил также уверенность в том, что материалы дискуссии в наших журналах «будут и впредь популяризировать критику так называемой «деидеологизации», утверждая в отношении идеологии собственно научный подход» (стр. 31), обратил внимание на актуальность данной проблематики и вновь подчеркнул правоту позиции профессора А.И. Александрова, обосновывающего не запрет, а развитие государственной идеологии [5]. Он выразил уверенность, что проводимая дискуссия является очень серьезной основой для размышления об идеологической функции государства.

В номере 9 журнала помещена статья доцента кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского военного ордена Жукова института войск национальной гвардии Российской Федерации, кандидата исторических наук **Г.Н. Крижановской**, в которой рассматривается история введения в научный оборот термина «идеология», предпринимает попытку проанализировать роль и место идеологии в политической системе общества, раскрывает принцип идеологического многообразия, закрепленный в Конституции РФ. Отдельное внимание уделено оценке идеологии и национальной идеи как факторов противостояния вызовам и угрозам. На примере Российской империи обосновывается важность идеологии для сохранения политической системы государства [48].

Автор к функции идеологии, определяемым профессором В.В. Лазаревым (мобилизационная, мировоззренческая, идентификационная, интеграционная, социализации) считает необходимым добавить еще ряд функций, таких как: образовательно-воспитательная, оценочная, футурологическая, пропагандистская, ориентационная, когнитивная, амортизационная. Приводит собственную интерпретацию предлагаемых

функций идеологии.

В частности, образовательно-воспитательная функция представляется как овладение массовым политическим сознанием, а оценочная определяет роль идеологии в государстве; она внедряет в общественное сознание собственные критерии оценки прошлого, настоящего и будущего. В качестве примера Г.Н. Крижановская предлагает посмотреть на идеологию советского социализма или идеологию новой постсоветской России. «Ведь за короткий исторический период в 70 лет в одной стране в общественном сознании не раз поменялись оценки прошлого. Герои стали антигероями и затем прошли обратный путь».

Когнитивная функция представляется автором как отражающая конфликты и противоречия в обществе, а амортизационная позволяет снизить социальное напряжение.

Рассмотрев исследуемые функции, исследователь приходит к выводу о важности и необходимости существования идеологии в государстве. Более того, Г.Н. Крижановская обосновывает мысль о том, что «идеология является ядром любой политической системы».

Анализируя содержание статьи 13 Конституции Российской Федерации об идеологическом многообразии в России, она приходит к выводу о том, что «отсутствие единой идеологии не означает отсутствие идеологии в государстве в целом, а позволяет учесть интересы всего населения и предотвратить идеологический диктат государства, характерный для тоталитарного режима». Более того, исследователь доказывает, что существование идеологии для государства крайне необходимо и важно, ибо она (идеология) выполняет интеграционную функцию – объединяет население страны в единую общность. Отсутствие идеологии вредно для государства.

Г.Н. Крижановская показывает слабость и недостаточную разработанность единой государственной идеологии в имперской России XIX – начала XX века, которая привела к распространению революционно-террористических идей и внедрению их в сознание молодежи. Самодержавие не смогло укрепить государственную идеологию и тем самым противопоставить революционной пропаганде иные ценности.

Оппозиционеры имперской царской власти делали все, чтобы ее опорочить, подменить отечественные ценности на чуждые российскому народу, их целью было возбуждение у населения,

в первую очередь «отвращения и ненависти к существующему государственному порядку, накопление и распространение во всех слоях общества чувства недовольства, озлобления, страстного желания перемен». Они всячески расшатывали патриотизм, теоретически обосновывали необходимость и через пропаганду практически внедряли «в сознание молодежи не принципы патриотизма, а ненависть ко всему русскому и желание разрушить государственность». Противники существующего строя, используя слабость государственной идеологии, приобретали «все больше последователей, не останавливающихся ни перед какими преградами и готовых, – как отмечалось во «Всеподданнейшем отчете о действиях III отделения Собственной его императорского величества канцелярии и Корпуса жандармов за 1866 год, – на самые безнравственные и кровавые преступления. При дознаниях было обнаружено, что вредное направление заразило даже многих служащих по разным ведомствам, преимущественно по министерствам юстиции, просвещения и финансов».

К сожалению, примерно такую же активность либералов сегодня можно наблюдать в современной России. Они пробрались и осели нередко в некоторых министерских кабинетах и учебных заведениях, пытаются насаждать в сознание населения, в первую очередь молодежи, с помощью радио, кино, телевидения, других средств массовой информации и Интернета ненависть ко всему Отечественному, преклонение перед Западом и взятие на вооружение чуждых нам ценностей [9; 30; 76; 81; 85; 100].

Подготовка к революции начала XX века в России продолжалась много лет, и не только в самой империи, но и за рубежом. Активно распространялись экстремистские и террористические идеи среди молодежи, в университетских учреждениях, с использованием системы образования и возможностей журналистики.

Исследователь говорит о необходимости грамотного и осторожного подхода к идеологическому воспитанию молодежи, в том числе в системе просвещения и образования, которая должна строиться на базовых ценностях, принятых в государстве, и прочно внедряться в сознание населения (в первую очередь молодежи).

Г.Н. Крижановская ведет речь об опасности идеологического плюрализма в системе

правосудия. Она иллюстрирует свою позицию примерами подхода к рассмотрению российскими судами дел о терроризме в XIX веке и ситуации в российской армии периода Первой мировой войны.

Отметим бесспорность особой общественной опасности терроризма и естественность каждого из привлекаемых к ответственности правозащитных мер, историк отмечает: «Однако защиту террористов в суде многие адвокаты в XIX веке осуществляли из либеральных идеологических убеждений, а их труд оплачивали часто предприниматели, также из либеральных убеждений. В итоге часть общества относилась к террористам как к героям, терроризм становился массовым. Вместо единичных терактов, волна насилия прокатилась по всей стране и расширился круг пострадавших от них».

Г.Н. Крижановская считает, что аналогичную ситуацию можно было наблюдать и в российской армии периода Первой мировой войны. «Страна не смогла воевать, – пишет она, – в том числе и потому, что революционная пропаганда подорвала боевой дух армии, ее веру в справедливость и необходимость данной войны, укоренила в сознании многих солдат мысли о допустимости дезертирства. Государственная идеология в очередной раз не смогла ничего противопоставить. В итоге государство не смогло обеспечить ни окончание войны, ни сохранить внутреннюю стабильность. Политическая система рухнула».

В конечном счете, считает автор, исключив из общественного сознания краеугольные камни государственной идеологии, оппозиционным силам удалось совершить в начале XX века два государственных переворота. Гражданская война еще более обострила бездуховность. Создание же новой политической системы и утверждение советского государства «стало возможным только после укоренения в общественном сознании принципов новой государственной социалистической идеологии».

По мнению Г.Н. Крижановской, «в 90-е годы XX века в СССР и на постсоветском пространстве происходили аналогичные процессы. Старая идеология не смогла удержать свои позиции, а новая не успела сформироваться. В итоге Россия снова прошла сложный путь и пришла к пониманию необходимости укрепления идеологического стержня».

Анализируя ситуацию в России на рубеже

XX и XXI веков, положение дел после избрание Президентом В.В. Путина, она приходит к очень интересным выводам.

В 90-е годы в России доминировали позиции либеральной идеологии. В государственно-правовую действительность были внедрены такие принципы, как приоритет индивидуальной свободы человека в политической и экономической сферах, незыблемость частной собственности. Оппозиционеры, представители западных кругов сделали все, чтобы принцип индивидуальной свободы понимался всеми буквально, никак не связываясь с принципом ответственности, воспринимались права и игнорировались обязанности, целенаправленно навязывались чуждые российскому народу западные ценности, воспитывалось общество потребления, расшатывалась традиционная семья, под вопрос ставилась необходимость сильной федеральной власти, предлагалось максимум свободы регионам и суверенитета столько, сколько они хотели.

Г.Н. Крижановская показывает, как после избрания Президентом В.В. Путин, начиная с 2000 года последовательно проводит политику вывода России из экономического и политического кризиса, обеспечивает занятие ею достойного места на мировой арене, обеспечение благосостояния и комфортной жизни населения, гарантию конституционной нормы, провозглашающей человека, его права и свободы высшей ценностью и обязанность государства признавать, соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина (статья 2 Конституции РФ).

Послания Президента Федеральному Собранию стали одной из форм построения и развития идеологического вектора политической системы современного российского общества и государства.

В первом послании в 2000 году В.В. Путин отметил невозможность решения общенациональных задач без укрепления вертикали власти. Он четко проводит мысль о том, что «только действующий глава государства вправе ставить перед органами государственной власти программные задачи и только у него есть реальная возможность организовать их эффективное выполнение».

Президент постепенно внедряет ценности консервативной идеологии в государственную политику. В 2002 году он формулирует тезис о стабильности, которая является важным гарантом

международных отношений, внутреннего благополучия государства в целом и экономического благополучия в частности.

В 2003 году В.В. Путин обозначает необходимость консолидации общества вокруг базовых общенациональных ценностей и задач. К таким ценностям он отнес: целостность страны, мир в государстве, стабильная жизнь, обращение к традиционным ценностям, сохранение уникального сообщества народов при сильных позициях страны в мире. В.В. Путин подчеркнул, что именно такая консолидация общества способствует противостоянию основным угрозам.

Г.Н. Крижановская подчеркивает то обстоятельство, что Президент не нарушает принцип идеологического разнообразия, он деидеологизирует свои речи. В качестве яркого примера она ссылается на речь В.В. Путина 18 марта 2019 года в Симферополе, где он подчеркнул: «Воспитывать молодежь нужно на основах патриотизма, любви к Отечеству, на основе знания собственной истории, а не навязывать одну идеологию». Президент считает, что объединяющей идеологией должен стать патриотизм.

Г.Н. Крижановская обосновывает необходимость формирования в нашей стране национальной идеи. По ее мнению, грамотно сформулированная и внедренная в общественное сознание национальная идея, основанная на базовых ценностях, может способствовать укреплению государственности, стать инструментом противостояния основным угрозам и альтернативой государственной идеологии.

В этом же номере журнала доктор юридических наук, доцент из Воронежа **Н.Д. Литвинов** предложил статью «Роль идеи в формировании и разрушении государственности» [59].

Проблему он рассмотрел применительно к мировой ситуации сегодняшнего дня в контексте проводимой Западом гибридной войны против России.

Автор начинает статью следующими словами: «В теории гибридных войн существенную роль играет информационно-идеологическое обоснование разрушения государства-мишени, отстранения либо ликвидации главы государства, изменения политического режима, формы правления и т.п.» (стр. 41). Он связывает гибридную войну с антигосударственным терроризмом, подчеркивая, что в обоих случаях наблюдается единое обоснование целеформирующих установок,

присутствует экстремистская идея. Они связаны с политической деятельностью объекта покушения и преследуют цель – изменение политики государства. Идея формирует цель, ради достижения которой и совершаются экстремистские действия. При этом цель «оборачивается в красивую обертку – она якобы несет благо для народа, для нации или отвечает интересам Бога и реализуется для достижения тех “великих целей”, которые сформулированы в экстремистской идее.

Н.Д. Литвинов подчеркивает мысль о том, что экстремистская идея является основной частью антигосударственной идеологии и преследует антигосударственные цели. Он предлагает краткий экскурс в историю образования государств и формулирует мысль: как формирование и развитие государства начинается с появления государственно образующей идеи, так и разрушение государства также начинается с разрушения государственно образующей идеи.

Далее в статье анализируется механизм разрушения государственно образующей идеи на примере Российской империи. Первоначально автор приводит и внимательно рассматривает официальную идею дореволюционной (1917 г.) России: «Самодержавие, Православие, Народность». Он замечает: «В результате с идеей «Самодержавие, Православие, Народность» Россия превратилась в громадную сверхдержаву с высоким уровнем образования, развитой наукой, промышленностью, сельским хозяйством, с постоянным ростом населения, с мирным проживанием людей различных национальностей и веры» (стр. 45).

Н.Д. Литвинов, ссылаясь на мнение современных экспертов, формулирует тезис о том, что идеологическое противостояние Запада и Востока, а следовательно, Запада и России, начинается с IX века, после узурпации императорского титула Карлом Великим. Именно с этого момента видится взаимная демонизация двух цивилизаций, двух культур – восточной и западной.

В 60-е годы XIX века Запад, указывает исследователь, начал гибридную войну против России. Ее программа, прежде всего идеологическая часть, была изложена Л. Мерославским. Это произошло 1 марта 1861 года. В основу была положена идея дискредитации правящих кругов России, ее основных сословий, возбуждение и народа ненависти к собственному государству. В этих целях использовались социалистические

и религиозные идеи, которые, по мнению Н.Д. Литвинова, по своей сущности, обладали значительным сходством.

Автор статьи подробно останавливается на этом сходстве, подчеркивая при этом, что обе идеи были ориентированы на определенные социальные слои населения – наиболее нуждающихся, несчастных. Учитывая адресатов этих идей, они (идеи) были востребованы, народ в них поверил, так как они содержали утешение и обещание лучшей жизни для последователей идей. Идеи обещали благополучие, свободу, равенство, социализм, коммунизм. Народ купился на эти идеи.

Далее автор довольно подробно, но в то же время, с нашей точки зрения, однобоко рассматривает результаты Октябрьской (1917 г.) революции, обвиняя в массовых жертвах коммунистическую идею.

При этом он исходит из тезиса о том, что антирелигиозная идея предшествовала развитию революционно-террористического движения. Анализирует ситуацию в Российской империи XIX – начала XX века и делает заключение: зарождение революционного движения в России начиналось не только с дискредитации государственной идеологии, но и с идеологического обоснования необходимости ее ликвидации.

В статье предлагается анализ механизма зарождения и распространения идеи, с переходом на историю идеи терроризма. По мнению Н.Д. Литвинова, богатый материал для изучения эмбриологии террора дает история революционно-террористического движения в дореволюционной России. Он говорит о том, что с 1861 по 1917 годы наше Отечество испытало на себе практически все виды террора. Изучая историю развития антигосударственного терроризма в России, исследователь выделяет различные виды агитационно-пропагандистских центров, создаваемых революционно-террористическими организациями:

- центры по подготовке агитационно-пропагандистских материалов: редакции и типографии;
- базовые центры хранения этих материалов: склады, хранилища;
- соответствующие центры для ведения агитационно-пропагандистской работы: образовательные учреждения и т.д.

В статье выделяется и такой вид

пропагандистских базовых центров, которые создаются специально для данной деятельности – в дореволюционной (1917 г.) России это были разного рода кружки и секции. Они организовывались на конспиративных квартирах, в рабочих общежитиях, на фабриках и заводах. Зачастую эти мероприятия проводились на лоне природы, под видом гуляний (маевки).

В любом случае, считает Н.Д. Литвинов, «вне зависимости от характера базовых центров, они выполняют общее предназначение – распространение экстремистской информации среди народа, провоцирующей народ на экстремистские криминальные действия». И эти действия привели в конечном счете к ликвидации российской государственности в лице Российской империи.

Далее исследователь, охарактеризовав кратко СССР, подчеркивает мысль о том, что главный враг Советского Союза и России – США – неоднократно планировали операции по уничтожению нашего Отечества. Приводит конкретные примеры, говорит об использовании классического механизма распространения экстремистских идей в массах населения. Обращает внимание на то, что уже с конца 1940-х годов США видели в СССР – России своего главного врага. Ссылаясь на книгу директора ЦРУ Аллена Даллеса «Доктрина: России надо поставить на место!» [29], исследователь говорит о том, что в основе деятельности Управления специальных операций ЦРУ лежала ненависть к Советскому Союзу, Сталину такая же, как в годы Второй мировой войны к Гитлеру. При этом ЦРУ не гнушалось откровенно преступной деятельностью, а его директор Аллен Даллес считал, что ему чужды моральные нормы, мораль директор ЦРУ должен «оставлять за дверью».

Кроме классического механизма распространения экстремистских идей, США стали прибегать к совершенно иному механизму, построенному на новейших достижениях науки и техники. Стали активно использоваться достижения в области нейролингвистики.

«Целый ряд «мозговых центров» США, – пишет исследователь, – разрабатывали способы принудительного воздействия на массы населения за счет использования новейших технологий. В том числе таких, как: «бихевиористика» (наука о поведении, предсказуемых поступках человека и их последствиях); «морфологический анализ» (разработка альтернатив реально

произошедшему); «социальная кибернетика»; «теория катастроф»; «управление проектами» и др.

Была организована разветвленная международная агентурная сеть, базовые центры и организационные каналы которой использовались для ведения подрывной идеологической борьбы против народов Советского Союза» (стр. 60).

Н.Д. Литвинов обращает внимание на то, что на территории СССР, в первую очередь в Москве, США организовали деятельность своих агентов из числа высокопоставленных функционеров самого Советского Союза, в том числе партийных руководителей, выполнявших роль апостолов. Эти, в том числе партийные советники, проводили антигосударственную политику, постепенно подталкивали политическое руководство страны к принятию решений, ставших определенными шагами на пути к развалу Советского Союза.

Активно в интересах развала СССР использовались средства массовой информации, которые, как известно, могут преследовать не только благие цели, но и «работать» против государства, общества и человека [31; 73].

«Разрушение Советского Союза как государства рабочих и крестьян, – пишет Н.Д. Литвинов, – начиналось с разрушения государствообразующей идеи – социализма. Через средства массовой информации населению Советского Союза втолковывалось, что оно живет в условиях тоталитарного государства; что социализм построить невозможно, это миф; что единственный путь к процветанию и богатству – это демократия и рыночная экономика. Была сформулирована идея смены социально-экономической формации, изменения политического режима».

Одновременно проводилась большая работа по формированию конфликта между людьми различных национальностей, раздувался межнациональный конфликт [44]. В статье подробно анализируется роль антисоветских сил в развале СССР в интересах отрыва национальных союзных республик от единого Советского Союза.

Активную роль в этом плане играли так называемые агенты влияния. О них говорил не только Аллен Даллес, но и некоторые руководители советских спецслужб [51; 52; 62; 88].

О необходимости противостояния спецслужб России агентам влияния вели речь уже после ГКЧП (18 августа 1991 г.) С.В. Степашин и Е.М. Примаков [67; 98].

После развала СССР построено современное российское государство. По мнению Н.Д. Литвинова, с позиций идеологии оно выглядит странным, отсутствует объединяющая целеформирующая идея. Ее нет в демократической России, а ее создание исключает российская Конституция (ст. 13).

С позиции Н.Д. Литвинова: «Отсутствие государствообразующей идеологии говорит о том, что ни Президент России как носитель Верховной власти, ни Совет Федерации и Государственная Дума России совершенно не имеют представления, куда вести государство...

Отсутствие государственной идеологии привело к появлению множества экстремистских течений» (стр. 67).

Наибольшую же опасность исследователь видит в деидеологизации деятельности функционального слоя государства. «Государственные служащие, – *полагает он*, – будь то чиновники органов законодательной или исполнительной власти, сотрудники правоохранительных органов и спецслужб, в основном служат «за идею». Именно за нее они, по словам поэта, стремятся «за белый крестик жизнью рисковать». Потому как государственная служба, в отличие от предпринимательства, дохода не дает» (стр. 67).

Автор статьи сослался на мнение депутата Государственной Думы Российской Федерации о роли идеи для сотрудников спецслужб Николая Леонова. По его мнению: «На первом месте в эффективности спецслужб находится моральноволевой дух их сотрудников. Как ни важен профессионализм, спецслужба, одухотворенная высокими целями и идеалами, всегда сильнее, чем громадная и хорошо оплачиваемая структура, не одухотворенная патриотизмом... Сегодня, к великому сожалению, страсти в служении своему Отечеству у чекистов нет. Они неплохо подготовлены профессионально», но у них на вооружении нет государственно-правовой идеологии [58].

Н.Д. Литвинов считает, что отсутствие у демократической России государствообразующей, целеформирующей, организационно-объединяющей идеи не способствует развитию страны. Нужна суверенная государственно-правовая идеология, выстроенная на основе суверенной русской философии права [41; 84].

Дискуссия продолжается. В данном номере журнала мы предлагаем статьи М.Ю. Гутмана и А.В. Юрковского.

Список литературы

1. Абдулаев М.И. Соотношение международного и внутригосударственного права (вопросы теории): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.01. – СПб.: СПбГУ, 1992. – 16 с.
2. Абезгильдин Р.Р. Политические сети и роль информационных ресурсов в процессе их образования и развития // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 3. – С. 109-116.
3. Александров А.И. Конституция Российской Федерации и идеология государства в России – одно и то же // Судья. – 2013. – № 12. – С. 30-32.
4. Александров А.И. Уголовная политика в Российской Федерации. Еще раз о самом главном // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 4. – С. 34-44.
5. Алексей Александров: «России необходима полноценная государственная идеология» // Независимая газета. – 2019. – 07 мая.
6. Алиев Я.Л., Аманацкий Ю.В. Столетие большевистской революции 1917 года: мифы и уроки истории // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 9. – С. 34-44.
7. Алтынкович Е.Е. Современные концепции информационного общества: философско-антропологические основания возникновения // Мир политики и социологии. – 2016. – № 5. – С. 133-140.
8. Аманацкий Ю.В. Февральская революция 1917 года: уроки истории // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 6. – С. 23-29.
9. Ананских И.А., Михеев А.А., Кирушина Н.Ю. Современное российское государство и духовно-нравственное состояние общества // Мир политики и социологии. – 2015. – № 1. – С. 86-91.
10. Аубакирова И.У. Революция 1917 года и становление евразийской концепции института государственного управления в России и Казахстане // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 8. – С. 33-45.
11. Боброва Н.А. Конституция в зеркале учёных и политиков. Настольная книга политиков и конституционалистов. – СПб.: Алетейя, 2016. – 256 с.
12. Боброва Н.А. «Аркадий, не говори красиво!», или некоторые недостатки науки конституционного права (на примере публикации о парламентской ответственности) // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 4. – С. 71-75.
13. Боброва Н.А. Государство без идеологии – это нонсенс // Мир политики и социологии. – 2019. – № 7. – С. 24-33.
14. Боброва Н.А. Дума о Думе: дневники и мемуары депутата четырех созывов. К 25-летию Самарской Губернской Думы. – Самара: СНЦ, 2019. – 195 с.
15. Боброва Н.А. Конституционализация или политизация позитивного права? По итогам Санкт-Петербургской конференции // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 6. – С. 58-65.
16. Боброва Н.А. Конституционный строй и конституционализм в России. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003. – 266 с.
17. Боброва Н.А. Общетеоретические и межотраслевой аспекты юридической ответственности: Монография. – М.: Юрлитинформ, 2019. – 544 с.
18. Бондарь Н.С. Аксиология судебного конституционализма: конституционные ценности в теории и практике конституционного правосудия. Серия: «Библиотека судебного конституционализма». Вып. 2. – М.: Юрист, 2013. – 176 с.
19. Брылева Е.А. Гражданское общество как один из ключевых субъектов поиска государственно-правовой идеологии // Мир политики и социологии. – 2019. – № 8. – С. 23-26.
20. Брылева Е.А. Дух Конституции в работе полиции и уголовно-исполнительной системы: размышления о сущем // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 4. – С. 45-51.
21. Брылева Е.А. Решения Европейского суда по правам человека: дальнейшие перспективы // Мир политики и социологии. – 2015. – № 9. – С. 32-37.
22. Булатов Р.Б. О некоторых аспектах легитимности власти в России в период двоевластия 1917 г. // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 3. – С. 37-42.
23. Васильев А.А. Консервативная правовая идеология России: сущность и формы проявления: Автореф. дис.... докт. юрид. наук. – Екатеринбург, 2015. – 55 с.
24. Власова Ю.Б. Взаимодействие права и идеологии в современных условиях (на материалах Российской Федерации): Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2005. – 191 с.
25. Володин В. Живая Конституция развития // www.pnp.ru/politics/zhivaya-konstituciya-razvitiya.html&d=1
26. Галиев Ф.Х. Воздействие права на общественные отношения и синкретизм правовой культуры // Вестник Башкирского ун-та. – 2013. – Том 18. – № 4. – С. 1352-1356.
27. Галиев Ф.Х. О синкретизме правовой культуры // Правовое государство: теория и практика. – 2013. – № 4(34). – С. 36-73.
28. Галиев Ф.Х. Синкретизм современной правовой культуры: Монография. – Уфа: БашГУ, 2011. – 354 с.

29. Даллес А. Доктрина: России надо поставить на место! / Пер. с. англ.; предисловие Р. Горев. – М.: Алгоритм; Эксмо, 2011. – 224 с. – (Русский отдел).
30. Жданов П.С., Сальников С.П., Романовская В.Б., Цыганов В.И. От гуманизма к имморализму, от прав естественных к правам противоестественным: смена ценностных оснований западного права // Мир политики и социологии. – 2015. – № 11. – С. 90-98.
31. Захарцев С.И., Сальников В.П. Защита прав человека в информационном пространстве // Стратегические приоритеты. – 2018. – № 1(17). – С. 62-70.
32. Захарцев С.И., Сальников В.П. Информационное пространство как новая глобальная угроза человечеству и его правам: философский и правовой подходы // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 8. – С. 11-19.
33. Захарцев С.И., Сальников В.П. О правовом прогрессе как философско-правовой проблеме // Российский журнал правовых исследований. – 2015. – № 2(3). – С. 113-121.
34. Захарцев С.И., Сальников В.П. Об интегративном правовопонимании в контексте комплексной теории права // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 2. – С. 39-47.
35. Захарцев С.И., Сальников В.П. Правовой прогресс – новая философско-правовая дефиниция // Мир политики и социологии. – 2016. – № 4. – С. 171-188.
36. Захарцев С.И., Сальников В.П. Правовой прогресс и ценности права // Мир политики и социологии. – 2015. – № 9. – С. 17-31.
37. Захарцев С.И., Сальников В.П. Правовой прогресс как актуальная философско-правовая проблема // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 9. – С. 175-192.
38. Захарцев С.И., Сальников В.П. Правовой прогресс: новое направление исследования права // Теория государства и права. – 2017. – № 2. – С. 20-35.
39. Захарцев С.И., Сальников В.П. Правовой прогресс: философский и философско-правовой подходы // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 1. – С. 13-30.
40. Захарцев С.И., Сальников В.П. Что отличает человека русской культуры от любого другого: философско-правовой взгляд // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 1. – С. 23-40.
41. Зорина Н.В., Клименко О.А., Мирзоев А.К., Прокофьев К.Г., Сальников М.В. Идея свободы в суверенной идеологии права: аксиологический и нравственно-правовой аспекты // Мир политики и социологии. – 2018. – № 11. – С. 188-193.
42. Зорькин В.Д. Взаимодействие национального и наднационального правосудия: новые вызовы и перспективы // Журнал конституционного правосудия. – 2012. – № 5. – С. 1-11
43. Зорькин В.Д. Право силы и сила права. Лекция для участников V Международного юридического форума. Санкт-Петербург, 28 мая 2015 г. // Мир политики и социологии. – 2016. – № 4. – С. 18-32.
44. Исмагилов Р.Ф., Карагодов В.А., Сальников В.П. Межнациональный конфликт: понятие, динамика, механизм разрешения: Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2003. – 144 с. – Серия: «Юридическая конфликтология: прошлое, настоящее, будущее».
45. Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П., Гер О.Е., Кайзер А.Г., Реуф В.М. Государственное телевидение как инструмент формирования идеологии // Мир политики и социологии. – 2013. – № 12. – С. 113-129.
46. Корнев А.В. Правопонимание в эпоху революций // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 3. – С. 28-36.
47. Крижановская Г.Н. Восприятие революционных событий 1917 года российским обществом начала XX и XXI веков: историко-правовой анализ // Юридическая наука: история и современность. – 2018. – № 3. – С. 38-44.
48. Крижановская Г.Н. К вопросу о необходимости государственной идеологии // Мир политики и социологии. – 2019. – № 9. – С. 34-40.
49. Кресс В.И. Февраль – Октябрь 1917 года и их шествие по стране до новой России: «Кумачовые витражи» // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 6. – С. 30-37.
50. Кресс В.И., Кресс И.А. К генеалогии юбилея радикальной трансформации российской государственности (антропоцентризм и мировоззренческое «наставничество» М.А. Бакунина и Л.Н. Толстого) // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 7. – С. 25-41.
51. Крючков В.А. Личное дело: В 2 ч. Ч. 1. / Худож. В. Крючков. – М.: Олимп; ТКО АСТ, 1995. – 448 с. – (XX век глазами очевидцев).
52. Крючков В.А. Личное дело: В 2 ч. Ч. 2. / Худож. В. Крючков. – М.: Олимп; ТКО АСТ, 1995. – 432 с. – (XX век глазами очевидцев).
53. Кузнецова С.Н. К вопросу о системных нарушениях Европейской конвенции о правах человека и пилотных постановлениях Европейского Суда // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 7. – С. 159-164.
54. Лазарев В.В. Идеологическое сопровождение современного правосудия // Мир политики и социологии.

- 2019. – № 4. – С. 17-32.
55. Лазарев В.В. Интегративное восприятие права // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 2. – С. 20-29.
56. Лазарев В.В. Право и революция // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 2. – С. 48-60.
57. Лазарев В.В. Чаадаев. – М.: Юрид. лит., 1986. – 110, [2] с.
58. Леонов Н. Ни щита, ни меча // Российская Федерация сегодня. – 2004. – № 18. – С. 30-31.
59. Литвинов Н.Д. Роль идеи в формировании и разрушении государственности // Мир политики и социологии. – 2019. – № 9. – С. 41-71.
60. Литвинов Н.Д. Февральская революция 1917 года в России как завершающий этап криминальной геополитики Запада // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 4. – С. 14-33.
61. Мазурин С.Ф. Государственная идеология и общественное самосознание // Мир политики и социологии. – 2019. – № 6. – С. 25-28.
62. Макаревич Э.Ф. Филипп Бобков. Пятое Управление КГБ: След в истории. – М.: Алгоритм, 2015. – 272 с. – (Гроссмейстеры тайной войны).
63. Малинин В.Б., Фельштинский Ю.Г. Деньги на революцию (к 100-летию Октябрьской революции) // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 5. – С. 21-27.
64. Мурсалимов К.Р. Некоторые идеологические начала в правообразующей деятельности государства // Мир политики и социологии. – 2019. – № 8. – С. 27-30.
65. Олексенко А. С. Социалистическая революция и религия // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 11. – С. 38-41.
66. От редакции. Приглашаем к дискуссии «О государственно-правовой идеологии» в связи со статьей-презентацией классика теории государства и права, доктора юридических наук, профессора, Заслуженного деятеля науки Российской Федерации, Почётного работника высшего профессионального образования Российской Федерации В.В. Лазарева «Идеологическое сопровождение современного правосудия» // Мир политики и социологии. – 2019. – № 4. – С. 11-16.
67. Примаков Е.М. Минное поле политики. – М.: Молодая гвардия, 2019. – 358 [10] с.: ил.
68. Рассказов Л.П., Упоров И.В. Влияние идеологической доктрины большевиков на формирование наказательной политики Советского государства в начальный период его функционирования // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 12. – С. 34-39.
69. Рассказов Л.П., Упоров И.В. Роль органов государственной безопасности в реализации уголовно-исполнительной политики Советского государства в первые годы после Октябрьской революции // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 11. – С. 32-37.
70. Романовская В.Б. Постановления Европейского Суда по правам человека: юридическая характеристика // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Право. – 2008. – № 2. – С. 210-213.
71. Романовская В.Б., Минеева Т.Г., Савченко И.В. Духовное состояние общества в России в конце XIX в. – почва для революции // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 12. – С. 40-47.
72. Ромашов Р.А. Революционное право как форма легальной государственной репрессии // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 8. – С. 28-32.
73. Сальников В.П. Незримое вторжение. Негативное воздействие информации на сознание человека // Защита и безопасность. – 1999. – № 1. – С. 26-27.
74. Сальников В.П. Правовая культура как фактор стабилизации современного российского общества // Вестник Нижегородского ун-та им. Н.И. Лобачевского. Серия: Право. – 2001. – № 1. – С. 187-189.
75. Сальников В.П. Правовая культура. Гл. XX // Общая теория государства и права. Академический курс в трех томах / Отв. ред. М.Н. Марченко. 4-е изд., перераб. и доп. Том 3: Государство, право, общество. – М.: ИНФРА-М, 2013. – С. 503-530.
76. Сальников В.П., Груздева М.Л. Преодоление Европы: философско-правовое эссе // Мир политики и социологии. – 2015. – № 8. – С. 11-22.
77. Сальников В.П., Романовская В.Б. «Orient» или «oxident»: в какую сторону смотрит российский орел? // Мир политики и социологии. – 2014. – № 11. – С. 11-15.
78. Сальников В.П., Романовская В.Б. Акты Европейского суда по правам человека: некоторые дискуссионные вопросы // Мир политики и социологии. – 2014. – № 10. – С. 34-42.
79. Сальников В.П., Романовская В.Б. Прямое действие актов Европейского Суда по правам человека: некоторые проблемы // Конституционные аспекты современного состояния законодательства Республики Таджикистан: Материалы международной научно-теоретической конференции. – Душанбе: Ирфон, 2014. – С. 23-27. – в сб. 243 с.
80. Сальников В.П., Сальников М.В. Правовая культура и политико-правовые традиции в контексте абсолютных ценностей // Юридическая мысль. – 2014. – № 4(84). – С. 70-86.

81. Сальников В.П., Романовская В.Б., Цыганов В.И. Западная цивилизация и угроза голубого интернационала: политико-правовая агрессия периода постмодерна // Мир политики и социологии. – 2015. – № 9. – С. 193-202.
82. Сальников В.П., Степашин С.В., Хабибулина Н.Г. Государственная идеология и язык закона / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2002. – 208 с. – (Серия: «Безопасность человека и общества»).
83. Сальников В.П., Эбзеев Б.С., Хабибулин А.Г. Классики современной российской теории государства и права. К 75-летию доктора юридических наук, профессора Валерия Васильевича Лазарева // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 11. – С. 11-19.
84. Сальников В.П., Масленников Д.В., Захарцев С.И., Прокофьев К.Г., Морозов А.И. Принцип суверенности государственно-правовой идеологии и философии права // Мир политики и социологии. – 2019. – № 9. – С. 170-178.
85. Сальников М.В. Западная традиция права: политико-правовые ценности и идеалы // Мир политики и социологии. – 2013. – № 10. – С. 170-191.
86. Селиванов А.И., Хабибулин А.Г. Стратегическая безопасность Российского государства: политико-правовое исследование. – М.: Формула права, 2011. – 360 с.
87. Сенатор Алексей Александров: «России необходима полноценная государственная идеология» // Независимая газета. – 2019. – 07 мая.
88. Сидак В.А. Кукловоды и марионетки. Воспоминания помощника последнего председателя КГБ Крючкова. – М.: Родина, 2019. – 432 с.
89. Тарнавская М.И. Морально-оценочные подходы в практике Европейского суда по правам человека // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 11. – С. 145-150.
90. Туманов В.А. Буржуазная правовая идеология: К критике учений о праве. – М.: Наука, 1971. – 381 с.
91. Туманов В.А. Критика современной буржуазной теории права. – М.: Госюриздат, 1957. – 176 с.
92. Хабибулин А.Г. Идеология – основополагающий фактор общественного развития // Мир политики и социологии. – 2019. – № 6. – С. 21-24.
93. Хабибулин А.Г. Политическая субъектность и идеология как ценностные свойства государства // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 8. – С. 7-13.
94. Хабибулин А.Г., Абдрахманов А.И. МВД в информационном поле нарастающей глобальной напряженности // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 1. – С. 23-31.
95. Хабибулин А.Г., Мурсалимов К.Р. Значение Октябрьской революции 1917 года в формировании общей теории права // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 10. – С. 31-35.
96. Хабибулин А.Г., Рахимов Р.А. Государственная идеология: к вопросу о правомерности категорий // Государство и право. – 1999. – № 3. – С. 11-20.
97. Хабибулин А.Г., Рахимов Р.А. Идеологическая деятельность государства и типология государственности. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 1998. – 191 с.
98. Цибульский И.И. Сергей Степашин. – М.: Молодая гвардия, 2008. – 422 [10] с.: ил. – (ЖЗЛ: Биография продолжается: Сер биогр.; вып. 13).
99. Черненко А.Г. Общероссийская национальная идеология и развитие федерализма в России: Научное издание / Автор вступ. ст. В.П. Сальников. – СПб.: Алетейя, 1999. – 280 с.
100. Чернова О.Ю. «Право» на однополый брак в контексте личных прав человека // Ученые записки юридического факультета. – 2015. – № 38(48). – С. 81-85.
101. Шахрай С.М. Конституционные ловушки истории: Была ли революция 1917 года неизбежна? // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 5. – С. 16-20.
102. Эбзеев Б.С. Глобализация, общепризнанные нормы и принципы международного права и правовое опосредование Конституцией России тенденций гуманитарного сотрудничества // Конституционный процесс: проблемы правового регулирования и перспективы развития: Матер. науч.-практ. сем. 29-30 сентября 2006 года / Под общ. ред. С.Л. Сергеевнина. – СПб.: Ореол, 2007. – С. 112-146.
103. Юрковский А.В. Отображение революции в конституционно-правовом регулировании Китайской Народной Республики и Корейской Народно-Демократической Республики. В рамках дискуссии, вызванной статьей-презентацией доктора юридических наук, профессора, Заслуженного деятеля науки Российской Федерации В.В. Лазарева «Право и революция». // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 7. – С. 42-52.
104. Яловая О.И. Обзор контента детских каналов видеохостингового сайта «Youtube» // Мир политики и социологии. – 2018. – № 2. – С. 112-116.

ГУТМАН Матвей Юрьевич,

профессор кафедры философии и социологии Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, Почётный председатель Региональной общественной организации ветеранов Санкт-Петербургского университета МВД России, полковник милиции (г. Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: mygutman@gmail.com

Специальность 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

ИЛИ ЭТО ХОРОШО? ИЛИ ЭТО ПЛОХО? ОДНИ СКАЖУТ – ХОРОШО, А ДРУГИЕ – ПЛОХО!

***Аннотация.** На примере нескольких жизненных наблюдений показывается неприемлемость западных ценностей, чуждых основной массе населения России, но часто пропагандируемых в нашей стране, и необходимость разработки в этом аспекте отечественной государственно-правовой идеологии.*

***Ключевые слова:** государственно-правовая идеология; западные ценности; мировоззрение; жизненная позиция; татуировка.*

GUTMAN M. Yu.

OR IS IT GOOD? OR IS IT BAD? SOME WILL SAY GOOD, OTHERS BAD!

***The summary.** On the example of several life observations, the unacceptability of Western values, which are alien to the bulk of the Russian population, but often promoted in our country, and the need to develop a domestic state-legal ideology in this aspect are shown.*

***Key words:** state-legal ideology; Western values; worldview; life position; tattoo.*

В целом ряде номеров журнала «Мир политики и социологии» идёт дискуссия об идеологии. Большое внимание участников дискуссии уделено теоретическим проблемам, а ведь о системе взглядов граждан можно судить и по их поступкам и оценкам отдельных событий, невольными участниками которых они оказались.

Все хорошо помнят, что В.В. Маяковский в своём стихотворении детям очень чётко отделил плохое от хорошего:

Крошка сын к отцу пришел,
и спросила кроха:

- Что такое хорошо
и что такое плохо?

В жизни далеко не всегда эти грани явно заметны. И эти оценки одних и тех же событий и фактов свидетелями и участниками бывают диаметрально противоположными. По этим оценкам и действиям мы можем с достаточной точностью определить систему взглядов,

мировоззрение личности, в конечном итоге ее идеологическую ориентацию, содержащую и систему взглядов, а также возможные варианты их реализации на практике.

В жизни имеют место случаи, и довольно часто, которые и юмористичны и поучительны. Вместе с тем, они позволяют делать выводы о мировоззрении участников этих событий, какова их жизненная позиция. И мне нередко приходилось быть свидетелем подобного, о чём я и пишу.

Большинство граждан России, кроме занимающих «крутые» должности в государственных и частных структурах, а также имеющих личный транспорт и использующих его для регулярной поездки на работу или службу, совершают поездки на общественном транспорте, или ходят «пешком». Во время этих поездок или походов они нередко видят различные происшествия, случаи, в том числе и забавные, слышат рассуждения граждан по различным вопросам, самые разнообразные оценки и суждения по увиденному или услышанному.

Приведу несколько примеров!

Дело было снежной зимой 1978 г. в Ленинграде. Я возвращался домой со службы на трамвае № 36 с остановки Сосновая Поляна. На следующей остановке в трамвай вошел достаточно выпивший мужчина и сразу же начал хулиганить: с одного из пассажиров сбил шапку, к одной из женщин попытался сесть на колени, которая, естественно, начала сопротивляться. С мест начали призывать пьяного прекратить безобразие, но это еще больше возбудило последнего, который бросился на призывавшего его прекратить хулиганить. Мужчина встал с места и попытался унять расходившегося хулигана, на помощь ему поднялся и другой. Вместе они удерживали пьяного, который начался ругаться нецензурной бранью, грозить державшим его мужчинам.

В это время с одного из мест в трамвае поднялся мужчина атлетического телосложения и направился к кабине вагоновожатого. На него все обратили внимание, так как у меня, и, видимо, и у других пассажиров мелькнула мысль – уходит от греха подальше. Буквально через две минуты трамвай остановился возле огромной кучи снега возле путей и открылась одна из дверей вагона. Этот большой мужчина подошел к хулигану, схватил его как куклу и выбросил из вагона в огромный сугроб снега,

в котором пьяница буквально утонул. Трамвай поехал дальше. Многие пассажиры захлопали в ладоши, а женщина, к которой приставал пьяный, заявила: «Ну зачем же так? Надо было его доставить в милицию!» Сначала в вагоне установилась тишина. Затем выбросивший пьяницу из вагона спросил женщину: «Вы готовы в милиции об этом мужике сказать всё, что произошло?» Затем обратился ко всем, находящимся в вагоне: «Кто готов это сделать?» Все стихли. Мужчина сел на своё место и дальше все ехали молча. На остановке «Автово» я вышел из вагона и подумал: Как относиться ко всем участникам этого дорожного происшествия?

Другой пример, который можно озаглавить:

«Спасибо!».

В один из пасмурных дней, которых в Санкт-Петербурге в течение года немало, я был свидетелем небольшого происшествия. Пожилая и весьма упитанная женщина шла по улице Стойкости впереди от меня. Увидев на противоположной стороне магазин, ей захотелось его посетить. Но так как переходы через улицу находились достаточно далеко от магазина, она решила пойти кратчайшим путём – перейти дорогу вне зоны перехода, преодолев препятствия в виде невысокого (см. 60-70) металлического ограждения, расположенных с двух сторон дороги. От принятого решения – к действиям.

Сравнительно легко преодолев первое препятствие, женщина вступила на дорогу и пошла по ней к магазину. Но, посмотрев вправо, и увидев быстро приближающуюся к ней машину, заспешила и попыталась сходу преодолеть очередное препятствие, но не тут то было. Одну ногу ей удалось перекинуть через «барьер», а другую – не получилось. Машина уже проехала, а женщина так и стоит на краю дороги с ногами по обе стороны штакетника. К её счастью, а может быть и несчастью, это увидела проходившая по тротуару женщина, которая решила ей помочь. Она подошла к стоящей в неудобной позе женщине и подала ей руку, однако ничего путного из этого не получилось: или препятствие было высокое, или застрявшая переволновалась. Несколько попыток не увенчались успехом. К этому времени уже несколько зевак наблюдали эту спасательную операцию. И тогда первая «спасательница» громко обратилась к одному из находившихся близко мужчин. «Товарищ,

видите эту старую клячу, которая, сходу пере-скочить через эту загородку не сумела и раско-рячилась. Помогите ей перебросить заднюю ногу». Мужчина подошёл, помог переташить вторую ногу пострадавшей через барьер, и пошёл дальше. Пострадавшая сказала ему «спасибо» и тоже пошла.

Но тут оказалась обиженной первая спаси-тельница. Она обратилась к пострадавшей с претензией: «Я тебе помогла, а ты даже спасибо не сказала». И получила ответ: «Не ты мне помогла, старая сука, а мужчина, а ты всё время ругала меня, как последняя пьянь». И тогда спасительница громко заявила: «Вот и делай людям хорошее».

«Спасибо, родненький!»

Это было несколько лет тому назад. На оста-новке трамвая № 52 на углу проспекта Жукова и проспекта Стачек в вагон вошел с двумя сетками, набитыми бутылками, мужчина с типичной для алкашей физиономией: синим лицом с мешками под глазами, красным носом, весьма непри-ятная личность, и сел на свободное место. К нему подошла кондуктор и попросила опла-тить проезд. Мужчина заявил, что ему надо проехать всего четыре остановки – до пункта сдачи посуды. «Я сдам бутылки, получу деньги, и на обратном пути оплачу проезд», заверил он её. Видимо, кондуктор поняла бессмыслен-ность подобных претензий к таким субъектам, и отошла.

На повороте трамвая с проспекта Жукова на проспект Ветеранов мужчина не удержался на сидении, соскользнул с него, сетки упали на пол и бутылки рассыпались по всему вагону. Алкаш бросился их собирать, пассажиры начали помо-гать ему, однако много бутылок закатились под сиденья, достать их было трудно, и он начал ползать, но достать все не смог. И тут прого-ворил: «Что же я скажу ребятам, с которыми мы эти бутылки собирали, если их не хватит на «пузырь»?» И заплакал. Алкаш почувствовал свою ответственность перед собутыльниками!

Одни из сердобольных пассажиров достал кошелёк, извлёк из него несколько купюр, и отдал их сникшему от горя алкашу со словами: «На, я столь ответственную личность вижу первый раз в жизни». Мужчина взял деньги, увидел, видимо, что их хватит на «пузырёк» с лихвой, бросился в ноги к спонсору: «Спасибо,

родненький!» Пассажир быстро отошел в сторону, отряхнул брюки и заявил: «Тоже мне, нашел родню».

Реакция пассажиров была неоднозначной: одни громко говорили, что пассажир зря это сделал, другие смотрели на него с удивлением. А я подумал: как оценить поступок этого пасса-жира? И, поверьте, ответа не нашёл.

«Что можно сказать о человеке с татуировкой?»

В начале октября 2019 г. я, вслед за двумя пожилыми мужчинами, вошёл в троллейбус № 20 на остановке «Нарвская» и сел на свободное место позади них. Мужчины, знавшие друг друга, или познакомившиеся недавно, видимо продолжили разговор, начатый ранее. Со слухом у них, или у одного из них, были проблемы, и они разговаривали достаточно громко. Тема их диалога привлекла внимание многих. Они говорили о досрочном выходе из исправительно-трудовой колонии професси-ональных футболистов Александра Кокорина («Зенит», Санкт-Петербург) и Павла Мамаева («Краснодар»), бывших членов сборной команды России, отбывавших наказание в виде лишения свободы по обвинению в двух драках в Москве, произошедших утром 8 октября 2018 года.

Один из мужчин заметил, что они «отси-дели» правильно, но мало. «Я бы дал им больше. Помнишь, сколько дали Эдуарду Стрельцову – нападающему московского «Торпедо» – 12 лет, а ведь его вина не была точно установлена»*.

Второй возразил ему: «Не знаю, правильно или неправильно осудили и Стрельцова, и Кокорина, и Мамаева, но меня возмущает то, что вокруг этого поднялась такая «шумиха», что они – хулиганы в данном случае, превра-тились в «звёзд» в СМИ. Пока эти хулиганы «сидели», не было дня, чтобы о них не упоми-налось. Значит, чтобы прославиться, надо что-то сотворить? А сколько прекрасных дел совершают наши люди, сколько героических поступков? О них скажут один раз, а то и ни разу, и «баста». Так кто же будет кумиром для нашей молодёжи? Кто не нарушает законы и моральные нормы или те, кто считает, что им всё сойдёт с рук, что их быстро отпустят, так как они «знаменитые», о них вещают все? Нужно наказывать так, чтобы другим запомнилось!»

Первый: «Я думаю, что это будет уроком для

других, когда сообщают о том, как они отбывают наказание. Но меня возмущает другое – ты видел, как многие футболисты, да и не только они, украшают себя татуировками? Один из этих футболистов – Мамаев – в татуировках как в футболке. Зачем они это делают? Дикари украшали себя по традиции, крестьяне клеймили скот, дураки клеймят себя сами, придурки – разукрашивают друг друга, а всех остальных – любителей татуировок, разрисовывают профессионалы и, нередко, за большие деньги. Что это: культура? Бизнес, и достаточно крупный, на невежестве, в который включились и весьма талантливые художники? Глупость? Способ показать свою индивидуальность? Ведь мы уже не дикари. И уж мне совсем непонятно, когда на чисто политических шоу – «Место встречи», появляется журналист Владимир Карпов, закативший рукава и демонстрирующий свою наколку. Пусть он любит ее под одеялом, а, может быть, он рекламирует татуировку и получает за это мзду?»

Ответа не последовало, так как один из приятелей, пожав другому руку, вышел из троллейбуса. И тут начались разговоры между пассажирами, ранее сидевшими тихо и слушавшими этот диалог. О чём они говорили, не знаю, но, вероятно, об услышанном.

Задумался об этом диалоге и я, понимая, что отношение к татуировкам в общественном сознании неоднозначно. Я видел немало людей, чьи тела были покрыты искусно выполненными

наколками высокого качества, и телеса, разукрашенные пошлостью, выставяемой напоказ**. Я видел молодую девушку в сверх-мини юбке, у которой на бедре была татуировка волосатой руки, тянувшейся к интимному месту. Видел я и мужчину в бане, видимо, с солидным криминальным прошлым, украшенного с ног до головы самыми низкопробными наколками («Не забуду мать родную», всякие другие фразы, а также цветы, кинжалы, женщины и др.) Так у него на ягодицах была профессионально выполненная татуировка двух кочегаров, кидавший в «топку» уголь.

Но ни разу мне не встречались татуировки на телах людей с высоким интеллектуальным уровнем. Значит, они не нуждаются в таком выражении своей индивидуальности. Такой способ самовыражения есть не что иное, как слепое преклонение перед чуждыми нам западными ценностями и блатной романтикой. К сожалению, западные ценности, чуждые основной массе населения России, очень часто пропагандируются и у нас. В то же время отечественные исследователи все чаще стали обращать на это внимание и говорить об их неприемлемости для России [1; 2; 3; 5; 7; 10; 11].

Подумал я и о том, какую же роль сегодня «играют» СМИ, в том числе Интернет-ресурсы, в обосновании ответа на вопрос: Что такое хорошо, а что такое плохо? Однозначного ответа не нашел [4; 6; 9; 12]. А ведь это тоже идеология.

Примечания

- * Эдуард Стрельцов обвинялся в изнасиловании. Расследование по этому резонансному делу находилось на контроле у Генерального прокурора СССР Р.А. Руденко. Когда о событии доложили Первому секретарю ЦК КПСС Н.С. Хрущёву, он приказал: «посадить подлеца надолго» [13].
- ** Я не имею в виду «широкое распространение татуировки среди преступного мира. Там она «является своеобразным языком, способом общения с себе подобными как на свободе, так и в местах заключения» [8].

Список литературы

1. Ананских И.А., Михеев А.А., Кирюшина Н.Ю. Современное российское государство и духовно-нравственное состояние общества // Мир политики и социологии. – 2015. – № 1. – С. 86-91.
2. Ананских И.А., Силантьева В.А., Кулева М. Трансформация традиционных семейных ценностей как угроза национальной безопасности // Юридическая наука: история и современность. – 2018. – № 1. – С. 40-46.
3. Жданов П.С., Сальников С.П., Романовская В.Б., Цыганов В.И. От гуманизма к имморализму, от прав естественных к правам противоестественным: смена ценностных оснований западного права // Мир политики и социологии. – 2015. – № 11. – С. 90-98.
4. Захарцев С.И., Сальников В.П. Информационное пространство как новая глобальная угроза человечеству

- и его правам: философский и правовой подходы // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 8. – С. 11-19.
5. Захарцев С.И., Сальников В.П. Что отличает человека русской культуры от любого другого: философско-правовой взгляд // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 1. – С. 23-40.
 6. Захарцев С.И., Сальников В.П., Алексанин А.С. Оперативно-розыскная деятельность и информационная безопасность как часть военной безопасности России // Известия Российской академии ракетных и артиллерийских наук. – 2018. – Вып. 2(102). – С. 102-106.
 7. Исаева Е.А., Соколов А.В. Легализация однополых браков: реализация политики равенства или разрушение института семьи? // Ярославский педагогический вестник. – Том I (Гуманитарные науки). – 2013. – № 3. – С. 109-112.
 8. Мильяненко Л.А. По ту сторону закона: Энциклопедия преступного мира/ Оформл. Г. Семёнова. – СПб.: Редакция журнала «Дамы и господа, 1992. – 118 с., ил.
 9. Сальников В.П. Незримое вторжение. Негативное воздействие информации на сознание человека // Защита и безопасность. – 1999. – № 1. – С. 26-27.
 10. Сальников В.П., Груздева М.Л. Преодоление Европы: философско-правовое эссе // Мир политики и социологии. – 2015. – № 8. – С. 11-22.
 11. Сальников В.П., Романовская В.Б., Цыганов В.И. Западная цивилизация и угроза голубого интернационала: политико-правовая агрессия периода постмодерна // Мир политики и социологии. – 2015. – № 9. – С. 193-202.
 12. Хабибулин А.Г., Абдрахманов А.И. МВД в информационном поле нарастающей глобальной напряженности // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 1. – С. 23-31.
 13. <https://pravo.ru/process/view/27760/>

ЮРКОВСКИЙ Алексей Владимирович,
заведующий кафедрой государственно-правовых
дисциплин Иркутского юридического инсти-
тута (филиала) Университета прокуратуры РФ,
кандидат юридических наук, доцент (г. Иркутск,
Россия)

E-mail: avyurkovsky@mail.ru

Специальность 12.00.01 – Теория и история
права и государства; история учений о праве и
государстве

**ОБЪЕКТИВНЫЕ И СУБЪЕКТИВНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИДЕОЛОГИИ В ФОРМИРОВАНИИ И
ФУНКЦИОНИРОВАНИИ МЕХАНИЗМА ГОСУДАРСТВЕННОЙ
ВЛАСТИ: В РАМКАХ ДИСКУССИИ, ВЫЗВАННОЙ СТАТЬЕЙ-
ПРЕЗЕНТАЦИЕЙ В.В. ЛАЗАРЕВА «ИДЕОЛОГИЧЕСКОЕ
СОПРОВОЖДЕНИЕ СОВРЕМЕННОГО ПРАВОСУДИЯ»**

Аннотация. Актуальность темы предлагаемого исследования заключается в новом комплексном рассмотрении проблем социальных ценностей, интегрированных в материю позитивного права и формирующих государственную идеологию. Предлагаемая публикация представляет собой системное обобщение научного дискурса в отношении формирования научных знаний о политических и правовых доктринах, существующих непосредственно и так или иначе влияющих на национальную концепцию правового регулирования.

Ключевые слова: юридические концепции; научные доктрины; доктрины правового регулирования; государство; механизм государственной власти; государственная идеология.

YURKOVSKY A.V.

**OBJECTIVE AND SUBJECTIVE DETERMINANTS OF STATE IDEOLOGY
IN THE FORMATION AND FUNCTIONING OF THE MECHANISM OF STATE
POWER: IN THE FRAMEWORK OF THE DISCUSSION CAUSED BY THE
ARTICLE-PRESENTATION BY V.V. LAZAREV «THE IDEOLOGICAL SUPPORT
OF MODERN JUSTICE»**

The summary. The relevance of the topic of the proposed study lies in a new comprehensive consideration of the problems of social values integrated into the matter of positive law and forming a state ideology. The proposed publication is a systematic synthesis of scientific discourse regarding the formation of scientific knowledge of political and legal doctrines that directly and somehow affect the national concept of legal regulation.

Key words: legal concepts, scientific doctrines, doctrines of legal regulation, scientific doctrines of legal regulation, state, mechanism of state power, state ideology.

В современной гуманитарной науке вообще,
и юридической науке, в частности, существует

низкая релевантность в определении власти,
её государственной формы, механизма

осуществления, а также средств её обеспечения, и правовой регламентации. Одним из эквивалентов власти, интегрированных в механизм государственной власти, безусловно является государственная идеология, идеология права, правовая идеология и идеология в праве которая связана с соответствием интента (поискового намерения исследователей), заложенного в их запросах, и дефицита практико-ориентированных результатов, получаемых путем научных изысканий.

Поэтому, по нашему мнению, усилия, предпринимаемые В.П. Сальниковым и редакцией журнала «Мир политики и социологии» [1; 4; 50; 53; 54; 4; 5; 26; 31; 38; 39; 40; 41; 43; 62], направлены на восполнение дефицита эмпирических материалов контента, связанного с теоретическим осмыслением механизмов государственной власти и механизмов правового регулирования, на предмет соответствия, подбираемой тематики публикуемых изданием новейших научных достижений, путём сравнения образов, рассматриваемых объектов, в доктринальных воззрениях представителей различных школ гуманитарной, социологической, политической и юридической науки и поисковым запросам, субъектов заинтересованных в обретении соответствующих знаний, формировании определённых алгоритмических представлений и прикладном их использовании в процессе формирования и функционирования, обеспечения действия соответствующих механизмов.

В четвертом номере журнала «Мир политики и социологии» за 2019 год была опубликована статья-презентация классика теории государства и права, доктора юридических наук, профессора, Заслуженного деятеля науки Российской Федерации, заведующего отделом имплементации решений судебных органов в законодательство Российской Федерации Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, профессора кафедры теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина В.В. Лазарева «Идеологическое сопровождение современного правосудия» [32].

Инициатива В.В. Лазарева, авторитетного ученого [52], тонко чувствующего, динамику проблем правового регулирования и функционирования механизма российской государственной власти, традиционно актуальна, своевременна, и

уже не в первый раз мобилизует наиболее результативную и продуктивно-активную часть научного сообщества откликнуться на неё. Полагаем необходимым отметить, позитивный результат подобного рода коммуникативного контента, который проходил ранее, также по инициативе В.В. Лазарева, и был связан с одной из выдающихся вех в истории России, революцией 1917 года [33], и который, по нашему мнению, органично переключается с новой темой научной полемики.

В существующем обширном эмпирическом материале, как правило, преобладает рассмотрение феномена государственной идеологии, во-первых, в зависимости от специфики походов к тем или иным признакам государственной власти, во-вторых, в зависимости от типов социальных отношений в свете исторических типов государства и государственной деятельности.

Полагаем, что соответствующая традиция рассмотрения государственной идеологии нуждается в определенной корректировке.

В качестве методологической основы такой корректировки может выступать общенаучное деление доктринальных подходов к социальным ценностям на две группы: антиэтатистские подходы и этатистские (проэтатистские) подходы. Такого рода типология может быть основана на анализе моделей социальных детерминант государства, государственной власти и её механизма, раскрывающей природу социальных влияний на физическое, психическое и социальное благополучие индивида и общества [51].

Принципиальная особенность рассмотренной моделей антиэтатистских и этатистских (проэтатистских) подходов состоит в том, что в ней учитывается иерархичность многих влияний на феномены власти, государственной власти, естественного и позитивного права, и соответствующих механизмов, их назначения, начиная с социетальных факторов и заканчивая характеристиками индивидуального уровня.

Модели антиэтатистских и этатистских (проэтатистских) подходов так или иначе затрагивают три ключевых блока факторов, к которым относятся социально-политический контекст, структурные детерминанты, генерирующие социальную стратификацию, и индивидуальные характеристики индивидов и общества. Такой подход к пониманию влияния государственной идеологии на функционирование механизма

государственной власти связан с выделением факторов, формирующихся на различных уровнях организации общества, и предусматривает использование многоуровневой методологии.

Антиэтатистские подходы к государственной идеологии связаны с антитезами (антонимами) социальных и государственных ценностей, или, как утверждают сторонники проэтатистского подхода, формируют социальные антиценности.

Так, например, Этьен де ла Боэси (Боэти) утверждал, что объединения дурных людей — это не товарищество, а заговор: они не любят друг друга, а скорее боятся друг друга, они не друзья, а сообщники; или, например, тираны велики лишь потому, что мы на коленях [65].

Уильям Годвин, в свою очередь, полагал, что Общество делится на два класса — богатых и бедных. Последние составляют 98 % населения. Бедные создают весь доход, но сами они не получают почти что ничего. Они находятся в положении выючных животных. Почти весь продукт их труда достается ничтожному меньшинству, которое в силу этого и является богатым. Причина социального неравенства, а тем самым и нищеты — в существовании частной собственности. Необходимо уничтожить собственность и упразднить государство, покровительствующее богатым [63].

Пьер Жозеф Прудон, доказывал, что собственность есть кража, потому что она противоречит справедливости, потому что нельзя найти никакого принципа, на котором бы можно было её обосновать; общность, согласно Прудону, есть такое же отрицание равенства, как и собственность, но только в противоположном смысле: собственность есть эксплуатация слабого сильным, общность есть эксплуатация сильного слабым; в собственности неравенство условий порождается силой, в общности его производит посредственность, оцениваемая одинаково с силой. Общность есть рабство, ибо она уничтожает свободное распоряжение способностями, и, если собственность порождает соревнование в приобретении благ, то общность порождает соревнование ленивых [46].

Михаил Александрович Бакунин утверждал, что современном мире есть два главных, борющихся между собою течения: государственное и социал-революционное [64, стр. 132-138]. Главной задачей социальной революции Бакунин считал разрушение исторических

централизованных государств, с заменой их свободной, не признающей писаного закона, федерацией общин, организованных по коммунистическому принципу [9].

Пётр Алексеевич Кропоткин полагал, анархизм происходит из того же революционного протеста, того же людского недовольства, что и социализм; и результатом революции является установление «безгосударственного коммунизма». Новый общественный строй Кропоткин представляет, как вольный федеративный союз самоуправляющихся единиц (общин, территорий, городов), основанный на принципе добровольности и «безначалья»: коллективное ведение производства, коллективное распределение ресурсов и вообще коллективность всего, что относится к экономике, к сфере услуг, к человеческим взаимоотношениям. Коллектив представлял бы собой группу заинтересованных в своей деятельности людей, которые понимали бы, зачем и для кого они всё это делают, чего было бы достаточно для их добровольной деятельности [28].

Антиэтатистские концепции и их разновидности представлены также в трудах Бенджамена Таккера «Государственный социализм и анархизм», «Отношение государства к личности», «Свобода равная для всех» [58; 59; 60], Пётра Кропоткина «Нравственные начала анархизма», «Взаимопомощь как фактор эволюции», «Речи Бунтовщика» [27; 29; 30], Франца Оппенгеймера «Государство» [67], Фрэнка Ходорова «Налог это грабёж», Мюррея Ротбарда «Власть и рынок» [49] и др.

В целом, не отрицая социальных закономерностей, антиэтатисты категорически выступают против системного характера социальных отношений, и как факт против государства, государственной власти, её механизма, и тем более, против государственной идеологии, равнозначно, как и против позитивного права, правового регулирования социальных отношений, и, соответственно против правовой идеологии и идеологии в праве.

Однако признаки механистического сравнения государственной власти наблюдаются и в трудах антиэтатистов. Так, например, Спенсер, утверждал, что общество — агрегат (совокупность) индивидов (индивиды — клетки, физиологические единицы), характеризующийся определённым сходством и постоянством их жизни. Оно

подобно биологическому организму — растёт (а не строится, поэтому Спенсер выступал противником всяких реформ) и увеличивается в своём объёме, одновременно усложняя структуру и разделяя функции. Общество, точки зрения Спенсера, — это эволюционирующий организм, подобный живому организму, рассматриваемому биологической наукой. Общества могут организовывать и контролировать свои собственные процессы адаптации, и тогда они развиваются в направлении милитаристских режимов; они также могут позволить свободную и пластичную адаптацию и тогда превращаются в промышленно развитые государства.

Транс-историческая дискуссия в системе гуманитарных наук о власти, государственной власти, о естественном и позитивном праве, механизмах правового регулирования и государственной власти, государственной идеологии и ее влиянии на развитие этатистского способа понимания существования современной цивилизации по-прежнему является основным, и традиционно приоритетным, преобладающим направлением аксиологии, и не утрачивает своей актуальности.

Очевидно, к данному феномену социальной действительности можно подходить с разных сторон и затрагивать различные грани и плоскости его проявления, формирования, трансформации и модернизации. В данном случае следует использовать, с нашей точки зрения, тот методологический подход, который был выдвинут и обоснован профессорами В.П. Сальниковым и С.И. Захарцевым при анализе понимания права. Они его называют компрехендным (всеохватывающим) [11; 12; 13; 14; 15; 16; 19, стр. 102-127; 20, стр. 77-96; 21, стр. 302-326;].

В нашем случае речь идет не просто о перечислении основных доктрин этатистского подхода, но выделение именно таких научных концепций, которые обобщают государственно-правовые явления через констатацию их механических (системных свойств), через определение функционирования государственной власти посредством использования соответствующего механизма, и как факт, через внедрение его ценности в государственную идеологию.

Человек начинает разумную интеллектуальную гносеологическую и онтологическую деятельность, через призму, сформированных и впоследствии детерминирующих его жизнедеятельность, заданных ценностно-эстологических

параметров.

В данном случае полагаем уместным согласиться с позицией И. Канта, согласно которой субъект, наделенный способностью к мышлению и стремящийся к познанию, человек обладает теоретическим разумом. В теоретическую сферу своего учения И. Кант включает трансцендентальную эстетику, трансцендентальную аналитику и трансцендентальную диалектику. Учение о целеполагании хотя и принадлежит к теоретической философии, в то же время представляет собой переход к философии практической [61].

Фрэнсис Бэкон отмечал, что в действительности человек не может ничего другого, как только соединять и разъединять тела природы. Остальная природа совершает внутри себя [6].

В свою очередь, Декарт представил нервную систему человека как некую гидравлическую конструкцию с «нервными трубками», которые заполнены «животными духами», при воздействии на которые они перемещались сначала в мозг, а затем, отразившись также двигаясь по трубкам, действовали на мышцы, заставляя их сжиматься подобно гидравлическим исполнительным механизмам. Слово «рефлекс» с латинского языка означает отраженный [10].

Формирование этатистских ценностей – вопрос лишь обозначенный, по нашему мнению, но не изученный современной наукой. Он связан с историческим влиянием внешних сигналов, исходящих от объективной, в том числе правовой реальности [2], на определенные типы людей.

Констатация последствий такого влияния формирует, согласно Л.Н. Гумилёву, три типа участников социальных отношений, к которым относятся: пассионарии, гармоничные универсалы, субпассионарии [3, стр. 426-451; 7; 8]. Причем природа пассионарности (субпассионарности) не исследована до сих пор. В нашем случае данный аспект также является второстепенным, а выделенные виды акторов социальных отношений, позволяют выдвинуть гипотезу, что именно пассионарные субъекты социальных отношений, напрямую заинтересованы в формировании ценностных свойств государства и использовании их для организации системы социальных отношений, применяя для этого механизмы государственной власти и внедряя сущностные их признаки в государственную и правовую идеологию. Тем самым, по нашему мнению, наличие государственной идеологии

вообще, и ценностных свойств государственной власти, включая судебную власть, есть объективно обусловленный фактор. В данном случае полагаем возможным согласиться с точкой зрения Н.А. Бобровой: государство без идеологии – это нонсенс [4].

Кроме того, полагаем возможным выделить еще целый ряд объективных закономерностей формирования государственной идеологии, при учете неоспоримости таких социальных ценностей как государство и позитивное право. Такие закономерности вытекают из самих признаков государства и позитивного права и к ним относятся:

- государство в широком смысле – это определенным образом организованный народ, а государство в узком смысле – это определенная политическая организация общества;
- государство в узком смысле осуществляет управление обществом посредством применения системы мер поощрения, убеждения и принуждения;
- позитивное право создается государством как регулятор общественных отношений, инструмент правового регулирования;
- деятельность государственного аппарата, механизма государства, механизма государственной власти связана позитивным правом;
- позитивное право детерминирует политику государственного управления посредством создания правовой идеологии государственного управления, которая становится государственной идеологией.

Особо следует остановиться на признаках организованности общества и государства. Согласно Н.А. Пьянову, государство в широком смысле – это союз, который представляет собой принципиально новый тип общества, новую форму общественного устройства, которая пришла на смену первобытнообщинному устройству и стала практически всеобщей, универсальной формой общественного объединения людей; это политический союз, так как он основывается не на личных связях, как это было в первобытном обществе, а на политических отношениях; это союз, которым управляет не потестарная, а особая публичная, политическая власть; в узком смысле, государство, – это определенная организация, существующая в обществе

и представляющая собой его структурно обособленную часть; под организацией мы подразумеваем определенное общественное объединение; это организация, которая внешне выражена в системе органов управления и принуждения и состоит из них; процесс возникновения государства связан с выделением из общества специального аппарата управления, а также принуждения; аппарат состоит из соответствующих органов, которые в своем единстве образуют государство и составляют его внешний облик выступающее в качестве одного из структурных элементов общества; государственная власть – это легитимная власть; легитимность государственной власти, как принято считать, выражается прежде всего в признании этой власти населением страны в качестве публичной; государственная власть является властью общества, общество, население страны должно признавать эту власть в качестве таковой, считать ее своей властью и подчиняться ей; в случае, если общество не признает существующую государственную власть, отвергает ее, эта власть не имеет права на дальнейшее существование и должна быть заменена другой государственной властью; государственная власть должна иметь кредит доверия у населения [47].

К разряду апологетов развития монархического понимания государственной власти и ее механизмов с учетом ее основных юридических, социально-политических, исторических, культурологических и философско-правовых характеристик, анализирующих функции, пределы компетенции, правовые основы организации и деятельности высших органов государственной власти, через позиционирование отношения к которым институционализировалась власть монарха на различных этапах истории российского государства в XVIII – начале XX вв. можно отнести труды таких ученых как А.С. Хомяков, А.В. Грингмут, Л.А. Тихомиров, К.П. Победоносцев и др.

К разряду научных теорий, которые допускались до публичного обсуждения и экспериментального использования в дореволюционный период существования российской государственности в XVIII – начале XX вв. можно отнести труды таких ученых как И.Е. Андреевский, А.С. Алексеев, Н.И. Лазаревский, Ф.Ф. Кокошкин, Н.М. Коркунов, С.А. Муромцев, и др.

Александр Семенович Алексеев не определял понятия механизма государственной

власти, а лишь использовал данную категорию при описании специфики государственной власти. Целесообразно отметить что А.С. Алексеев, очень внимательно изучал работы Ж.-Ж. Руссо и, констатировал, что в «Contract social» («Общественном договоре») Руссо «лишь обобщил принципы, к которым до него уже пришли его соотечественники и которые были в Женеве общим достоянием всех ревнителей народной свободы». Поэтому А.С. Алексеев перенял методологию исследования правовых проблем формирования и функционирования механизмов государственной власти у швейцарского юриста и политика Иоана Каспара Блунчли (Johann Kaspar Bluntschli) швейцарского юриста и политика, ученого государствоведа.

Иоан Каспар Блунчли, в свою очередь, являлся автором капитальных научных трудов, и имел преемственность к одному из авторитетнейших представителей исторической школы права Фридриху Карла фон Савиньи (Friedrich Carl von Savigny), который в свою очередь был связан идейно с профессором Густав Гуго, первым высказавшим идею о историческом конституите права как достоянии того или иного народа, живущего на определённой территории.

В данном случае полагаем возможным предположить, что А.С. Алексеев имел мировоззренческие ориентиры, приближенные к представлениям исторической школы права, и его констатация категории механизма государственной власти также характеризовалась через соответствующую мировоззренческую концепцию [42].

Отдельные признаки категории механизма государственной власти звучали в трудах другого отечественного государствоведа Н.И. Лазаревского, который в сборнике «Конституционное государство» в статье «Народное представительство и его место в системе других государственных установлений» [34], а также в монографии «Ответственность за убытки, причиненные должностными лицами» [35] признавал отдельные социальные институты как самоуправляющейся единицы, наравне с органами государственной власти, пользующиеся всеми правами, сходными с компетенцией государственной власти и несущими такие же обязанности как органы государственной власти. Речь шла об ответственности крестьянских общин за убытки помещиков при аграрных реформах, где

Н.И. Лазаревский предполагает, что полиция и иные военные формирования на местах подчинялись власти местных общин. В творчестве Лазаревского прослеживается связь с основателями концепции разделения властей Ш.-Л. Монтескье, Дж. Локком [22; 23; 36; 37; 55], а также иными представителями либеральных политико-правовых идей.

Признаки категории механизма государственной власти характеризовались также в трудах Ф.Ф. Кокошкина.

Ф.Ф. Кокошкин одним из первых отечественных ученых сформулировал проблему и обосновал принципиально важный вопрос о пределах государственного вмешательства в общественную и личную жизнь граждан, подчеркивая, что «внутренняя, духовная сторона человеческой жизни остается недоступной для непосредственного планомерного воздействия государственной власти». Одновременно Кокошкин разрабатывал проблемы соотношения централизации и децентрализации, автономии и федерализма, государственной власти и местного самоуправления.

Очень большой вклад в развитие либерального направления развития отечественной государственно-правовой науки внес Н.М. Коркунов, работам которого характерна преемственность к социологической школе понимания феномена государства и права.

Критикуя, господствовавшую на Западе школу естественного права и теорию общественного договора, Коркунов проводил историко-социологический анализ структурных элементов механизма государственной власти, внимательно относится к специфическим явлениям русского юридического и политического опыта.

Н.М. Коркунов одним из первых российских ученых предложил научную концепцию, связанную с юридической природой государства и государственной власти. Данная концепция была сформулирована в таких работах автора как «Лекции по общей теории права» [24] и «Указ и закон» [25].

В трудах современных российских ученых, также прослеживаются признаки объективных детерминант, существования государственной идеологии.

Так, по мнению Е.А.Парасюк ученые-правоведы обращали внимание на многообразии понимания механизма государства,

анализировали его организацию и функционирование, структуру, принципы построения в России и зарубежных странах, однако проблема выработки единого определения данного института в отечественной юридической науке до настоящего времени не решена [44].

Применительно к ранее высказанному тезису о том, что позитивное право детерминирует политику государственного управления посредством создания правовой идеологии государственного управления, которая становится государственной идеологией, можно привести точку зрения профессора А.Г. Хабибулина, который подчеркивает особую значимость идеологического обеспечения общественно-государственной деятельности в современной России с учетом имеющейся у нас системы базовых идеологических ценностей [62].

Равнозначно можно привести в качестве примера точку зрения Л.И. Спиридонова, который полагает, что роль социальных потребностей, вызвавших к жизни государство, его механизм можно определить и как функционирующую систему государственных органов, обеспечивающих решение общих дел [56, стр. 66].

Профессор В.М. Сырых также рассматривает понятие механизма государства через системы его органов и определяет его как совокупность государственных органов, осуществляющих государственную власть и обеспечивающих реализацию функций государства.

Государство в узком смысле на любых этапах исторического развития осуществляет управление обществом посредством применения системы мер поощрения, убеждения и принуждения

Профессор Р. А. Ромашов, говоря о специфике осуществления судебной власти в особых исторических условиях, рассматривает ее как форму легальной государственной репрессии [48].

Можно приводить и другие доводы существования объективных детерминант государственной идеологии.

Что касается субъективных причин наполнения содержанием государственной идеологии функционирования механизма государственной власти, то этот вопрос является не менее актуальным и дискуссионным в современной науке.

По данному вопросу, автором высказывались гипотезы в ряде журнальных публикаций [66], а также учебных пособий [57].

Обобщая проведенные ранее исследования по данному вопросу, можно выделить следующие виды и особенности существующих субъективных причин имеющихся недостатков в обосновании и формировании государственной идеологии, которая предполагает научное рассмотрение основных ее особенностей.

Во-первых, личностный фактор, влиятельных ученых, лоббирующих внедрение отдельных содержательных элементов государственной идеологии, и его влияние на науку, неоднократно звучали в научных дискуссиях и стали самостоятельным направлением методологии научного познания.

В данном контексте убедительно звучит мнение М. Полани, основные тезисы которой сводятся к следующему:

- науку делают люди, обладающие мастерством;
- искусству познавательной деятельности нельзя научиться по учебнику, оно передается лишь в непосредственном общении с мастером;
- люди, делающие науку, не могут быть заменены другими и отчуждены от произведенного ими знания;
- в познавательной и научной деятельности чрезвычайно важными оказываются мотивы личного опыта, переживания, внутренней веры в науку, в ее ценность, заинтересованность ученого, личная ответственность [45, стр. 156].

Во-вторых, обретение знаний (новой истинной информации об окружающей действительности), в нашем случае об особенностях государственной власти, её механизме и особенностях содержательных элементов государственной идеологии – это сознательная, целенаправленная, систематическая, планомерная, непрерывная (длящаяся во времени продолжительный срок) деятельность людей. Человек определяет потребность в познании окружающей действительности, выявляет проблемы пробелов знаний и необходимости их обретения, он является генератором научных интересов, средством научного поиска, критической оценки и последующего использования в практике общественной жизни.

Объективная, подлинно научная информация об окружающей действительности и субъективное восприятие мира суть категории не совпадающие.

Изначально, каждый человек, обладающий уникальными индивидуальными качествами и свойствами, обладает мировоззрением, отражающим субъективную картину мира, его восприятие. Особенности субъективного мировоззрения – самостоятельный объект научного изучения. Причины субъективного мировоззрения разнообразны, они детерминируются такими обстоятельствами как психофизические показатели исследователя; моральные качества исследователя; принципы, которыми руководствуется исследователь; предварительная профессиональная подготовка исследователя; принципиальность и объективность исследователя; внешние факторы, влияющие на личность исследователя и результаты его научных исследований; правовое регулирование научно исследовательской деятельности и юридическая ответственность исследователя. Наверное, в данной работе не перечислены все возможные параметры определения качества личности исследователя и не исчерпывающим образом рассмотрены критерии сопоставления субъективных интересов исследователя при переводе персональных научных исследований в разряд объективной научной информации.

Что касается второй группы проблем, проблем соблюдения моральных канонов в процессе обретения знаний об особенностях государственной власти, её механизме и особенностях содержательных элементов государственной идеологии, то в данном контексте речь идет о высоких личных моральных качествах исследователя. Мотивами исследователя, по нашему мнению, должны быть не гордыня или намерение унижить результаты интеллектуальной деятельности обывателей или коллег экспертов в рассматриваемом направлении деятельности, но замыслы настоящего ученого должны быть направлены на обретение истины. Кроме того, моральные каноны в процессе исследования важны как средство защиты самого исследователя от неэтичного поведения оппонентов, направленного против него самого.

В данном формате необходимо говорить о недопустимости ненаучного поведения (в форме мошенничества, плагиата и пр.). Кроме того, существует потребность в установлении баланса ценностей и интересов исследователя и общества. Существуют моральные, нравственные и этические проблемы, затрагивающие объекты

изучения (предполагается необходимость соблюдения баланса ценностей между получением научного знания и правами объектов изучения).

Одновременно следует вести речь об этических проблемах, возникающих при проведении исследований в контексте разного рода социальных заказов, обеспечивающих те или иные интересы отдельно взятых людей или социальных групп (политических партий, научных сообществ, корпораций, различных организаций и т.п.), когда заинтересованный субъект оплачивает, либо предоставляет ту или иную выгоду исследователю. В данном случае речь, опять же идет о способности отклонить предложения, которые в той или иной степени нарушают этические или профессиональные стандарты ученого, и способность исследователя координировать научные интересы и любые другие интересы в качестве условий сотрудничества.

В современной науке отсутствует юридически оформленный кодекс этики ученого. Поэтому, профессиональным исследователям при проведении изыскательских работ, с одной стороны, чрезвычайно трудно постулировать критерии этики и морали, а с другой стороны, несомненно, соблюдение условия, при котором ученый должен руководствоваться своеобразным этическим кодексом.

Научная деятельность требует от исследователя определенного, особого мировоззрения, специфических свойств порядочности, честности. Например, при ведении бесед, опросов и т.п. кажется целесообразным, соблюдать общеизвестные социально значимые правила морали, нравственности, этики и даже эстетики. Возможными показателями моральных критериев современного учеными могут быть следующие способности:

- проявлять уважение к собеседнику;
- проявлять уважение к самому себе;
- как и любой интеллигентный человек, ученый, наверное, должен быть точным и пунктуальным;
- проявлять общую культуру и здравый смысл;
- видеть в оппоненте, либо в участнике исследования равноправного коллегу;
- дорожить доверием собеседника, и многое другое.

В контексте понимания феномена личности исследователя необходимо говорить о

ценностных принципах, которыми руководствуется лицо, усматривающие научную исследовательскую деятельность как значимый вид социальной деятельности. В данном случае речь не идет о принципах познания, которые рассмотрены в методологии науки достаточно разнообразно и подробно.

Применительно к рассматриваемой теме, скорее целесообразно говорить о социально значимых, но, тем не менее, индивидуально интерпретируемых каждым, отдельно взятым человеком мировоззренческих принципах. Полагаем, что мировоззренческие принципы, которыми руководствуется исследователь – это стержневые, ценностные ориентиры, которые

детерминируют познавательный интерес исследователя. И их формирование зависит от многих факторов, порой значительно отличающихся и определяющих ценностную установку личности ученого [17; 18].

Конечно, перечень и содержание обозначенных принципов – вопрос широкого научного обсуждения. Тем не менее, предполагаем, что к разряду ключевых мировоззренческих принципов можно отнести честность и справедливость; ответственность; добросовестность; полнота информации об объекте исследования; достаточность информации для производства научных выводов; соответствие производимых выводов изучаемому объекту и другие.

Список литературы

1. Абезгильдин Р.Р. Политические сети и роль информационных ресурсов в процессе их образования и развития // *Юридическая наука: история и современность*. – 2016. – № 3. – С. 109-116.
2. Бачинин В.А., Сальников В.П. Правовая реальность в контексте цивилизации и культуры. Методология причинного анализа: Монография / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2005. – 224 с. – (Серия «Наука и общество»).
3. Беляков С.С. Гумилев сын Гумилева: [биография Льва Гумилева]. – М.: АСТ, 2014. – 797, [3] с.
4. Боброва Н. А. Государство без идеологии – это нонсенс // *Мир политики и социологии*. – 2019. – № 7. – С.24-33.
5. Брылева Е.А. Гражданское общество как один из ключевых субъектов поиска государственно-правовой идеологии // *Мир политики и социологии*. – 2019. – № 8. – С. 23-26.
6. Бэкон Фрэнсис. Новый Органон (*Novum Organum scientiarum*). Первое издание. – Лондон, Джон Билл, 1620 // www.raruss.ru.
7. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. – М.: АСТ: Астрель, 2006. – 510, [1] с.: ил., цв. ил.
8. Гумилев Л.Н. Этногенез и этносфера // *Природа*. – 1970. – № 1-2.
9. Дамье В.В. Михаил Бакунин: от социалистического федерализма к анархизму // *Философские науки*. – 2014. – № 7. – С.83-102.
10. Декарт Р. Рассуждение о методе, чтобы верно направлять свой разум и отыскивать истину в науках и другие философские работы / Пер. с лат. – М.: Академический проект, 2011. – 335 с.
11. Захарцев С.И., Сальников В.П. Для познания права предлагается компрехендный подход // *Российский журнал правовых исследований*. – 2017. – № 1(10). – С. 77-87.
12. Захарцев С.И., Сальников В.П. Знакомьтесь: компрехендная теория права // *Библиотека криминалиста. Научный журнал*. – 2016. – № 5(28). – С. 375-379.
13. Захарцев С.И., Сальников В.П. О заблуждениях в понимании права и важности компрехендного подхода для его познания // *Правовое поле современной экономики*. – 2016. – № 5. – С. 83-88.
14. Захарцев С.И., Сальников В.П. О противоречивости права в контексте компрехендной теории // *Юридическая наука: история и современность*. – 2016. – № 10. – С. 31-34.
15. Захарцев С.И., Сальников В.П. Об обосновании компрехендного подхода для познания права // *Теория государства и права*. – 2016. – № 2. – С. 39-58.
16. Захарцев С.И., Сальников В.П. Размышляем о сущности права: компрехендный подход // *Правовое государство: теория и практика*. – 2017. – № 1(47). – С. 13-30.
17. Захарцев С.И., Сальников В.П. Роль биографии ученого в формировании его жизненной позиции, мировоззрения и методологии // *Известия Российской академии ракетных и артиллерийских наук*. – 2016. – № 2. – С. 144-149.
18. Захарцев С.И., Сальников В.П. Становление личности ученого и его научные позиции: взаимосвязь и

- взаимозависимость // Мир политики и социологии. – 2016. – № 2. – С. 11-17.
19. Захарцев С.И., Сальников В.П. Философия и юридическая наука: Монография. – М.: Юрлитинформ, 2019. – 424 с. DOI: 10.17513/np.491
20. Захарцев С.И., Сальников В.П. Философия. Философия права. Юридическая наука. – М.: Юрлитинформ, 2015. – 264 с. DOI 10.17513/np.454
21. Захарцев С.И., Масленников Д.В., Сальников В.П. Логос права: Парменид – Гегель – Достоевский. К вопросу о спекулятивно-логических основаниях метафизики права: Монография. – М.: Юрлитинформ, 2019. – 376 с. DOI 10.17513/np.467.
22. Зорина Н.В., Лежнева О.Ю., Поливко Е.А.. Судебная власть как гарант конституционных прав личности (концепция Ш.-Л. Монтескье) // Мир политики и социологии. – 2019. – № 8. – С. 193-196.
23. Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Поиск эмпирических оснований справедливости и права в творчестве Томаса Гоббса, Джона Локка, Шарля Монтескье и Жана-Жака Руссо // Мир политики и социологии. – 2016. – № 10. – С. 38-44.
24. Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2003. – 428 с.
25. Коркунов Н.М. Указ и закон. – СПб.: тип. М.М. Стасюлевича, 1894. – VIII, 408 с.
26. Крижановская Г.Н. К вопросу о необходимости государственной идеологии // Мир политики и социологии. – 2019. – № 9. – С. 34-40.
27. Кропоткин П.А. Взаимопомощь как фактор эволюции // [https://ru.wikisource.org/wiki/Взаимная_помощь_как_фактор_эволюции_\(Кропоткин_1907\)](https://ru.wikisource.org/wiki/Взаимная_помощь_как_фактор_эволюции_(Кропоткин_1907))
28. Кропоткин П.А. Государство, его роль в истории / Перевод под редакцией автора. — Женева: издание Группы «Хлеб и воля», 1904. — 75 с.
29. Кропоткин П.А. Нравственные начала анархизма. – М.: Московская федерация анархистских групп, 1918. – 63 с.
30. Кропоткин П.А. Речи Бунтовщика // [https://ru.wikisource.org/wiki/Речи_Бунтовщика_\(Кропоткин\)](https://ru.wikisource.org/wiki/Речи_Бунтовщика_(Кропоткин))
31. Лазарев В.В. Идеологические страсти на конституционном уровне // Мир политики и социологии. – 2019. – № 9. – С. 25-33.
32. Лазарев В.В. Идеологическое сопровождение современного правосудия // Мир политики и социологии. – 2019. – № 4. – С. 17-32.
33. Лазарев В.В. Право и революция // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 2. – С. 48-60.
34. Лазаревский Н.И. Народное представительство и его место в системе других государственных установлений // Конституционное государство: Сборник статей. – СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1905. – С. 179-222.
35. Лазаревский Н.И. Ответственность за убытки, причиненные должностными лицами: Догматическое исследование. – Санкт-Петербург : тип. Спб. акц. общ. печатного и писчебум. дела в России «Слово», 1905. – XVI, 712 с.
36. Лежнева О.Ю. Д. Локк об институтах перехода от естественного состояния в гражданское состояние // Государственно-правовые институты современного общества: Сборник статей к Всероссийской научно-практической конференции посвященной 100-летию Республики Башкортостан (г. Уфа, 14 декабря 2018 г.) / отв. ред. Ф.М. Раянов. Уфа: РИЦ БашГУ, 2018. – С. 229-235.
37. Лежнева О.Ю., Поливко Е.А. Дж. Локк о судебной власти как проявлении верховенства права и прав личности в гражданском состоянии общества // Верховенство права и национальные интересы России: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (г. Уфа, 30 ноября 2018 г.) / Отв. ред. Г.М. Азнагулова. В 2-х ч. Ч. 1. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2018. – С. 92-96.
38. Литвинов Н.Д. Конституция Российской Федерации 1993 года – полностью ли она соответствует интересам России с позиций проводимой Западом гибридной войны // Мир политики и социологии. – 2019. – № 7. – С. 34-78.
39. Литвинов Н.Д. Роль идеи в формировании и разрушении государственности // Мир политики и социологии. – 2019. – № 9. – С. 41-71.
40. Мазурин С.Ф. Государственная идеология и общественное самосознание // Мир политики и социологии. – 2019. – № 6. – С. 25-28.
41. Мурсалимов К.Р. Некоторые идеологические начала в правообразующей деятельности государства // Мир политики и социологии. – 2019. – № 8. – С. 27-30.
42. Новгородцев П.И. Историческая школа юристов / Отв. ред. В.П. Сальников, Ю.А. Сандулов. Серия: Классики истории и философии права. – СПб.: Лань, 1999. – 192 с. (Мир культуры, истории и философии).
43. От редакции. О дискуссии, вызванной статьей-презентацией доктора юридических наук, профессора, Заслуженного деятеля науки Российской Федерации В.В. Лазарева «Идеологическое сопровождение современного правосудия» // Мир политики и социологии. - 2019. - № 9. - С. 11-24.

44. Парасюк Е.А. Механизм государства: к исследованию понятия // Вестник Адыгейского государственного университета. – Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – 2009. – № 2. – С. 176-182.
45. Полани М. Личностное знание. На пути к посткритической философии / Под ред. В.А. Лекторского, В.А. Аршинова; пер. с англ. М.Б. Гнедовского, Н.М. Смирновой, Б.А. Старостина. – М., 1995.
46. Пьер Жозеф Прудон Собственность-кража: (Мысли о собственности). — М.: Искра, 1906. — 22 с.
47. Пьянов Н.А. Понятие, сущность и назначение государства // Сибирский юридический вестник. – 2001. – № 3. – С. 3-5.
48. Ромашов Р.А. Революционное право, как форма легальной государственной репрессии // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 8. – С. 28-32.
49. Ротбард М. Власть и рынок: государство и экономика. – Челябинск: Социум, 2003. – 415 с.
50. Сальников В.П. Незримое вторжение. Негативное воздействие информации на сознание человека // Защита и безопасность. – 1999. – № 1. – С. 26-27.
51. Сальников В.П., Степашин С.В., Хабибулин А.Г. Государственность как феномен и объект типологии: теоретико-методологический анализ. Санкт-Петербургский университет МВД России, Академия права, экономики и безопасности жизнедеятельности. – СПб.: Фонд «Университет», 2001. – 208 с. – (Серия: «Безопасность человека и общества»).
52. Сальников В.П., Эбзеев Б.С., Хабибулин А.Г. Классики современной российской теории государства и права. К 75-летию доктора юридических наук, профессора Валерия Васильевича Лазарева // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 11. – С 11-19.
53. Сальников В.П., Жданов П.С., Сальников М.В., Романовская В.Б. Русская религиозная философия права как защита национальных ценностей от инокультурной экспансии // Мир политики и социологии. – 2015. – № 7. – С. 11-18.
54. Сальников В.П., Сальников М.В., Романовская В.Б., Романовская Л.Р. Национальная идея или правовое государство через призму национальных интересов // Правовое государство: теория и практика. – 2015. – № 3(41). – С. 16-22.
55. Сальников С.П., Клименко О.А., Мирзоев А.К., Третьяков И.Л. Жан-Жак Руссо и Джон Локк: некоторые идеи о суверенитете и естественном праве // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 5. – С. 173-179.
56. Спиридонов Л.И. Теория государства и права. – М.: Проспект: Гардарика, 1996. – 300,[1] с.
57. Сравнительное правоведение: Учебное пособие / Под ред. А. В. Юрковского. – Иркутск: Иркутский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры РФ, 2016. — 175 с.
58. Таккер Б.Р. Государственный социализм и анархизм // <https://studfile.net/preview/5564007/page:27/>
59. Таккер Б.Р. Отношение государства к личности <https://www.sites.google.com/site/individualistlibrary/tucker/liberty-equal-for-all/relation-of-the-state-to-the-individual>
60. Таккер Б.Р. Свобода равная для всех // <https://pub.wikireading.ru/142288>
61. Фролова Е.А. Философия права в России: неокантианство (вторая половина XIX – первая половина XX века): Монография. – М.: Проспект, 2019. – 464 с.
62. Хабибулин А.Г. Идеология – основополагающий фактор общественного развития // Мир политики и социологии. – 2019. – № 6. – С. 21-24.
63. Чудинов А. В. Политическая справедливость Уильяма Годвина. – М.: Знание, 1990. – 64 с.
64. Эльцбахер П. Суть анархизма / Пер. с нем. Б. Яковенко. – М.: АСТ, 2009. – 351 с. – (Philosophy).
65. Этьен де ла Бозси (Бозети) Рассуждение о добровольном рабстве / Пер. с фр. – М.: АН СССР, 1952. — 200 с.
66. Юрковский А.В. Субъективные размышления о когнитивных диссонансах студентов, изучающих теорию государства и права и учёных, её преподающих // Теория государства и права. – 2019. – № 1. – С. 100-109.
67. Oppenheimer Franz. The State; Its History and Development Viewed Sociologically (англ.). — New York: Arno Press, 1972.

ЛИТВИНОВ Николай Дмитриевич,

руководитель экспертного центра «Национальной безопасности», доктор юридических наук, доцент (г. Воронеж, Россия)

E-mail: ndlitvinov49@mail.ru

САЛЬНИКОВ Михаил Викторович,

Президент Фонда содействия науке и образованию в области правоохранительной деятельности «Университет», главный научный сотрудник Юридического института (г. Санкт-Петербург), доктор юридических наук, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: salnikov-mihail66@yandex.ru

КРУЧИНИН Владимир Николаевич,

заместитель директора колледжа информационных технологий и финансов по развитию, кандидат юридических наук, доцент (г. Воронеж, Россия)

E-mail: a437924@yandex.ru

ЧЕРНЯВСКИЙ Валентин Семенович,

доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации

E-mail: prom204@bk.ru

ШАХОВ Сергей Васильевич,

начальник центра поддержки технологий и инноваций Воронежского государственного университета инженерных технологий, доктор технических наук, профессор (г. Воронеж, Россия)

E-mail: s_shahov@mail.ru

Специальность 23.00.02 – Политические институты, процессы и технологии.

РОССИЯ КАК ОБЪЕКТ КРИМИНАЛЬНОЙ ГЕОПОЛИТИКИ И ГИБРИДНЫХ ВОЙН ЗАПАДА

***Аннотация.** Анализируется история и современное состояние гибридной войны объединенного Запада против Российской империи, СССР и современной демократической России. Приводятся данные о создании во второй половине XIX века при активной поддержке Запада на территории России мощнейшей революционно-террористической сети. Отмечается, что гибридная война – это актуальный вид войны, которая ведётся не только и не столько пушками и танками, сколько силами политической пропаганды, террора, дезинформации и экономического давления на противника.*

Редакция не совсем согласна с мнением авторов настоящей статьи.

***Ключевые слова:** гибридная война; геополитика; революционно-террористические организации; военная стратегия; Х. Маккиндер; Р. Челлен; А. Мэхэн Ф. Ратцель; К. Хаусхофер; И. Спайкман.*

LITVINOV N.D.
SAL'NIKOV M.V.
KRUCHININ V.N.
CHERNYAVSKIY V.S.
SHAKHOV S.V.

RUSSIA AS AN OBJECT OF CRIMINAL GEOPOLITICS AND HYBRID WARS OF THE WEST

The summary. The history and current state of the hybrid war of the united West against the Russian Empire, the USSR and modern democratic Russia are analyzed. Data are given on the creation in the second half of the 19th century with the active support of the West on the territory of Russia of the most powerful revolutionary-terrorist network. It is noted that a hybrid war is an actual type of war that is waged not only and not so much with guns and tanks, but with the forces of political propaganda, terror, disinformation and economic pressure on the enemy.

The editors do not entirely agree with the opinion of the authors of this article.

Key words: hybrid war; geopolitics; revolutionary terrorist organizations; military strategy; H. Mackinder; R. Challen; A. Mahan F. Ratzel; K. Haushofer; I. Spykman.

На протяжении веков Россия находится в состоянии войны с Западом. Вне зависимости от политического режима, формы правления, формы государственного устройства самой России. Воевали Русские княжества. Воевало Московское царство. Воевало самодержавие. Воевал Советский Союз. Как отмечают эксперты, «войны оказывают большое влияние на динамику численности и состава населения: повышается смертность, снижается рождаемость, уменьшается прирост населения, изменяется уровень брачности» [135, стр. 13]. Это, только демографические потери. А есть еще разрушенные населенные пункты, железные и шоссейные дороги, уничтожение качественного состава населения и пр.

Обилие оружия, в том числе, оружия массового уничтожения, привело к разработке нового типа войны, гибридной. Инициатором разработки теории и практики гибридных войн выступил Запад. Основным объектом гибридных войн, начиная со второй половины XIX века, стала Россия. Современная демократическая Россия находится в состоянии гибридных войн с Западом.

Причины войн историки и теоретики военного искусства объясняют по-разному [57; 73; 96; 129]. «Причиной большинства кровопролитных войн было либо удовлетворение своих национальных устремлений, направленных на получение больших территорий, либо чувство национальной утраты в связи с потерей «священной» земли. При этом следует отметить, что практически все империи формировались путем тщательно продуманного захвата и удержания жизненно важных географических достояний», считал З. Бжезинский [27]. Пожалуй, наиболее объективное объяснение войн и военных конфликтов дала геополитика. Эта новая наука возникла в конце XIX – начале XX веков.

Теоретиками-основоположниками геополитической науки стали: шведский исследователь и политический деятель Рудольф Челлен (1864-1922); американский историк морской стратегии А. Мэхэн (1840-1914), британский географ и политик Х. Маккиндер (1861-1947), германский географ, основатель политической географии Ф. Ратцель (1844-1901), германский исследователь К. Хаусхофер (1869-1946), американский исследователь международных отношений

И. Спайкман (1893-1944). Термин «геополитика» («географическая политика»), впервые ввел в научный оборот Рудольф Челлен. Он создал теорию государства как географического организма, развивающегося в пространстве, в котором геополитика составляла лишь одно направление. «Геополитика, – писал Р. Челлен в работе *«Государство как форма жизни»*, – это исследование фундаментальных качеств пространства, связанных с землей и почвой, это изучение создания Империи и происхождения стран и государственных территорий». Р. Челлен выделил пять основных компонентов государственной «политики силы»:

- а) экономическую политику;
- б) демографическую политику;
- в) социальную политику;
- г) политику власти (кратополитику);
- д) геополитику [139].

Основная часть авторов делит государства на две группы: морские (океанические) и сухопутные.

Особого внимания заслуживает британская геополитическая школа, теоретически обоснованная английским географом и политиком Хэлфордом Маккиндером в 1904 году. Британия, особое государство на планете Земля.

Правящие круги Британии отличаются особой жестокостью как к населению своей страны, так и мира в целом. Именно Британия разрабатывала идеи «расового господства избранной «нордической расы», которые использовались руководством фашистской Германии для уничтожения целых наций. Первоначальными идеологами и прародителем теории фашизма считаются Томас Карлейль; англо-немецкий писатель, социолог, философ Хьюстон Чемберлен; Джеймс Хант; Френсис Гальтон; Карл Пирсон и другие.

Британия стала родиной концентрационных лагерей, которые затем получили распространение в фашистской Германии.

Британию считают мировым лидером геноцида. Британцы практически полностью уничтожили коренное население Северной Америки; Австралии; острова Тасмания. Как писал британский радикальный политик – либерал сэр Чарльз Дилк, – «Англосаксы – единственная истребляющая нация на земле. Никогда ещё – вплоть до начала ставшего теперь уже неизбежным уничтожения индейцев, маори (коренные новозеландцы) и австралийцев – ни одна столь многочисленная

раса не была стёрта с лица земли завоевателями» [32].

Но первым объектом массового геноцида стало население самой Британии. Зарождавшийся капитализм отобрал у крестьян земли, чтобы выращивать овец для производства знаменитых английских шерстяных изделий. Оставшееся без работы и жилья население уничтожалось на основе действовавших законов. Британцы вешали даже детей. В XVI веке Лондон называли «городом виселиц». Во время царствования Генриха VIII (1509-1547 годы) только за бродяжничество там было казнено 72 тысячи человек [32].

На наш взгляд, геополитику и особую жестокость британцев необходимо рассматривать через призму ДНК-генеалогии.

В современных условиях одной из актуальнейших проблем геополитики является «проблема борьбы англосаксов за мировое господство и противостояние им России» [93]. Именно англичане стремятся обосновать свое право на захват власти над планетой Земля.

В своей работе «Географическая ось истории» британский теоретик геополитики Хэлфорд Маккиндер разделил весь земной шар на две части, два блока: Сушу и Океан.

- а) океаническое полушарие, Мировой Океан. Сюда он отнес Западное полушарие, куда включил Америку, страны Западной Европы, Британию, Японию и Южную Африку. Центром управления Океаном на протяжении веков являлась Британия. Она и сейчас является центром мирового управления, при видимости геополитической роли США [100].
- б) континентальное полушарие, Суша, или Мировой Остров. Сюда автор отнес Евразию (прежде всего, Россию), и остальную часть Африки, как основную зону расселения человечества.

Суть такого деления можно понять только через призму Библии, эзотерики и демонологии. С точки зрения этих источников знаний, теория Маккиндера является замаскированным обоснованием тысячелетней борьбы между Гипербореей и Атлантидой, Солнцем и Океан – Змием. В конечном счете, борьбы между силами Света и Тьмы.

Центральной зоной Мирового Острова, по учению Маккиндера, является Хартленд, зона,

практически недоступная для морского проникновения. В зону Хартленда Маккиндер включил Русскую равнину, Западную Сибирь и Среднюю Азию. По мнению Маккиндера, Хартленд является местом сосредоточения «континентальной силы», которая способна управлять всем Мировым Островом.

В принципе вся суть геополитического учения теории Маккиндера сводилась к объявлению России как центра Хартленда, объектом агрессии со стороны Океана. Соответственно, Океан должен проводить политику глобального доминирования, в которой контроль над Хартлендом является основанием для геополитического преимущества держав Океана.

Американский военно-морской историк адмирал Альфред Мэхен, в своих работах: «Влияние морской силы на историю (1660—1783)» и «Заинтересованность Америки в морской силе» [98], также разделил человечество и государства планеты на два блока: Мировой Океан и Мировой Остров, между которыми идет постоянная борьба. В качестве глобальной геополитической силы, источника борьбы между Мировым Океаном и Мировым Островом, он разработал и ввел в научный оборот «принцип Анаконды»: изоляции, нейтрализации, удушения противника путём морской блокады его стратегических объектов».

В принципе Россия уже длительное время находится в состоянии гибридной войны с Западом. Эксперты говорят о тысячелетнем противостоянии Запада и Востока.

По словам экспертов, противостояние Запада и Востока, Запада и России, «идет с IX века, когда произошла узурпация имперского титула Карлом Великим. С этого момента, если не еще раньше, продолжается взаимная демонизация двух цивилизаций, двух культур – восточной и западной – в рамках одного, некогда единого христианского романо-германского мира» [39].

После такого раздела Восток – Россия стал объектом ненависти католического Запада. «Католики были в этом плане более агрессивными, они называли нас восточными схизматиками, по сути еретиками, а с еретиками разговор короткий. Если бы не наша сила и наше могущество, способность отстаивать свою истину, они просто подчинили бы нас себе» [39], - отмечают современные эксперты.

Гибридные войны России и Запада особо

активизировались во второй половине XIX века.

В 1861 году император Александр II отменил крепостное право [2] и провел ряд государственных реформ в экономике, образовании, вооруженных силах, управлении регионами и государством в целом [92, стр. 121-134]. Запад просчитал, что в результате таких реформ начнется мощное развитие России, укрепление ее образовательного, демографического, промышленного и иных потенциалов. 1 марта 1861 года была сформулирована международная программа развития антигосударственного терроризма в России. Началась полоса гибридных войн, где терроризм выступал в качестве инструмента таких войн. Начиная со второй половины XIX-го и в начале XX веков, гибридные войны Запада регулярно проводились на территории России. Стараниями Запада на территории империи было развернуто достаточно мощное революционно-террористическое движение. Достаточно вспомнить: польское вооруженное восстание 1863-1864 годов [86]; массовое «хождение в народ» (попытка спровоцировать крестьянские восстания, чтобы оттянуть Российские войска из Средней Азии) [82; 84]; подготовка Чигиринского восстания (развернуть партизанскую войну на юге Киевской губернии, и разрушить систему военного снабжения ВС России, воевавших на Балканах) [79]; целую серию покушений на Александра II и его убийство [11; 80; 81; 83]; ликвидацию представителей высшей государственной элиты [15; 85] и др.

При активной поддержке Запада, на территории России была создана мощнейшая этническая революционно-террористическая сеть гибридной войны. В нее вошли этнические революционные организации: армянские, грузинские, еврейские, польские, прибалтийские, финские, украинофильские и др. По сути дела, борьбу с Россией начали те этносы, народы и племена, которые были включены в состав России; и за счет русского интеллектуального, экономического, культурного потенциала резко повысили свой цивилизационный уровень. Все они развернули на территории империи мощнейший террор: верховный, элитный, селективный, деморализационный, дезорганизационный, фабричный, аграрный, железнодорожный и иные виды террора. Центры управления революционным подпольем гибридной войны находились в Англии, Германии, Франции, Австро-Венгрии.

В 1914 году Россия вступила в Первую мировую войну. Она выходила победителем в Первой мировой войне. В течение первого года войны Россия, Франция и Англия заключили соглашение о разделе сфер влияния после окончания войны. «10 апреля 1915 года в результате переговоров между Россией, Францией и Великобританией было заключено соглашение о передаче после победы над противником под контроль России проливов Босфор и Дарданеллы и об образовании на Аравийском полуострове независимого государства» [101]. Однако, за спиной побеждающей России Франция и Англия принялись перекраивать послевоенный мир под свои интересы.

К концу 1916 года войска Германии, Австро-Венгрии и Турции в сражениях с российской армией понесли огромные потери в живой силе. Они теряли свои позиции в Европе. «Эти империи считались уже обреченными на поражение» [101].

На завершающем этапе в войну на стороне Антанты собирались вступить Соединенные Штаты. Союзники России уже «делили победный пирог», «резали Европу» под свои интересы. Никто не хотел допустить к дележу Россию, как основного победителя. Ибо это усиливало геополитические позиции России как Мирового Острова, Хартленда и меняло расстановку геополитических сил в мире.

В феврале 1916 года участники переговоров «выработали предварительное соглашение о разделе азиатских владений Османской империи. Три месяца спустя это соглашение было закреплено в форме обмена нотами между министром иностранных дел Соединенного королевства Э. Греем и послом Французской республики в Великобритании П. Камбоном» [101].

При активном участии агентуры Мирового Океана среди российских политиков и высшего генералитета Царской Армии императора Николая II заставили отречься от престола [7; 10; 75; 77]. Как отмечают современные исследователи, «хорошо известно, с каким ликованием была воспринята не только в республиканском Париже, но и в монархическом Лондоне весть об отречении святого императора Николая II. Союзникам вроде бы не пристало радоваться столь опасному развороту событий в государстве, с которым они связаны узами военной коалиции, но ведь радовались, и в Лондоне не меньше,

чем в Париже, несмотря даже на династическое родство правившей в Соединенном королевстве Ганноверской династии с Российским императорским домом» [101].

В октябре 1917 года власть в России захватили большевики. Они принялись тут же создавать СВОЕ государство, под СВОИ цели и задачи. Они полностью разрушили механизм государственной власти Российской империи; уничтожили основную часть ведущего слоя; государственной и функциональной элиты; функциональные слои населения.

В формировании механизма органов государственной власти в советской России, в создании высших органов власти была одна особенность, которую слабо освещают историки. Революционеры, захватившие власть в России, были ставленниками США либо Германии. Между ними велась острая борьба за власть над Россией. Разведка Германии обладала преимуществом; созданная ею РСДРП(б) захватила власть в России и стала правящей партией, определяющей внутреннюю и внешнюю политику России. Разведка США контролировала действия разведслужб и органов власти Германии на территории России. Результаты контроля, копии документов о деятельности немцев и их агентуры, американцы опубликовали в сборнике «Немецко-большевистская конспирация». Изданным «Комитетом Общественного осведомления Соединенных Штатов Америки».

Вот лишь некоторые из документов «Немецко-большевистской конспирации».

«Документ 6.

Генерал Стаб. Централ-Абтейлунг. Секцион М. № 813.

10 ноября 1917 года.

Совету Народных Комиссаров.

«Настоящим доводится до сведения Правительства, что в его распоряжение командированы в качестве военных консультантов и опытных боевых офицеров следующие лица... Означенные боевые офицеры, по предъявлении им списков наших пленных офицеров, выберут кадр наиболее полезных и способных сотрудников, которые также будут находиться в полном распоряжении Русского Правительства, как это было условлено на Сессии в Стокгольме при проезде гг. Ленина, Зиновьева и др. в Россию.

Начальник Русского отдела Германского

Генерального штаба...»

Тем самым, по указанию Германской разведки, в распоряжение Советского правительства поступали пленные немецкие офицеры, владеющие русским языком. Которые, по приказу Германской разведки, должны были входить в создаваемые органы управления Советского государства, в структуры создаваемой Красной Армии.

«Документ 7.

Г.Г.С., Нахрихтен Бюро. Секцион Р, № 27.

(Конфиденциально).

12-го января 1918 г.

«Народному Комиссару по Иностранным Дела.

По поручению местного Отдела Германского Генерального Штаба, Разведочное Отделение сообщило имена и характеристики главнейших кандидатов в переизбираемый Центральный Исполнительный Комитет, и Генеральный Штаб поручил настаивать на непременно избрании нижеследующих лиц: гг. Троцкого, Ленина, Зиновьева, Каменева, Иоффе, Свердлова, Луначарского, Коллонтай, Фабрициуса, Мартова, Стеклова, Гольмана, Фрунзе, Ландера, Милька, Преображенского, Соллерса, Студера, Гольберга, Аванесова, Володарского, Раскольников, Стучка, Петерса и Нейбута.

О таком желании Генерального Штаба благоволите сообщить Председателю Совета Народных Комиссаров.

Начальник отделения майор Любертц (шифрованная подпись Агасфер)».

Получается, что все высшие должностные лица ВЦИК, СНК, ВЧК, создаваемой Красной Армии, были агентурой немецкой разведки.

20 декабря 1917 года начальник Русского Отдела Германского Генерального штаба О. Рауш дал поручение Комиссариату по иностранным делам, направить «агитаторов в лагеря для русских военно-пленных в Германии с целью вербовать добровольцев отправиться для наблюдения и мирной пропаганды в английских и французских войсках, куда они будут доставлены».

Германская разведка активно использовала Российские заграничные паспорта для заброса своей агентуры в Европу. О чем детально рассказывается в документе № 17, от 5 января 1918 года.

Судя по документам, Русская военная контрразведка ничего не поняла в государственном перевороте и в том, что власть в России захватила агентура Германии. Русская военная контрразведка докладывала в СНК РСФСР, как структуру Германской разведки, сведения о деятельности Германской разведки на территории России. Так, 16 января 1918 года контр-разведчик П. Архипов сообщал, что «через наши передовые линии, с именного разрешения Главковерха, проследовало 100 германских офицеров и 250 унтер-офицеров на наши внутренние фронты; часть германских офицеров отправилась на фронт Донской Области, часть на фронт против ат. Дутова и часть отбыла в Восточную Сибирь и Забайкалье для... противодействия контр-революционным забайкальским казачьим офицерам».

Из этого можно сделать вывод, что вся гражданская война на Дону, в Восточной Сибири и Забайкалье организовывалась Германскими военными служащими. А русские революционные матросы и отряды Красной Гвардии были только исполнителями немецких команд. Немецкие офицеры и унтер-офицеры возглавляли фронты, армии, дивизии, полки, и организовывали истребление русских в боях гражданской войны. Затем эти лица делали карьеру в РККА, поднимаясь по служебной лестнице. К началу Великой Отечественной войны, они, надо думать, уже входили в состав высшего руководства Наркомата обороны и др. ведомств.

Под контролем Г.Г.С. Нахрихтен Бюро, Секцион Р., действовала и Комиссия по борьбе с контрреволюцией. Особое внимание ВЧК по борьбе с контрреволюцией уделяла посольствам Англии, Франции, США, раскрыв «заговор послов». Государства и посольства Антанты пытались изгнать немецкую агентуру из управления Россией. Вот почему ВЧК, под руководством Германской разведки, активно работала против посольств Англии, Италии, Франции и др.

Таким образом, анализ документов, собранных разведкой США, позволяет сделать ряд выводов.

Установление Советской власти; формирование высших органов власти Советской России: ВЦИК, Совета народных Комиссаров, ВЧК по борьбе с контрреволюцией, командования РККА и др., происходило под контролем Германской разведки. Германский генеральный штаб назначал на руководящие должности

органов законодательной и исполнительной власти Советского государства, Красной Армии, ВЧК по борьбе с контрреволюцией, агентуру Германии. Вот почему высшие органы государственной власти РСФСР сразу же приступили к разрушению России; уничтожению ее вооруженных сил; массовым убийствам русских офицеров; разрушению промышленного потенциала; грабежу (национализации) банков; разрушению Русской православной церкви и уничтожению православных священников. Организация очагов гражданской войны на Дону, в Восточной Сибири, в Забайкалье происходила при активном участии германской разведки. Немцы направляли своих офицеров командовать фронтами, армиями и дивизиями гражданской войны. Затем эти офицеры составили ядро руководства Красной Армии.

Судя по действиям РСДРП(б), большевики совершенно не надеялись удержаться у власти. А потому с первых же дней своего властвования они принялись уничтожать вооруженные силы, промышленный потенциал, науку, демографический потенциал России. В литературе много ссылок на высказывание Л. Троцкого, который сформулировал задачу большевиков в России по уничтожению славяно-русского населения. Цитата, на которую поиск в интернете даёт несколько тысяч ссылок. «Русский народ нам нужен лишь как навоз истории. Россия – наш враг. Она населена злыми бесхвостыми обезьянами, которых почему-то называют людьми... Мы должны превратить Россию в пустыню, населённую белыми неграми, которым мы дадим такую тиранию, какая не снилась никогда самым страшным деспотам Востока. Разница лишь в том, что тирания эта будет не справа, а слева, не белая, а красная. В буквальном смысле этого слова красная, ибо мы прольём такие потоки крови, перед которыми содрогнутся и побледнеют все человеческие потери капиталистических войн... Если мы выиграем революцию, то раздавим Россию и на погребальных обломках её укрепим власть сионизма, станем такой силой, перед которой весь мир опустится на колени. Мы покажем, что такое настоящая власть. Путём террора, кровавых бань мы доведём русскую интеллигенцию до полного отупения, до идиотизма, до животного состояния...» [134].

Исследователи не установили, были ли это действительно слова Троцкого, или кого-то

другого из лидеров РСДРП(б). Но это программа была реализована в России в кратчайшие сроки.

Российская национальная имперская государственность, формировавшаяся на протяжении 300 лет, была полностью уничтожена. В России были полностью ликвидированы элементы прежнего государства. Была уничтожена государственная идеология. Государственной идеологией Советской России стала Западная экстремистская идея о построении социализма и коммунизма. Полностью разрушен механизм государственной власти и сформирован новый. Созданы высшие органы государственного управления, ВЦИК, Совнарком, наркоматы, в состав которых вошли члены международных террористических организаций и агентура Германии. Не имевшие базового образования, опыта государственного управления. Но ненавидевших население России на генном уровне. Из числа членов революционно-террористических организаций была сформирована новая, государственная, функциональная элиты. Был организован государственный геноцид государство-образующего населения России.

В результате деятельности новой власти в годы гражданской войны были разрушены промышленность, железнодорожный транспорт, связь, уничтожены тысячи населенных пунктов. Железнодорожный транспорт был практически уничтожен. К примеру, в 1922 г. количество «больных» паровозов составляло 61,1% от общего числа. Примерно столько же было «больных» вагонов и цистерн. Вдоль железных дорог было уничтожено 5 000 жилых домов, казарм, более 10 000 пассажирских вокзалов и залов ожидания, взорвано и сожжено 3 672 железнодорожных моста [41, стр. 28-32].

Общий экономический ущерб от установления власти Советов был оценен в сумму от 400 000 000 до 2 000 000 000 000 (от четырехсот миллионов до 2 триллионов американских долларов того времени. В нынешнем исчислении это примерно в 20 раз больше [23, стр. 517].

Но самое главное – людские потери, демографическая цена гражданской войны.

Современные исследователи утверждают, что «Население страны с осени 1917-го до конца 1922 года уменьшилось, по самым скромным подсчётам, на 13 млн. человек» [28, стр. 18]. Другие называют более крупную цифру.

Приведенные подсчеты потерь также

вызывают сомнение. Например, смертность от голода – 6 млн. 500 тыс. человек. Только в период 1921 – 1922 г. от голода, по официальным данным, вымерли 5,1 млн. человек. Но очень много людей умирали от голода с 1918 по 1921 годы, особенно в крупных северных городах, в том числе и в Петрограде. В основном это были представители интеллигенции, чиновники, члены их семей, женщины, дети. Те люди, кто не смог поехать в деревню раздобыть кусок хлеба, кто не смог вырвать кусок изо рта соседа, кто не смог скушать своего ребенка, своего соседа. Поэтому цифру в 6,5 млн. человек можно считать весьма приблизительной. Ибо люди умирали не только в собственном доме, но и на вокзалах, в поездах, на эвакуационных пунктах. И тогда они оказывались в безымянных могилах, их не считали и не включали в статистику. В результате белого и красного террора погибло много российских людей [29; 72; 74; 91; 107; 113; 130].

По мнению исследователей, «Общее число жертв красного террора 1918 – 1922 гг... сегодня оценивается как «не менее 2 миллионов» [23, стр. 512]. Это только результаты деятельности ВЧК по борьбе с контрреволюцией, Военных трибуналов. «Но достоверные оценки отсутствуют» [23, стр. 512]. Были уничтожены представители различных социально-профессиональных слоев населения: Профессоров и преподавателей – 6 000 чел.; врачей – 9 000; землевладельцев -12 950; бывших офицеров – 54 000; бывших полицейских -70 000; рабочих – 193 290; солдат – 260 000; различных работников умственного труда, служащих – 355 260; крестьян – 815 000. Итого – 1 776 747 человек.

Современные исследователи идут по другому пути. Они считают совокупные потери России в первой мировой и гражданской войне. И делают уверенный вывод о том, что за шесть лет Мировой и Гражданской войн и интервенции (1914 – 1920) людские потери России превысили 20 млн. человек [109]. И еще не менее 5 миллионов наиболее грамотного населения, ученые, инженеры, изобретатели, офицеры и др. бежали за рубеж.

С окончанием активной фазы гражданской войны сама война не закончилась; она приняла новые формы. Исследователям не понятен смысл деятельности и особой жестокости ОГПУ-НКВД уже в мирный период, после гражданской войны. Забывая о том, что основной состав

ОГПУ составляла агентура Западных спецслужб. В высших органах компартии и правительства также находились люди, враждебные России. Только через призму такого понимания можно осознать непрекращавшуюся гражданскую войну в Советской России. ОГПУ-НКВД продолжало «прессовать» остатки интеллигенции, понижая общий интеллектуальный потенциал страны. Достаточно вспомнить громкие «Шахтинское дело», «Дело Промпартии» и др.

30 января 1930 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации». С этого момента началось уничтожение демографического потенциала России, ее крестьянства.

Как пишут современные исследователи, «раскулачивание рассматривалось государством как кампания по уничтожению кулачества как класса» [131]. Где «кулаки», это наиболее трудоспособные и трудолюбивые крестьяне, которые в результате своего сельскохозяйственного труда сумели укрепить свои семьи. Многие из этих «кулаков» активно воевали в Красной Армии, поверив обещаниям большевиков «земля – крестьянам». Получив эту землю, бывшие красноармейцы в результате труда завели по несколько лошадей; крупный рогатый скот; подворье. Они считали, что все это им дала Советская власть. Они считали, что своим трудом укрепляют экономический потенциал советской власти. А Советская власть отобрала не только заработанное, но и самих тружеников изгнала «в места отдаленные». С изгнанием собственников в «отдаленные места» все их имущество переходило во вновь создаваемые колхозы.

В процессе раскулачивания были уничтожены значительные слои крестьянского населения, демографического резерва России. Уничтожение наиболее производящих слоев населения сразу же отразилось на продовольственной базе. Как отмечают современные исследователи, «первым и главным признаком того, что была совершена страшная ошибка, стал массовый голод, который унес жизни более 3-х миллионов человек во всей стране. Примерно в эти же годы погибло больше 500 тысяч членов семей кулаков, в основном это были дети» [58].

Одновременно инструментом государственного геноцида и гибридной войны стала система ГУЛАГа [50; 111; 112; 117; 118; 119]. В XXI веке

в России началось уничтожение архивных документов, связанных с деятельностью ГУЛАГа. В том числе, личных дел осужденных, отбывавших наказание в ГУЛАГе. Вначале, вместо уничтожаемых личных дел заводились учетные карточки на осужденных. Затем, на основании межведомственного приказа 2014 года МВД, Минюста, МЧС, Минфина и Минобороны, ФСБ, ФСО, СВР и других силовых органов, уничтожались и карточки. Приказ вышел в 2014 году под грифом «для служебного пользования» [97].

Потом была Вторая мировая война, развязанная Мировым Океаном. Основная цель и основной объект Второй мировой войны, демографическая зачистка России – Хартленда, Мирового Острова. Количество уничтоженного населения России так и не выяснено; называются цифры от 27 до 53 миллионов человек.

Затем, за счет России, содержались и развивались все союзные республики, что отразилось на демографическом и экономическом состоянии самой России (Таблица 1).

В 1923 году советское правительство учредило секретный дотационный фонд для развития союзных республик. О существовании этого фонда стало известно только в 1991 году,

во-время развала СССР. Тогдашний премьер И. Силаев доложил Президенту Б. Ельцину о наличии этого фонда. По валютному курсу 1990 года (1 доллар США стоил 63 копейки), Россия ежегодно направляла союзным республикам 76,5 млрд. долларов. На протяжении почти 70 лет каждый гражданин РСФСР ежегодно переводил в этот фонд 209 рублей заработной платы

Как видно из приведенной таблицы, Россия и русское население содержали практически все союзные республики. В последние годы существования Советского Союза только предприятия и население Российской Федерации продолжали наращивать производство валового внутреннего продукта с 15,8 тысяч долларов до 17,5 тысяч долларов на душу населения. Все остальные республики значительно снизили производство валового продукта на душу населения.

Одновременно практически во всех республиках Советского Союза произошел рост потребления валового внутреннего продукта на душу населения. Наибольший рост потребления произошел: в Грузии – с 30,3 до 41,9 тысяч долларов на человека, в Эстонии – с 27,8 до 35,8, Латвии – с 19,0 до 26,9, Казахстане – с 10,4 до 17,7, Таджикистане – с 9,5 до 15,6. В России же

Таблица 1.
Производство и потребление валового внутреннего продукта на душу населения
(в тысячах долларов США).
(В числителе – производство, в знаменателе – потребление) [104]

Наименование республики	1987	1989	1990
Российская Федерация	15,8 / 13,3	17,5 / 12,8	17,5 / 11,8
Белоруссия	16,1 / 10,5	16,9 / 12,0	15,6 / 12,0
Грузия	12,8 / 30,3	11,9 / 35,5	10,6 / 41,9
Эстония	17,6 / 27,8	16,9 / 28,2	15,8 / 35,8
Армения	12,4 / 30,1	10,9 / 30,0	9,5 / 29,5
Латвия	17,3 / 19,0	17,7 / 21,7	16,5 / 26,9
Литва	14,6 / 22,2	15,6 / 26,1	13,0 / 23,3
Киргизия	7,8 / 10,2	8,0 / 10,1	7,2 / 11,4
Казахстан	10,9 / 10,4	10,8 / 14,8	10,1 / 17,7
Узбекистан	7,2 / 13,9	6,7 / 18,0	6,6 / 17,4
Азербайджан	10,8 / 12,?	9,9 / 14,0	8,3 / 16,7
Туркмения	8,8 / 18,8	9,2 / 20,0	8,6 / 16,2
Таджикистан	6,2 / 9,5	6,3 / 13,7	5,5 / 15,6
Молдавия	11,2 / 13,5	11,6 / 15,8	10,0 / 13,4

потребление снизилось с 13,3 до 11,6 или на 1,7 единицы. Только Россия потребляла меньше, чем производила. Все остальные республики потребляли за счет России то, что не производили.

После окончания Второй мировой войны Запад продолжил политику разрушения СССР. В 1947 г. США приняли закон «О национальной безопасности». В последующие годы США неоднократно принимали документы государственного планирования, направленные на укрепление «национальной безопасности» США, в противостоянии с СССР.

Затем в США была принята программа уничтожения мировой системы социализма, Варшавского договора, СССР, которая называлась «Гарвардский проект» [25]. В преамбуле программы говорилось, что «на грани XX и XXI веков человечеству грозит страшные продовольственные и энергетические кризисы. Американские аналитики-экологи пришли к заключению, что спасение человечества зависит от того, насколько удастся разрешить общие задачи после уничтожения, – как говорил тогдашний президент США Рональд Рейган, «Империи зла», – то есть за счет Советского Союза, с запланированным сокращением населения в 10 раз и разрушением национального государства» [25]. Остается только восхищаться силе аналитических, политических центров США, спецслужб США, которые без войны сумели разрушить и уничтожить мировую сверхдержаву. Обладавшую самыми мощными вооруженными силами; спецслужбами, КГБ и ГРУ; экономикой; возглавлявшей мировую систему социализма и Варшавский договор. Как ни парадоксально, но на виду всего мира, всей системы социализма, последнее руководство СССР последовательно разрушало позиции Мирового Острова [14].

Современные исследователи и общественность пытаются разобраться в «причинах краха СССР, произошедшего без каких-либо видимых причин. Не было «ни глады, ни мора, ни нашествия иноплеменных», а сверхдержава обрушилась как картонный домик. В условиях, когда США даже не считают нужным скрывать своего намерения, опираясь на потенциал «пятой колонны», добиться краха уже и Российской Федерации (операция «Троянский конь»), вопрос о природе той геополитической катастрофы становится для нас не столько историческим,

сколько политическим. Важным не только для понимания прошлого России, но и ее возможного будущего» [16; 99; 126; 142].

В результате реализации Гарвардского проекта в 1991 – 1993 г. в России произошел очередной государственный переворот [140]. Все революции и государственные перевороты в России происходят по одной схеме. Запад, в основном Британия, вербует и формирует «пятую колонну» из числа представителей высшей политической, государственной, военной элиты России, спецслужб. В нужный момент «пятая колонна», агенты влияния в высших эшелонах власти, просто разрушают сверхдержаву, Россию, Хартланд [108].

Современные исследователи обвиняют в развале СССР непосредственно первого президента России М.С. Горбачева. «Первый и последний президент СССР, который не смог удержать от распада одну из мощнейших стран в истории цивилизации. Многие считают его ставленником США, который действовал по их указаниям, выполняя доктрину развала СССР» [30]. После разрушения СССР началось последовательное уничтожение самой России. В соответствии со следующей программой ликвидации, Хьюстонским проектом.

Как отмечают современные исследователи, «Советский Союз развалился не сам, а было совершено его «преднамеренное убийство». Совершено как раз теми, кто должен был его защищать и укреплять – государственной элитой» [66].

Как показывает анализ источниковой базы, американские политические и аналитические центры провели глубокое изучение экономики СССР; морально-политического состояния и настроения советского народа. На основе этих материалов конгресс США принял закон № 102 от 1992 года под оскорбительным для России названием «Закон о свободе для России и новых независимых государств». Осенью же 1992 года Объединённый комитет начальников штабов США доложил президенту и Конгрессу оценку состояния Вооружённых Сил США. Где заявил, «что, не смотря на то, что руководители России взяли на себя обязательства реформировать свои Вооружённые Силы и правоохранительные органы, Россия всё равно будет оставаться нашим главным противником, требующим самого пристального внимания» [143].

В 90-е годы XX столетия в России происходили те же классические процессы разрушения сверхдержавы, что и после революции октября 1917 года. Уничтожение промышленного потенциала. Разрушение вооруженных сил, дискредитация офицерского состава. Массовая безработица. Всплеск всех видов преступности; формирование этнической организованной преступности [8; 9; 24; 103]. Этнические войны на Кавказе [52]. Была ликвидирована прежняя государственная идеология, а новой идеологии не создали [53]. Без своей идеологии государство беспомощно. Оно должно иметь собственную государственно-правовую идеологию [3; 88; 110; 116; 120; 123; 138]. При этом она (идеология) должна быть суверенной, в нашем случае – российской, и базироваться на русской суверенной философии права [48; 124]. В отечественной научной литературе ведутся активные дискуссии по вопросам государственно-правовой идеологии [21; 22; 69; 70; 71; 76; 78; 87; 95; 137]; к сожалению, не всегда они учитываются в законотворческой деятельности.

В этот период был разрушен старый и создан новый механизм государственной власти. Из числа сторонников разрушения России, так называемых «либералов», была сформирована новая политическая и функциональная элиты, «пятая колонна» внутри России. В значительной мере был уничтожен оборонный и промышленно-производственный потенциал. Были сняты моральные и правовые ограничения, на активизацию организованной преступности, этнической организованной преступности. Политическая элита была использована не в том направлении и целях, для которых она предназначена [54; 62; 63; 64].

В апреле 2003 года в Москве прошел симпозиум под названием «Национальная безопасность России: проблемы нелегальной миграции и этническая преступность». Специалисты ФСБ и МВД России говорили о той опасности, которую несет национальной безопасности страны этническая организованная преступность. Как сообщил начальник Главного управления уголовного розыска МВД Владимир Гордиенко, «среди раскрытых преступлений «этническая» часть составляет 7,5 процента. Доля преступных группировок с «национальным характером» также не превышает 7 процентов. Однако, этническая преступность опаснее обыкновенной

преступности коренного населения. «Преступные группировки, образованные по национальному признаку, – заявил начальник Главного управления уголовного розыска, – сплоченнее, конспиративнее, у них более жесткие законы внутри группы, они не пускают к себе людей других национальностей» [65].

Среди этнических преступных группировок сложилась своя специализация. Самые дерзкие угоны дорогих автомобилей совершают грузины. Таджики стали основными поставщиками и распространителями наркотиков в России. Напомним, что в начале 90-х годов на территории Таджикистана было уничтожено (по самым скромным подсчетам) значительное количество славяно-русского населения. Проблемы же с наркоманией продолжают оставаться актуальными и сегодня [42; 43; 44; 45; 46; 114].

По мнению специалистов (на ноябрь 2006 г.), первое место среди этнических ОПГ занимала азербайджанская. «Имея уникальные способности к торговле, они контролируют продовольственные рынки, занимаются наркобизнесом и поставляют... дешевую рабочую силу – гастарбайтеров. В последнее время стали совершать преступления в сфере недвижимости: подыскивают пьющих людей или одиноких стариков, переоформляют и продают их квартиры». Затем идет «армянская ОПГ», которая «занимается в основном мошенничествами в различных сферах. Это и банковская деятельность, и различные кредиты, страховки, липовые страховые компании. Они весьма плотно работают с русскими криминальными структурами... Таджикская ОПГ специализируется в основном на оптовых поставках наркотиков – везут на Северо-Запад из Афганистана опий, гашиш и героин. Цыганская группировка занимается розничным сбытом наркотиков. Отношения внутри их ОПГ как в большой, сплоченной семье. В наркобизнес вовлечены даже маленькие дети, которых обычно используют для перевозки наркотиков и для наблюдения» [90].

Проблемы, связанные с миграционными процессами, активно анализируются российскими исследователями [12; 31; 33; 34; 35; 36; 47; 49; 59; 68; 121; 122], но продолжают оставаться актуальными.

Этническая организованная преступность – это уже готовые структуры диверсионно-разведывательных формирований. Они алчны,

хорошо организованны, соблюдают меры конспирации, хорошо вооружены. В любой момент могут выполнить оплаченные указания по совершению диверсионно – террористических актов.

Профессиональная преступность ринулась во власть; произошло слияние преступности и власти. Мощнейшей дезорганизации подверглись правоохранительные органы, вооруженные силы, спецслужбы России. Началось мощнейшее вырождение России; возник «Русский крест», как символ геноцида государство – образующего населения. На территории самой России начались процессы развития этнического национализма; началось гонение на государство – образующее, русское население. На территории Северного Кавказа прошли две «чеченские войны».

Как отмечают современные исследователи, «мы проиграли глобальный геополитический конфликт. Мы побеждены. И поэтому обязаны знать точно и строго – кто является хозяином в новых условиях планетарного расклада сил, каковы основные черты его мировоззрения, что он думает о мире, истории, судьбе человечества, о нас самих? Это необходимо всем – и тому, кто намерен смириться и покорно служить новым господам, и тому, кто отказывается принимать такое положение дел и стремится к восстанию и отвоеванию новой геополитической свободы» [40]. На фоне политического и правового Хаоса, разрушения промышленности, экономики, падения нравственности, в России началось мощное вырождение населения.

В начале 2011 года Берлинский институт народонаселения и развития (Das Berlin-Institut für Bevölkerung und Entwicklung), сделав достоянием немецкой и европейской общественности результаты анализа демографических процессов в самой России, и в ряде бывших республик бывшего СССР. Доклад, опубликованный на русском, немецком и английском языках, звучал довольно таки угрожающе: «Исчезающая мировая держава». Это они о стране, которая на протяжении веков была ведущей державой мира, обладала 1/6 территорией Земной суши. Народы которой, несмотря на царское Самодержавие, активно плодились и размножались. В годы гражданской войны русский поэт С. Бехтеев писал о России:

«Была Державная Россия;
Была великая страна

С народом, мощным, как стихия,
Непобедимым, как волна».

Авторы зарубежного исследования обратили внимание на то, что население демократической России, совершенно неожиданно, перестало плодиться и размножаться. За период с 1993 по 2010 годы население России сократилось со 149 до 142 миллионов.

За всеми этими процессами стоит Мировой Океан, уничтоживший Мировой Остров, как своего геополитического противника. На наш взгляд, именно процессы «демографического исчезновения России» служат причиной высокого уровня геополитической агрессии Мирового Океана.

Крушение Советского Союза, разрушение коммунистической идеологии, уничтожение промышленного и оборонного потенциалов не уменьшило уровень социально – политической напряженности между Востоком и Западом; Мировым Океаном и Мировым Островом.

Представители американской элиты обосновывают особый статус США, как структуры Мирового Океана, в мировой геополитике. «Место Америки, – заявляла государственная секретарь Олбрайт, – находится в центре всей мировой системы... Соединенные Штаты являются организующим старейшиной всей международной системы» [27].

Но, владея даже Мировым Океаном, США чувствуют свою ущербность по отношению к Мировому Острову.

Вот почему основная цель Запада, уничтожение национальной государственности и демографического потенциала России. Как утверждают современные российские исследователи, «они не остановятся пока окончательно не добьют нас. Всех нас, всех наших детей, стариков и женщин. С ветхозаветной жестокостью и либеральным цинизмом. Их намерения очевидны и ужасны. Наше спокойствие, зевота, тупость и лень на этом фоне выглядят преступлением» [40].

В принципе Россия считалась и считается русским государством. Государствообразующими являются русский народ и русская цивилизация. Но русские отказались от своей ведущей роли в построении государства, в проведении его реформ.

Как утверждают современные эксперты,

«сейчас продолжается информационная война против славян и русских, которая началась сотни лет назад, но на каждом витке истории она продолжается в новом обличье. Как правило, она предшествовала реальным войнам, и служила подготовке населения в отношении дегуманизации противника, его демонизации, чтобы максимально понизить моральный барьер для последующего физического уничтожения «демонов». Но войны стали необязательными, дегуманизация стала служить и другим целям, например, для обоснования выхода из политического и экономического союза с Россией, желание пересмотреть итоги последней мировой войны, взять реванш за поражение пронацистских сил...» [127].

Ведущие аналитики в области геополитики длительные годы дискутировали о том, чья власть сильнее в мире, власть Суши или власть Океана? В чем состоит власть Суши? Какой, конкретно, регион Суши – Евразии осуществляет контроль над всем Евразийским континентом.

В принципе эти вопросы обсуждал еще Харальд Маккиндер, один из первых теоретиков геополитики. Это он разработал концепцию евразийской «опорной территории». По его мнению, сюда входят: вся Сибирь и большая часть Средней Азии. Затем он сформулировал концепцию «сердца» (хартленда), Центральной и Восточной Европы, как плацдарма для установления доминирования над континентом. Это ему принадлежит афоризм, обосновывающий концепцию «сердцевины земли»: «Тот, кто правит Восточной Европой, владеет Сердцем земли; Тот, кто правит Сердцем земли, владеет Мировым Островом (Евразией); Тот, кто правит Мировым Островом, владеет миром» [20].

Современные американские политологи разрабатывают геополитические установки для руководства Соединенных Штатов, именно на основе трудов перечисленных геополитиков.

Так, известный американский политолог З. Бжезинский свои геополитические взгляды на современный мир изложил в ряде таких своих работ, как: «Великая шахматная доска» [17], известная в немецком переводе как «Единственная мировая держава». По мнению З. Бжезинского, та держава, которая в ближайшее время получит господство в Евразии, получит господство над всем остальным миром. «Эта огромная, причудливых очертаний евразийская

шахматная доска, простирающаяся от Лиссабона до Владивостока, является ареной глобальной игры» [18], причем «доминирование на всем Евразийском континенте уже сегодня является предпосылкой для глобального господствующего положения» [19].

Ценность Евразийского региона состоит в том, что «Евразия, бесспорно, является самым большим континентом, на котором проживает 75% населения мира, и на котором располагаются 3/4 всех мировых энергетических запасов».

Но для завладения Мировым Островом нужна война с Россией.

Во всех документах стратегического планирования США, как геополитического противника России, Россия всегда была основным объектом геополитической борьбы. Современные аналитики, рассматривая высокий уровень агрессии со стороны США к СССР – России, не говорят о том, что это не просто борьба двух государств, двух блоков. Это – борьба геополитических противников, Мирового Океана и Мирового Острова. Она началась сразу же после окончания Великой Отечественной войны.

Так, в 90-е годы, уже после крушения СССР, Президент США Клинтон подписал «Стратегию национальной безопасности США в новом столетии», которая получила название «Стратегии Клинтона». В период разработки «Стратегии Клинтона» известный своей антироссийской агрессией поляк З. Бжезинский разрабатывал для США концепцию расширения НАТО на Восток [27].

В «стратегии Клинтона» речь шла об усилении позиций США в однополярном мире; о повышении уровня военной безопасности США; о развитии рыночной экономики и свободной торговли во внешнем мире. «Перед вооруженными силами США ставилась задача достижения беспрецедентного превосходства по всему спектру военных операций, ... комплексное обеспечение финансово – экономического доминирования США в мире, защита экономических интересов американских компаний (ТНК и ТНБ) в любой точке планеты» [94, стр. 94-95]. Одним из объектов американских интересов была Россия.

Администрация нового Президента США, Дж. Буша, в начале XXI века, подготовила новую стратегию национальной безопасности. «Стратегию национальной безопасности» США

до 2002 г. называли еще «Доктриной Буша». Администрация Дж. Буша в новой «Стратегии национальной безопасности» США до 2002 г. сохранила гегемонию США на мировое господство. В «Стратегии национальной безопасности США» 2006 года речь уже шла о возможности нанесения превентивного удара в интересах США. В этой стратегии конкретно указывалось, что «цель нашей политики состоит в том, чтобы помогать создать мир демократических, хорошо управляемых государств, которые могут обеспечивать потребности своих граждан и ответственности вести себя в международной системе. Это – лучший способ обеспечить безопасность для американских людей» [94, стр. 97].

Администрация Президента США Обамы разработала и утвердила новую «Стратегию национальной безопасности» (2010 г.).

Во всех этих документах, законе и стратегиях, речь не шла о защите интересов США на территории США, о защите интересов американской личности. Все эти документы необходимо рассматривать как концепции, планы, стратегии установления мирового господства США. В том числе, за счет геополитического противника, Мирового Острова – Хартленда – России.

В последующих документах стратегического планирования США речь шла об использовании «умной власти», «умной мощи» для защиты интересов США во внешнем мире, для осуществления глобального мирового лидерства США.

30 января 2018 г. (31 января по Москве) президент США Дональд Трамп, обратившись к конгрессу с речью «О положении страны», заявил: «В мире мы сталкиваемся с режимами-изгоями, террористическими группировками и соперниками вроде Китая и России, которые бросают вызов нашим интересам, нашей экономике и нашим ценностям» [125]. И далее, Трамп призвал модернизировать и перестроить ядерный арсенал США, чтобы усилить ее военные возможности. По сути дела, президент Трамп объявил о начале очередной гонки вооружений. Судя по всему, чтобы «сломить Россию и Китай по образцу краха СССР конца 80-х – начала 90-х». Как утверждают эксперты, «сложившийся в мире расклад сил и технических ресурсов таков, что, как это ни странно звучит, в большей части возможных форматов неядерного противостояния американцы рискуют проиграть нам» (России) [125].

Война с Россией в современных условиях, при нынешнем оружии, самоубийство для агрессора. Вот почему Мировой Океан разрабатывает теорию и тактику ведения гибридной войны, как войны, не затрагивающей территорию и интересы государства – агрессора. Готовясь к новой войне с Мировым Островом, Россией, США, Мировой Океан, приступает к разработке нового вида войны, гибридной. В том числе, с использованием «пятой колонны» на территории России.

Военная стратегия включает ведение различных видов войн: малых, обычных, региональных войн. Но, во всех этих видах войн основными субъектами военного противостояния являются вооруженные силы воюющих государств. В таких войнах используются все виды вооружений, имеющиеся в арсенале воюющих государств. Это стандартное оружие называется еще «летальное вооружение», направленное, в первую очередь, на уничтожение личного состава вооруженных сил, оборонного потенциала врага [141]. Но, открытый военный конфликт с использованием имеющегося оружия чреват последствиями для обеих сторон. Понимая это, Мировой Океан начинает разрабатывать теории новой модели войны.

В своей военной стратегии Америка записала: «Долгосрочные и комплексные операции с участием вооруженных сил США, других правительственных ведомств и международных партнеров, будут проводиться одновременно во множестве стран по всему миру с опорой на сочетание прямого (видимого) и непрямого (тайного) подходов» [37].

Как видно из военной стратегии США, в планируемой войне с Россией «соотношение вооруженного, прямого, и непрямого, тайного подхода стремительно меняется в сторону увеличения роли тайных спецопераций» [37].

Достичь политических и военных целей применением обычных вооруженных сил, Сухопутных войск, ВВС, ВМФ, невозможно. Ибо, такие же войска имеются и у стратегических противников США, в частности, у России. Поэтому США пошли по пути создания внутри государств – объектов, «нетрадиционных глобальных сил». Которые будут вести действия: информационно – политического разлагающего характера; диверсионно – террористического характера, «нетрадиционные тайные войны» иррегулярного характера. В

результате, в документах стратегического планирования американского военного командования и в информационно – политическом обороте появилось новое название нового вида военных действий: «гибридная (смешанная) война» [37].

США и НАТО, как геополитические противники России, в планируемой войне с Россией делают ставку на гибридную войну. Словосочетание «hybrid warfare», в переводе с английского языка – «гибридная война», впервые было ведено в информационный оборот в США, в XX столетии. Под гибридной войной понимается военная стратегия, объединяющая в себе, как обычную, так и информационную войны.

Само слово «гибридный» указывает на новый тип войны. Понятие «гибридный» можно перевести, как «смешанный», «поместный». Военная наука и политология пока еще не пришли к единому понятию «гибридной войны». Как утверждают политологи, «современная политическая ситуация подразумевает различные трактовки понятия гибридной войны. Единое и общепринятое определение этого термина отсутствует» [132].

Так, парламентарий из Нидерландов, бывший советник НАТО, генерал-майор в отставке Франк ван Каппен дал следующее определение гибридной войне: «Гибридная война – это смешение классического ведения войны с использованием нерегулярных вооруженных формирований. Государство, которое ведет гибридную войну, совершает сделку с негосударственными исполнителями – боевиками, группами местного населения, организациями, связь с которыми формально полностью отрицается. Эти исполнители могут делать такие вещи, которые само государство делать не может, потому что любое государство обязано следовать Женевской конвенции и Гаагской конвенции о законах сухопутной войны, договоренностям с другими странами. Всю грязную работу можно переложить на плечи негосударственных формирований» [56; 146].

Отдельные исследователи вводят термин «гибридная угроза», как стадия предпосылки «гибридной войны».

Специалисты рабочей группы НАТО в 2010 году дали свое определение «гибридной угрозы»: «это угроза, созданная реальным или потенциальным противником (государством, негосударственной организацией или террористами),

которая заключается в реализованной или предполагаемой возможности одновременного применения традиционных и нетрадиционных военных методов для достижения своих целей» [56; 145].

На наш взгляд, подобное определение не отражает сути «гибридной угрозы». Гибридные войны и гибридные угрозы ведутся и осуществляются государством-агрессором в отношении государства-мишени. В таких войнах и угрозах достигаются геополитические и стратегические цели государства-агрессора. «Негосударственные организации и террористы» не смогут добиться ни геополитических, ни стратегических целей на территории государства-мишени. «Негосударственные организации и террористы» могут быть лишь инструментом гибридных войн в руках государства-агрессора.

Таким образом, ни в России, ни в других странах, не существует юридического понятия гибридной войны.

Современный эксперт по гибридным войнам Дэвид Килкаллен, автор научного труда «Случайный партизан» [55], утверждает, что «термин гибридная война – это лучшее определение современных конфликтов». И, одновременно подчеркивает, что гибридная война «включает в себя комбинацию партизанской и гражданской войн, а также мятежа и терроризма» [56].

На наш взгляд, это слишком узкое определение сути гибридной войны. Автор включил в механизм гибридной войны только ведение криминально-силовых действий на территории государства-мишени, с использованием его населения: мятежей, массовых беспорядков, массового неповиновения, терроризма, гражданских войн. В этом случае происходит самоликвидация населения государства-мишени, которое уничтожает друг друга в партизанской войне, мятежах, гражданской войне, бандитизме, организованной преступности; уничтожает суверенитет своего государства [56].

Таким образом, как утверждают специалисты, и с этим надо согласиться, «гибридная война – это... актуальный вид войны, которая ведётся не только и не столько пушками и танками, сколько силами политической пропаганды, террора, дезинформации и экономического давления на противника. Гибридная война включает также подрывную деятельность спецслужб на территории противника и различные техники искажения информации. Само слово «гибридный»

означает в данном контексте использование сразу нескольких рычагов давления на противника, среди которых боевые действия составляют хотя и важную, но всего лишь часть» [106].

Военные эксперты называют «гибридные войны» другим термином: «война управляемого хаоса» [141].

Как утверждают теоретики военного искусства, «тактика гибридной войны приводит к тому, чтобы довести политический режим атакуемого государства до состояния десуверенизированного, марионеточного, легкоуправляемого агрессивно напавшей страной, и тогда все решения будут приниматься в ее пользу» [141].

О высокой эффективности подобного рода военных действий писал еще военный теоретик, бывший офицер царской армии России Э. Месснер: «В будущей войне воевать будут не на линии, а на всей поверхности территорий обоих противников, потому что позади оружного фронта возникнут фронты политический, социальный, экономический... Линия фронта ... теперь будет стерта окончательно... В этих условиях «тайновоевание может получить весьма большое развитие» [37].

Месснер Э. дал характеристику той особой армии, которая будет проводить спецоперации «тайновоевания». «Если отказаться от обычных представлений о войске как о стройном организме с регламентированными поступками его молодежавших воинов, то можно было бы назвать армией и совокупность организаций, колонн, выполняющих диверсионные и иные подрывные действия. Эта армия является криптоармией, тайноополчением» [37].

Таким образом, в планируемых военных действиях намечается использовать новый субъект ведения военных действий на территории государства – мишени: криптоармию, армию, параллельную традиционной армии. Эта армия будет строиться и действовать на совершенно иных принципах, которые мало известны современной военной теории. По мнению специалистов военного искусства, «криптоармия, тайноополчение, по своей эффективности значительно опаснее вооруженных сил страны-агрессора. Опасность действий первой многократно превосходит опасность действий второй» [37].

На наш взгляд, можно выделить ряд особенностей «криптоармии», или «тайного ополчения».

1) тайная армия создается на территории

потенциального противника, в основном, из граждан государства-мишени. Состав тайной армии не ограничивается по социальным, социально-профессиональным, политическим, культурным и иным критериям. В состав тайной армии входят граждане государства-мишени: его ведущие политики; представители государственной, культурной, бизнес и иных элит; высокопоставленные должностные лица силовых органов и спецслужб, и другие. «Участники» криптоармии вербуются адресно, то есть каждый – для выполнения конкретных задач, к решению которых он более подготовлен.

- 2) процессы формирования криптоармии, управления ею на территории государства-мишени, происходят под контролем спецслужб государства-агрессора. Происходит внешнее управление формированием криптоармии на территории государства-объекта. На территорию государства-объекта могут забрасываться специалисты по ведению диверсионных войн государства-заказчика. Туда же могут направляться ЧВК, ЧРК, которые смогут составить организационное ядро последующих диверсионно-террористических формирований, партизанских отрядов, и пр.
- 3) на территории государства-мишени создаются запасы огнестрельного оружия, ВВ, СВУ.
- 4) на территории государства-мишени происходит вербовка представителей местных элит в различных структурах и слоях общества. Прежде всего, в высших органах законодательной и исполнительной власти, военного командования, правоохранительных органов, средств массовой информации и др. Эта сеть начинает действовать задолго до начала открытой фазы гибридной войны.
- 5) на территории государства-мишени начинается информационно-идеологическая обработка широких слоев населения. У населения формируется чувство неприязни, ненависти к своему правительству и государству. Средства информации (СМИ и интернет), пропагандируют асоциальное поведение молодежи. Распространяются

идеи подрывного характера.

- б) агентура агрессора из числа местных элит проводит политику разрушения собственного государства, и др.

По сути дела, на территории демократической России самым активным способом действуют все перечисленные формы создания «криптоармии», или «тайного ополчения».

Криптоармия не ведет открытых сражений на полях битв. Она не уничтожает солдат и боевую технику противника, не захватывает вражеские окопы и оборонительные сооружения. Криптоармия «нацелена на тотальный и глобальный подрыв всех фундаментальных основ системы государственности в целом» [37].

Тайная армия формируется и начинает действовать на территории государства-мишени задолго до начала официальной военной агрессии, до объявления войны. Адаптировавшись на территории предстоящих действий, тайная армия целенаправленно ослабляет, разрушает изнутри государство, объект агрессии. Тайная армия распространяет информацию подрывного характера; сеет панику среди населения; уничтожает его военную, экономическую, политическую мощь, лишает население и военнослужащих воли к сопротивлению.

С началом открытой войны тайная армия наносит избирательный удар по объектам «государства-мишени». Различного рода диверсионно-разведывательные формирования (ДРФ), диверсионно-разведывательные группы (ДРГ), партизанские отряды, этнические бандформирования, будут осуществлять адресные диверсионно-террористические акты. Выводить из строя системы жизнеобеспечения; транспортные магистрали; систему энергоснабжения; ликвидировать представителей органов власти и спецслужб, и т.п.

Анализ документов стратегического планирования США о целях американских вооруженных сил в современной войне, показывает, что Соединенные штаты преследуют в современной войне не традиционные интересы своего государства, а глобальные цели.

Такая диверсионно-террористическая война уже успешно ведется на территории России.

Первая чеченская война 1994 года была организована агентурой США в руководстве России.

На стыке веков по России прокатились волны диверсионно-террористических актов: взрывы

жилых домов с жильцами; взрывы в московских метро, захваты заложников в Москве, Осетии, Ставропольском крае. В России все это необоснованно «валили» на чеченцев и на «лиц кавказской национальности», на кавказскую месть, освященную горскими обычаями.

Между тем, террор – это регулируемая преступность, направленная против государства. Каждый террористический акт совершается для достижения какой-то политической цели. У каждого террористического акта антигосударственного терроризма есть заказчики и исполнители.

После взрыва весной 2010 года в московском метро, американские СМИ довольно информировано сообщили о заказчиках и исполнителях. Вот заголовки лишь двух статей об этом печальном событии:

1. «Взрывы в московском метро выполнены ЦРУ и их друзьями?» («Moscow Subway Blasts Carried Out By The Cia And Its Friends?»)
2. «Террористические акты в Москве: операция ЦРУ, саудовской разведки, Моссада?»

Обратим внимание, что информированная американская пресса ни слова ни сказала о «чеченском следе» в московских взрывах. Она назвала конкретных заказчиков, организаторов, подстрекателей террористического акта: Центральное разведывательное управление США; разведка Саудовской Аравии; разведка Израиля, Моссад.

А вот еще одно подтверждение внешнего следа. 29 марта 2010 года в московском метро, на станциях «Лубянка» и «Парк культуры», Сокольнической линии, были произведены взрывы двумя террористками-смертницами «кавказского происхождения». В результате взрывов погибли 41 человек, и 88 были ранены. Ответственность за взрывы взял на себя лидер «Кавказского эмирата» Доку Умаров.

В одной из американских газет 29 Марта 2010 года была опубликована статья о взрыве под следующим заголовком: «CNN ведет прямую трансляцию с мест взрывов». Аналитики обратили внимание на то, что Российские «федеральные каналы начали транслировать новости только с десяти утра. А CNN ведет прямую трансляцию с мест взрывов практически сразу, как только взрывы произошли» [37].

А это значит, что журналисты CNN знали о месте и времени взрывы, и вовремя подтянулись именно к месту взрывы. Получается, что о том, что знали журналисты зарубежных изданий, не знала ФСБ России.

Диверсионно-террористическая война не ограничена никакими законами, нормами морали и нравственности, формами и методами. Об этом достаточно детально писал русский военный теоретик М.А. Дробов [38]. Все зависит от мощности и разветвленности террористического подполья на территории государства-объекта, страны-мишени, от финансирования, наличия резервов.

Судя по всему, на территории демократической России уже создана мощная и разветвленная диверсионно-террористическая сеть, члены которой выполняют зарубежные команды. Не задумываясь о последствиях для своей страны [144]. На территории России действует мощнейшая и разветвленная вербовочная сеть на основе радикального ислама. «По данным ФСБ России в настоящее время более тысяч россиян уже воюет на стороне боевиков «Исламского государства». При этом большую часть из них составляет молодые люди, в том числе студенты российских вузов». Несмотря на то, что террористическая группировка на территории Сирии терпит поражения, «процесс рекрутирования не снижает своих «оборотов» [136].

На территории СССР и Советской России в свое время была создана мощнейшая зарубежная агентурная сеть среди высшего партийного и функционального слоев страны, которая и развалила СССР в интересах Мирового Океана. О готовности представителей функционального слоя, чиновников, «предать Россию», можно судить по уровню коррупции. Вот лишь некоторые примеры коррупционности чиновников. «Генпрокуратура потребовала взыскать с Абызова более 32 млрд. рублей» [26]. «Генпрокуратура России потребовала изъять и обратить в доход государства средства экс-министра Михаила Абызова в сумме свыше 32 млрд. рублей». «Ашотик из налоговой». Как полковник Захарченко помог РЖД украсть 16 млрд. рублей на налогах» [13].

Как отметил известный российский экономист Сергей Глазьев, ... «экономика ведь это отношения между людьми, которые, в свою очередь, регулируются нравственными нормами.

Как считает Глазьев, либертарианская система рынка, когда все дозволено, и можно делать все, что не противоречит закону, ради максимизации прибыли, это безнравственная этическая система» [51].

Вывод экспертов таков: коррупционные чиновники никогда не будут защищать интересы и национальную безопасность России.

Примером наличия зарубежной сети криптоармии в России могут служить пожары августа 2010 года.

В августе 2010 года, судя по всему, по команде из единого центра, запылала едва ли не вся Россия. Пожары охватили одновременно территории 22 регионов России. Всего площадь пожаров, на конец августа 2010 года, составила 900 тысяч гектаров площадей России [37]. Наиболее активно полыхали Нижегородская, Рязанская и Воронежская области.

Эксперты обратили внимание, что «поджоги имели прицельный военный характер», и по своему воздействию и последствиям могли быть «приравнены к оружию массового уничтожения».

А вот последствия этих пожаров.

В городе Сарове пожары подошли во плотную к городу Сарову и военным объектам. Едва не взлетели на воздух Федеральный ядерный исследовательский центр и ряд серьезных военных объектов.

Объектом пожара стал ядерный центр в закрытом городе Снежинске в Челябинской области.

В Подмосковье сгорела авиабаза ВМФ РФ. Командир сгоревшей базы ВМФ (уволенный потом из-за пожара) рассказывал, что на базе служили только 40 матросов. В течение 10 дней матросы, во главе с командиром, пытались спасти авиабазу от огня. А это – 115 гектаров площади. База сгорела. Ущерб – на многие миллиарды рублей. Министерство обороны не принимало достаточных мер в защите базы от пожара. Территориальные МЧС тоже не приняли участия в спасении авиабазы.

В городе Коломне пожар полыхнул непосредственно на секретном оборонном предприятии. «Очаг возгорания находился в цехах конструкторских подразделений секретного оборонного предприятия. Там, где проходит разработка и испытания новейшего вооружения. В эти дни на заводе проходили испытания переносного зенитно-ракетного комплекса «Игла-С»

и оперативно-тактического ракетного комплекса «Искандер-Э»» [37].

А это говорит о том, что в цехах секретных оборонных предприятий, на оборонных заводах, уже действует агентура западных спецслужб. Эта агентура получила задание совершить поджоги в цехах, где производится секретное военное оружие. Эта агентура могла не только совершать поджоги непосредственно в цехах. Эта агентура могла заложить взрывчатку и в цехах секретных оборонных предприятий, и просто-напросто взорвать их. Вместе с ведущими специалистами, изобретателями, мастерами.

В западной части России лесные пожары активировали «заражение регионов, уже затронутых катастрофой на Чернобыльской АЭС, подняв в воздух из почвы радиоактивные частицы». А это значит, что у заказчиков уже есть карты таких лесов и территорий, которые уже активированы радиоактивными частицами.

Поджоги (и засуха) уничтожили «пятую часть урожая страны». А это уже предпосылки к возникновению массового голода. А голод, это болезни, преступность, людоедство, высокий уровень смертности населения.

Москва в этот период была заполнена смогом, дымом. В результате, из-за жары и смога, смертность в Москве выросла в два раза. Если обычная смертность в обычные дни составляла в городе 360-380 человек в сутки, то в августе 2010 года она достигла уровня примерно 700 человек.

Как впоследствии установили специалисты, подмосковные пожарища не имели отношения к задымлению Москвы. 6 августа 2010 года на сайте группы компаний Пожоборонпром появилась информация следующего характера: «Примечательно, что сильный запах гари появился ночью за считанные минуты, заставив горожан беспокоиться о том, что пожар происходит в непосредственной близости от домов. Сейчас на юге Москвы, по словам корреспондента, видимость составляет не более 100-200 метров и постоянно ухудшается» [37]. За «считанные минуты» дым, имитирующий запах гари, накрыл всю Москву. А это значит, что в самой Москве уже действует агентура геополитического противника, США и НАТО. Которая разбросала по Москве какие-то мощные дымовые шашки, имитирующие запах гари от пожаров. Но, в следующий раз эта агентура может разбросать шашки с химическими веществами, которые

будут вызывать массовую смертность населения.

Одной из форм гибридной войны является партизанско-повстанческое движение (по учению М. Дробова). Оно возможно в двух видах:

- а) сопротивление одиночек, стихийно создаваемых небольших групп;
- б) партизанское движение войскового типа (система партизанских отрядов, организованных и массово действующих под руководством армии).

Создание повстанческих групп – это и стратегия гибридной войны. Повстанчество и партизанство возможны в двух вариантах: нападение агрессора и самозащита населения. В годы Великой Отечественной войны активно использовались обе формы. Повстанчество нападения – это диверсионно-террористические группы, которые забрасывались фашистами в тылы Красной Армии. Это – бандеровские отряды в Западной Украине, и отряды «лесных братьев» в Прибалтике. Это – организованные банды, которые стихийно формировались во многих регионах России.

Повстанчество самообороны – это школьники, молодежь, комсомольцы, военнослужащие, оставшиеся на временно оккупированной территории. Это специализированные диверсионные группы, большие партизанские отряды, создававшиеся НКВД либо командованием Красной Армии для ведения диверсионно-террористических и военных действий в тылу врага.

А теперь зададимся вопросом, кого будет больше в России, начнись против нее гибридная, диверсионно-террористическая война.

27 августа 2018 г. США ввели новые санкции против России, в рамках американского закона 1991 года о контроле над химическим и биологическим оружием. Госдепартамент США в своем распоряжении утверждает, что власти России «использовали химическое и биологическое оружие в нарушение международного права, касающегося химических вооружений, против своих собственных граждан» [115].

На первом этапе Госдеп США, как структура Мирового Океана, запрещает поставки в Россию «материалов для оборонной промышленности, а также товаров и изделий двойного назначения». Сюда входят: оружие, военная электроника, беспилотники, реактивные авиационные двигатели; запрет на заключение и финансирование сделок по продаже оружия.

Россия, по требованию своего геополитического противника, должна дать «надежные заверения» в том, что она полностью отказывается от использования в будущем химического оружия.

На втором этапе запланировано: «понижение статуса дипломатических отношений между Россией и США»; практически полное прекращение любых видов торговли между странами; блокирование любых кредитов «по линиям международных финансовых институтов»; запрет российским государственным авиакомпаниям полеты в США.

В то же время, США оставляет сотрудничество с Россией в космической области, где она просто не может обойтись без России.

Это – очередной этап санкционной войны против России. В начале 2018 г. США опубликовали так называемый «кремлевский список», куда вошли 210 высокопоставленных российских чиновников и бизнесменов, руководство администрации Президента России, 24 крупнейших бизнесмена, 14 компаний, кому запрещен въезд в США. И это еще не все. Госдеп США предлагает «ввести санкции против российских госбанков и новых выпусков госдолга РФ».

Мировой Океан требует, чтобы Россия, как Мировой Остров, «изменила свое поведение» в интересах США [115]. То есть Россия должна отказаться от своего космического предназначения и «пасть» перед Мировым Океаном.

В этой связи представляет интерес механизм развития гибридных войн в Российской империи.

Начиная с 60-х годов XIX века, Российская империя превратилась в объект и территорию гибридных войн Запада. Активная реформаторская деятельность Александра II объективно способствовало активизации всех государственных процессов; развитию образования, науки, промышленности; строительству дорог, улучшению благосостояния населения. По темпам промышленного производства Россия за 40-50 лет после отмены крепостного права прошла тот путь, на который Европа потратила почти 300 лет.

Дабы затормозить поступательное движение России, Запад развернул против нее гибридные войны и революционный террор. К этому времени сама Европа накопила значительный опыт государственных переворотов, построения республик, развития демократии.

Объектом гибридных войн и революционного

террора Европы была Россия. В этой связи заслуживает внимания вопрос, что представляло собой Российское государство, ставшее объектом террора?

Чтобы понять сущность и механизм гибридных войн, надо обратить внимание на состояние самого государства. Дореволюционные ученые в целом называли три классических элемента государства: народ; государственную власть; территорию. «Согласно общепринятому делению, – писал *орд. профессор Императорского Александровского Университета барон С.А.Корф*, – понятие государства расчленяется на три элемента, народ, государственную власть и территорию, при чем им обычно уделяется почти равное значение» [67, стр. 60]. Н.Н. Алексеев рассматривает те же элементы несколько в иной последовательности, тем самым как бы подчеркивая иную важность каждого элемента:

1) территория;

2) население;

3) власть

добавляет сюда еще один:

4) организованный порядок [6, стр. 20].

«Первые три элемента относительно общепризнанны... Что же касается до четвертого, то он не вводится в обычные определения государства, хотя скрыто в них и фигурирует, особенно у авторов, утверждающих, что государство есть род правопорядка или организация правового принуждения» [6, стр. 20]. Он был хорошо известен в имперской России как яркий представитель русской философии права [4; 5].

При трех составных частях государства: власть, территория и народ государственная власть чаще всего связана и с антигосударственным, и с внутригосударственным терроризмом.

Дореволюционные специалисты по теории государства и права, пытаясь объяснить: «что же такое эта государственная власть?», разработали ряд теорий о власти, таких, как «теория индивидуальной воли», «теория «общей» воли», «теория власти права», «теорию ведущего слоя». Значительное распространение в то время получила также историко-материалистическая «классовая теория власти». Несмотря на различие между ними, основной вопрос сводился к тому, «кто» осуществляет власть в государстве: «властная, высшая воля», «особое самосознательное единство в виде общей воли», «правовая

норма», «экономически сильный класс» либо ведущий слой государства.

Вопрос этот не потерял своей значимости и до сегодняшнего времени. В теории государства и права уже в двадцатом веке получил распространение ряд теорий, объясняющих сущность государственной власти. К их числу можно отнести следующие:

- а) теория правящих элит;
- б) технократическая теория;
- в) теория плюралистической демократии, и др.

Технократическая теория возникла в 20-х годах XX столетия. По сути дела, она является продолжением теории элит. «По мнению представителей технократической теории, управлять обществом должны (и часто действительно управляют) специалисты-управленцы, менеджеры»

Что касается теории правящих элит, то смысл ее состоит в том, что народные массы в целом не могут являться субъектом государственной власти и не могут управлять государством. Выполнять управленческие функции может только определенная часть общества, его государственная или политическая элита. Современные сторонники этой теории считают, что существует несколько элит, между которыми идет борьба за власть, причем народ контролирует их деятельность, используя избирательное право. По поводу элиты государства имеются интересные размышления современных исследователей [60; 61].

В Конституции демократической России, разработанной в 1993 году, закреплено, что, «1. Носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ. 2. Народ осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления. 3. Высшим непосредственным выражением власти народа являются референдум и свободные выборы» (статья 3 Конституции РФ) [1].

По мнению многочисленных ученых, учение о причастности народа к формированию власти является весьма проблематичным. Народ – управляемая составная часть государства. Народ – это отдельные индивиды, которые не могут эффективно выбирать управляющий и законодательный состав органов власти. Кроме того,

никто не обращает внимания на смысловое значение слова «демократия». Словом «демо-с» в Древней Греции называли жителей микро-района в Афинах, которые имели право владеть рабами и входить в состав органов власти. Власть «демоса», это власть рабовладельцев. Кроме слова «демо-с», есть слово «демо-н», дьявол. Остается только выяснить, в слове «демократия» какая буква пропущена, «с» или «н»? Народ, толпа в Древней Греции назывались словом «охлос». Власть народа, власть толпы, это «охлократия».

На наш взгляд, в нынешних условиях Мировой Остров, в очередной раз, пребывает в состоянии нирваны. Мировой Океан ввел в действие все механизмы гибридных, а теперь уже, и силовых войн. На территории Украины в 2014 году произошел фашистский государственный переворот. Власть захватили представители наиболее агрессивной части Мирового Океана. Которых в литературе называют «тварями» или «биологическим искусственным интеллектом» [89]. Население Крыма, Донецкой и Луганской областей отказалось оставаться в составе фашистского государства. Вооруженные силы фашистской Украинской державы стали расстреливать население Донецкой и Луганской областей. Парадокс этих расстрелов заключался в том, что мужчины призывного возраста Донецкой и Луганской областей не оказывали сопротивления агрессивному Западу. Значительную роль в развитии событий на востоке Украины играет Польша.

Со времен развала Речи Посполитой мир изменился. Но не изменились поляки. Они снова взяли на вооружение лозунг: «Polska od morza do morza» – «Польша от моря до моря» (от Балтийского до Черного), а Киев – «Kijow bramy do Polski» – это ворота в Польшу» [133].

В своё время Ярослав Качиньский, глава ныне правящей партии «Право и справедливость», заявлял о построении Четвёртой, католической Речи Посполитой. Это, стремление к реализации старой идеи «Междуморья», восстановления «польского владычества «от моря до моря», на всей балтийско-черноморской перемычке» [102]. Вот почему Польша осуществляет экспансию на Восток, в том числе, «усиленно втягивает Вильнюс в орбиту этих планов». На очереди – Белоруссия и Украина, земли которых, некогда, также входили в состав Речи Посполитой.

О том, какая мания величия владеет польскими высшими должностными лицами, можно судить по следующему примеру. В апреле 2018 года экс-заместитель министра обороны Польши Ромуальд Шереметьев потребовал от России выполнить ряд польских условий. Прежде всего, не препятствовать вхождению Украины и Белоруссии в состав Польши. Затем... подарить Польше город Смоленск. Причем, эти требования не стали следствием буйного помешательства пана Шереметьева. Ибо тогда придется признать «помешанным» весь высший административный состав Польши [105].

Современных польских лидеров не устраивает потенциальная возможность возвращения некогда утраченных земель Западной Украины. Они уже претендуют и на Восточную часть Украины, в том числе на Донбасс. Вот почему польские солдаты и офицеры воюют в зоне АТО. Вот почему Польша так болезненно переживает возвращение Крыма в состав России. «Потеря Крыма – это трагедия для Польши, заинтересованной во влиянии на полуострове» [133].

Президент Польши Анджей Дуда постоянно заявляет, что намерен помогать соседям (Украине), вернуть контроль над всей территорией. По его мнению, от этого зависит безопасность и самой Польши, и всего европейского континента в целом. А это значит, что современная Польша готовит вооруженную и диверсионно-террористическую экспансию на Украину, и при этом будет использоваться весь набор форм и методов гибридной войны.

Как предупреждают современные эксперты, новая оккупация Украины поляками будет сопровождаться массовой резней славяно-русского населения, которых сейчас называют украинцами. Это даст возможность очистить от местного населения большую территорию. Оставшихся – «ассимилировать – ополячить и окатоличить» [133].

В 2015 году американское аналитическое агентство Stratfor опубликовало геополитический прогноз, на ближайшее десятилетие, о перспективах развития Польши. По мнению экспертов, «Польша в ближайшие годы станет гегемоном на пространствах Восточной Европы». И не

просто гегемоном, но гегемоном антирусским и антироссийским. «Мы ожидаем, что Польша станет лидером новой антирусской коалиции, к которой в первой половине десятилетия подключится Румыния. Во второй половине десятилетия (после 2020 года) этот союз сыграет ведущую роль в пересмотре русских границ и возвращении утраченных территорий формальным и неформальным способом. По мере того, как Москва будет слабеть, этот союз станет господствовать не только над Белоруссией и Украиной, но и дальше на восток. Всё это усилит экономическое и политическое положение Польши и её союзников», – говорится в аналитическом отчете. Естественно, военным путем Польша не сумеет оправдать надежды американских экспертов. Единственная надежда, на «мягкую силу» (культура и идеология), а также на дезинтеграцию России [128].

Современные аналитики забыли о том, что Мировой Океан, Запад и США – это древняя Атлантида, силы всепланетной агрессии. Вся история Западной Европы – это череда бесконечных войн. Вначале, на территории Западной Европы. Потом, постоянно неудачные походы на Россию. Потом, новые континенты, Новый Свет. Европа и США, это вековая агрессия, захват.

Мы забыли о том, что русские, украинцы и белорусы – это носители гаплогруппы R1a, это ядро белой арийской расы. Как утверждают специалисты, это те люди, которые были созданы Богом-Творцом на шестой день творения, по образу и подобию Божьему. Это – «Галактический народ», «дети Неба» или «Сыны Божии» [89].

Президент России В.В. Путин неоднократно заявлял о том, что русские, и украинцы, и белорусы – наследники Древней Руси. Они славяне, которые исторически расселялись на большом пространстве Евразии – от Ладоги, Новгорода, Пскова до Киева и Чернигова. Они объединены одним языком, хозяйственными связями и одной православной верой.

Когда русские, украинцы и белорусы были единым народом, они были непобедимы. Вот об этом надо помнить сегодняшним народам и политикам России, Украины и Белоруссии.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации. – М., 2019.
2. 150-летие отмены крепостного права в России: Сборник материалов круглого стола / Под ред. С.Г. Кашенко. – СПб.: Президент. б-ка, 2012. – 226 с.; ил.
3. Александров А.И. Государственно-правовая идеология и уголовная политика в Российской Федерации. – СПб.: СПбГУП, 2014. – 40 с., ил. – (Избранные лекции Университета; Вып. 157).
4. Алексеев Н.Н. Идея государства. 2-е изд. / Отв. ред. В.П. Сальников, Ю.А. Сандулов. – СПб.: Лань, 2001. – 368 с. – Серия «Мир культуры, истории и философии».
5. Алексеев Н.Н. Основы философии права / Отв. ред. В.П. Сальников, А.П. Альбов, Д.В. Масленников. – СПб.: Юридический институт (Санкт-Петербург), 1998. – 216 с. – Серия «Классики русской философии права».
6. Алексеев Н.Н. Теория государства. Теоретическое государствоведение. Государственное устройство. Государственный идеал. Издание Евразийцев. – Б.м.: Издание евразийцев, 1931. – 187 с.
7. Алиев Я.Л., Аманацкий Ю.В. Столетие большевистской революции 1917 года: мифы и уроки истории // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 9. – С. 34-44.
8. Алиев Я.Л., Вихров А.А., Сальников П.П. Всемирный кризис и организованная преступность – угроза национальной безопасности России // Мир политики и социологии. – 2013. – № 11. – С. 131-148.
9. Алиев Я.Л., Вихров А.А., Сальников П.П. Теневая экономика и организованная преступность в социальной системе России // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 1. – С. 31-43.
10. Аманацкий Ю.В. Февральская революция 1917 года: уроки истории // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 6. – С. 23-29.
11. Ананских И.А., Литвинов Н.Д., Пучнин В.А., Сальников С.П., Щербатых И.М. Министр внутренних дел России граф М.Т. Лорис-Меликов: неподтвержденная биография // Юридическая наука: история и современность. – 2019. – № 12. – С. 46-97.
12. Артамонов О.В. Единый рынок труда в рамках Евразийского экономического союза. Тезисы выступления на Третьем Санкт-Петербургском Международном форуме труда (28 февраля – 1 марта 2019 года) // Мир политики и социологии. – 2019. – № 5. – С. 100-102.
13. Ашотик из налоговой». Как полковник Захарченко помог РЖД украсть 16 млрд. рублей на налогах» // <https://theins.ru/korrupciya/241579>
14. Багдасарян Э.В. Геополитическая борьба и технологии подрыва несилевых оснований государственности // В.Э. Багдасарян. Ценностные основания государственной политики: Учебное пособие. – М.: ИИУ МГОУ, 2016. – 242 с.: ил., табл.
15. Балан В.П., Литвинов Н.Д., Числов А.И. А.Ф. Кони, Вера Засулич и терроризм в Российской империи конца XIX – начала XX века // Юридическая наука: история и современность. – 2018. – № 11. – С. 15-37.
16. Беседы с Клинтоном показывают, как Ельцин превратил Россию в полуколонию // http://militariorg.ucoz.ru/publ/istorija_strany/besedy_s_klintonom_pokazyvajut_kak_elcin_prevratil_rossiju_v_polukoloniju/19-1-0-85521;
17. Бжезинский З. Великая шахматная доска (Государство Америки и его геополитические императивы) / Пер. О.Ю. Уральской. – М.: Международные отношения, 1998. – 254 с.
18. Бжезинский З. Лицом к России // США: Экономика. Политика. Идеология. – 1998. – № 8.
19. Бжезинский З. План игры: геостратегическая структура ведения борьбы между США и СССР / Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1986. – 242, [1] с.: табл.
20. Бжезинский З. Путинский выбор // The Washington Quarterly. – Spring 2008. – Т. 31, № 2.
21. Боброва Н.А. Государство без идеологии – это nonsense // Мир политики и социологии. – 2019. – № 7. – С. 24-33.
22. Брылева Е.А. Гражданское общество как один из ключевых субъектов поиска государственно-правовой идеологии // Мир политики и социологии. – 2019. – № 8. – С. 23-26.
23. Веллер М., Буровский А. Гражданская история безумной войны. – М.: АСТ, 2010. – 639 с.: ил., карт.
24. Галеотти Марк. Воры. История организованной преступности в России / Пер. с англ. А. Финогенова и П. Миронова; ред. А. Смятковский. – М.: Индивидуум паблишинг, 2019. – 448 с.
25. «Гарвардский проект». Уничтожение России в три этапа // <https://maxpark.com/community/13/content/3262358>
26. Генпрокуратура потребовала взыскать с Абызова более 32 млрд. рублей // <https://news.mail.ru/incident/42873263/?frommail=1>
27. Геополитические взгляды З. Бжезинского // <https://www.geopolitica.ru/article/geopoliticheskie-vzglyady-z-bzhezinskogo>
28. Герчиков О. Потери гражданской войны // Аргументы и факты. – 2007. – № 43. – 24 октября. – С. 18.
29. Голуб П.А. Белый террор в России. 1918-1920. – М.: Патриот, 2006. – 477, [2] с.: табл.
30. Горбачев Михаил Сергеевич // <http://perebezhchik.ru/person/gorbachev-mikhail-sergeevich/>

31. Государственный контроль за миграционными процессами: Учебное пособие / С.А. Акимова, С.Н. Байжуминов, Н.Г. Максименко, Н.А. Нигметов, Т.А. Прудникова; под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2012. – 143 с.
32. Грехи Британии: Расизм, геноцид, концлагеря и глобальная наркомафия // <http://kolokolrussia.ru/duh-istorii/grehi-britanii-rasizm-genocid-konclagerya-i-globalnaya-narkomafiya>
33. Дзьоник Д.В. Административно-процессуальные особенности привлечения к административной ответственности за правонарушения, предусмотренные частью 3 (4) ст. 18.15 КоАП РФ // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 7. – С. 103-106.
34. Дзьоник Д.В. Контроль за миграцией: проблемы и решения: Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2016. – 200 с. – (Серия «Теория и практика миграционных процессов»).
35. Дзьоник Д.В. Привлечение к административной ответственности юридического лица, допустившего нарушение миграционного законодательства: проблемы и перспективы // Правовое поле современной экономики. – 2011. – № 2. – С. 106-112.
36. Дзьоник Д.В. Соотношение административно-правовых санкций «Депортация» и «Административное выдворение» как меры административного принуждения, применяемые к иностранным гражданам и лицам без гражданства // Юридическая наука: история и современность. – 2011. – № 4. – С. 62-64.
37. Диверсионная война против России // <http://csef.ru/ru/oborona-i-bezopasnost/direction-topics/diversionnaya-vojna-protiv-rossii-6422>
38. Дробов М.А. Малая война – М.: Воениздат, 1931. – 147 с.
39. Дугин Александр: Даже если мы упадем на колени, нам засобачат сапогом в лицо // <http://kolokolrussia.ru/geopolitika/aleksandr-dugin-daje-esli-m-upadem-na-koleni-nam-zasobachat-sapogom-v-lico>
40. Дугин Александр: Они не остановятся, пока не уничтожат нас всех до последнего//<http://kolokolrussia.ru/geopolitika/aleksandr-dugin-oni-ne-ostanovyatsya-poka-ne-unichtojat-nas-vseh-do-poslednego>
41. Железнодорожный и водный транспорт в 1921-1922 гг. : Отчет НКПС ко 2-му Всерос. съезду объединенного союза работников железнодорожного и водного транспорта / Р.С.Ф.С.Р. Нар. ком. пут. сообщ. – М.: б. и., 1922. – 158, II с., 2 л. табл.
42. Зоиров Д.М., Рахимов Р.Х. Противодействие незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ в Республике Таджикистан: Монография. – Душанбе: Ирфон, 2005. – 182 с.
43. Зоиров С.Д. Криминалистическая характеристика преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств в Республике Таджикистан // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 7. – С. 133-141.
44. Зоиров С.Д. Организация предупреждения незаконного оборота наркотических средств подразделениями МВД Республики Таджикистан // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 2. – С. 134-140.
45. Зоиров С.Д. Проведение отдельных следственных действий по уголовным делам о преступлениях в сфере незаконного оборота наркотических средств в России и Таджикистане // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 7. – С. 141-144.
46. Зоиров С.Д. Противодействие незаконному обороту наркотических средств в Таджикистане: международно-криминалистический анализ // Мир политики и социологии. – 2012. – № 11. – С. 148-165.
47. Золотарев Л.Л. Нелегальная миграция в современной России: некоторые актуальные проблемы // Правовое поле современной экономики. – 2013. – № 10. – С. 64-68.
48. Зорина Н.В., Клименко О.А., Мирзоев А.К., Прокофьев К.Г., Сальников М.В. Идея свободы в суверенной идеологии права: аксиологический и нравственно-правовой аспекты // Мир политики и социологии. – 2018. – № 11. – С. 188-193.
49. Зуева А.С., Хабибуллин А.Г., Современная российская государственность в условиях реформирования миграционной политики // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 5. – С. 31-36.
50. Иванов В.А. Миссия Ордена. Механизм массовых репрессий в советской России в конце 20-х – 40-х гг. (на материалах Северо-Запада РСФСР): Монография. – СПб.: ЛИСС, 1997. – 462 с.
51. Идеологию ограбления людей раскрыл Глазьев // https://deita.ru/article/483472?utm_medium=referral&utm_source=lentainform&utm_campaign=deita.ru&utm_term=1291524&utm_content=8834222
52. Исмагилов Р.Ф., Карагодов В.А, Сальников В.П. Межнациональный конфликт: понятие, динамика, механизм разрешения: Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2003. – 144 с. – Серия: «Юридическая конфликтология: прошлое, настоящее, будущее».
53. Исмагилов Р.Ф., Сальников П.П., Гер О.Е., Кайзер А.Г., Реуф В.М. Советскую идеологию подвергли остракизму. А что взамен? (политико-правовой аспект) // Мир политики и социологии. – 2015. – № 7. – С. 57-75.
54. Керимов А.Д. Стратегические просчеты российской политической элиты. – М.: Норма: ИНФРА-М., 2011. – 48 с.
55. Килкаллен Дэвид. Случайный партизан: сражается в маленьких войнах посреди большой. – Нью-Йорк:

- Издательство Оксфордского университета. 2009.
56. Кирилина Е. Сущность гибридной войны и ее инициаторы // <http://csef.ru/ru/oborona-i-bezopasnost/348/sushhnost-gibridnoj-vojni-i-ee-inicziatory-8102>
 57. Клаузевиц Карл фон. О войне. Избранное / Пер. с нем. А.К. Рачинского; предисл. и коммент. Л.В. Ланника. – М.: АСТ, 2017. – 320 с.: ил. – (Иллюстрированная военная история).
 58. Кого, за что и как раскулачивали большевики, или Как в СССР уничтожали сельскую буржуазию // <https://kulturologia.ru/blogs/240121/48829/>
 59. Козлов Е.Н., Козлова Л.Е. Миграционная политика в Северо-Западном регионе // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 2. – С. 87-89.
 60. Колядин А.М. Политическая элита современной России: является ли она субъектом развития? // Мир политики и социологии. – 2016. – № 11. – С. 70-76.
 61. Колядин А.М. Политическая элита и национально-государственная идеология // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 12. – С. 178-184.
 62. Колядин А.М. Политическая элита: понятие и сущность // Правовое поле современной экономики. – 2016. – № 7. – С. 45-53.
 63. Колядин А.М. Субъектность политического класса и его социальная значимость: Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2015. – 190 с.
 64. Колядин А.М. Формирование политической элиты и процесс политического развития // Правовое поле современной экономики. – 2016. – № 8. – С. 42-50.
 65. Коньгина Н. Особенности национальной преступности. Чтобы бороться с криминалом, надо уметь готовить плов и говорить по-китайски // Известия (Россия). – 2003. – 23 апреля.
 66. Корпорация «Власть» // <http://kolokolrussia.ru/vlast/korporaciya-vlast>
 67. Корф С.А. Русское государственное право. Часть 1. – М.: скоропеч. А.А. Левенсон, 1915. – IV, [2], 315 с.
 68. Косарева В.В. Социальная природа и правовая сущность миграционных отношений // Мир политики и социологии. – 2014. – № 10. – С. 118-123.
 69. Крижановская Г.Н. К вопросу о необходимости государственной идеологии // Мир политики и социологии. – 2019. – № 9. – С. 34-40.
 70. Лазарев В.В. Идеологические страсти на конституционном уровне // Мир политики и социологии. – 2019. – № 9. – С. 25-33.
 71. Лазарев В.В. Идеологическое сопровождение современного правосудия // Мир политики и социологии. – 2019. – № 4. – С. 17-32.
 72. Лацис М.Я. Красный террор // Красный террор. – 1918. – № 1. – Ноябрь.
 73. Лиддел Гарт, Бэзил. Стратегия непринятых действий / Пер. с англ. – М.: АСТ, 2018. – 508 с., [4] с.
 74. Литвин А.Л. Красный и белый террор в России. 1918-1922 гг. – М.: Эксмо: Яуза, 2004. – 448 с. (Совершенно секретно).
 75. Литвинов Н.Д. К вопросу о расстреле Николая II, его семьи и прислуги // Мир политики и социологии. – 2017. – № 2. – С. 26-50.
 76. Литвинов Н.Д. Конституция Российской Федерации 1993 года – полностью ли она соответствует интересам России с позиций проводимой Западом гибридной войны // Мир политики и социологии. – 2019. – № 7. – С. 34-78.
 77. Литвинов Н.Д. Николай II. Царь России, сбегавший с трона // Мир политики и социологии. – 2014. – № 11. – С. 16-38.
 78. Литвинов Н.Д. Роль идеи в формировании и разрушении государственности // Мир политики и социологии. – 2019. – № 9. – С. 41-71.
 79. Литвинов Н.Д., Журавель В.П. Чигиринское восстание как форма Европейской гибридной войны на территории России. 1876-1877 гг. // Юридическая наука: история и современность. – 2018. – № 2. – С. 64-85.
 80. Литвинов Н.Д., Литвинова А.Н. Ликвидация императора России Александра II. 1 марта 1881 г. // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 2. – С. 137-139.
 81. Литвинов Н.Д., Литвинова А.Н. Покушение на Александра II в Зимнем дворце 5 февраля 1880 г. // Правовое поле современной экономики. – 2016. – № 5. – С. 171-182.
 82. Литвинов Н.Д., Журавель В.П., Числов А.И. «Хождение в народ», как форма нетрадиционной (гибридной) антироссийской войны Запада // Юридическая наука: история и современность. – 2018. – № 3. – С. 162-184.
 83. Литвинов Н.Д., Балан В.П., Литвинова А.Н. Покушения на императора Всея Руси Александра II на объектах железнодорожного транспорта (1879 г.) // Мир политики и социологии. – 2016. – № 12. – С. 74-84.
 84. Литвинов Н.Д., Пучнин В.А., Сопко В.В. Спецоперация гибридной войны Запада «хождение в народ»: проблемы расследования преступлений // Мир политики и социологии. – 2018. – № 5-6. – С. 126-148.
 85. Литвинов Н.Д., Пучнин В.А., Числов А.И. Ликвидация генерала Н.В. Мезенцева в 1878 году как спецоперация

- гибридной войны Запада // Юридическая наука: история и современность. – 2019. – № 5. – С. 53-80.
86. Литвинов Н.Д., Пучнин В.А., Щербатых И.М. Польское вооруженное восстание 1863 – 1864 гг. как спецоперация гибридной войны Запада // Мир политики и социологии. – 2018 – № 11. – С. 40-68.
87. Мазурин С.Ф. Государственная идеология и общественное самосознание // Мир политики и социологии. – 2019. – № 6. – С. 25-28.
88. Максименко Н.Г., Реуф В.М., Удычак Ф.Н. Государственно-правовая идеология и политика обеспечения национальной безопасности // Мир политики и социологии. – 2012. – № 7. – С. 89-96.
89. Мальцев Н.Н. Инопланетяне и земные аборигены. – М.: Алгоритм, 2013. – 491, [4] с. : ил.
90. Матвеева Н. Преступность национальности не имеет? // Невское время. – 2006. – 1 ноября.
91. Мельгунов С.П. Красный террор в России. – 1918-1923 гг. – М.: СП «Ruico», «PS», 1990. – 208 с.
92. Министерство внутренних дел России. 1802 – 2002: Исторический очерк в 2-х томах. Том 1 / Под общ. ред. В.П. Сальникова; Грызлов Б.К., Сальников В.П., Стрельников А.А, Рыскин Л.Б., Глушаченко С.Б., Александров А.И., Нижник Н.С. – СПб.: Фонд «Университет», 2002. – 272 с. – (Серия: «МВД России 200 лет»).
93. Мировая борьба. Англосаксы против планеты (А.И. Фурсов, 2017) // https://kartaslov.ru/%D0%BA%D0%BD%D0%B8%D0%B3%D0%B8/%D0%A4%D1%83%D1%80%D1%81%D0%BE%D0%B2_%D0%90_%D0%98_%D0%9C%D0%B8%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%8F_%D0%B1%D0%BE%D1%80%D1%8C%D0%B1%D0%B0_%D0%90%D0%BD%D0%B3%D0%BB%D0%BE%D1%81%D0%B0%D0%BA%D1%81%D1%8B_%D0%BF%D1%80%D0%BE%D1%82%D0%B8%D0%B2_%D0%BF%D0%BB%D0%B0%D0%BD%D0%B5%D1%82%D1%8B/3
94. Муравых А.И., Никитенко Е.Г. Основы национальной безопасности и устойчивого развития. – М.: МАКС Пресс, 2017. – 215 с. : ил.
95. Мурсалимов К.Р. Некоторые идеологические начала в правообразующей деятельности государства // Мир политики и социологии. – 2019. – № 8. – С. 27-30.
96. Мусаси Миямото. Книга пяти колец. Горин-но сё. Путь стратегии. – М.: Центрполиграф, 2016. – 190 с.
97. «Мы больше никогда ничего не узнаем». Миллионы людей сгинули в ГУЛАГе. Теперь память о них уничтожают // https://lenta.ru/articles/2018/06/08/gulagu_net/
98. Мэхен А.Т. Влияние морской силы на историю, 1660-1783 / Пер. Н.П. Азбелев. – М. : АСТ; СПб. : Terra fantastica, 2002. – 634, [2] с. : ил.
99. Невыученные уроки октября 1993 года // http://militariorg.ucoz.ru/publ/istorija_strany/nevuyuchennye_uroki_oktjabrja_1993_goda/19-1-0-86466.
100. Никишин А. Британская корона завершает захват власти над миром // <http://kolokolrussia.ru/konspirologiya/britanskaya-korona-zavershaet-zahvat-vlasti-nad-mirom>
101. Об участии Британии и Франции в катастрофе Российской империи // http://kolokolrussia.ru/duh-istorii/antanta---drug-kotorogo-vragu-ne-pojelaesh?utm_source=sendgrid&utm_medium=email&utm_campaign=subscribe
102. Павленко С. «От жога до жога» // <http://kolokolrussia.ru/geopolitika/ot-moja-do-moja>
103. Павлик М.Ю., Сальников П.П. Предупреждение организованной преступности // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 11. – С. 98-110.
104. Платонов О.А. Государственная измена. – М.: Родная страна, 2013. – 448 с
105. Поляки требуют от России признать ее империей и отдать Смоленск // <https://topcor.ru/933-novaya-rechpospolitaya-v-polshe-pozarilis-na-belarus-ukrainu-i-smolensk.html>
106. Понятие гибридной войны // <https://studfiles.net/preview/5762359/page:10/>.
107. Попов В.П. Государственный террор в советской России, 1923-1953 гг. (источники и их интерпретация) // Отечественные архивы. – 1992. – № 2. – С. 26.
108. «Предпродажная» подготовка российской элиты // <http://kolokolrussia.ru/vlast/predprodajnaya-podgotovka-gossiyskouy-elit>
109. Прохоров Б.Б. Откуда и куда. Здоровье россиян за 100 лет // Человек. – 2002. – № 2. – 1 марта.
110. Радько Т.Н. Государственная идеология и идеологическая функция права // Вестник академии права и управления. – 2012. – № 29. – С. 9-16.
111. Рассказов Л.П. Карательные органы в процессе формирования административно-командной системы в Советском государстве (1917- 1941 гг.): Монография. – М.: Академия МВД РФ, 1994. – 466 с.
112. Рассказов Л.П. Роль ГУЛАГа в предвоенных пятилетках // Экономическая история: Ежегодник. 2002. – М.: РОССПЭН, 2003. – С. 269–319.
113. Ратьковский С.И. Красный террор и деятельность ВЧК в 1918 году. – СПб.: Санкт-Петербургский университет, 2006. – 285 с.
114. Рахимов Р.Х. Стратегия политики государств – участников СНГ в сфере противодействия незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ. – Душанбе: ЭР-граф, 2013. – 288 с.

115. Ремизов М., Масленников Н. Запад начал новый раунд на добивание Кремля // http://militariorg.ucoz.ru/publ/ukraina_krym_rossija/zapad_nachal_novuj_raund_na_dobivanie_kremlja/17-1-0-85314
116. Реуф В.М. Государственная правовая идеология и ее воздействие на общественное правосознание (теоретико-правовой аспект проблемы) // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. – 2010. – № 2. – С. 67-72.
117. Романовская В.Б. Репрессивные органы в России XX века: Монография / Научный редактор и автор вступительной статьи В.П. Сальников. – Н. Новгород: Арника, 1996. – 278 с.
118. Романовская В.Б. Становление теории социалистической законности в 20-30-е годы XX века // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 9. – С. 18-27.
119. Романовская В.Б. Формирование системы карательных органов в Советской России // Актуальные проблемы автоматизации управления организационными системами в органах внутренних дел: Мат. межвуз. науч.-практ. конф. / Под общ. ред. С.Ф. Зыбина, В.П. Сальникова. – СПб.: Санкт-Петербургский юридический ин-т МВД России, 1994.
120. Сальников В.П. Возрождение государственно-правовой идеологии – ключ к переменам // Союз национальностей. – 2014. – № 2(4). – С. 15-17.
121. Сальников В.П., Брылева Е.А. Критерии «правильной миграционной политики»: отечественный и зарубежный опыт // Миграционное право. – 2018. – № 3. – С. 25-28.
122. Сальников В.П., Силантьева В.А. Правовое регулирование миграционных процессов в России // Миграционное право. – 2017. – № 3. – С. 13-17.
123. Сальников В.П., Степашин С.В., Хабибулина Н.Г. Государственная идеология и язык закона / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2002. – 208 с. – (Серия: «Безопасность человека и общества»).
124. Сальников В.П., Масленников Д.В., Захарцев С.И., Прокофьев К.Г., Морозов А.И. Принцип суверенности государственно-правовой идеологии и философии права // Мир политики и социологии. – 2019. – № 9. – С. 170-178.
125. Самое грозное оружие против России // <http://kolokolrussia.ru/politika/samoe-groznoe-orujie-protiv-rossii>
126. Самый неудобный юбилей. Что на самом деле случилось 21 сентября 1993 года// http://militariorg.ucoz.ru/publ/istorija_strany/samyj_neudobnyj_jubilej_chno_na_samom_dele_sluchilos_21_senjabrja_1993_goda/19-1-0-86070.
127. Славяне, русские и их недруги // <https://zen.yandex.ru/media/shyriacz/slavianerusskie-i-ih-nedrugib12e1c04ec3b4f128cb992b9>
128. Смирнов Д. Россия и Польша: вечное противостояние // <http://kolokolrussia.ru/duh-istorii/rossiya-i-polsha-vechnoe-protivostoyanie>
129. Сунь-Цзы. Искусство войны / Пер. с англ. М.М. Михайлова. – М.: АСТ, 2017. – 96 с.: ил.
130. Сырых В.М. Красный террор: каноны библейские, да исполнение плебейское. – М.: Юрлитинформ, 2018. – 472 с.
131. Тайны» раскулачивания // <https://sovross.ru/articles/765/12657>
132. Тварковская А. Что такое гибридная война: понятие, стратегии // <https://www.syl.ru/article/350825/chno-takoe-gibridnaya-voyna-ponyatie-strategii>
133. Трофимов О. Польский вопрос: «Что хочет Украина?» // <http://kolokolrussia.ru/evropa/polskiy-vopros-chno-hochet-ukraina>
134. Троцкий Л.Д. Мы должны превратить Россию в пустыню, населенную белыми неграми // <https://maxpark.com/community/2869/content/2217698>
135. Урланис Б.Ц. История военных потерь: Войны и народонаселение Европы. Людские потери вооруженных сил европейских стран в войнах XVII-XX вв. : (Историко-статистическое исследование). – СПб.: Полигон, 1994. – 558 с. : ил.
136. Формы и методы противодействия рекрутированию в террористическую группировку «Исламское государство» российской молодежи // <http://nic-pnb.ru/analytics/formy-i-metody-protivodejstviya-rekrutirovaniyu-v-terroristicheskuyu-gruppirovku-islamskoe-gosudarstvo-rossijskoj-molodezhi/>
137. Хабибулин А.Г. Идеология – основополагающий фактор общественного развития // Мир политики и социологии. – 2019. – № 6. – С. 21-24.
138. Хабибулин А.Г., Рахимов Р.А. Государственная идеология: к вопросу о правомерности категорий // Государство и право. – 1999. – № 3. – С. 11-20.
139. Челлен Р. Государство как форма жизни / Пер. с швед. М.А. Исаев. – М.: РОССПЭН, 2008. – 319 с.
140. Черная осень 1993 года // http://militariorg.ucoz.ru/publ/istorija_strany/chernaja_osen_1993_goda/19-1-0-86450.
141. Что такое гибридная война? Концепция и тактика гибридной войны // <http://fb.ru/article/182506/chno-takoe-gibridnaya-voyna-kontsepsiya-i-taktika-gibridnoy-voynyi>
142. Шишкин И. Преднамеренное убийство. Кому и зачем понадобился крах СССР // <http://zavtra.ru/blogs/>

zachem_ponadobilsya_krah_sssr.

143. Юрий Дроздов: Всё ужасное для России только начинается // <https://cont.ws/@aleksandr88/315933>
144. Юрий Михайлов. Наши соотечественники продолжают гибнуть от рук террористов, но мы не слышим о наказаниях, которые понесли бы те, кто так и не создал эффективную систему контрпропаганды // http://www.mirnas.ru/Nashi_sootechestvenniki_prodolzhayut_gibnut_ot_ruk_terroristov_no_mi_ne_slishim_o_nakazaniyah_kotorie_ponesli_bi_te_kto_tak_i_ne_sozdal_effektivnuyu_sistemu_kontrpropagandi
145. Kilcullen D.: The Accidental Guerrilla / C.Hurts & CO. – 2009. – 306 p.
146. Kudors A. 2015. Note d'information. Guerre hybride: un nouveau de?fi de se?curite? pour l'Europe // URL: <http://www.parleu2015.lv/files/cfsp-csdp/wg3-hybrid-war-background-notes-fr.pdf>.

ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫХ ИНСТИТУТОВ РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

БОГАТЫРЁВ Дмитрий Кириллович,
ректор Русской христианской гуманитарной
академии, доктор философских наук, профессор,
(г. Санкт-Петербург, Россия)

САЛЬНИКОВ Виктор Петрович,
главный редактор журнала «Мир политики
и социологии», доктор юридических наук,
профессор, Заслуженный деятель науки Россий-
ской Федерации, Почетный работник высшего
профессионального образования Российской
Федерации (г. Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: Fonduniver@bk.ru

Специальность 09.00.01 – Онтология и теория
познания

ГОСУДАРСТВО В ПОСТКОНСТАНТИНОВСКУЮ ЭПОХУ

***Аннотация.** Константиновская эпоха (от императора Константина Великого и до Октябрьской революции) и постконстантиновская эпоха – понятия, с помощью которых авторы предлагают осмыслить историческое и духовное значение Революции, а также тенденции развития государства в настоящем. Делается вывод об актуальности выработки новой культурно-конфессиональной политики.*

***Ключевые слова:** государство; Константин Великий; революция; политика; культура; христианство; право.*

BOGATYREV D.K.
SAL'NIKOV V.P.

THE STATE IN THE POST-CONSTANTINE ERA

***The summary.** The Constantine era (from Emperor Constantine the Great to the October Revolution) and the post-Constantinian era are concepts by which the authors propose to comprehend the historical and spiritual significance of the Revolution, as well as the trends in the development of the state in the present. The conclusion is made about the relevance of developing a new cultural and confessional policy.*

***Key words:** state; Constantine the Great; revolution; politics; culture; Christianity; right.*

Постконстантиновская эпоха, приходящая на смену эпохи, которая по времени замкнута периодом от императора Константина Великого

и до Октябрьской революции, корреспондирует с близкими по смыслу концептами, также обозначающими некий горизонт истории. Таковы

понятия постхристианского мира и постсекулярного общества. Первое из них ближе к философии истории, второе – к социальной философии и социологии. Постконстантиновский концепт в большей степени историософский, открывающий возможность богословских истолкований, которые возможны, впрочем, и для двух других. Постконстантиновская эпоха в свою очередь допускает социологические интерпретации.

Сугубо социологическое истолкование постконстантиновского концепта, в принципе, возможно. Но в таком случае утрачивает смысл само применение этой историософской категории. Ведь фигура императора Константина Великого, как и святого князя Владимира на Руси, позволяет сконцентрировать внимание на проблеме промысла Божьего в истории.

История представляет собой необратимую последовательность уникальных событий. Этой своей ритмичной историческое время отличается и от природного, и от внутреннего (психологического, экзистенциального). Кроме того, у исторических событий (в отличие от природных) имеются субъекты, история – творится. Экзистенциальное время также субъектно, но для его течения необязательны объективация и опредмечивание. Структура исторического времени субъект-событийна, при этом совершенные события обретают внешний (объектный, предметный, символический) статус даже уже по отношению к собственным актерам. Когда субъект истории (всемирно-историческая личность или народ) совершает свой выбор, событие (если речь идет о глобальных событиях, так называемых насыщенных феноменах) еще продолжает длиться, но ситуация уже стала другой, чем до начала события. История как способ бытия человека в мире – это всегда длящееся настоящее. Когда оно становится прошедшим, начинается время культуры. Культура в значении памяти истории, остающейся после того, когда сами события прошли, хранит прошедшее. Однако при этом культура сама исторична. Она перманентно пополняется новым содержанием, при этом какие-то элементы вымываются рекою времен.

В 1917 г. рухнула православная империя – наследница «Второго Рима» Константина Великого, а крупнейшая из поместных Православных церквей подверглась таким

системным гонениям, аналоги которых по жестокости можно обнаружить только в доконстантиновскую эпоху.

Конечно, промысел Божий остается для нас тайной, которая раскроется лишь в конце истории. Обозначим только некоторые культурологически значимые детерминанты в его истолковании. Бл. Августин задал парадигму «Двух градусов», аксиологически несводимых друг к другу, хотя константиновская эпоха была «уже при дверях». В дальнейшем обозначились два подхода к пониманию промысла. Один более свойствен богословию Запада, другой характерен скорее для мысли Востока, хотя такое позиционирование достаточно условно. В основе первого лежит архетип священного царства, а второй видит в промысле божественное водительство, целью которого является побуждение человека к стяжанию духа святости, что является основанием преображения и спасения. Яркими воплощениями первого подхода можно признать Священную Римскую империю, папскую теократию, теократические республики эпохи Реформации, даже либерально-христианский государственный проект отцов-основателей США.

Личностью, которая служит символом, воплощающим архетип священного царства, является Константин Великий. Византийская империя, в которой языческая римская государственность трансформировалась в государственность христианскую [6, стр. 223], и создание в ее рамках великолепной культуры суть проявление этого архетипа в масштабах цивилизации. Константиновская эпоха не закончилась падением Константинополя в 1453 г., перед нами скорее цивилизационный надлом. Она не закончилась и Великой французской революцией, хотя ее лозунг «Свобода – Равенство – Братство» уже вполне обозначил доминантную духовную тенденцию Нового времени на замену религии идеологиями – либерализмом, социализмом, национализмом. Константиновская эпоха завершилась в 1917 г., когда в России рухнула последняя православная империя, а победившая идеология раскрыла свою подлинную сущность квазирелигии.

Революция 1917 г. стала следствием Первой мировой войны. Ее участниками (оставляем в данном месте за скобками вопрос об инициаторах) были государства не только реально и

формально светские, как Франция, но номинально религиозные, ведь в Англии монарх является главой Англиканской церкви. В Войне приняли участие четыре империи, в разной степени деклариовавшие свою религиозность, – османская, российская, австро-венгерская и германская. В основе первой лежит ислам, для которого теократия выступает одним из важнейших догматических принципов, и с ее падением исламские теократии не исчезли. В христианских империях, участвовавших в Войне, оказались представлены основные конфессии (православие – в России, католичество – в Австро-Венгрии, протестантство – в Германии). При этом священники всех конфессий благословляли солдат национальных армий на боевые действия, а папа Бенедикт XV с его пацифизмом оказался белой вороной, став (на какое-то время) едва ли не самым непопулярным понтификом за всю историю. Многие интеллектуалы в России и Германии поначалу восприняли войну с энтузиазмом, несколько странным для христиан, исповедующих не только заповедь «не убий», но и «подставь другую щеку». Отрезвление стало приходиться после 1916 г. [2, стр. 12-14]. Империи в результате войны рухнули, а на местах некоторых из них возникли государства, которые больше напоминают диктатуры. Россия была самой религиозной из всех империй, и в ней же гонения на христианство достигли наибольшего размаха.

Константин Великий взял курс на превращение христианства из гонимой религии в главную духовную скрепу империи. В этом повороте связались в единый узел личный религиозный опыт императора, трансцендентной основой для которого считается промысел Божий, и общественные настроения своей эпохи. К тому времени уже фактически произошел перелом в борьбе христианства с язычеством за сердца и умы, а Константин Великий закрепил эту победу, добавив и кое-что свое.

Кодекс императора Юстиниана закрепляет уже на юридическом уровне фактически произошедшее встраивание церкви (земной ее части) в структуру империи. Во всех обществах религии несли какую-то идеологическую нагрузку, хотя и не исчерпывались ею без остатка. Идеологии представляют собой ту форму, в которой дух времени проявляется в сфере государственного строительства и гражданско-политических

отношений. Чем больше участия государства в религии, тем больше в ней идеологии. История Средних веков прекрасно это демонстрирует [5]. Благодаря симбиозу светской и духовной властей были созданы христианская цивилизация и персоналистическая культура, ставшая ее смысловым ядром. Но здесь же и причина ее заката: соль осолелась. Христианство, в качестве цивилизационного феномена, стало превращаться в систему социальных привычек и ритуалов, а на государственно-политическом уровне в идеологию, которая тем или иным способом (по-разному на Востоке и Западе) обосновывает претензии кlera на доходы, земную власть и социальные привилегии. И как следствие или в качестве платы за сотрудничество наделяет сакральным статусом даже те действия верховной светской власти, которые этого явно не заслуживают.

Отметим, в качестве любопытного совпадения, что VI новелла Кодекса Юстиниана, закрепляющая центральную идеологическую роль христианства в империи, наделяя его духовной монополией, некоторым неясным образом корреспондирует со статьей шестой последней советской (так называемой «брежневской») Конституции 1977 г., которой фундировалась идеологическая монополия компартии в советской империи. В дальнейшем от монополии, как известно, отказались. Однако на смену этой политической конструкции, может быть излишне прямолинейно заставлявшей право служить идеологическим ориентирам, не пришло какой-либо более сложной системы, которая соединила бы право, политику и национальную идею. В итоге вместо развития государство и общества мы оказались на пороге их деградации [8; 20].

Язычество, вполне в константиновскую эпоху побежденное на официальном уровне и в значительной степени вытесненное из аксиологического ядра культуры на периферию, внутренне все-таки сохранилось, перейдя на «нелегальное положение». Подобно тому как гонимое в доконстантиновскую эпоху христианство выживало в катакомбах, в христианских теократиях язычество, третируемое официально, укрылось в катакомбах культурного бессознательного. Для этой «подпольной» (в смысле «Записок из подполья» Достоевского) работы имелись не только эмпирические, но и трансцендентально-логические предпосылки. Они заключались и по сей день

закключаются в сетке аксиологических категорий, определяющих порядок любви, логику сердечных предпочтений. В аксиологическом аспекте сущность язычества состоит в извращении аксиологической иерархии, когда абсолютные ценности духовного уровня редуцируются к душевным (редукция к плотским свойственна материализму) [21, с. 70-85]. Душевные ценности суть здоровье, благосостояние, успех, власть. Для каждой из них имеется свой архетип культурного бессознательного, которому в сфере социального воображения соответствует божество языческого пантеона. Символизирующий архетип власти Юпитер – центральное божество. Ключевые ценности духовного уровня – добро, истина, красота, а интегрирующей их аксиологической категорией выступает святость. Святость становится высшей ценностью только в религии Откровения, а ее онтологическим основанием выступает само бытие Божие: «Итак будьте святы, ибо Я свят» (Лев 11: 45). Юпитер не имеет к святости ни малейшего отношения.

На уровне массовой культурной среды сохранение язычества обеспечивалось фактически предпочтением душевных ценностей при официальном провозглашении примата духовных. На уровне государственной (а зачастую, к сожалению, и внутрицерковной) идеологии – противоестественным смещением Юпитера с образом Бога Откровения. Языческий император считался живым символом Юпитера, а византийский император – иконой Христа. Христианские мученики шли на смерть, отказываясь воздавать языческому императору божеские почести. Подданные христианского императора действовали (в нормативном варианте) по принципу «Бога бойтесь, царя чтите» (1 Пет 2: 17). Однако в теократической социальной системе у подданных всегда имеется соблазн перейти от почтения и послушания к поклонению, а у правителя – потребовать этого, сделав себя по собственной воле подобным Богу.

Библия не содержит каких-либо однозначных высказываний в пользу теократического государственного устройства. Царское правление устанавливается при пророке Самуиле, при этом Бог вполне однозначно оценивает желание израильтян получить царя как у всех прочих народов: «Они не тебя отвергли, – *говорит Он пророку Самуилу*, – они отвергли Меня». Давид и Соломон в определенном смысле

были образцовыми царями, но и они совершали личные грехи. В Новом Завете ситуация еще более неоднозначна. Иисус прямо говорит Пилату: «Царство Мое не от мира сего» (Ин 18: 36). Сакрализация царской власти аксиологически двусмысленна. С одной стороны, помазываемый на царство правитель несет ответственность не перед каким-то народом или правящей элитой, а перед самим Богом, что налагает на него особые духовно-нравственные обязательства. С другой стороны, история дает нам слишком много примеров сакрализации фактических управленческих практик и покровления (в лучшем случае молчаливого) личных грехов правителей и их окружения.

Нам трудно судить о подлинных замыслах Петра Великого, который приурочил основание города Святого Петра ко дню сошествия Святого Духа на апостолов. Для отсутствия религиозных оснований в этом символическом событии слишком много запланированных совпадений. Религиозно значимой была и деятельность его отца. Борьба с расколом Церкви стала самым масштабным преследованием инаковерия внутри российской культуры. В части подчинения Церкви государству Петр Великий довел до логического завершения дело своего батюшки – Тишайшего царя. Симфония Церкви и государства перестала быть де-факто при Алексее Михайловиче, а де-юре при Петре Алексеевиче декларируемым принципом. Романовская империя окрепла [17; 18]. Однако мина, заложенная Тишайшим и Великим царями, взорвалась в 1917 г. В. Розанов писал: «...в европейском человечестве (всем, – и в том числе русском) образовались колоссальные пустоты от бывшего христианства; в эти пустоты проваливается все: троны, классы, сословия, труд, богатства.» [19, стр. 392], возлагая вину, судя по общему контексту «Апокалипсиса нашего времени», на историческое христианство. Но кончилось не христианство, а константиновская эпоха.

К этому времени христианских государств в мире практически уже не осталось, а развал российской империи стал последним актом исторической драмы. Государства, вошедшие в Первую мировую войну, оставались христианами в значительной степени номинально. С внешней, феноменологической и социоморфной, точки зрения культура функционирует

в рамках некоторого государства, однако по существу – государство само является элементом культуры как целого. Эволюция государственных систем и институтов связана с изменением содержания духовной жизни, которое выражается во всем пространстве культуры. Христианская теократия Средних веков хотя внешне и противостояла язычеству, в определенном смысле оказалась продолжением не только ветхозаветного, но и языческого мира.

XX век проходит под знаменем уже не просто секуляризации, а воинствующего безбожия, которое порой откровенно напоминает сатанизм. Преследования христиан, да и просто «чужих», имевшие место в России, Испании, Мексике, Германии, затмевают все извращения евангельского духа христианскими государствами эпохи Средних веков. Требования свободы и социального равенства и справедливости так же оказались покрываемыми насилием лозунгами, как и борьба за чистоту веры. Однако в некотором аспекте вина христиан все-таки больше: идеологии Нового времени не предполагают заповедей любви к Богу и ближнему в качестве своего аксиологического ядра и не требуют от своих адептов святости.

Если человек творит историю сам и он же является законодателем в области морали, «ведаящим добро и зло», то что плохого в революционном насилии, которое вершится ради грядущего счастья всего человечества? Идеократические государства, загоняющие в утопическое царство грядущего земного рая, внешне похожи на теократические государства, понуждающие спасаться и ко вхождению в Царство Божие и преследующие еретиков как политических и уголовных преступников. Внутреннее существенное различие заключается в том, что сами идеалы стали другими. История XX столетия показывает, что происходит с человечеством, которое отказывается от веры в Бога, пусть даже номинальной или слабой.

Во Вторую мировую войну, которая стала прямым следствием Первой и Революции 1917 г., вошли страны уже даже и не номинально христианские, а некоторые реализовывали откровенно антихристианскую политику. Научно-технический прогресс [22; 23], который должен был по замыслу воспевавших его идеологов привести человечество к всеобщему счастью, придал жестокости и разрушениям

доселе невиданные масштабы. Как следствие осознания итогов Второй мировой войны, возникает концепт постхристианского мира.

«Пост» потому, что в христианском мире случившееся просто не должно было иметь место, а «христианском» все-таки потому, что заданный Евангелием масштаб оценок происходящего пока еще сохраняется. Но это временное явление. Ведь если Бог умер, культ Его внутренне разложился, а внешне уже практически разрушен, то постепенно умирает и культура, сформировавшаяся вокруг этого культа. Пока она функционирует в инерционном режиме, но исчезнет после распада ее аксиологического ядра.

Однако пока этого не произошло. Метафора «смерти Бога» является броской, но бездоказательной, выдавая желаемое за действительное. Культ тоже никуда не исчез, более того, христианство испытало в XX в. подъем после пережитых потрясений, причем во всех конфессиональных ареалах. Постхристианский век действительно наступил, но только в смысле определенной социокультурной ситуации, в которой само христианство, тем не менее, продолжает существовать. Хотя его историческое странствование проходит уже в новых условиях.

Ныне картина междеологической конкуренции усложняется как на геополитическом уровне, так и внутри пока еще устойчивых культурных ареалов. Ситуацию можно назвать «постидеологической» по аналогии с постконфессиональной [2, с. 158-169]. Возникают идеологические мутанты и гибриды в стилистике эклектических синтезов эпохи постмодерна. Надо признать, что в части непосредственных политических выгод эта тенденция интересна преимущественно для либерализма и коррелятивных ему модернизированных протестантских деноминаций. На этой волне возможны новые слияния и синтезы, пусть и недолговечные. Национализму и социализму, а также традиционным конфессиям тенденция грозит утратой идентичности, которая может оказаться для некоторых из этих образований крайне болезненной.

Данный вывод, с нашей точки зрения, подтверждает проводимое на страницах журнала дискуссия о государственно-правовой идеологии [1; 4; 9; 10; 11; 12; 13; 14; 15; 16; 26], а также попытки исследователей, к которым и мы относимся, обосновать суверенность не только

идеологии, но и идентичность соответствующей философии права (и государства) [3; 7; 24].

В постсекулярном государстве на межгосударственные и межрелигиозные взаимодействия все большее влияние оказывают религиозные факторы. Для социумов, которые претендуют на свое место в глобализирующемся мире

при сохранении национальной или цивилизационной идентичности, особую важность начинает приобретать разработка и проведение в жизнь отвечающей новым реалиям культурно-конфессиональной политики. Россия, судя по тенденциям, проявившимся в XXI в., претендует именно на такой статус.

Список литературы

1. Боброва Н.А. Государство без идеологии – это нонсенс // Мир политики и социологии. – 2019. – № 7. – С. 24-33.
2. Богатырёв Д.К., Прилуцкий А.М. Конфессиональная модель современного христианства (критика концепций и парадигм) // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. – 2015. – Т. 16. – № 4. – С. 157-168.
3. Богатырёв Д.К., Сальников В.П. Ценности, мышление, культура в пространстве духовной жизни // Мир политики и социологии. – 2019. – № 9. – С. 186-194.
4. Брылева Е.А. Гражданское общество как один из ключевых субъектов поиска государственно-правовой идеологии // Мир политики и социологии. – 2019. – № 8. – С. 23-26.
5. Глушаченко С.Б., Евсеев А.В., Канюкова Т.Е., Лябов А.О., Сальников М.В. Российское право. IX-XIX в.в. (исторические зарисовки) / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2002. – 168 с.
6. Захарцев С.И., Масленников Д.В., Сальников В.П. Логос права: Парменид – Гегель – Достоевский. К вопросу о спекулятивно-логических основаниях метафизики права: Монография. – М.: Юрлитинформ, 2019. – 376 с. DOI 10.17513/np.467
7. Зорина Н.В., Клименко О.А., Мирзоев А.К., Прокофьев К.Г., Сальников М.В. Идея свободы в суверенной идеологии права: аксиологический и нравственно-правовой аспекты // Мир политики и социологии. – 2018. – № 11. – С. 188-193.
8. Исмагилов Р.Ф., Сальников П.П., Гер О.Е., Кайзер А.Г., Реуф В.М. Советскую идеологию подвергли остракизму. А что взамен? (политико-правовой аспект) // Мир политики и социологии. – 2015. – № 7. – С. 57-75.
9. Крижановская Г.Н. К вопросу о необходимости государственной идеологии // Мир политики и социологии. – 2019. – № 9. – С. 34-40.
10. Лазарев В.В. Идеологические страсти на конституционном уровне // Мир политики и социологии. – 2019. – № 9. – С. 25-33.
11. Лазарев В.В. Идеологическое сопровождение современного правосудия // Мир политики и социологии. – 2019. – № 4. – С. 17-32.
12. Литвинов Н.Д. Конституция Российской Федерации 1993 года – полностью ли она соответствует интересам России с позиций проводимой Западом гибридной войны // Мир политики и социологии. – 2019. – № 7. – С. 34-78.
13. Литвинов Н.Д. Роль идеи в формировании и разрушении государственности // Мир политики и социологии. – 2019. – № 9. – С. 41-71.
14. Мазурин С.Ф. Государственная идеология и общественное самосознание // Мир политики и социологии. – 2019. – № 6. – С. 25-28.
15. Мурсалимов К.Р. Некоторые идеологические начала в правообразующей деятельности государства // Мир политики и социологии. – 2019. – № 8. – С. 27-30.
16. От редакции. О дискуссии, вызванной статьей-презентацией доктора юридических наук, профессора, Заслуженного деятеля науки Российской Федерации В.В. Лазарева «Идеологическое сопровождение современного правосудия» // Мир политики и социологии. – 2019. – № 9. – С. 11-24.
17. Петр I Великий. Честь, слава, империя. Труды, артикулы, переписка, мемуары. – М.: Эксмо, 2012. – 480 с.: ил. (Серия «Великий правитель»).
18. Петр Великий: pro et contra / Сост., коммент., предисл. К.Е. Нетужилова. – СПб.: РХГИ, 2001. – 760 с.
19. Розанов В.В. Апокалипсис нашего времени. – М., 1990.
20. Сальников В.П. Возрождение государственно-правовой идеологии – ключ к переменам // Союз национальностей. – 2014. – № 2(4). – С. 15-17.
21. Сальников В.П., Сальников М.В. Правовая культура и политико-правовые традиции в контексте абсолютных

- ценностей // Юридическая мысль. – 2014. – № 4(84). – С. 70-86.
22. Сальников В.П., Романовская В.Б., Фомичев М.Н. Право и научно-технический прогресс: вместе или отдельно // Мир политики и социологии. – 2016. – № 2. – С. 175-193.
23. Сальников В.П., Романовская В.Б., Фомичев М.Н. Трансформация правовых ценностей в эпоху научно-технического прогресса // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 9. – С. 59-69.
24. Сальников В.П., Масленников Д.В., Захарцев С.И., Прокофьев К.Г., Морозов А.И. Принцип суверенности государственно-правовой идеологии и философии права // Мир политики и социологии. – 2019. – № 9. – С. 170-178.
25. Смысл Войны в представлениях российской интеллектуальной элиты / Сост., вступ. статья, коммент. Е.В. Ивановой. – СПб.: РХГА, 2014. – 819 с.
26. Хабибулин А.Г. Идеология – основополагающий фактор общественного развития // Мир политики и социологии. – 2019. – № 6. – С. 21-24.

РОМАШОВ Роман Анатольевич,
профессор кафедры теории права и правоохранительной деятельности Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации (г. Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: romashov_tgp@mail.ru

Специальность 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

К ПРОБЛЕМЕ ТИПОЛОГИИ ГОСУДАРСТВА И ТИПЫ ГОСУДАРСТВ

***Аннотация.** Анализируются проблемы типологии государства и права, объединенные в рамках монистического и плюралистического подходов. Подробно рассматриваются формационный и цивилизационный подходы к типологизации государства, концепция циклической (волновой) типологии, а также типология государства и права в парадигмах постиндустриального общества.*

***Ключевые слова:** государство; право; типология; общественно-экономическая формация; формационный подход; цивилизационный подход; постиндустриальное общество.*

ROMASHOV R.A.

TO THE PROBLEM OF STATE TYPOLOGY AND TYPES OF STATES

***The summary.** The problems of the typology of state and law, united within the framework of monistic and pluralistic approaches, are analyzed. The formational and civilizational approaches to the typology of the state, the concept of a cyclic (wave) typology, as well as the typology of the state and law in the paradigms of post-industrial society are considered in detail.*

***Key words:** state; law; typology; socio-economic formation; formational approach; civilizational approach; post-industrial society.*

Понятие типологизации и типа государства

В словаре русского языка слово «тип» в значении, наиболее подходящем к предмету дальнейшего рассмотрения, толкуется как «образец, модель или разновидность, форма, которым соответствует известная группа предметов, явлений» [48, стр. 365]. Применительно к областям научных знаний понятие типа конкретизируется, но существенно не отличается. Так, например, Н.И. Кондаков определяет тип как «образец, который выражает общие, существенные черты определенной группы предметов, явлений; форма, вид, модель которой соответствует определенному классу объектов» [20, стр. 595].

Метод исторической типологизации занимает важное место в теории государства и права, так как дает возможность более полно отразить изменяющуюся функциональную сущность государства и права, особенности их возникновения и эволюции, увидеть в целом естественно-исторический прогресс в развитии политико-правовой организации общества. При этом в рамках разных политико-правовых учений выделялись различные критерии типологизации государственно-правовых явлений. Совершенно точным в этой связи представляется следующее замечание В.Е. Чиркина: «В научной литературе создано огромное количество

типологий государства, для чего используются самые различные основания для классификаций и обобщений. Эти типологии учитывают стадии развития государства, социальный характер, форму и др. Между ними не всегда можно провести непреодолимые границы: форма государства в своих решающих сторонах обусловлена его содержанием и историческими факторами существования государства, элементы разного качества переплетаются в переходных формах государства, при классификации политических режимов и т. д. Поэтому при классификациях необходимо выделять доминанту, но и тогда они в некоторых случаях в известной степени условны. Тем не менее, типологии необходимы, без этого нет движения научной мысли, ибо правильная типология означает более глубокое проникновение в действительность» [61, стр. 42-43]. Отсюда и пристальное внимание российских исследователей к данной проблематике [47; 55; 56; 57].

Первые попытки выведения общих закономерностей формирования и функционирования государства и права были предприняты еще Аристотелем, который считал, что основными критериями разграничения политико-правовых систем являются, во-первых, количество властвующих в государстве и, во-вторых, осуществляемые государством функции. По количественному признаку различаются государства, где основные властные полномочия принадлежат единоличному главе государства, государства, управляемые коллективным органом власти, и наконец, такие государства, где принятие наиболее важных решений непосредственно зависит от большинства населения. В зависимости от сущности государственно-правового механизма Аристотель выделяет правильные и неправильные государства. К правильным формам относятся монархии (единоличная власть монарха направлена на достижение общественного блага), аристократии (власть немногих «лучших», заботящихся о государственных и общественных нуждах), демократии (властные полномочия осуществляются непосредственно населением). К неправильным Аристотель относит деспотию (произвольную, ничем и никем не ограниченную власть тирана), олигархию, при которой представители власти заботятся о собственных материальных интересах в ущерб общегосударственным, и, наконец, охлократию – «власть толпы».

Причину смены правильной формы правления неправильной философ усматривал в действии закона вырождения, согласно которому все совершенное со временем приобретает извращенную форму и, следовательно, правильное государство постепенно вырождается в свой антипод, становясь неправильным. Вместе с тем и правильная форма правления не может существовать вечно, поскольку люди стремятся к улучшению положения в обществе и к установлению оптимального властного режима. Цикличность человеческого развития предопределяет последовательную замену правильной формы на неправильную (и, соответственно, неправильной формы на правильную), при этом особенностью аристотелевской концепции социального развития является то, что каждая последующая стадия хуже предшествующей (аристократия хуже монархии, а охлократия – олигархии). Сам процесс развития представляет собой замкнутый цикл, в рамках которого правильные и неправильные формы последовательно сменяют друг друга. Полное прохождение цикла ведет к возобновлению процесса на новой исторической ступени развития [9; 15; 16, стр. 46-67; 46].

С развитием государственно-правовой системы изменялись и идейно-теоретические представления о проблемах типологии государства и права. В частности, Г. Елиннек писал, что, несмотря на постоянное развитие и преобразование, можно установить некоторые общие признаки, придающие определенному государству или группе государств на всем протяжении их истории черты определенного типа. Ученый различал идеальный и эмпирический типы государств, где первое – это мыслимое государство (теоретическая модель), не существующее в реальной жизни и рассматриваемое как своеобразный эталон (образец), с которым сравнивается конкретное государство. Эмпирический тип получается в результате сопоставления реальных государств друг с другом. Предметом типизации при этом является не абстрактная теоретическая модель идеального государства, а взятый в хронологической последовательности механизм государственно-правовой эволюции. Ученый выделяет древневосточный, греческий, римский, средневековый и современный типы государств. [13].

Г. Кельзен считал, что в основе типизации современных государственно-правовых

образований лежит идея политической свободы, поэтому выделяются два типа государственности: демократия и автократия [18; 42; 45].

По мнению К. Ясперса, из чисто природного человеческого существования вырастают подобия организмов – социально-политические образования, которые живут и развиваются в соответствии с рядом закономерностей. Ученый предлагал хронологическую типизацию, основанную на общей посылке, в соответствии с которой любое государство представляет собой особую форму жизни, имеющую свое начало и конец. При этом ученый отрицал эволюционный характер социально-политического процесса, утверждая, что различные исторические типы государств ни в коей мере не взаимосвязаны, соприкосновение неодинаковых по типовой принадлежности государств, по его мнению, приводит к тому, что они только мешают друг другу [64; 65, стр. 30].

В современном теоретическом государствоведении выделяются самые разные критерии типологии государства. Проводится типологическая градация по таким критериям, как: роль религии (теократические и светские); политический режим (демократические и антидемократические); форма правления (республики и монархии); территориальное устройство (унитарные и федеративные); географическое расположение и отношение к частям света (западные, восточные, европейские, азиатские, африканские, южноамериканские и пр.). Иногда, по сути, предлагается вернуться к типизации, предложенной еще античными мыслителями. Так, например, французский исследователь М. Тропе, классифицируя государства, подразделяет их на монархии, аристократии и демократии [69, р. 251-252].

Учитывая множественность точек зрения, связанных с рассмотрением проблемы типологии государства и права, представляется целесообразным их объединение в рамках двух подходов: монистического и плюралистического. Первый подход предполагает осуществление типизации по единственному критерию, признаваемому основным отличительным признаком, наличие которого позволяет отнести различные политико-правовые системы к тому или иному типу. В свою очередь, плюралистический подход подразумевает использование нескольких критериев, сочетание которых позволяет говорить о типе

политико-правовой системы как о комплексной категории. Традиционно обозначенные направления рассматривались в рамках формационного и цивилизационного подходов.

Формационный подход к типологизации государства. Общественно-экономическая формация как тип государства

Суть формационной типологизации заключается в рассмотрении общественно-экономической формации в качестве основополагающего критерия, характеризующего то или иное государство.

Общественно-экономическая формация – это исторический тип общества, определяемый исходя из того или иного способа производства и распределения материальных благ.

В соответствии с формационным подходом, уровень развития производительных сил определяет материально-техническую базу общества, а производственные отношения, складывающиеся на однотипной форме собственности на средства производства, составляют экономический базис общества, которому соответствуют определенные политические, государственно-правовые и другие надстроечные явления [29, стр. 6-7].

Общественно-экономическая формация – это единый и цельный «социальный организм», где все социально-экономические явления и процессы взаимодействуют на основе материальной жизни общества и имеют особые законы возникновения, функционирования, перехода в другой «социальный организм» [41, стр. 1608].

Основными историческими типами государственно-правовых систем согласно формационному подходу являются: рабовладельческие, феодальные, буржуазные и социалистические (переходные) государства.

В соответствии с законом поступательного развития, любая формация в своем генезисе последовательно минует стадии зарождения, расцвета, стабилизации и, наконец, угасания и гибели. Исходя из данной гипотезы, в рамках всякой предшествующей формации происходит вызревание экономических и политико-правовых предпосылок последующей, более прогрессивной. Кризис старой формационной системы заканчивается ее разрушением и построением на «обломках старого мира» новой формации, которая в свою очередь повторяет судьбу своей «предшественницы». Завершающим этапом

формационной истории является крах буржуазного (империалистического) государства и начало коммунистической эры. При коммунизме государство как орган классового принуждения отмирает, уступая место общественному самоуправлению. Однако с учетом того, что процесс формирования коммунистической формации требует определенного времени, в течение которого государство еще будет функционировать, в формационной типологии выделялся промежуточный период между империализмом и коммунизмом – социализм. В этот период возникает и функционирует *социалистическое государство*, в значительной степени отличающееся от предшествующих типов государств (рабовладельческого, феодального, капиталистического).

Отмечая положительные черты формационного подхода, следует, прежде всего, отметить его конкретность, позволяющую достаточно четко обозначить основные исторические типы государственно-правовых систем. В качестве негативного момента необходимо подчеркнуть догматичность и односторонность, определяемую тем, что за основу взят единственный критерий – экономический. Также в качестве негатива имеет смысл указать на политическую ангажированность этого подхода, имевшего своей основной целью обосновать неизбежность краха государств эксплуататорского типа и окончательную победу коммунизма.

Цивилизационный подход к типологизации государства. Цивилизация и государство

Наряду с формационной типологизацией государственно-правовых систем в теоретическом государствоведении активное применение получил цивилизационный подход.

Следует сразу отметить, что сам феномен цивилизации интерпретируется учеными весьма неоднозначно, что, безусловно, является слабой стороной цивилизационной типологии. Вместе с тем данный подход позволяет избежать односторонности, свойственной формационному подходу, в рамках которого гиперболизируется роль экономического фактора. Цивилизационный подход ориентирован на познание особенностей государственного развития через все формы деятельности человека: трудовую, политическую, социальную, религиозную – во всем многообразии общественных связей. Причем в рамках этого подхода тип государства определяется не столько

объективно-материальными, сколько идеально-духовными, культурными факторами.

В самом общем виде феномен цивилизации можно охарактеризовать в качестве социокультурной системы, включающей как социально-экономические условия жизнедеятельности общества, так и этнические, религиозные его основы, степень гармонизации человека и природы, а также уровень экономической, политической, социальной и духовной свободы личности. По мнению А.Г. Хабибулина, «под цивилизациями в современной науке обычно понимаются достаточно устойчивые и предельно обобщенные социально-исторические единицы с четко фиксированными краями и границами в сфере хозяйственной, политической и духовной жизни» [55, стр. 261]. Ценностно-культурное восприятие цивилизации позволяет говорить о ее влиянии не только на социальную, но и на государственную организацию общества.

Крупнейшим представителем цивилизационного подхода в типологии государств является А.Дж. Тойнби. По мнению ученого, основной единицей человеческой истории является само общество, делящееся на человеческие коллективы, «примитивные», не развивающиеся, и «цивилизации». В рамках цивилизационной типологии Тойнби тип государства определяется не столько объективно-материальными, сколько идеально-духовными, культурными факторами. В частности, он пишет, что культурный элемент представляет собой душу, кровь, лимфу, сущность цивилизации, в сравнении с которыми экономический и тем более политический планы кажутся искусственными, несущественными, заурядными созданиями природы и движущих сил цивилизации. Цивилизацию ученый характеризует как относительно замкнутое и локальное состояние общества, отличающееся общностью религиозных, психологических, культурных, географических и иных признаков, два из которых остаются неизменными: религия и формы ее организации, а также степень удаленности от того места, где данное общество первоначально возникло. Пытаясь определить число самостоятельных цивилизаций, Тойнби первоначально выделял около 100 видов, однако впоследствии это число сократилось до 21 в 16 регионах. В частности, он описывал египетскую, китайскую, западную, православную, арабскую, мексиканскую, иранскую, сирийскую, дальневосточную и

др. виды цивилизаций [52, стр. 731]. В соответствии с указанной градацией мировых цивилизаций осуществляется и типологическая классификация государств.

По мнению отечественного исследователя В.М. Межуева, все цивилизации в совокупности составляют две основные группы: индустриальные страны и государства, ориентированные на аграрную форму хозяйствования. При этом основным критерием различия (как и при формационном подходе) является уровень экономического развития. Другим, не менее важным основанием различия цивилизаций, по мнению ученого, следует рассматривать их географическое расположение. В связи с этим выделяются восточные и западные типы цивилизаций. При этом восточные цивилизации воспринимаются как сосуществующие друг с другом, а западные предстают как последовательные ступени, преодолеваемые человечеством на пути к интеграции в мировое сообщество [30, стр. 42-43].

В соответствии с логикой данных рассуждений, Запад есть универсальная цивилизация, способная преодолеть рамки локального существования и распространиться по всему миру. При этом универсальность западной цивилизации обусловлена не религией (или же какой-либо другой общей идеологией), а соответствующим типом формально-экономической и политической рациональности, по мнению ученого, свободной от любой системы идейных ценностей [30, стр. 42-43].

В настоящее время в цивилизационном подходе к типологии государств преобладает так называемое «технологическое» направление, согласно которому тип государства связывается с той ступенью (стадией) научно-технического прогресса и жизненного уровня населения, определяемого потреблением и оказанием услуг, которой соответствует данное государство [51, стр. 58]. Одной из наиболее распространенных и характерных для этого направления является «теория стадий экономического роста» У. Ростоу. Согласно этой теории, все общества по экономическому развитию можно отнести к одной из пяти стадий: традиционное общество; переходное общество, в котором закладываются основы преобразований; общество, переживающее процесс сдвига; созревающее общество; достигшее высокого уровня народного потребления.

К первой стадии, по мнению У. Ростоу, относятся государства, экономические системы которых основаны на доньютоновской науке и технике и на преобладании сельского хозяйства. Вторая стадия – это период трансформации «традиционного общества», создание основных предпосылок для «сдвига» в обрабатывающем (наукоемком) производстве. Третья стадия – «сдвиг», «взлет» научно-технического развития, сопровождающийся повсеместным внедрением новых технологий (как в промышленной, так и в сельскохозяйственной сферах). Четвертая стадия характеризуется как пора «зрелости», когда на основе применения современных научно-технических достижений во всей массе ресурсов общества и значительного роста инвестирования национального дохода достигается устойчивое превышение выпуска продукции над ростом населения. И, наконец, пятая стадия – это период «высокого уровня массового потребления». Именно на пятой стадии возникает «государство всеобщего благоденствия» – своеобразный антипод коммунистического бесклассового (и, следовательно, безгосударственного) общества.

Подытожив вышесказанное, можно заключить, что цивилизационный подход позволяет различать не только противостояние классов и социальных групп, но и сферу их взаимодействия на базе общечеловеческих интересов. Цивилизация формирует такие нормы общежития, которые, при всем их различии, имеют важное значение для всех социальных и культурных групп, удерживая их тем самым в рамках единого целого. Вместе с тем множественность оценочных критериев, используемых различными авторами для анализа той или иной цивилизационной формы, предопределяет неопределенность данного подхода, усложняет его использование в научно-исследовательском и учебном процессе [6; 7].

Критика формационного и цивилизационного подходов к типологии государства

Не отвергая вышеназванные и охарактеризованные подходы к типологии государства, авторы тем не менее полагают возможным говорить о том, что они (и, прежде всего, формационный подход), на современном этапе утратили актуальность и прикладную методологическую

значимость.

Представители формационного подхода к типологии государства в своих постулатах опирались на материалистическую диалектику, что предполагало первичность бытия по отношению к сознанию и прогрессивный порядок общественного развития, в ходе которого примитивные общественно-экономические формации сменяются прогрессивными. Основным двигателем общественного развития является классовый конфликт, возникающий на почве неравномерного и несправедливого распределения частной собственности между классом эксплуататоров и классом эксплуатируемых и обусловленный объективным противоречием между передовыми производительными силами и отсталыми производственными отношениями. «Всюду, где господствует частная собственность на средства производства, государство является орудием диктатуры класса эксплуататоров, а право представляет собой возведенную в закон волю эксплуататорского меньшинства» [4, стр. 3].

По мнению сторонников формационного подхода, практически все «традиционные» государства в своем развитии минуют такие исторические этапы, как древние века, средневековье, новая и новейшая история. Каждому этапу соответствует свой тип экономики и, соответственно, свой тип государства. В частности, для древнего мира характерно рабовладельческое государство, средние века ассоциируются с феодальным государством, в условиях Нового времени формируется буржуазное государство, которое в Новейшей истории трансформируется в государство империалистическое, что является преддверием краха буржуазной (и в целом, эксплуататорской) системы и началом качественно нового этапа в жизни человечества – ознаменованном переходом от классового государства – машины порабощения эксплуататорами эксплуатируемых к лишенному классовых антагонизмов социалистическому государству, которое в свою очередь рассматривается в качестве начального периода построения бесклассового и безгосударственного коммунистического сообщества. «В результате победы социалистической революции возникают и развиваются государства нового, социалистического типа, основанные на нерушимом союзе рабочих и крестьян, дружбе народов, а право становится возведенной в закон волей трудового народа. Государство и право социалистического

типа, призваны служить великим целям коммунистического преобразования общества» [4, стр. 3-4]

История представила убедительные доказательства ошибочности формационной теории, что, в целом, не умаляет ее значимости в качестве одной из концепций социально-экономического развития. Именно социально-экономического, но никак не социально-политического. Ведь если рассматривать процесс политогенеза, то нельзя не признать, что классовое структурирование общества в «чистом» виде присутствует только в условиях «раннего» капитализма. Говорить о классовой структуре общества применительно к рабовладению некорректно, так как рабы в представлении свободных граждан полиса относились не к людям, а к «говорящим орудиям», соответственно, говорить о них как о классе можно с таким же успехом, как о классе колесниц, буйволов и т.п. Так же не работает классовая теория в условиях феодальной организации общества, в основу структурирования которой был положен не классовый, а сословный подход. Классовая структура общества становится возможной только в буржуазном обществе, когда личная свобода и формально-юридическое равенство сочетались с экономическим неравенством и связанным с этим неравенством социальным противостоянием и противоборством капиталистов и наемных рабочих. При этом даже в условиях раннего капитализма существовали социальные группы, «не вписывавшиеся» в классовую теорию. К таким группам можно, в частности, отнести представителей сохранившихся сословий (светской аристократии и духовенства), а также занимающихся лиц, осуществлявших частную предпринимательскую деятельность, не связанную с социальной эксплуатацией (коммивояжеров, фермеров, частнопрактикующих юристов, медиков и др.). Однако та же история показала, что, наряду с революционным конфликтом, классовые противоречия могут разрешаться путем достижения компромисса между работником и работодателем. Концептуальной основой такого компромисса стала теория «Государства общего блага». «В Великом обществе, где индивидуумы свободны использовать свои знания в собственных интересах, общее благо, которое должно быть целью правительства, не может представлять собой сумму частных интересов по той простой

причине, что ни эти интересы, ни все их обстоятельства не могут быть известны ни правительству, никому-либо еще (...). Важнейшим из общественных благ, для обеспечения которого необходимо правительство, является не прямое удовлетворение каких-либо конкретных нужд, а обеспечение условий, при которых отдельные люди и небольшие группы будут располагать благоприятными возможностями для взаимного удовлетворения соответствующих потребностей (...). В этом смысле общее благополучие, достижению которого служат правила личного поведения, представляет собой... абстрактный порядок целого, который сохраняется как средство содействия достижению огромного многообразия личных целей, но не ставит целью конкретные результаты» [58, стр. 171-173].

Также не выдерживает критики положение, в рамках которого отождествляется историческая и экономическая периодизация социального развития. Считается, что рабовладельческий строй закончился вместе с окончанием древней истории. Однако в реальности рабовладельческие отношения сохранялись на государственном уровне вплоть до конца XIX века. Так, в Великобритании работорговля была запрещена на законодательном уровне в 1808 г., в 1823 г. последовало запрещение перевозки рабов из одной колонии в другую, в 1834 г. был принят закон, предусматривавший полное освобождение рабов в британских колониях, с обязательством отпуска их на волю через четыре года. В Бразилии рабство отменено в 1888 г., в США 1865 г. а в нацистской Германии и Советской России оно существовало вплоть до середины XX века. И нацистский, и советский режимы широко практиковали принудительный труд заключенных концлагерей, по сути являвшийся формой рабского труда. Таким образом, использование рабского (рабовладельческого) труда обусловлено не уровнем социально-культурного развития, а экономической целесообразностью.

Точно так же не следует отождествлять феодальные отношения в социально-политической сфере средневековой Европы с экономическими отношениями, основанными на эксплуатации земли и природных ресурсов, последние успешно сохранялись как в Новой, так и в Новейшей истории.

Если пытаться синтезировать методы истории и экономики, то за основу надо брать

не идеологический (противопоставление эксплуататоров и эксплуатируемых), а собственно экономический критерий (отношения в сфере средств производства). В соответствии с данным критерием можно выделять доиндустриальную (аграрную, ресурсную, сервисную), индустриальную, постиндустриальную типы экономик. При этом выделенные типы могут быть представлены на различных исторических стадиях развития государства и не должны рассматриваться в качестве определяющих критериев историко-политической типологии.

Что касается цивилизационного подхода, то он оперирует категориями, весьма далекими от собственно государственных. Понимание цивилизации как «относительно замкнутого и локального состояния общества, ...социокультурной системы (курсив мой – Р.Р.), включающей социально-экономические условия жизнедеятельности общества, этнические, религиозные его основы, степень гармонизации человека и природы, а также уровень экономической, политической, социальной и духовной свободы личности» [60], позволяет говорить о том, что цивилизация – это не столько политико-правовое, сколько социокультурное образование. Таким образом, применительно к проблематике типологии государства категория цивилизации вряд ли выступает в качестве продуктивной, т.к. не содержит в себе достаточно четких критериев отнесения того или иного государства к определенному политико-правовому типу. В сравнительном правоведении понятию «цивилизация» в наибольшей степени соответствует понятие правовой семьи. При этом в настоящий момент можно наблюдать в достаточной степени интересную картину, когда представители национальной юридической науки пытаются реанимировать утратившую актуальность теорию правовых семей Р. Давида и буквально «втискивают» правовые системы своих государств в Романо-германскую правовую семью (читай: Романо-германскую цивилизацию). Парадокс, но в настоящий момент свою причастность к Романо-германскому праву декларируют такие страны, как Узбекистан, Казахстан и Монголия. Сомнительность такой позиции очевидна.

Проведенный критический анализ формационного и цивилизационного подходов обуславливает логический вопрос: если названные подходы актуальность утратили, то какие

методологические концепции типологического исследования государств могут быть предложены в качестве альтернативных. По мнению исследователей, на современном этапе приобретает очевидное теоретическое и практическое значение концепция цикличной (волновой) типологии государства.

Циклический подход к типологии государства

Циклический подход предполагает рассмотрение в качестве комплексного критерия типологизации государств совокупности факторов, характеризующих процессы формирования и функционирования политико-правовой системы и позволяющих оценивать их эффективность. По данному критерию представляется возможным осуществлять выделение и последующее сопоставление завершенных и длящихся этапов (циклов) политогенеза.

Наиболее образно эти этапы (циклы) выражены в контексте развития Европейской цивилизации. В европейской истории, представляющей собой общий хронологический дискурс политогенеза европейских государств, можно выделить три макропериода (цикла): античный (дохристианский); патримониально-теологический; политико-правовой.

При этом на каждом из этапов (циклов) происходит именно типовое видоизменение государственной организации: государство-полис сменяет государство-королевство («kingdom»), на смену которому в свою очередь приходит государство-политико-правовой порядок управления («state of law»). Применительно к характеристике этих типов, не имеет смысла привязывать их к традиционной хронологии (древность, средневековье, новое и новейшее время), поскольку каждый тип представлял собой цикличное явление, проходившее в своей динамике последовательные фазы возникновения, становления, развития, стагнации, трансформации. Каждый цикл (за исключением текущего) является завершенным и в подобном понимании не есть часть последующего. Между предшествующим и последующим циклами находится промежуточный этап, который с определенной условностью можно назвать правовым хаосом. «Правовой хаос возникает в «пограничной» ситуации, когда «новое» позитивное право только начинает формироваться, а «старое» находится в

кризисе и близко к разрушению (...) Основным критерием правового хаоса выступает ослабление действия государственно-правовых закономерностей, (...) крайняя непредсказуемость и нестабильность проявлений правовой жизни» [10, стр. 100]. Точно так же как один человек проживает только одну биологическую жизнь – свою и не является частью биологической жизни своих детей, так и государственные образования, возникавшие на определенных этапах политогенеза, представляли завершенные циклы, не получающие прямого продолжения в последующих политических формах. В таком понимании бессмысленно говорить о Древней Греции или о Древнем Риме. Сами древние греки никогда себя таковыми не считали, используя в качестве общего название Эллада, а в качестве частного – эллин. При этом в античный период не существовало самостоятельного политического образования, именуемого «Греция», в рамках патримониально-теологического периода не было средневековой Италии и Германии. Вообще, на наш взгляд, некорректным является использование термина «новое» применительно к категории «время», т.к. само время не может рассматриваться в контексте понятий «новый/старый», поскольку, выступая в качестве определенной характеристики бытия, само по себе временем изменениям, связанным с трансформацией молодости в старость, не подвержено.

Если рассматривать каждый цикл как завершенное политико-правовое развитие, то в нем можно выделять свою древность и свое средневековье, новое и новейшее время. Однако полагаю, что такое выделение мало что дает. Гораздо более продуктивным представляется циклический метод, предполагающий выявление общих закономерностей, характеризующих динамику политико-правового развития общества в условиях соответствующего цикла.

Метод цикличности представляет собой инструмент познания, основанного на восприятии мира (как объективного, так и социокультурного) в качестве системы взаимосвязанных и взаимно обусловленных циклов. *Цикл*, в наиболее общем понимании, есть законченный процесс развития объекта мироздания, включающий стадии возникновения, трансформации, стабильного состояния, стагнации, кризиса, исчезновения.

Традиционно считается, что цикл сочетает в себе свойства круга и спирали. Круговая

цикличность предполагает совпадение точек начала и конца развития (жизнь человеческая есть замкнутый цикл, в котором рождение и смерть – не более чем промежуточные состояния перехода из ничего в нечто и наоборот). Круговой цикл рассматривается в плоскостном измерении, соответственно, повторение круговых циклов не сопровождается качественными изменениями в их содержательной составляющей.

Спиральный цикл развивается в трехмерной сфере и отличается от кругового наличием двух факторов: репродуктивностью (окончание предшествующего цикла является условием начала последующего), качественной трансформацией содержания циклического отношения. При этом качественная трансформация последующего цикла может приводить и к конструктивным, и к деструктивным изменениям в содержании циклических отношений.

В социальной психологии существует понятие «точка Маугли», при помощи которого обозначается особое состояние взаимосвязи предшествующего этапа развития и реализованной/нереализованной потенциальной возможности качественной трансформации. Прохождение «точки Маугли» с одинаковой вероятностью может означать замыкание кругового цикла либо восхождение к следующему витку спирального цикла. В соответствии с данной гипотезой человек рождается не разумным, а лишь способным приобрести свойства разумного существа. В случае попадания в неразумную среду («эффект Маугли» связан с развитием ребенка в среде диких животных) человек навсегда утрачивает как психологические, так и физиологические качества, характеризующие его в качестве «*homo sapiens*». Человеческое развитие предполагает прохождение ряда «точек Маугли», означающих этапы развития человека как личности и как социального существа. Подобные состояния могут быть выделены не только на уровне личности, но и применительно к политико-правовым системам. В частности, российское государство несколько раз в ходе своей истории вступало в переходный период и подходило к «точке Маугли», однако, всякий раз возобладающими оказывались консервативные тенденции, приводившие к замыканию кругового цикла и возврату на исходные позиции [28].

Метод цикличности позволяет выявить закономерности и определить наиболее вероятные

(с точки зрения логики формирования и функционирования политико-правовых систем) направления ретроспективного и перспективного развития государства и права.

Как уже ранее отмечалось, анализ политогенеза в контексте метода цикличности в основе своей содержит не стремление к «исторической правде», представляющей субъективное, основанное в большей степени на вере, нежели на логике, восприятие процесса политико-правового развития, а попытку конструирования вероятностных моделей формирования и функционирования институтов и отношений, в комплексе образующих политико-правовую жизнь общества на различных исторических стадиях. При этом представляется перспективным рассмотрение явлений и событий, имевших место в исторической ретроспективе в ракурсе «обратного вектора». Предлагаемый подход в основе своей содержит метафизическую гипотезу о повторяемости круговых циклов и о неизменности их качественного содержания. Таким образом, для того, чтобы сформировать представление о сущности более ранних (по отношению к длянущемуся) циклов, следует использовать информацию о настоящем и предыдущем циклах, поскольку данная информация является наиболее достоверной и позволяет делать наиболее аргументированные выводы и обобщения. Выявленные при помощи «метода обратного вектора» закономерности с достаточно большой степенью вероятности существовали и на ранних стадиях политико-правовой жизни.

Применение метода цикличности к процессу типологизации государства позволяет выделить четыре основных типа государств: государства-деспотии – храмы (дворцы); государства-города, гражданские общины (*polis*); государства-объекты владения и управления государя (*kingdom*); государства публичного политико-правового порядка (*state of law*).

Особо следует подчеркнуть, что выделенные типы не обязательно детерминируют друг друга и вполне могут сосуществовать в рамках одного исторического периода. Так, к примеру, в условиях средневековой Европы «соуживались» государства-города (республики) и государства-патримонии (королевства, княжества). Кроме того, выделение деспотии в качестве типа государства обуславливает вопрос о том, почему авторами не выделен цикл деспотического

государства. Для ответа на этот вопрос следует вспомнить о предложенной ранее схеме, в которой разграничиваются политогенез возникновения и политогенез развития государства. Государство–деспотия представляет собой «протогосударство».

Деспотия как форма государства

Появление государства как политической формы социальной организации и механизма формирования и осуществления публичной власти знаменует собой своеобразный водораздел, отделяющий первобытное (архаическое, варварское) состояние человечества от цивилизованного (политического, культурного).

Независимо от особенностей, предопределенных различными культурными традициями, географическим положением, историческим периодом, практически все первичные (протогосударственные) образования были представлены монархическими режимами, с «легкой руки» классиков марксизма-ленинизма повсеместно называемых «восточными деспотиями» (Деспотия – от др.-греч. δεσποτία: неограниченная власть. Деспот – от др.-греч. δεσπότης: господин, полновластный правитель).

Представляя собой комплексную параметрическую характеристику государства, деспотия – это одновременно форма государственного управления и форма социального государственного устройства. При этом не имеет смысла ни привязывать деспотическое государство к географии (деспотия не является восточной или западной, поскольку имеет место в различных пространственных координатах и временных периодах), ни противопоставлять ее способам производства и общественно-экономическим формациям, которые классиками марксизма рассматривались в качестве основных этапных факторов истории человеческой цивилизации.

Правители-деспоты находились на вершине иерархической пирамиды деспотического государства. Деспот являлся единственным собственником всех земель, равно как и людей, которые на этой земле находились и были за ней закреплены. Во время войн правитель стоял во главе войска, был высшей инстанцией в суде, к нему стекались налоги, он организовывал ирригационные и дорожные работы, являлся верховным сановником, посвященным во все таинства государственной власти [49].

Стабильность деспотий поддерживалась,

в первую очередь, за счет сакрализации как самого государства, так и его верховного правителя. В Египте, например, фараон именовался не только Владыкой Обеих Земель, т.е., Южного и Северного Египта, но и сыном бога-Солнца Атона – Эхнатомом (полезным Атону) [11, стр. 22]. Имя фараона запрещалось произносить, ибо оно, как считали, обладало особой магической силой, которую нельзя расходовать впустую.

В индоарийских Ведах было написано, что царь создан из частиц тела разных богов «и поэтому он блеском превосходит все созданные существа (...) Подобно солнцу, он жжет глаза и сердце, и никто на земле не может смотреть на него. По своему (сверхъестественному) могуществу он есть огонь и ветер» [27].

Тенденции к сакрализации правителей государств сохраняются и в дальнейшем. Так, А.М. Величко, исследуя особенности государственного устройства Византийской Империи, акцентирует внимание на сакральной природе политико-правового статуса Римских (Византийских) императоров, которые «на протяжении многих столетий (...) ощущали себя полновластными главами церковного управления, активно вмешивались в вероисповедальные споры и даже устанавливая своими законами православные догматы в качестве единственно верных и общеобязательных. И (...) Кафолическая Церковь не только не восставала против этой многовековой практики (...) а активно ее приветствовала» [8, стр. 82].

Пышные титулы, которыми щедро наделяли себя древние цари, были не просто цветистыми метафорами, с помощью которых правители возвеличивались над своими подданными. Не в переносном, а в прямом смысле для древних людей глава государства (деспот), был богом, воплощенном в человеческом образе. Такое отношение восходило еще ко временам первобытности, к таинственным ритуалам, в которых вождь племени, он же верховный жрец, исполнял роль творца, создающего из хаоса мировой порядок. Отголоски такого отношения к фигуре главы государства сохранились вплоть до настоящего времени и получают свое отражение в титулатуре некоторых государственных руководителей. К примеру, официальный титул Президента Республики Таджикистан звучит как «Основатель мира и национального единства – Лидер нации». Как и в первобытную эпоху,

в древних цивилизациях сохранялась вера в то, что царь (вождь) обладает магической силой, от которой зависит благополучие его народа. Эта сила распространяется на подданных и после смерти царя, а точнее, после его перехода в иной мир, столь же реальный для современников, сколь реальным был их собственный «земной» мир.

Государство – храм

Представление о правителе как о «человеко-боге» обусловило восприятие государства как явления, связывающего главу государства (деспота) и «государственное тело» (подданный, а по сути, принадлежащий деспоту народ). В таком понимании государство предстает в образе храма – божественного творения, существующего вне временных и пространственных границ и сверхъестественного по отношению к принадлежащим храму, а фактически, его владыке, жителям.

В государстве-храме, по сути, нет людей в современном (гражданско-правовом) их понимании. Верховный правитель – это земное воплощение Бога, все остальные жители, независимо от материального положения и социально-политического статуса – рабы правителя, отождествляемого с государством-храмом. И ничего неестественного в таком отождествлении нет. Ведь мы, современные, рационально мыслящие и считающие себя «продвинутыми» аналитиками государства и права, жители XXI века, практически уподобляемся своим «примитивным» предкам, когда при рассмотрении института президентской власти отождествляем государственную должность, занимаемую конкретным чиновником – Президентом России, и механизм осуществления властных полномочий в сфере президентской власти, представленный Администрацией Президента.

Восприятие государства как храма предполагает анализ понимания самого храма, имевшего в древности намного более широкое, по сравнению с современным, смысловое наполнение. При этом появление «государства-храма» как социально-культурного и политико-правового явления намного опередило появление и введение в речевой оборот самого термина «храм».

Главным признаком государства-храма являлась всепроникающая вера в сакральность единоличного государя-деспота, являющего собой не просто «вершину» государственной власти, но и

ее божественную суть. Государство-храм выделяется из первобытной, варварской природы и представляет собой появление земной формы человеческого бытия. В этой форме отсутствует разграничение, а, следовательно, и противопоставление политики, экономики, религии. Храм одновременно выполняет функции политической организации, религиозного культа, хранилища государственной казны и золотого запаса. Храму поклоняются, обеспечивают его существование и процветание, защищают от внешних и внутренних катаклизмов. Храмовая культура основана на таинствах, выраженных в храмовых процедурах и осуществляемых носителями священных знаний – жрецами. Последние являются одновременно политиками, религиозными деятелями, учеными [63, стр. 3].

Собственно, слово «храм» появляется в Древнем Риме и первоначально используется для названия участка неба, который жрецы-авгуры предназначали для наблюдений за пролетающими птицами – вестниками богов. Позже так стали именовать и само здание, в котором производились эти наблюдения, точно повторяющее своими очертаниями храм неба, или небесное пространство. Этруссские жрецы делили его на четыре сектора с помощью линий, пересекающихся под прямым углом над головой: кардо – по направлению с севера на юг, и декуманус – с востока на запад. Каждый сектор, в свою очередь, делился еще на четыре части, и всего получалось 16 участков, на которых обитали 16 групп богов. В храме наблюдали за полетом птиц и толковали рисунок молнии [59].

Эту классификацию позже переняли римляне, строившие на ее основе свои храмы и города.

Орфический храм представлял собой символ Солнечной системы. Он состоял только из колонн (без свода и стен), олицетворявших различные части Вселенной, подчиняющиеся огню – божественной сущности. В знак поклонения Солнцу в центре храма разводили костер, символ этого светила.

Древние персы, считавшие Вселенную храмом Бога, а Огонь – его символом, не имели ни специализированных обособленных храмов, ни алтарей. Они довольствовались круглыми помещениями, в которых разводили огонь в центре каменного круга. Так же выглядели и кельтские храмы. Представителям древних цивилизаций для веры в Бога и общения с ним были

не нужны помпезные постройки, появление которых постепенно вытеснило из общественного сознания всеохватывающее представление о храме как образе государства, сузив его до возведенного в честь того или иного божества архитектурного ансамбля. Следует особо подчеркнуть, что понимание «храма в душе» как символа и внешне выраженного в государственной форме мироздания рождается именно в период государственно-храмовой культуры, культуры, не предполагавшей разделение и отделение храма небесного (божественного) от земного государства; культуры, в рамках которой в неразрывном единстве рассматривались государь (деспот) и государственно организованный народ; право, политика, религия.

Как священное место поклонения божеству, любой храм, независимо от того, воплощен он в самостоятельную архитектурную форму либо является смысловой аналог цивилизованного, сплоченного общей верой общества (разумной вселенной – ойкумены, государства), представляет собой синтез и центр света, земное отражение божественного мира, связующее звено между небесным и земным. В таком понимании храм есть обитель Бога на земле, социально-пространственная сфера, символизирующая божественное присутствие и определяющая божественное сияние [19].

Человек, попадающий в храм и всецело принадлежащий ему, покидает мир невежества (варварства). Таким образом, храм выступает в качестве изначального образа государственной культуры (цивилизации) для тех, кто ассоциирует себя с Храмом (государством).

Важной особенностью социального устройства государства-храма является право нахождения в нем. Государство-храм и архитектурный храмовый комплекс, одновременно являющийся резиденцией правителя и административно-судебным учреждением, соотносятся как целое и часть. Если «паперть» храма (окультуренное пространство перед храмовым зданием, по сути своей, – пространство государственной юрисдикции) доступна для всех, то сам храм – сооружение в котором располагается «храмовая администрация» и осуществляются «храмовые таинства», закрыт для «общего доступа».

В современных условиях такая особенность воспроизводится в правилах, закрепляющих положение, в соответствии с которым,

«непосвященные» не могут пройти дальше перистилия (притвора церквей), где готовятся к своему второму рождению, даруемому крещением, лишь получив которое, они приобретают право подняться по ступеням, ведущим к порталу и символизирующим восхождение «земного человека» к Богу – «отцу/государю небесному» [36]. Если же применять аналоговую схему: храм – государство, к условиям существующей государственной организации, то она представлена режимом доступа «простых» граждан, в совокупности своей формирующих «единственный» источник государственной власти – многонациональный народ, в официальные учреждения, с их неукоснительным правилом: «Посторонним вход воспрещен».

Архитектурная композиция храма призвана утвердить его значение как символа Дома Господа на земле, космического центра, соединяющего небеса, землю и преисподнюю, путь восхождения от варварства к духовному просветлению. Эта символика на протяжении веков коренным образом влияла на изменение формы священных сооружений [34]. Дух древнегреческих теменов (огражденных участков земли, принесенных в дар богам) долго был определяющим: храмы могли представлять собой простое святилище или камень, установленный на возвышенности, у реки или в священной роще. На противоположном краю архитектурного спектра находятся ступенчатые зиккураты Месопотамии, ступы и пагоды Дальнего Востока, огромные пирамиды Центральной Америки, сложные формы индуистских храмов-мандал и великолепные христианские западные храмы в классическую, романскую, готическую эпохи и эпоху Возрождения и барокко. Все эти разнообразные стили едины в одном: они пытаются символически передать божественный порядок мироздания [59].

Храм как образ и символ, форма и содержание государства, предопределяет, в том числе, социальную структуру государственной организации: богоподобный государь (деспот) – знать (жрецы, чиновники, военачальники) – простой народ. Как уже отмечалось, особенностью государственных деспотий, ассоциирующихся с храмовой культурой, является фактическое отсутствие в них людей в современном понимании – граждан. Деспот – это человеческое воплощение Бога, т.е. персонифицированный Бог, а все остальные государственные жители, независимо от статуса

– рабы деспота, находящиеся в его безраздельном владении, пользовании, распоряжении. В таком понимании государства, храм, деспот, бог нераздельны ни по форме, ни по содержанию. В этом смысле, принадлежность к Храму тождественна порабощенности Храмом. Из этого следует, что рабство в храмовых государствах не выступает антиподом свободы, как впоследствии это было в античных полисах. Понимание человека в качестве раба Храма (деспота), в последствие преобразовалось в понимание раба Божьего. Что же касается рабства как формы неэкономической эксплуатации, то оно в равной мере было характерно и для захваченных в ходе военных действий иноземцев, и для соплеменников. Именно отсутствием классовой дифференциации храмового общества можно объяснить то обстоятельство, что деспотические государства-храмы не были включены в формационную схему истории государства и традиционно рассматривались в качестве «тупикового» отклонения от нее [23; 24].

В заключение еще одно отвлечение, связанное с проведением аналогий древности с сегодняшним днем. Современные российские чиновники нередко в разговорах называют себя «слугами народа». 14 февраля 2008 года на пресс-конференции, посвященной подведению итогов второго президентского срока, Владимир Путин сказал: «Мне не стыдно перед гражданами, которые голосовали за меня дважды, избирая на пост Президента Российской Федерации. Все эти восемь лет я пахал, как раб на галерах, с утра до ночи, и делал это с полной отдачей сил» [44].

Налицо подмена понятий. Может ли быть «рабом» верховный правитель; может ли быть «службой народа», неважно, избранный либо назначенный, начальник? Конечно же, нет, и фактическое отношение «народных слуг» к «господину народу» – наглядное тому подтверждение.

Отмечая, что чиновник не является «службой народа», следует помнить, что в реальности «службой» он себя все-таки, как правило, ощущает, только не народным, а «государевым». «Вот, к примеру, глава МЧС (в настоящий момент Министр обороны РФ) С. Шойгу обращается к М. Соколову (на момент обращения – Министру культуры РФ): «Я слушал Вас внимательно, но так и не понял, где основные направления, что вы сделали, за что вы получаете государево жалование». Прошу заметить, не «государственную

зарплату», а «государево жалование». Как говорится, «без комментариев» (Цит. по: [31]).

Справедливости ради следует отметить, что В. Путин – далеко не первый и, конечно, не единственный государственный чиновник, публично сравнивший свою властную деятельность с рабским трудом, сделав это, кстати, с существенным нарушением смысловой логики (на галерах гребцы не пашут, а гребут). Здесь хочется подчеркнуть, что государственная деятельность Президента В.В. Путина вызывает глубокое уважение, в том числе и с учетом титанических усилий и реальных успехов, направленных на возрождение нашего Отечества, занятие Россией должного места в обеспечении цивилизованного миропорядка.

Метафора «почётное рабство» пришла к нам из античных источников. Однако тогда, в условиях существования реального узаконенного рабства, она несла в себе совершенно иную смысловую нагрузку. Клавдий Элиан, писавший в начале II века н.э., цитирует царя Македонии Антигона I. Заметив, что его сын самовластен и дерзок в обращении с подданными, мудрый правитель воскликнул: «Разве ты не знаешь, мальчик, что наша с тобой власть – почётное рабство?» [17]. Тем самым правитель в гротесковой форме уподобил законного правителя бесправному рабу, призвав уважать и соблюдать «права бесправных». В дальнейшем Сенека в трактате, написанном в изгнании и косвенно адресованном Клавдию, писал: «Высокое положение – это большое рабство (...). Цезарю, которому всё позволено, по этой же причине многое не позволено. Ведь сон всех людей охраняет его бдительность, для досуга всех – его работа, для убогостворения всех – его деятельность, для приволья всех – его занятость» [17]. Из приведенных примеров становится понятным, что для современных руководителей выражения «слуги народа», «рабский труд» являются не более чем популистскими метафорами, не наполненными сколько-нибудь значимым функциональным содержанием.

При этом в реальности традиция восприятия властью гражданского (т.е. государственного) народонаселения в качестве бесправных рабов, зародившаяся в глубокой древности в условиях деспотического государства-храма, продолжает сохраняться в сознании многих современных государственных деятелей, считающих себя

ответственными в своих помыслах и поступках исключительно перед собственной совестью и Богом, с которым они себя, в конечном счете, отождествляют.

Античный цикл, государство – город, гражданская община (polis), представляло собой политическую организацию общества, в основу объединения членов которой положен принцип принадлежности к городскому сословию. Таким образом, в культуре государства-города существует самостоятельная обособленная социальная группа (сословие) – горожане. В данном случае горожанин и гражданин рассматриваются как тождественные понятия. По образному высказыванию Ортеги-и-Гассета, «на смену растительному расплзанию по земле пришло гражданское сплочение в городе. Город – это сверхдом, это преодоление дома, людского логова, создание новой структуры, более абстрактной и сложной, чем семейное *oikos* (жилище). Это республика (общее дело), *politeia*, которая складывается не из мужчин и женщин, а из сограждан. Новое измерение, уже не сводимое к первобытному и полуживотному, предложено человеческому существованию, и те, что прежде были просто человеческими особями, вкладывают в это новое всю свою энергию. Так возникает город и становится государством» [35, стр. 144-145]. Наиболее наглядным примером города-государства является античный полис.

Полис представляет собой коллективный надобщественный орган, необходимый социуму для защиты прав и свобод, которыми обладают образующие его горожане (сограждане), одновременно полис – это механизм ограничения индивидуальных волеизъявлений силой закона.

Существование гражданина вне полиса невозможно (вне полиса живут лишь боги и звери). Не случайно само понятие «полис» имело в греческом языке, из которого оно перешло в языки современных европейских народов, три различных значения:

- 1) город,
- 2) механизм публичной политической власти,
- 3) гражданская община.

Следует обратить внимание на то, что в понимании античного полиса практически не уделяется внимание такому важнейшему признаку современного государства, как территория. Античный полис древнегреческого периода – это в большей степени корабль, нежели

политико-территориальное образование, жизнедеятельность которого определяется государственной границей. Формой такого корабля является город, содержанием – сообщество свободных граждан объединяемых единой целью – обеспечением блага полиса. Не случайно и колонизация античного периода носила в большей степени характер освоения «новых земель», напоминая размножение пчелиного роя, нежели являла пример имперских захватов, связанных с оккупацией территорий, осуществляемой с целью внеэкономической эксплуатации соответствующих материальных и социальных ресурсов.

В индивидуальном сознании все три указанные понятия полиса, как правило, сливались в континуум города-власти-сообщества [5, стр. 3]. Античный полис классического периода имел четко фиксированные государственно-административные границы, все необходимые отрасли хозяйственной и культурной жизни, систему государственно-административных учреждений, определенную форму политического строя и правления. Полис как типичная форма античной общности обладал относительной самостоятельностью и суверенностью (хотя, разумеется, существовали господствующие и зависимые полисы). Государственная организация античного полиса имела различные формы: и крайне тиранические (Сиракузы), и ярко выраженные аристократические (Спарта), и демократические (Афины, Абдеры) [22, стр. 21].

Типичным для античной мысли является отождествление идеального гражданина с полисом в целом, то есть с коллективом равных перед законом граждан. У Сократа гражданин как лицо частное плавно переходит в лицо политическое. Между гражданином и полисом практически нет никакой разницы: законопослушный гражданин тождественен полису, а полис тождественен законопослушному гражданину. Различая право-справедливость (дике) и закон (номос), философ возводит в ранг справедливости как одной из добродетелей (арете) само подчинение законам во имя нравственного единения граждан полиса. При этом особенно важно то, что, по мнению мыслителя, обязательность законопослушного поведения не предписывается «сверху», а является результатом свободного, добровольного выбора совершеннолетнего афинянина в момент принятия им гражданства [16, стр. 15]. Значение его идей

определяется таким обстоятельством, которое свидетельствует о том, что он впервые подошел к рассмотрению проблемы единства человека и всеобщих единых начал права. «Обсуждение нравственной и правовой проблематики, – подчеркивал В.С. Нерсесянц, – Сократ поднял на уровень логических дефиниций и понятий, заложив тем самым начало собственно теоретического исследования в данной области» [33, стр. 409]. Следовательно, по Сократу, общеобязательными являются лишь «законные обязанности свободных и равных граждан в условиях разумно и справедливо упорядоченного полиса» [33, стр. 15].

Патримониально-теологический цикл – государство-kingdom.

Разрушение Рима германскими племенами знаменует завершение цикла античной цивилизации.

После того, как германцы (являвшиеся для Рима варварами) разрушают римскую цивилизацию, они выстраивают «на обломках старого мира свой новый мир». Однако этот новый мир (новая цивилизация), независимо от желания строителей, есть не что иное, как примитивное повторение устройства разрушенной цивилизации «универсального государства» [53, стр. 35]. Вместе с тем период исторического развития, начинающийся с момента разрушения Римской цивилизации, является не промежуточным (средневековым), характеризующим поступательное развитие формально неизменного социокультурного образования (скажем, Европы), а качественно новым этапом социальной жизнедеятельности (в том числе в политико-правовой сфере), по сути, аналогичным процессам, связанным со смертью одного человека и приходом на его место (в семье, бизнесе, социальной системе) другого. В таком понимании исторический этап, последовавший за античным, следует рассматривать в качестве самостоятельного цикла, который может быть назван патримониально-теологическим.

Патримониально-теологический цикл характеризуется следующими особенностями:

- происходит становление и развитие двух сил, внутренне чуждых полисному миру классической античности, – цезаризма и христианства, которые возникают почти одновременно. В хаотическом, потерявшим структурность «постантичном» мире в качестве связующего звена, соединяющего

членов сообщества, рассматриваются две дополняющие друг друга силы: абсолютная ЕДИНОЛИЧНАЯ власть императора, освобожденная от реликтов полисного мышления, и единая религия, проповедующая веру в ЕДИНОГО Бога и обладающая качеством обязательного (обеспечиваемого государственным принуждением) вероисповедания;

- светская и церковная власти начинают восприниматься как самостоятельные управленческие системы. Католицизм утверждается в качестве «вселенской» надгосударственной конфессии;
- изменяется ключевой принцип государствообразования. На смену социополитическому принципу организации полиса приходит территориальный. Отныне государство – это «терра политикус». Территория (государственная земля) – первичная основа государственной мощи и основной критерий оценки значимости государства;
- производным от территориального принципа организации государства выступает принцип вассалитета, основанный на договоре сюзерена с вассалом. Договорный характер сюзерально-вассальных отношений исключает «сквозную» субординацию и выстраивание единой «вертикали власти» (вассал моего вассала – не мой вассал);
- формирование, структурирование и функционирование государств осуществляется на основе дифференциации субъектов, наделенных публично-властными полномочиями. Сосуществуют две формы правления: монархии (княжества) и поликратии (республики);
- особый правовой статус приобретают города, выступающие в качестве самостоятельных субъектов средневековой политики и права, однако переставшие быть автаркическими (самодостаточными) социально-правовыми образованиями подобным античным полисам.

Философия патримониально-теологического периода в процессе становления во многом опиралась на труды классиков античной мысли. Платон, Аристотель, Цицерон для средневековых юристов, философов и теологов были весьма

авторитетными авторами [12; 14; 21; 25; 26; 37; 38; 39; 40; 50; 54; 66; 67; 68]. «Просвещенные язычники вплотную приблизились к конечной точке, достижимой без помощи новой божественной милости, – писал впоследствии Дж. Актон, – мы видели широту и великолепие эллинской мысли, и она привела нас на порог более великого царства, лучшие из поздних классиков говорили едва ли христианским языком и соприкоснулись с духом христианства» [3, стр. 117]. По мнению кардинала П. Пунара, «Именно культурное наследие языческой античности послужило основой жизненной силы христианства, образовав так называемый *logos spermatikos* (семенной логос), объединяющий в себе скрытые возможности, постепенно раскрывающиеся и приносящие поразительные плоды» [43, стр. 137].

Вместе с эволюцией христианства развивались и перерабатывались античные представления о государстве. Теология активно способствовала вытеснению из социально-политических отношений собственно юридического представления о государстве и праве. Идеи верховенства права и равенства всех перед законом переносились в область религии [2, стр. 9].

Так, Августин Блаженный, различая «моральное» поведение (добровольное соблюдение праведниками законов) и «легальное» (принудительное следование установленным нормам), трактует как естественное (регулируемое преимущественно моральными требованиями), так и позитивное (устанавливаемое государственным законом) право с позиции единства ценностного приоритета – божественного права. В этом смысле Августин противопоставляет не два вида нормативной обязанности, а исполнение закона во имя подлинной и безраздельной веры, с одной стороны, и исполнение, основанное на одном лишь «слышании», приводящее к «познанию греха», – с другой. Подобные представления положены в основу концепции взаимодействия общества и государства, которая, по мнению Августина, получает воплощение в процессе «борьбы двух градов». «Град земной», в понимании теолога, – это светское государство, в основе которого лежит борьба людей за материальные блага, за приоритет корыстных, личных или узкогрупповых интересов над общественными. Отличительной чертой граждан «града земного» выступает их любовь к себе, доведенная

«до презрения к Богу». Бытие «града земного», осуждаемого Августином, весьма напоминает действительность исторически существующих политических сообществ. Этот град преисполнен вражды и эгоизма. В нем отношения управления и подчинения выражают господство человека над человеком. Похоть власти здесь в такой же мере одолевает правителей, как и подвластный им народ.

«Град небесный» – это духовная общность «Божьих избранных», праведников, рассеянных по миру между неправедниками. Члены «града небесного» с помощью религиозных общин и церкви объединены между собой не физически, а духовно и морально. Их жизнь основана на «любви к Богу, доведенной до презрения к себе». Вместе с тем «град небесный», в представлении Августина Блаженного, – это не царствие небесное и не особое теократическое государство как противоположность светскому. «Град небесный» – это земная, открытая для всех духовная общность людей, к которой может приобщиться каждый, кто любит Бога сильнее, чем себя, и кто стремится через озарение достичь «Божественной благодати». Лишь «град небесный» достоин называться «миром собственно разумной твари. Это самое упорядоченное и самое единодушное общение в наслаждении Богом, и взаимно – в Боге» [1, стр. 141].

Опираясь на концепцию «двух градов», Августин Блаженный обосновал идею прогрессивного развития общества (опровергая тем самым характерное для античной эпохи представление о цикличности развития). Так как между «двумя градами» идет борьба, то неизбежно должно наступить время, когда произойдет окончательная победа «града Божьего» над «градом земным», сначала на одной территории, а затем на всей земле. Отсюда главная тенденция общественного прогресса, с точки зрения Августина Блаженного, состоит в повсеместном утверждении «града Божьего» по мере того, как люди будут преодолевать свою греховную природу и приобщаться к праведникам. Само Божественное провидение, направляющее ход истории, будет способствовать конечной победе «града Божьего» и отмиранию светского государства [62].

Политико-правовой цикл – государство-state.

Представляя собой качественно новый этап мировой истории, политико-правовой период (традиционно связываемый с новым и новейшим

временем) характеризуется следующими исходными признаками:

Образ государства – патримонии монарха (отвечающего в своей деятельности перед собственной совестью и Богом) сменяется образом государства «state» – политического порядка управления, распространяющегося как на подданных, так и на государственную бюрократию. Государственный суверенитет уже не отождествляется с «политическим телом» короля, а является свойством всего государства. В качестве социальной основы, объединяющей всех граждан государства независимо от сословной принадлежности, начинает рассматриваться «титутельная нация». Государство приобретает национальный характер.

В сфере политики устанавливается приоритет светской власти по отношению к церковной, а в правовой сфере утверждается приоритет светского права по отношению к каноническому.

Церковная реформа приводит к появлению протестантской этики, положения которой выступают в качестве легитимационной основы либерализма. В рамках либеральной концепции индивид и государство начинают рассматриваться в качестве равноправных и равнобязанных субъектов.

Активизация индустриальных отношений повлекла изменение взглядов на ценность земли. Промышленное освоение земли все более успешно конкурирует с сельскохозяйственным освоением. При этом сама земля утрачивает значение первоосновы жизни (перестает рассматриваться как «мать, сыра земля»), а становится пространством размещения капитала, либо извлечения необходимых для получения (приращения) капитала, сырьевых, энергетических, социальных ресурсов.

Необходимость удовлетворения интересов промышленности в сырье, энергии и рабочей силе обуславливает, с одной стороны, активизацию процесса империалистического колониализма, а с другой, стимулирует революционное движение, направленное на освобождение от крепостной зависимости крестьян – социальной основы будущего пролетариата.

Стремление к созданию эффективной системы правового обеспечения капиталистических отношений обусловило рост политической активности буржуазии и в итоге привело к достижению «классового компромисса», основанного

на признании естественно-правовой природы частной собственности и разделении властей.

Понятия «свобода» и «равенство» из области этики переходят в область юриспруденции. При этом свобода начинает рассматриваться как определенная правом (а не установленная Богом либо властным велением государственного чиновника) самостоятельность субъекта в реализации собственных интересов, а равенство – как отсутствие сословных привилегий и наделение всех людей одинаковой правоспособностью, т.е., по сути, одинаковыми возможностями в получении «права на право».

Типология государства и права в парадигмах постиндустриального общества Д. Белла и Э. Тоффлера

О государстве как о сложном социально-культурном явлении можно говорить и как о субъекте права, и как объекте правового воздействия. В первом случае государство ассоциируется с государственной властью, творящей право и распоряжающейся им по собственному усмотрению. В таком понимании права человека и международное право обладают юридической силой в том объеме, который предоставляется им государством, а понятие правового государства как политической структуры, ограниченной в своей организации и функционировании правом, лишено смысла, поскольку, будучи всего лишь инструментом, принадлежащим в качестве предмета собственности государству как владельцу, право не может ограничивать государственную волю, связанную с состоянием и применением правовых средств и технологий.

Понимание государства и права Д. Беллом неразрывным образом связано с выделяемыми им эпохами. Доиндустриальная эпоха основывается на аграрной (сельскохозяйственной) культуре производства и основывающейся на этой культуре системе социальных отношений. Непосредственная связь проживающих на земле и прикрепленных к земле поколений «отцов и детей» предполагает восприятие в качестве основной формы права «закона отцов», в равной степени выраженного в обычае и государевом (царя отца) указе. На смену традиционной культуры земли приходит механистическая культура индустрии, в которой сельские поселения вытесняются городами, а традиционное право, основывающееся на исторической неизменности

традиции и неограниченном волюнтаризме государства, трансформируется в право как технологию, подчиненную в своем развитии объективным законам социальной экономики, эффективность которой определяется подлежащим измерению и оценке соотношению спроса и предложения; цены и качества производимых жизненных благ.

Национальное (государственное) право, равно как и производные от него составляющие, права человека и международное право, приобретают относительную самостоятельность и выступают для государства такими же объективными категориями, как и естественные и экономические законы.

В условиях индустриальной парадигмы меняется и само понимание государства как социокультурного явления.

Главенствующее в условиях аграрной культуры доиндустриального периода государство-kingdom, по сути своей производное от деспотической формы государственного устройства и государственного правления, с переходом к индустриальной эпохе сменяется семантической конструкцией state – обезличенным порядком механистической организации общества и общественного управления, в рамках которого право столь же постоянно и столь же трансформируемо, сколь постоянны и трансформируемы любые другие производственные технологии, независимо от того, определяют они порядок плавки стали, сборки автомобилей либо подготовку и смену профессиональных кадров на всех уровнях технологической цепочки, включая высших должностных лиц государственного конвейера.

Постиндустриальная эпоха для Д. Белла представляет собой своеобразный аналог безгосударственного коммунистического общества, в котором государственная бюрократическая власть сменяется меритократией (властью «достойных»); национальное законодательство – международным правом, основанным на естественных неотчуждаемых правах человека; на смену частной собственности, выраженной в вещной форме, приходит коллективная собственность на информационные ресурсы; товарный дефицит сменяется дефицитом свободного времени.

Таким образом, будущее, по Д. Беллу, построено примерно по той же схеме, что и у других представителей диалектической концепции исторического развития, по мнению

которых, историческим трансформациям подвержены целостные государственно-правовые массивы, проживающие этапы ранней (древней), современной и постсовременной истории. Причем, будучи представителем западной цивилизации и, соответственно, носителем западной культуры, Д.Белл не может, да и не особенно стремится выйти за рамки того социально-исторического времени, современником которого он является. Его постиндустриальное общество и порожденное этим обществом право – это общество и право Запада, существующие в отрыве от иных цивилизационных конструкций и фактически не интегрирующие с ними, так же как не интегрировали в свое время имперская политико-правовая культура Рима и варварские культуры, взаимодействие которых строилось по модели взаимодействия онкологического новообразования с человеческим организмом.

Двадцатый век наглядно доказал ошибочность как концепций мировой пролетарской революции, так и строительства коммунизма в отдельно взятой стране либо группе стран. Но если невозможен «отдельно взятый» коммунизм, то насколько можно говорить о построении в «отдельно взятом» социально-пространственном регионе, независимо, идет речь о Европе, США либо иной части современной человеческой цивилизации, «развитого постиндустриального общества»?

Человеческий мир проходит в своей эволюции непростой путь от монистической цивилизационной культуры к плюралистической, от монологовых форм общения «центров мировой силы» к диалогичным формам взаимодействия разных по внешней форме, но равных в своей содержательной ценности субъектов права. Особенность такого рода современности заключается, по Э. Тоффлеру, в волнообразности нынешних и грядущих изменений, предполагающих возможность сочетания и достаточно причудливых комбинаций среди представителей различных социально-исторических временных периодов.

Право, возникая подобно языку, представляет собой инструмент социального общения и средство социальной коммуникации как внутри социальной группы, так и за ее пределами. Волны несут в себе не только новую информацию, но и новый язык, позволяющий эту информацию воспринять и постичь. Каждая новая волна представляет собой иную среду обитания, адаптация к

которой связана с пониманием и приятием иных понятий, правил, ценностей, столь же чуждых для первичного восприятия, как и все, к чему мы относимся как к чужому, а значит, враждебному.

Волна способна унести и растворить в себе только тех, кто не держится за земную твердь и готов плыть по «воле волн», преобразуя собственную волю в совокупную энергию движения несущей его волны. В таком понимании постиндустриальное общество Э. Тоффлера формируется не из тех, кто, ругая традиционное государство и одновременно уповая не него, ждет, когда же, в конце концов, привычная и от того надоевшая земля сменится непривычной и потому страшной в своей неизвестности водой, будущая жизнь в которой столь же непонятна и не представляема, как жизнь в «загробном мире», а из тех, кто готов и стремится плыть к собственной цели, столь же значимой и ценной, как и цели остальных пловцов, увлекаемых жизненной энергией волны, открывающей новые жизненные перспективы и предоставляющей

новые возможности.

Традиционно-волонтаристское право аграрного общества сменяется воплощенным в национальном законодательстве технологическим правом индустриального общества, которое, в свою очередь, постепенно вытесняется международным полисемичным правом постиндустриального (информационного) общества не в силу раз и навсегда устоявшейся национальной традиции либо по воле царя-бога, а вследствие объективных закономерностей развития человеческих отношений, подчиняющихся в своей динамике не диалектической линейности, итогом которой является неизбежная человеческая смерть и конец истории, а непрерывной волнообразной цикличности, в которой рождение и смерть носят взаимоисключающий и вместе с тем взаимообуславливающий характер, предопределяя неопределенность и связанные с ней риски, обусловленные альтернативным будущим, и одновременно непередаваемую прелесть новизны рождаемых этим будущим ощущений.

Список литературы

1. Аврелий Августин. Творений блаженного Августина, Епископа Иппонийского. Часть 6. Издание второе (О граде Божьем, кн.18-22). – Киев, 1910.
2. Акопов Л.В. Государство, подконтрольное народу. – Ростов-на-Дону: Полиграф, 1994. – 47 с.
3. Актон Дж. История свободы в античности // Полис. – 1993. – № 3.
4. Александров Н.Г. Введение // Основы теории государства и права. – М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1963.
5. Андреев Ю.В. Раннегреческий полис (Гомеровский период). – Л.: ЛГУ, 1976. – 142 с.
6. Боннар Андрэ. Греция цивилизация. Книга первая: От Илиады до Парфенона. Книга вторая: от Антигоны до Сократа. Т. 1. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1994. – 448 с.
7. Боннар Андрэ. Греция цивилизация. Книга вторая: от Антигоны до Сократа (окончание). Книга третья: От Евригида до Александрии. Т. 2. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1994. – 448 с.
8. Величко А.М. Священная империя и святой император (из истории византийских политических идей): Сборник статей. – М.: Юрлитинформ, 2012. – 158 с.
9. Верховодов Е.В., Сальников В.П., Романовская В.Б. «Естественное право» и «добродетель» в трудах Аристотеля // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 8. – С. 201-208.
10. Ветютнев Ю.Ю. Государственно-правовые закономерности. (Введение в теорию) / Под ред. А.Я. Рыженкова. – Элиста: Джангар, 2006. – 204 с.
11. Графский В.Г. Гимн Атому // Антология мировой правовой мысли. В 5 т. Т. 1. Античный мир и Восточная цивилизация / Руководитель научного проекта Г.Ю. Семигин. – М.: Мысль, 1999. – 749, [1] с.
12. Держивицкий Е. В. Личность и политика в философии Цицерона: Автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.10. – СПб.: Санкт-Петербургский гос. ун-т, 1998. – 16 с.
13. Еллинек К. Общее учение о государстве. – СПб.: Издание Юридического книжного магазина Н.К. Мартынова, 1908 – 599 с.
14. Зеннхаузер Вальтер. Платон и математика. – СПб.: РХГА, 2016. – 614 с.: ил. – (Античные исследования).
15. Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Платон, Аристотель, Фома Аквинский и идея справедливости в естественно-правовой традиции // Мир политики и социологии. – 2016. – № 9. – С. 19-26.
16. История философии права: Монография / Альбов А.П., Баранов В.М., Идрисов З.Ш., Масленников Д.В.,

- Пешков А.И., Ревнова М.Б., Сальников В.П., Сальников М.В., Сотникова Н.Н., Чеговадзе Л.А.; ответственные редакторы: А.П. Альбов, Д.В. Масленников, В.П. Сальников. – СПб.: Юридический институт (Санкт-Петербург), Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 1998. – 640 с.
17. Как раб на галерах, или почетное рабство // <https://zen.yandex.ru/media/detidalya/kak-rab-na-galerah-ili-pochetnoe-rabstvo-5c40daa6e2d43900b02ef0d1>
18. Кельзен Г. Чистое учение о праве. Вып. 1 / Перевод С.В. Лёзова, Ю.С. Пивоварова; отв. ред. В.Н. Кудрявцев, Н.Н.Разумович – М.: АН СССР ИНИОН, 1987. – 108 с.
19. Кожемяченко А.А. Образ храма // Наука и мир. – 2016. – Т. 2. – № 2 (30). – С. 117-118.
20. Кондаков Н.И. Логический словарь-справочник. – М.: Наука, 1975. – 722 с.
21. Королева Ю.В., Щербатая А.Ю. Соотношение права и закона (Платон, Аристотель, Полибий, Цицерон) // Академическая публицистика. – 2017. – № 1. – С. 41-45.
22. Кривушин Л.Т. Проблема государства и общества в домарксистской мысли. – Л.: ЛГУ, 1978. – 216 с.
23. Лопухова И.В. Восточная деспотия как исторический тип государства // Журнал правовых и экономических исследований. – 2011. – № 1. – С. 110-114.
24. Лопухова И.В. Особенности восточной деспотии как формы государства // Юридическая мысль. – 2007. – № 1 (39). – С. 14-19.
25. Лукьянов А.В., Салихов Г.Г. Аристотель и эвристический смысл его учения о материи : Монография / Министерство науки и высшего образования РФ, Башкирский государственный университет. – Уфа : РИЦ БашГУ, 2018. – 259 с.
26. Львов А. В. Проблема идеального гражданина в античных политико-правовых учениях (Аристотель, Цицерон): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. – М.: Ин-т государства и права РАН, 2000. – 16 с.
27. Майданов А.С. Сакрализация социальных явлений как свойство архаического познания // Философия науки. – 2006. – Т. 12. – № 1. – С. 173-195.
28. Максимов В. Кризисные «точки Маугли» // Народное образование. – 2007. – 7 (1370). – С. 241-244.
29. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 13. – М.: Госполитиздат, 1954. – 770 с.
30. Межуев В.М. Российский путь цивилизационного развития // Власть. – 1996. – № 11.
31. Министр Шойгу поссорился с министром Соколовым // <https://newizv.ru/news/society/16-12-2004/17156-ministr-shojgu-possorilsja-s-ministrom-sokolovym>
32. Нерсесянц В.С. Личность и государство в политико-правовой мысли (из истории идей). – М., 1980. – 64 с.
33. Нерсесянц В.С. Философия права: Учебник для вузов / Ин-т государства и права РАН, Академический правовой ун-т. – М.: ИНФРА-М : Норма, 1997. – 647 с.
34. Ниизаметдинов Р.Р. Идея космоса в архитектуре Древнего Востока: храм как модель вселенной // Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность. – 2011. – № 1. – С. 117-123.
35. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Хосе Ортега-и-Гассет. Избранные труды / Сост., предисл. и общ. ред. А.М. Руткевича; Пер. с исп. А.М. Гелескул и др.. – 2. изд.. – М.: Инфра-М : Весь мир, 2000. – 700, [1] с.
36. Пермиловская А.Б. Храм в контексте русской традиционной культуры: синкретизм материального и духовного // Рябининские чтения–2015: Материалы VII конференции по изучению и актуализации культурного наследия Русского Севера / Отв. ред. док. филол. наук Т.Г. Иванова.. – Петрозаводск: Музей-заповедник «Кижи», 2015. – С. 216-218. – в кн. 596 с.
37. Платон. Парменид / Перевод, введение, приложение, указатель имен Ю.А. Шичалина. – СПб.: РХГА, 2017. – 264 с.
38. Платон. Политик / Исследование, перевод и комментарии Р.В. Светлова. – СПб.: Платоновское философское общество, 2019. – 212 с. – (Наследие Платона).
39. Платон. Софист / Исследование, перевод, комментарий, примечания И.А. Протопоповой. – СПб.: Платоновское философское общество, 2019. – 261 с. – (Наследие Платона).
40. Платон. Федр / Перевод, введение, интерпретация, указатель имен, примечания А.А. Глухова. – СПб.: РХГА, 2017. – 232 с. – (Наследие Платона).
41. Полянская Н.М. Общественно-экономические формации: взгляд с позиций исторического материализма // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 6. – С. 1608.
42. Прокофьев К.Г., Морозов А.И., Чудин-Курган Ф.О. Проблема соотношения правовых норм и моральных ценностей в западной философии права: Кельзен – Харт – Дворкин // Юридическая наука: история и современность. – 2019. – № 6. – С. 187-196.
43. Пунар П. Роль христианства в культурной идентичности европейских народов // Полис. – 1996. – № 2.
44. Путин: все эти восемь лет я пахал, как раб на галерах // <https://ria.ru/20080214/99185527.html>
45. Ревнов Б.А., Крушельницкий М.А. Нормативизм Ганса Кельзена: взгляд из XXI века: Монография. – СПб.: Юридический институт (Санкт-Петербург), 2014. – 268 с.
46. Романовская Л.Р., Верховодов Е.В. Античные корни естественно-правовой теории // Вестник Нижегородского

- университета им. Н.И. Лобачевского. – Серия: Право. – 2002. – № 1. – С. 84-88.
47. Сальников В.П., Степашин С.В., Хабибулин А.Г. Государственность как феномен и объект типологии: теоретико-методологический анализ. Санкт-Петербургский университет МВД России, Академия права, экономики и безопасности жизнедеятельности. – СПб.: Фонд «Университет», 2001. – 208 с. – (Серия: «Безопасность человека и общества»).
48. Словарь русского языка: В 4 т. Т. 4: С-Я / АН СССР. Ин-т рус. яз.; Под ред. А.П. Евгеньевой. – М.: Русский язык, 1988. – 795, [1] с.
49. Таран П.Е. Политико-правовые основания идеологии деспотизма // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. – Серия: Юридические науки. – 2010. – Т. 223. – № 2 (62). – С. 57-63.
50. Темнов Е.И. Аристотель. Политика. Афинская полиция: Монография. – М.: Русайнс, 2022. – 348 с.
51. Теория государства и права / Под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. – М.: Юрист, 1997.
52. Тойнби А. Постигание истории / Пер. с англ.- М.: Прогресс, 1991. – 736 с.
53. Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории: Сборник. 2-е изд. – М.: Айрис-пресс, 2003. – 592 с.
54. Трубецкой Е. Н. Политические идеалы Платона и Аристотеля. – М.: Либроком, 2011. – 105 с.
55. Хабибулин А.Г. Научные основы типологии государства: вопросы теории и практики. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 1997. – 305 с.
56. Хабибулин А.Г. Теоретико-методологические проблемы типологии государства: Дис. ... докт. юрид. наук. – СПб.: Санкт-Петербургская академия МВД России, 1997. – 340 с.
57. Хабибулин А.Г., Рахимов Р.А. Идеологическая деятельность государства и типология государственности. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 1998. – 191 с.
58. Хайек Ф.А.ф. Право, законодательство и свобода: Современное понимание либеральных принципов справедливости и политики. – М.: ИРИСЭН, 2006. – 642, [1] с.
59. Храм // <http://www.symbolarium.ru/index.php/Храм>
60. Цивилизация // <https://ru.wikipedia.org/wiki/Цивилизация>
61. Чиркин В.Е. Современное государство. – М.: Международные отношения, 2001. – 411, [1] с.
62. Чичерин В.А. Политическое учение Блаженного Августина // Политико-правовые идеи и институты в их историческом развитии. – М.: ИГПАН, 1980. – С. 12-20. – в кн 169 с.
63. Чураев В.И. Особенности храмовой культуры: Сборник статей. – М.: Прометей, 2007. – 58 с.: ил.
64. Ясперс К. Ницше. Введение в понимание его философствования / Редакционная коллегия серии «Мировая Ницшеана»: В.М. Камнев, Б.С. Марков (председатель), А.П. Мельников, Ю.В. Перов, В.П. Сальников, К.А. Сергеев, Я.А. Слинин, Ю.Н. Солонин, Н.В. Штегмайер; пер. с нем. Ю. Медведева. – СПб.: Владимир Даль, Фонд «Университет», Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2004. – 629 с.
65. Ясперс К. Смысл и назначение истории. – М.: Политиздат, 1991. – 527 с. (Серия: Мыслители XX в.)
66. Everitt A. Cicero: the life and times of Rome's greatest politician / Anthony Everitt. – New York: Random House trade paperbacks, 2003. – 364 с.
67. Langmeier B. Ordnung in der Polis: Grundzuge der politischen Philosophie des Aristoteles / Bruno Langmeier. – Freiburg; Munchen: Alber, cop. 2018. – 486 с.
68. Miller F.D. Nature, justice, and rights in Aristotle's Politics / Fred D. Miller, jr. – [Repr.]. – Oxford : Clarendon press, 2004. – XVII, 424 с.
69. Troper M. Pour une theorie juridique de l'Etat. Paris, 1994.

ПОЛИТИКА. ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ. ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ. МОДЕРНИЗАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

БРЫЛЕВА Елена Александровна,
начальник кафедры гражданско-правовых дисциплин Пермского института ФСИН России,
кандидат юридических наук, доцент (г. Пермь,
Россия)

E-mail: elenbrylev@yandex.ru

САЛЬНИКОВ Михаил Викторович,
Президент Фонда содействия науке и образованию в области правоохранительной деятельности «Университет», главный научный сотрудник Юридического института (г. Санкт-Петербург), доктор юридических наук, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: salnikov-mihail66@yandex.ru

Специальность 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОБЩЕСТВА КРАСНОГО КРЕСТА В ГОДЫ РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ 1877-1878 гг. (НА ПРИМЕРЕ ПЕРМСКОГО КРАЯ)

***Аннотация.** На примере Пермской губернии освещает деятельность Красного Креста в годы русско-турецкой войны. При этом отмечается оснащенность отряда медицинских врачей; новые подходы в части организации размещения больных и раненых; благотворительная деятельность в данном направлении обеспеченной части населения Пермской губернии.*

***Ключевые слова:** Красный крест; благотворительность; медицинская помощь; Пермская губерния; русско-турецкая война.*

**BRYLEVA E.A.
SAL'NIKOV M.V.**

CHARITABLE ACTIVITIES OF THE RED CROSS SOCIETY DURING THE RUSSIAN-TURKISH WAR OF 1877-1878. (ON THE EXAMPLE OF THE PERM TERRITORY)

***The summary.** On the example of the Perm province, she covers the activities of the Red Cross during the years of the Russian-Turkish war. At the same time, the equipment of a detachment of medical doctors is noted; new approaches in terms of organizing the accommodation of the sick and wounded; charitable activities in this direction for the wealthy part of the population of the Perm province.*

***Key words:** Red Cross; charity; health care; Perm province; Russian-Turkish war.*

Ежегодно 8 мая отмечается Всемирный день Красного Креста и Красного Полумесяца (World Red Cross and Red Crescent Day). В этот день родился основатель Международного Комитета Красного Креста (МККК), швейцарский гуманист и общественный деятель, лауреат первой Нобелевской премии мира Анри Дюнан (Henri Dunant, 1828-1910).

В России общество Красного Креста было создано в мае 1867 года под названием «Общество о попечении раненых и больных воинов», в 1879 году переименовано в Российское общество Красного Креста (РОКК). В 1923 году был создан Союз обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР, правопреемником которого стал в 1992 году – Российский Красный Крест (РКК).

С самого момента создания организации ее основой были добровольцы, которые и по сей день играют важную роль во всех мероприятиях Красного Креста. В настоящее время в реестре добровольцев Российского Красного Креста числится более 80 тысяч человек, которых организация привлекает для осуществления различных социально-гуманитарных проектов [16].

Отдельного исследования заслуживает, на наш взгляд, деятельность Красного Креста в годы военных конфликтов. Русско-турецкая война 1877 -1878 г.г. выявила существенные недостатки в организации медицинской помощи раненым и больным воинам, а также в оказании материальной поддержки семьям запасных, мобилизованных в действующую армию. Государство оказалось не в состоянии создать эффективную систему, способную решить данную проблему. В силу этого оно постаралось привлечь к решению задачи органы земского и городского самоуправления, а также общественные организации, прежде всего общество Красного Креста.

Российское общество Красного Креста, созданное в период русско-турецкой войны 1878 – 1879 годов, не являлось благотворительной организацией в чистом виде, так как ему пришлось при решении ряда задач дополнять и подменять государственные структуры. Одной из таких задач было создание лазаретов Красного Креста, которые должны были оказывать медицинскую помощь раненым и больным непосредственно на театре военных действий, сглаживая тем самым недостатки в развитии медицинской службы в Российской армии [16]. Хотя

здесь необходимо отметить, что первые шаги в области правовой регламентации медицинской деятельности в России были сделаны еще при Петре Первом [5; 7; 10; 11; 14].

К моменту начала русско-турецкой войны общество Красного креста уже полноценно функционировало на территории Пермской губернии, его признавала действующая на тот момент власть и общественность губернии. Военные события, которые начались на Балканах, в момент начала войны очень сильно взбудоражили организацию, и началась активная подготовка сбора всевозможной помощи на фронт. Финансовая поддержка поступала от разных источников. Администрация Пермской губернии выделила в поддержку общества 12 000 тысяч рублей. На тот момент это была довольно внушительная сумма. Также горожане смогли собрать 5000 рублей. О событиях сбора денежной помощи в поддержку фонда подробно описывает А.А. Дмитриев в своей работе «Очерки из истории губернского города Перми с основания поселения до 1845 года с приложением летописи города Перми с 1845 до 1890 года». Помимо гуманитарной помощи, общество Красного креста начало формировать отряд военных врачей для оказания медицинской помощи на фронте.

В работе А.А. Дмитриева «Очерки из истории губернского города Перми с основания поселения до 1845 года с приложением летописи города Перми с 1845 до 1890 года» [16] содержится информация о данном медицинском военном отряде. Автор подробно описывает события, которые происходили осенью 1877 года. Руководство Пермской губернии пожертвовало организации «Красный крест» сумму денежных средств, которая составила 12000 тысяч рублей, эта сумма в последствии возросла. В ответ организация «Красный крест» обязалась отправить отряд военных медиков на фронт.

Также были организованы сборы пожертвований на помощь фронту, всего было собрано около 5000 тысяч рублей. Общая сумма денежной помощи составила 17000 тысяч рублей. А.А. Дмитриев в своей летописи описывает некое собрание на театральной площади, которое прошло 23 мая, и было организовано по случаю отправления военных врачей на фронт. Эту информацию подтверждает вырезка из летописи: «23 мая на театральной

площади в палатках совершенно было Вассианом, епископом Пермским и Верхотурским, соборное, молебствие с коленопреклонением, в присутствии начальника губернии, чиновников, всех членов местного отдела «Общества попечения о раненых и больных воинах» и массы народа, – по случаю устройства местного санитарного отряда, который должен был затем отправиться на театр военных действий» [1, стр. 151]. На мероприятии был оглашен личный состав военных врачей, об этом так же сообщается в летописи: «Личный состав Пермского санитарного отряда был следующий: доктор П.Ф. Крамер, ординатор Пермской Александровской больницы; врач Тальберт Лысьвенского графов Шуваловых завода; врач Семенов Осинского уездного земства; врач Иванов Екатеринбургского уездного земства; магистр фармацевт Циновский – экононом и распорядитель отряда по хозяйственной части, служивший при Мотовилихинском заводе; титулярный советник Пермяков; старшая сестра милосердия Клара Федоровна Гиль, фельдшерица Пермской Александровской больницы; фельдшерица Розалия Шпренгель; сестры милосердия: Екатерина Герасимова, Евфалия Сипачева, Капитолина Чуклинова, Наталия Мальцева, Лариса Пономарева, Мария Еучинская, Анфиса Заблочкая. Затем в состав отряда вошли: вахтер Штопфер, служители: Давид Курепин, Федор Поносов, Елеазар Змеев и Матвей Юрьев» [1].

По окончанию собрания была проведена служба, и вновь был объявлен сбор пожертвований на помощь фронту среди присутствующих. Всего удалось собрать 438 рублей. Отправление отряда состоялось 29 июня, об этом так же сообщается в летописи. Пермский санитарный отряд двинулся в путь на пароходе И. И. Любимова «Кунгур». Перед этим был отслужен молебен, после чего все собравшиеся отправились на пристань, откуда пароход отошел при звуках народного гимна. «Всеобщие благословения напутствовали деятелей милосердия», отправившихся на истинно святое дело» [1].

А.А. Дмитриев также сообщает о том, что Пермское ремесленное общество пожертвовало в пользу «Красного креста» на нужды раненых и больных воинов 1000 р.

Теперь нужно перейти к более подробному рассмотрению деятельности военного госпиталя, так как он сыграл очень значимую роль в достижении победы русской армии.

Его стратегическое расположение позволяло госпиталю работать без перебоев в любое время года. Успехами госпиталя активно интересовалась пермская общественность, ситуацию в госпитале освещали пермские СМИ. Газета «Пермские губернские ведомости» регулярно публиковала отчеты начальника военного госпиталя П.Ф. Крамера. Очень информативным в этом плане стал выпуск от 1 марта 1878 года, в нем в очередной раз публикуется отчет П.Ф. Крамера перед Пермским обществом Красного креста, он рассказал, что 12 февраля 1878 года Пермский госпиталь посетили Н.И. Пирогов и главный уполномоченный Н.С. Абаза. Они высоко оценили работу персонала и порядок в госпитале. В специальном письме, направленном в Пермь, главный уполномоченный сообщал, что уход за больными был образцовым. Госпиталь и вся обстановка его производили самое благоприятное впечатление. Весь персонал был прекрасно подобран и работал безукоризненно. Хозяйство госпиталя велось замечательно. Везде был виден отличный порядок, чрезвычайная заботливость и вследствие этого «особенное расположение больных к ухаживающим за ними» [16]. Такая положительная характеристика деятельности военного госпиталя была дана в газете «Пермские губернские ведомости». Это говорит о высоком профессионализме военных врачей, которые работали в госпитале. Газета вызвала повышенный интерес читателей, пермяки могли гордиться успехами своих соотечественников.

Информативным представляется «протокол заседания общества врачей Пермской губернии» от 3-го Ноября 1878 года. № 2, который позволяет сделать вывод о том, что пермские врачи внесли огромный вклад в победу, направив отряд военных врачей на фронт, который расположился на станции Новоукраинка Елизаветградской железной дороги 12 августа 1877 года. Госпиталь начал принимать раненых только 7 сентября, все это время он был полностью готов к работе.

Протокол подробно дает описание интерьера госпиталя, и преимущества его географического расположения. Госпиталь представлял собой ряд палаток со съемной крышей, это позволяло удобно переносить его в случае опасности. Со всех сторон строение окружал сад, что давало возможность избавиться от ветров, которые могли быть опасными для больных. Раненых

привозили на станцию Одесскую и оттуда везли на подручном транспорте. Расположение госпиталя в миле от станции давало преимущество в скрытности и позволяло оставаться ему незамеченным. Автор доклада указывает, что интерьер госпиталя был выполнен не в стандартах отделки того времени. Каждая палатка представляла высокое, светлое помещение с двойным рядом кроватей по бокам. На длинном столе находились «самовар с чайным сервизом, водоочистительная машинка, прибор для газовой воды, а посередине книги, газеты, письменные принадлежности и т.п.» [16, стр. 112]. То есть здесь была создана атмосфера не лазарета, а больше жилого дома, что поднимало боевой дух солдат.

В плане обеспеченности медицинским персоналом, отметим, что на каждую палату полагалось по две души, а именно: санитарный служитель и сиделка. Кроме того, на посту всегда находился сторож, в обязанности которого входило соблюдать частоту вокруг госпиталя. Исполнение особых поручений, хранение медицинских принадлежностей возлагалось на вахтера.

В период зимнего времени госпиталь перемещался и оборудовался печами, правда, перенос госпиталя состоялся только 3 ноября, это было поздно, до этого времени многие больные находились в страшных условиях холода. Для зимнего помещения госпиталя были установлены четыре барака: один большой, находящийся в сорока метрах от летнего помещения госпиталя и в двухстах метрах от селения, остальные же три меньшей величины в самом селении, не в далеком друг от друга расстоянии. Большой барак, приспособленный из хлебного амбара, принадлежащего местному населению, представлял собой каменное здание, оштукатуренное снаружи и внутри, длиною в 20 сажень и шириною в 5. Печи в этих бараках были расположены по углам, для достижения более или менее равномерной температуры воздуха в различных местах палаты. Протокол также отмечает, что госпиталь на 50 кроватей был открыт 12 августа. Об этом был уведомлен главный уполномоченный Николай Саввич Абаза. Шесть транспортных средств включали уже меньшее количество раненых и больных, так как прием проводился в соответствии с наличием свободных мест, имевшихся в этом госпитале. Места освобождались в результате выписки выздоровевших больных или же путем

перевода их в более отдаленные госпитали. Их перевозили на санитарном поезде без вреда для их здоровья. Во время приема больных всегда находились врачи. Здесь присутствовали также фельдшеры и сестры милосердия, «всех больных и раненых поступило в наш госпиталь по 15 декабря сто тридцать один человек» [16], что свидетельствует о востребованности госпиталя. Результативность деятельности показывает и низкая смертность 3,05%, и достаточно высокая выздоравливаемость [12, стр. 148].

Общество Красного Креста сформировало и отправило на фронт отряд военных врачей, который разместил палаточный госпиталь на 150 коек недалеко от одесской железной дороги. Во время проводов отряда врачей в Перми были сформированы пункты пожертвования денежных средств на нужды фронта. Благодаря поддержке местного населения, удалось собрать значительную сумму, которая впоследствии была отправлена на помощь фронту.

О том, как высоко зарекомендовали себя женщины-врачи на фронте, говорит докладная записка начальнику штаба действующей армии от полевого военно-медицинского инспектора, ходатайствовавшего о награждении бывших слушательниц женских врачебных курсов, отличившихся на войне: «Самоотверженная работа женских ординаторов среди опасностей и лишений, среди тифозной болезненности, жертвой которой была не одна из них, обратила на себя общее внимание и, как первый пример применения женского труда в военном деле, заслуживает отличия и поощрения». В числе других была награждена знаком Красного Креста и медалью за войну Евгения Павловна Серебренникова, уроженка Екатеринбургa, впоследствии заведующий первым земским глазным стационаром г. Перми [2].

Таким образом, страницы истории деятельности Красного Креста на примере Пермской губернии показывают одну из концептуальных идей данной организации – быть ангелом-хранителем международного гуманитарного права без различия по расовым, национальным, религиозным, социально-классовым и другим признакам. Уважение к каждому человеку, сочувствие к тем, кто страдает, – это ценности, на которых должно строиться будущее мира. Защищая эти ценности и во время войны, хранитель международного гуманитарного права также

борется с чувствами беспомощности и страха, которые вселяют в людей безразличие друг к другу и разобщают их [8].

Важно подчеркнуть, что такой подход к гуманитарным ценностям исторически выступает

характерной чертой менталитета российского народа, который всегда стремился, по выражению Ф.М. Достоевского, к идее всеобщего добра в отношениях человека, общества и государства [3; 4; 6; 13].

Список литературы

1. Дмитриев А.А. Очерки изъ исторіи губернскаго города Перми съ основанія поселенія до 1845 года съ приложеніемъ летописи города Перми съ 1845 до 1890 года. – Пермь: Типографія П.Ф. Каменскаго, 1889.
2. Евгения Павловна Серебренникова// <https://nashural.ru/culture/ural-characters/serebrennikova/>
3. Захарцев С.И., Масленников Д.В., Сальников В.П. Бытие и рефлексия: онтологические основания права в философии Ф.М. Достоевского // Мир политики и социологии. – 2018. – № 12. – С. 157-171.
4. Захарцев С.И., Масленников Д.В., Сальников В.П. Теоретико-методологические основания философии права Ф.М. Достоевского как идеолога «предъевразійства» // Правовое государство: теория и практика. – 2019. – № 2. – С. 17-24.
5. Иконникова И.С. Табель о рангах Петра I и современное развитие идей императора // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 11. – С. 20-24.
6. Исмагилов Р.Ф. Философское наследие Ф.М. Достоевского и его влияние на развитие философии права: Курс лекций / Вступ. статья докт. юрид. наук, проф., Засл. деятеля науки РФ В.П. Сальникова и докт. философ. наук, проф. Д.В. Масленникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2017. – 352 с. (Серия: «Наука и общество»).
7. Кириллова Т.К., Мартынов В.Ф., Тищенко А.Г, Сальников С.П., Щербаковский Г.З. Значение петровских реформ для государственно-правового развития России // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2005. – № 3. – С. 84-93.
8. Кубицкий С.И., Бабкина Л.Ф., Власова А.В. Благотворительность: теория, история, современность: Монография / Уральский социально-экономический институт Академии труда и социальных отношений. – Челябинск: Фотохудожник, 2005. – 159 с., [6] л. портр.: табл.
9. Пермские губернские ведомости. – 1878. – 1 марта.
10. Петр I Великий. Честь, слава, империя. Труды, артикулы, переписка, мемуары. – М.: Эксмо, 2012. – 480 с.: ил. (Серия «Великий правитель»).
11. Петр Великий: pro et contra / Сост., коммент., предисл. К.Е. Нетужилова. – СПб.: РХГИ, 2001. – 760 с.
12. Протокол заседания Общества врачей Пермской губернии. 3-го Ноября 1878 года. № 2. – Пермь: Типография губернского Правления, 1878. – 40, [2] с.
13. Сальников В.П., Исмагилов Р.Ф., Масленников Д.В., Захарцев С.И. Философия Ф.М. Достоевского как объект интерпретирующей реконструкции // Мир политики и социологии. – 2018. – № 9-10. – С. 171-183.
14. Сальников В.П., Стеценко С.Г. Законодательная регламентация медицинской деятельности в России во время правления Петра I // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2001. – № 4(237). – С 219-230.
15. Сандо И. Международный комитет красного Креста как хранитель МГП // Московский журнал международного права. – 1999. – № 1-1. – С. 91-121.
16. https://ru.wikisource.org/wiki/Дмитриев_Очерки_изъ_исторіи_губернскаго_города_Перми_1889.

БЕЗРЯДИН Виктор Иванович,

профессор кафедры уголовного процесса Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук, доцент (г. Санкт-Петербург, Россия).

E-mail: V.V.I@inbox.ru

ЮРЕНКОВА Алина Владимировна,

факультет подготовки сотрудников полиции для подразделений по охране общественного порядка Санкт-Петербургского университета МВД России (г. Санкт-Петербург, Россия).

E-mail: alina.yurenkova@yandex.ru

Специальность 12.00.09 – Уголовный процесс

РАЗУМНЫЙ СРОК, КАК НОВЫЙ ПРИНЦИП УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

***Аннотация.** Рассматриваются актуальные вопросы, связанные с действием разумного срока, как принципа уголовного процесса. Подвергается анализу роль и значимость принципа разумного срока в процессе реализации прав и обязанностей участников уголовного судопроизводства.*

***Ключевые слова:** принцип разумного срока; стадии уголовного судопроизводства; прокурор; уголовная ответственность; суд.*

**BEZRYADIN V.I.
YURENKOVA A.V.**

REASONABLE TIME AS A NEW PRINCIPLE OF CRIMINAL PROCEEDINGS (SOME PROBLEM ISSUES)

***The summary.** Topical issues related to the validity of a reasonable period as a principle of criminal procedure are considered. The role and significance of the principle of reasonable time in the process of implementing the rights and obligations of participants in criminal proceedings is analyzed.*

***Key words:** the principle of reasonable time; stages of criminal proceedings; Prosecutor; criminal liability; court.*

Общепризнанные принципы и нормы международного права являются составной частью российской системы прав (ч. 1 ст. 15 Конституции РФ [1]). Российская Федерация в своей Конституции провозгласила приоритет общепризнанных принципов и норм международного права, содержащихся в ратифицированных Российской Федерацией международных договорах, перед внутригосударственными законами.

Справедливости ради необходимо заметить, что данная норма нашего Основного Закона обоснованно подвергается резкой критике в отечественной юридической литературе. Российские исследователи изыскивали возможности противопоставления наших конституционных ценностей решениям Европейского Суда по правам человека [11; 13; 15; 17; 18; 19; 21], в результате чего были найдены варианты приоритета в отдельных ситуациях

внутригосударственного законодательства над международными правовыми нормами [3; 7].

Вступив в Совет Европы, и ратифицировав в марте 1998 г. Европейскую конвенцию о защите прав и основных свобод, Россия присоединилась к Европейской системе охраны прав человека, включающей в себя не только обязанность охранять и соблюдать зафиксированные в Конвенции права и свободы, но и признание юрисдикции Европейского суда по правам человека.

В ст. 6 вышеуказанной Конвенции говорится, что каждый человек имеет право на справедливое судебное разбирательство «в разумный срок» [8].

Поскольку уголовно-процессуальный закон Российской Федерации не определяет срок рассмотрения уголовного дела в суде, то определение критерия «разумного срока» состоит в обеспечении гарантии вынесения судебного решения в течение такого периода, который устанавливает минимальный предел состояния неопределенности, в котором находится лицо в связи с предъявленным ему обвинением в преступлении. «Разумный срок уголовного судопроизводства, – читаем в учебнике «Уголовно-процессуальное право (Уголовный процесс), – это период времени, в течение которого субъекты, ведущие уголовный процесс, оперативно обеспечивают реализацию личных и публичных интересов в ходе уголовного преследования или разрешения уголовного дела в суде» [22, стр. 68].

Введение в действие 30 апреля 2010 г. Федерального закона № 68-ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» [5] обусловило появление в российском праве совершенно нового института, предусматривающего гарантии обеспечения участникам уголовного процесса права на судопроизводство в разумный срок.

В настоящее время уголовное судопроизводство осуществляется в разумный срок (ст. 6.1 УПК РФ) [2]. При этом уголовное судопроизводство осуществляется в сроки, установленные законом, продление которых допустимо, но уголовное преследование, назначение наказания и прекращение уголовного преследования должны осуществляться в разумный срок.

Обстоятельства, связанные с организацией работы органов дознания, следствия, прокуратуры и суда, а также рассмотрение уголовного

дела различными инстанциями не могут приниматься во внимание в качестве оснований для превышения разумных сроков осуществления уголовного судопроизводства [9; 12; 14].

Разумность – это оценочное понятие, которое отражает усредненное требование. Когда речь идет о разумном сроке, это означает, что оцениваемые действия сравниваются с некоторыми эталонными действиями среднего человека.

Можно выделить общие черты принципа разумности [16, стр. 39]:

1. Сложность уголовного дела, может определяться такими особенностями, как: большое количество эпизодов преступной деятельности, большое количество обвиняемых по уголовному делу. Так же следует отнести сюда и все случаи, когда следователь сталкивается с противодействием обвиняемых в расследовании преступления: фальсификацией доказательств, созданием ложного алиби.

2. Поведение участников уголовного процесса, которое препятствует своевременному расследованию или рассмотрению уголовного дела в суде.

3. Эффективность действий должностных лиц. Этот критерий разумности срока уголовного судопроизводства наиболее сложен для его практического использования и оценки. Дело в том, что, в отличие от двух предыдущих, он не содержит в себе объективных характеристик, поскольку является полностью субъективным.

4. Общая продолжительность уголовного процесса. Этот критерий основан полностью на субъективном усмотрении того должностного лица, который будет эту общую продолжительность оценивать.

Следует отметить, что законодатель ограничивает начало разумного срока уголовного судопроизводства моментом начала осуществления уголовного преследования. Однако, согласно современного отечественного Уголовно-процессуального законодательства, срок уголовного судопроизводства начинает течь с момента получения сообщения о преступлении. Это потребует усовершенствования ст. 6.1 УПК РФ.

В ч. 3 ст. 6.1 УПК РФ момент окончания разумного срока уголовного судопроизводства определен следующим образом – это прекращение уголовного преследования или вынесение обвинительного приговора.

Законодатель не учел, что принятием решения о прекращении уголовного преследования или

вынесением обвинительного приговора не завершается судебное производство, система которого предусматривает еще стадии, следующие за судебным разбирательством, призванные служить проверке законности и обоснованности решений, вынесенных в суде первой инстанции либо связанных с исполнением приговора. Представляется верным предложение отдельных авторов исключить из содержания ч. 3 ст. 6.1 УПК РФ слово «вынесения», заменив его словами «вступления в законную силу» [20, стр. 4].

В стадии судебного разбирательства также существует серьезная проблема, препятствующая реализации нормы ч. 2 ст. 6.1 УПК РФ. Определяя конкретные сроки принятия решения по поступившему в суд уголовному делу (ч. 3 ст. 227 УПК РФ) и сроки начала разбирательства уголовного дела (ч. 1 ст. 233, ст. 362, 374 УПК РФ), законодатель оставляет неразрешенным самый главный вопрос – о сроках рассмотрения уголовного дела судом первой инстанции.

Разумность можно рассматривать, как одну из разновидностей правовых презумпций. Данный принцип логичнее было бы разместить в главе 17 УПК РФ «Процессуальные сроки. Процессуальные издержки» [16].

При детальном рассмотрении данного принципа, интерес представляют полномочия прокурора в отношении соблюдения данного принципа. Приказом Генерального прокурора РФ от 12.07.2010 № 276 на всех прокуроров возложена обязанность требовать от правоохранительных органов неуклонного исполнения уголовно-процессуального законодательства, соблюдения сроков рассмотрения сообщений о преступлениях и расследования уголовных дел, предупреждения фактов нарушения разумных сроков на досудебной стадии уголовного судопроизводства.

Функция прокурора по обеспечению разумного срока уголовного преследования на досудебных стадиях уголовного процесса заключается в оценке процессуальных сроков – сроков содержания подозреваемого (обвиняемого) под стражей, сроков предварительного следствия и дознания по критерию их разумности. Обоснованные и своевременные требования прокурора позволяют исключить неоправданную волокиту при производстве предварительного расследования уголовного дела [10].

Что же касается полномочий прокурора в судебном производстве относительно соблюдения

принципа разумности, то здесь возникают некоторые неопределенности. Так, в соответствии с ч. 5 ст. 6.1 УПК РФ в случае, если после поступления уголовного дела в суд дело длительное время не рассматривается и судебный процесс затягивается, заинтересованные лица вправе обратиться к председателю суда с заявлением об ускорении рассмотрения дела. УПК не определяет понятия «заинтересованное лицо» и вместе с тем не предусматривает запрета на обращение прокурора с заявлением об ускорении рассмотрения уголовного дела.

При этом прокурор, являющийся участником процесса со стороны обвинения, представляющий суду доказательства по делу, заинтересован в скорейшем рассмотрении дела и принятии законного решения. И эта служебная заинтересованность в результатах работы соответствует установленным уголовно-процессуальным законом принципам судопроизводства.

Однако, согласно п. 4 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 30, Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ № 64 от 23 декабря 2010 г. и ч. 1 ст. 1 ФЗ от 30 апреля 2010 г. № 68-ФЗ следует, что к заинтересованным лицам, имеющим право на обращение в суд с заявлением о присуждении компенсации, относятся граждане РФ, иностранные граждане, лица без гражданства, российские, иностранные и международные организации, являющиеся в судебном процессе по делам, следующим из гражданских и публичных правоотношений, сторонами или заявляющими самостоятельные требования относительно предмета спора третьими лицами, заявителями, а также взыскатели, должники, подозреваемые, обвиняемые, подсудимые, осужденные, оправданные, потерпевшие, гражданские истцы, гражданские ответчики в уголовном судопроизводстве.

В соответствии с п. 18 указанного Постановления с заявлением об ускорении к председателю суда могут обратиться лица, имеющие право на подачу заявления о присуждении компенсации, а также прокурор, обратившийся в суд с заявлением в защиту интересов этих лиц в порядке ст. 45 ГПК РФ и участвующий в связи с этим в деле, по которому возникли основания для обращения к председателю суда.

Таким образом, прямое толкование представленных правовых позиций фактически лишает прокурора права самостоятельно обратиться в

суд с заявлением об ускорении рассмотрения уголовных дел, находящихся в производстве судов и мировых судебных участков, суда субъекта Федерации, с целью защиты прав граждан на разумность сроков судопроизводства, что, противоречит ст. 6.1 УПК РФ. Так, направленные городскими и районными прокурорами заявления об ускорении производства по уголовным делам судами восприняты неоднозначно: в одних случаях суды отказывали в принятии и рассмотрении соответствующих заявлений, в других – заявления об ускорении производства по делу были приняты, но оставлены без удовлетворения. При этом во всех случаях суды области обращали

внимание на отсутствие у прокурора права на соответствующее обращение с заявлением об ускорении производства по делу. Обжалование принятых судебных решений в кассационном и надзорном порядке наметившуюся тенденцию не изменило [10].

Таким образом, в целях повышения эффективности действующего законодательства об осуществлении судопроизводства в разумные сроки, представляется необходимым внести изменения в анализируемые нормативные правовые акты и прямо указать на возможность обращения прокурора к председателю суда с заявлением об ускорении производства по делу.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации. – М., 2019.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. – М., 2019.
3. Федеральный конституционный закон Российской Федерации от 14 декабря 2015 г. № 7-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2015. – № 51 (часть I). – Ст. 7229.
4. Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 (в ред. от 22.12.2014) «О прокуратуре Российской Федерации» // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. – 1992. – № 8. – Ст. 366.
5. Федеральный закон от 30 апреля 2010 г. № 68-ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2010. – № 18. – Ст. 2144.
6. Приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 12 июля 2010 г. № 276 «Об организации прокурорского надзора за исполнением требований закона о соблюдении разумного срока на досудебных станциях уголовного судопроизводства» // <https://legalacts.ru/doc/prikaz-genprokuratury-rf-ot-12072010-n-276/>
7. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 2015 г. № 21-п. г. Санкт-Петербург. «По делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней», пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации», частей первой и четвертой статьи 11 пункта 4 части 4 статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // Российская газета. – Федеральный выпуск. – 2015. – № 6734. – 27 июля.
8. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (заключена в г. Риме 04.11.1950) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 2. – Ст. 163.
9. Антонов И.А., Кондрат И.Н., Васильева Г.М. Сроки производства по уголовным делам в Российской Федерации и Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод // Мир политики и социологии. – 2012. – № 1. – С. 21-23.
10. Богословская Е.В. Функция прокурора по обеспечению разумного срока уголовного преследования // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2013. – № 3(35). – С. 44-49.
11. Брылева Е.А. Решения Европейского суда по правам человека: дальнейшие перспективы // Мир политики и социологии. – 2015. – № 9. – С. 32-37.
12. Васильева Г.М., Горленко В.А., Кондрат И.Н. Реализация права на судебное рассмотрение уголовного дела в разумный срок // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 7. – С. 76-79.

13. Зорькин В.Д. Право силы и сила права. Лекция для участников V Международного юридического форума. Санкт-Петербург, 28 мая 2015 г. // Мир политики и социологии. – 2016. – № 4. – С. 18-32.
14. Кондрат И.Н. Международные корни уголовно-процессуального принципа «разумный срок уголовного судопроизводства» // Российская юстиция. – 2012. – № 12. – С. 29-31.
15. Кузнецова С.Н. К вопросу о системных нарушениях Европейской конвенции о правах человека и пилотных постановлениях Европейского Суда // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 7. – С. 159-164.
16. Насонова И.А. К вопросу о разумности расширения системы принципов уголовного судопроизводства // Российская юстиция. – 2013. – № 1. – С. 39-42.
17. Романовская В.Б. Постановления Европейского Суда по правам человека: юридическая характеристика // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Право. – 2008. – № 2. – С. 210-213.
18. Сальников В.П., Романовская В.Б. Акты Европейского суда по правам человека: некоторые дискуссионные вопросы // Мир политики и социологии. – 2014. – № 10. – С. 34-42.
19. Сальников В.П., Романовская В.Б. Прямое действие актов Европейского Суда по правам человека: некоторые проблемы // Конституционные аспекты современного состояния законодательства Республики Таджикистан: Материалы международной научно-теоретической конференции. – Душанбе: Ирфон, 2014. – С 23-27. – в сб. 243 с.
20. Семенцов В.А., Шереметьев А.П. Начало и окончание разумного срока в уголовном судопроизводстве // Общество и право. – 2010. – № 5(32). – С. 172-175.
21. Тарнавская М.И. Морально-оценочные подходы в практике Европейского суда по правам человека // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 11. – С. 145-150.
22. Уголовно-процессуальное право (уголовный процесс): Учебник для вузов / Под ред. проф. Э.К. Кутуева; науч. ред. и вступительное слово проф. В.П. Сальникова; 2-е изд.; перераб и доп. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России; Фонд «Университет», 2019. – 583 с. – (Серия: «Учебники для вузов, специальная литература»).

ДЕМОКРАТИЯ. ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО. ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

СТАРОДУБЦЕВ Михаил Павлович,
профессор кафедры теории и методики непрерывного профессионального образования Санкт-Петербургского военного ордена Жукова института войск национальной гвардии Российской Федерации, доктор педагогических наук, доцент (г. Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: pfanmp@mail.ru

Специальность 13.00.01 – Общая педагогика, история педагогики и образования

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА ОФИЦЕРА. САМОВОСПИТАНИЕ И САМООБУЧЕНИЕ. Лекция

***Аннотация.** Исследуется феномен педагогической культуры, его сущность, содержание, составные элементы и значение в деятельности офицеров войск национальной гвардии РФ. Анализируется структура личности образованного и воспитанного военнослужащего, выделяются компоненты педагогического мастерства офицера. Рассматриваются основные методы и приемы самовоспитания офицера, критерии оценки его педагогической культуры.*

***Ключевые слова:** педагогическая культура; педагогическое мастерство; самовоспитание; самообучение; войска национальной гвардии Российской Федерации.*

STARODUBTSEV M.P.

PEDAGOGICAL CULTURE OF AN OFFICER. SELF-EDUCATION AND SELF-EDUCATION. Lecture

***The summary.** The phenomenon of pedagogical culture, its essence, content, constituent elements and significance in the activities of officers of the troops of the National Guard of the Russian Federation is investigated. The personality structure of an educated and well-mannered serviceman is analyzed, the components of the officer's pedagogical skills are highlighted. The main methods and techniques of self-education of an officer, criteria for assessing his pedagogical culture are considered.*

***Key words:** pedagogical culture; pedagogical skill; self-education; self-learning; troops of the National Guard of the Russian Federation.*

Введение

В настоящее время в профессиональной деятельности офицера войск национальной гвардии РФ [1; 34] все больше отражается уровень его общей и педагогической культуры как один из основных и необходимых

показателей его готовности к работе в качестве командира, воспитателя, педагога. Личным примером и ответственностью офицер должен формировать облик личного состава вверенного ему подразделения, а, значит, он должен обладать набором личностных и профессиональных

качеств, позволяющих говорить о высоком уровне его педагогической культуры и профессионального мастерства.

Данные факты обусловлены возрастающими требованиями к психолого-педагогической подготовке кадрового офицерского состава, необходимыми в работе с личным составом, со стороны общества и государства. Осуществляя социальный заказ на подготовку и целевое распределение кадровых офицеров, государство (и общество) хотят получить адекватный своим ожиданиям результат – психологически и профессионально сформированную личность офицера, способного выполнять стоящие перед ним задачи на высоком профессиональном уровне.

При смешанном принципе комплектования войск национальной гвардии РФ и их сложносоединенном кадровом составе, многогранности выполняемых ими задач [35; 36], офицеру приходится обучать и воспитывать различные категории: военнослужащих (по призыву и по контракту), сотрудников, гражданский персонал. В этих условиях педагогическая нагрузка на офицера возрастает многократно.

Особое значение приобретает мотивация и готовность к педагогическому труду, уровень личной и профессиональной воспитанности, культурности, всех тех качеств, которые характеризуют общий уровень педагогической культуры офицера, основы которой закладываются еще в семье, школе, в стенах военного вуза, расширяются в дальнейшей практической военно-педагогической и профессиональной деятельности.

Профессионально-педагогическая культура офицера представляет собой интегративную характеристику его как личности и как субъекта педагогического труда, определяет его способность использовать достижения психолого-педагогических наук и практики в педагогической деятельности, в собственном своем развитии как военного педагога [9; 10; 11].

В этой связи возрастает научный интерес к исследованию феномена педагогической культуры, раскрытию его сущности, содержания, составных элементов и значения в деятельности офицеров войск национальной гвардии РФ.

Общее понятие «культура»

Современные усилия в области образования направлены на всестороннее гармоничное

развитие личности, которое заключается в организации целостного педагогического процесса таким образом, чтобы на основе взаимосвязи и взаимодействия всех его структурных компонентов, сформировать общую культуру личности, российского человека [16].

В научно-педагогической литературе определению понятия «культура» и его точности уделяется большое внимание. Однако, следует иметь в виду, что «культура» как философское, педагогическое и психологическое явление имеет принципиально разные значения.

Философия рассматривает «культуру» как «творческую деятельность людей во всех сферах бытия и сознания, способствующую становлению человека как личности» [48].

В педагогике «культура» рассматривается как «часть общечеловеческой культуры, в которой с наибольшей полнотой запечатлелись духовные и материальные ценности образования и воспитания, а также способы творческой педагогической деятельности, необходимые для обслуживания исторического процесса смены поколений и социализации личности» [7].

С позиций психологии, культура, формы психики и поведение личности существуют неразрывно, следовательно, «культура» является «инвариантным понятием, некоей постоянной величиной, присутствующей в обыденной, профессиональной, корпоративной сфере жизнедеятельности группы (общности) или отдельно взятого человека» [19].

Существует множество подходов к исследованию феномена культуры, множество определений, трактовое и дефиниций ее понятия. Так, например, советский историк Л.Е. Кертман выделял всего около 400 определений культуры [8].

Первоначально понятие «культура» (от латинского «colere» – возделывать, обрабатывать) означало культивирование почвы. В дальнейшем культура стала рассматриваться гораздо шире, как «все, что сделано человеком, все, на что он наложил отпечаток своей деятельности». [12]

Постепенно понятие «культура» распространяется на такие сферы человеческой деятельности, как воспитание, обучение, совершенствование самого человека, а слово «культура» начинает употребляться как синоним воспитанности, образованности человека.

Основными подходами к исследованию

культуры являются:

- 1) философско-антропологический;
- 2) философско-исторический подход;
- 3) социологический.

При философско-антропологическом подходе к культуре, она отождествляется с человеческой природой (Э. Тейлор) и рассматривается в общем контексте истории становления цивилизации. Согласно данному подходу, первое представление о душе рождает культуру, которая развивается до обобщенного понятия духа (монотеизм, пантеизм).

Философско-исторический подход к культуре (А. Гелен, И.Г. Гердер, И.Х. Аделунг) предполагает, что эволюция культуры связана с переходом человечества от варварства через просвещение к цивилизации. Следовательно, смысл культуры заключается в обучении, воспитании и просвещении личности.

В рамках социологического подхода культура выступает как фактор организации общества. Культурные ценности создаются человеком, которые впоследствии определяют развитие общества. [23].

В толковом словаре русского языка дается несколько определений «культуры». Это и «совокупность производственных, общественных и духовных достижений людей», и «высокий уровень, высокое развитие, умение». [24]

По мнению Н.Е. Щурковой «человек сам является культурной ценностью со своим персонализированным видением мира, уровнем присвоения, освоения и усвоения общечеловеческих ценностей в контексте современной ему культуры, где базовой ценностью становится весь спектр его творческих способностей, механизм их практической реализации». [51]

Культура выполняет множество функций, среди которых особо выделяются:

- 1) гносеологическая (познавательная, дающая целостное представление о мире);
- 2) информативная (передача опыта и знаний от предшествующих поколений будущим);
- 3) коммуникативная (культура формируется через общение, средством которого выступает язык);
- 4) регулирующая (система норм и требований);
- 5) адаптационная (обеспечивает адаптацию к окружающей среде);
- 6) интегративная (культура объединяет

государства, народы и социальные группы) и др.

Еще одной важнейшей функцией культуры является социализирующая, позволяющая «включить» индивида в общественную жизнь, принять и усвоить им социальный опыт, материальные и духовные ценности. В процессе социализации активно участвуют семья, образовательные организации, средства массовой информации и иные общественные и государственные институты. В этом сложном социальном процессе личность одновременно выступает и объектом, и субъектом культурной деятельности.

Культура конкретного человека проявляется в его мировоззрении, ценностных установках, образе жизни. В профессиональной деятельности личная культура, культура взаимоотношений тесно переплетается с понятием компетентности.

Следовательно, культура представляет собой динамичное социальное явление, которое в процессе общественного развития и взаимодействия людей обогащается, видоизменяется, трансформируется. Культура, степень ее освоения конкретной личностью позволяет противостоять негативным проявлениям в социальной жизни и находить решения по их преодолению в критические периоды развития.

Одной из многочисленных сторон общечеловеческой культуры является воинская культура. Базируясь на достижениях человечества в области материальных и духовных ценностей, она конкретизирует их применение в воинской деятельности. В военной педагогике культура определяется как духовный потенциал личности в действии.

На поведение военнослужащего влияют:

- 1) правовые нормы, правила, законы, воинские уставы, приказы (приказание) и распоряжения командиров (начальников) – обязательны к исполнению;
- 2) нормы морали и требования военной этики – их соблюдение зависит от воспитанности самой личности.

За нарушения правовых норм предусмотрена ответственность, подкрепленная принудительной силой государства. За нарушение норм морали и этики возможно лишь общественное осуждение (порицание, упрек). Следовательно, соблюдение моральных принципов и этических норм базируется на понимании их необходимости и сознательном подчинении. В некоторых

случаях нормы этического поведения закреплены в нормативных источниках, их реализации при этом подкрепляется не только моральными, но и правовыми средствами. К примеру, проявление трусости в боевых условиях (бегство с поля боя) влечет за собой не только моральное осуждение провинившегося военнослужащего, но и применения к нему мер конкретного вида юридической ответственности, например, уголовной.

В частности, действующее уголовное законодательство предусматривает целый раздел, это глава 33 УК РФ, под названием «Преступления против военной службы»:

- ст. 331 посвящена понятию преступлений против военной службы;
- ст. 332 «Неисполнение приказа»;
- ст. 333 «Сопrotивление начальнику или принуждение его к нарушению обязанностей военной службы»;
- ст. 334 «Насильственный действия в отношении начальника»;
- ст. 335 «Нарушение установленных правил взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии между ними отношений подчиненности»;
- ст. 336 «Оскорбление военнослужащего»;
- ст. 337 «Самовольное оставление части или места службы»;
- ст. 338 «Дезертирство»;
- ст. 339 «Уклонение от исполнения обязанностей военной службы путем симуляции болезни или иными способами»;
- ст. 340 «Нарушение правил несения боевого дежурства»;
- ст. 341 «Нарушение правил несения пограничной службы»;
- ст. 342 «Нарушение уставных правил караульной службы»;
- ст. 343 «Нарушение правил несения службы по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности»;
- ст. 344 «Нарушение уставных правил несения внутренней службы и патрулирования в гарнизоне»;
- ст. 345 «Оставление погибающего военного корабля»;
- ст. 346 «Умышленное уничтожение или повреждение военного имущества»;
- ст. 347 «Уничтожение или повреждение военного имущества по неосторожности»;
- ст. 348 «Утрата военного имущества»;

- ст. 349 «Нарушение правил обращения с оружием и предметами, представляющими повышенную опасность для окружающих»;
- ст. 350 «Нарушение правил вождения и эксплуатации машин»;
- ст. 351 «Нарушение правил полетов или подготовки к ним»;
- ст. 352 «Нарушение правил кораблевождения».

Если обратиться к понятию преступлений против военной службы, то ими признаются предусмотренный 33 главой УК РФ преступления против установленного порядка прохождения военной службы, совершенные военнослужащими, проходящими военную службу по призыву либо по контракту, а также гражданами, пребывающими в запасе во время прохождения ими военных сборов (ст. 331 УК РФ).

Субъектами преступлений против военной службы выступают военнослужащие, проходящие военную службу по призыву либо по контракту в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках и военных формированиях России. Военнослужащие войск национальной гвардии могут быть субъектами преступлений против военной службы.

Среди статей главы 33 УК РФ, которые по существу всезначимы для военнослужащих Росгвардии, наибольший интерес может вызвать ст. 343 УК РФ «Нарушение правил несения службы по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности».

Указанные нарушения правил несения службы допускаются лицом, входящим в состав войскового наряда по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности. При этом данные деяния причиняют вред правам и законным интересам граждан.

В Комментарий к УК РФ под редакцией профессора Н.Г. Кадникова обращается внимание на то, что объективная сторона анализируемого состава преступления характеризуется тремя обязательными признаками:

- нарушением правил несения указанной службы;
- причинением вреда правам и законным интересам граждан;
- причинной связью между ними.

Причинение вреда правам и законным интересам граждан может выражаться в нарушении их конституционных прав и свобод,

например, в таких, как: грубое унижение достоинства личности, нарушение неприкосновенности жилища, побои или иные насильственные действия, причинение физической боли, незаконное ограничение свободы и т.д. Причинение вреда может выражаться и в серьезном материальном ущербе потерпевшему.

Если указанные деяния повлекли тяжкие последствия, то ответственность наступает по ч. 2 ст. 343 УК РФ.

Под тяжкими последствиями понимается причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью потерпевшего, причинение крупного материального ущерба, грубое нарушение общественного порядка и общественной безопасности при бездействии войскового наряда и т.п.

В качестве субъекта преступления могут выступать только лица из состава войскового наряда по охране общественного порядка и обеспечению безопасности: начальник наряда, его заместитель, патрульный и др. [20, стр. 1045-1046].

Учитывая специфику выполняемых служебных задач личным составом Росгвардии, к нему предъявляются еще и дополнительные требования, связанные с обладанием необходимого уровня правовой культуры. Правовая культура военнослужащих, сотрудников полиции и гражданского персонала войск национальной гвардии близка по своим требованиям к правовой культуре сотрудников органов внутренних дел [29].

Она предполагает более высокий уровень правовых знаний, приближается по своему содержанию к профессиональному правосознанию и профессиональной правовой культуре [6; 22; 45].

Культура личности военнослужащего (сотрудника) формируется и развивается в единстве знаний, желаний и стремлений, а также практической реализации. В ее структуре выделяют несколько элементов:

- 1) когнитивный элемент (основа личностной культуры (взгляды, убеждения) военнослужащего, формируемая под строгим контролем социальных институтов общества);
- 2) эмоциональный (эмотивный) элемент (эмоционально-волевая сфера психической деятельности человека (чувства, эмоции, желания), складывающиеся стихийно);
- 3) инструментальный (поведенческий) элемент (степень овладения навыками,

приемами, способами и нормами культурного поведения в обществе, в профессии и их реализация).

Культуру личности можно представить как единство внутренней (личностные взгляды и убеждения) и внешней культуры (влияние социальной среды).

Следовательно, культура личности военнослужащего (сотрудника) представляет собой совокупность его знаний, чувств, стремлений и действий по их реализации, осознанно подчиненных требованиям воинской дисциплины (требованиям воинской этики и права).

Понятие культуры личности военнослужащих (сотрудников) тесно связано с культурой взаимоотношений внутри коллектива. Человек в общественных отношениях выступает представителем определенных групп и профессий, выполняя при этом конкретные социальные роли. Однако внутри данной системы люди неизбежно вступают во взаимодействия, где и обозначаются их индивидуальные характеристики.

Общественные отношения строятся на выполнении их участниками определенных социальных ролей, в то время как межличностные отношения предполагают лично и эмоционально окрашенные взаимные отношения (симпатии и антипатии). Общественные и межличностные отношения диалектически взаимосвязаны. В процессе достижения целей общественных отношений участники деятельности вступают во взаимодействие друг с другом (межличностные отношения). Общение при этом выступает способом выражения и актуализации этих отношений.

Культура взаимоотношений военнослужащих (сотрудников) представляет собой степень усвоения, принятия и практической реализации во взаимоотношениях военнослужащих (сотрудников) правовых и этических норм и правил, требований командиров и начальников, интерполированных в условия воинской деятельности.

В научных психолого-педагогических исследованиях взаимоотношения определяются как «различные виды и формы взаимосвязи и общения личностей в коллективе в процессе их совместной жизни и деятельности» [14].

Воинская деятельность отличается особенностями, которые накладывает отпечаток на межличностные отношения ее участников. В ней проявляются:

- общественные отношения уставного

характера (формальные);

- межличностные отношения (неформальные).

По-другому их можно охарактеризовать как:

- вертикальные отношения (субординация);
- горизонтальные отношения (координация);
- отношения сотрудничества.

Для налаживания культуры взаимоотношений в воинской среде необходимо повышение общекультурного уровня развития личности военнослужащего (сотрудника) и накопление опыта культурного взаимодействия внутри коллектива. В зависимости от степени регламентации межличностных отношений в воинских коллективах (вузах, частях, подразделениях) требованиями уставов, законов, морали можно говорить о разных уровнях развития культуры.

Взаимоотношения военнослужащих осуществляются в различных условиях воинской деятельности, каждый вид которой регламентирован различными сводами норм и правил:

- служба в наряде;
- деловые и неофициальные отношения;
- решение бытовых проблем;
- занятия по служебно-боевой подготовке;
- воспитательные мероприятия;
- культурно-досуговые мероприятия.

Развитие культуры взаимоотношений военнослужащих – сложный социальный процесс, в котором тесным образом переплетаются исторические традиции народа, их осмысление и обогащение современниками, создание новых культурных ценностей. Чем полнее поддерживаются в воинском подразделении уставной порядок, уважительные взаимоотношения между военнослужащими, тем благоприятнее условия для развития культуры межличностных отношений. Военная культура, культура быта, общения и поведения не привносятся со стороны, а воспитываются день ото дня, вырабатываются повседневной жизнью воинского коллектива (подразделения).

Воспитание культуры взаимоотношений военнослужащих (сотрудников) представляет собой целенаправленный процесс формирования их морально-правовых отношений и личностно-профессиональных качеств, необходимых для осуществления взаимоотношений между военнослужащими (сотрудниками) на основе требований культуры и осуществляемый в целостном военно-педагогическом процессе.

Воспитание культуры военнослужащих представляет собой сложный многогранный процесс с рядом особенностей, обусловленных спецификой самого военно-педагогического процесса, среди которых, прежде всего, следует выделить:

- большой объемом учебных, боевых, служебных и других задач, стоящих перед воинским коллективом (воинского подразделения, части, военного вуза);
- подготовка к бою в условиях современной войны;
- преодоление трудностей и тягот военной службы;
- проведение воспитания и перевоспитания личного состава (конкретного военнослужащего (сотрудника));
- воспитание на принципах единоначалия;
- выраженный регламентированный характер взаимоотношений в воинском (служебном) коллективе (подразделении)

Решение воспитательных задач по формированию культуры взаимоотношений военнослужащих (сотрудников) осуществляется по нескольким направлениям:

- 1) психолого-педагогическая подготовка офицерских (иных) кадров по вопросам воспитания культуры взаимоотношений военнослужащих (сотрудников),
- 2) формирование высокого авторитета командира (руководителя, начальника, педагога) основе личного примера;
- 3) создание педагогических условий для формирования и развития воспитательной среды, способствующей повышению культуры взаимоотношений военнослужащих (сотрудников);
- 4) выявление и предупреждение (искоренение) нарушения военнослужащими (сотрудниками) уставных правил взаимоотношений между ними;
- 5) организация и осуществление комплекса воспитательных мероприятий по воспитанию культуры взаимоотношений военнослужащих (сотрудников).

Процесс воспитания воинской культуры носит двусторонний характер и предусматривает активное поведение всех участников. Субъектами воспитания здесь выступают командиры (начальники) разных степеней и органы воспитательной работы (по работе с личным составом), воинские коллективы, общественность и пр. Личный

пример командира (руководителя, начальника, педагога), его поведение в повседневных условиях и условиях боевой обстановки, его отношение к подчиненным, имеют большое значение в процессе формирования культуры личности военнослужащего (сотрудника) и культуры взаимоотношений внутри коллектива.

Объектами воспитания воинской культуры являются военнослужащие (сотрудники), воинский коллектив. Несмотря на столь активную роль субъектов культурного воспитания, объекты не остаются пассивными, так как сознательно и активно относятся к воспитательным воздействиям.

Эффективность воспитания культуры взаимоотношений военнослужащих (сотрудников) определяется как уровнем подготовленности руководящего состава, так и особенностями воспитательной среды. Организация жизни и быта, учебной, служебной, профессиональной деятельности, согласно требованиям воинских уставов и этических кодексов, обеспечивает накопление опыта позитивного поведения военнослужащих (сотрудников), что дает возможность превратить его в осознанные потребности и привычки культурного поведения.

В содержательном плане процесс воспитания культуры взаимоотношений предполагает:

- правовое обучение и воспитание личного состава [26; 33; 50];
- развитие у военнослужащих (сотрудников) чувства гражданственности и патриотизма [28; 31];
- формирование у них чувства гордости за принадлежность к профессии;
- воспитание дисциплинированности и культуры поведения у военнослужащих (сотрудников);
- привитие им навыков межкультурной коммуникации;
- приобщение к культурным ценностям в повседневной деятельности и пр.

Когда идет речь о приобщении личного состава Росгвардии к культурным ценностям, то имеются в виду общецивилизационные ценности с ориентацией на наши российские традиции.

К сожалению, в крайние годы можно наблюдать стремление представителей Западной Европы и США навязать нам их собственные (западные) ценности, которые коренным образом отличаются от наших национальных ценностей.

Российскому народу, личному составу войск национальной гвардии присущи свои ценности, сформированные в России с учетом нашего национального опыта, благодаря многовековой истории нашего Отечества. Это политико-правовые ценности, базирующиеся на патриотизме, соборности, традиционных семейных отношениях, уважении старейших и государственности, принципов суверенности своего Отечества, внутригосударственной целостности и государственно-правовой обеспеченности [39; 40; 41; 42; 43]. Не случайно сегодня все чаще раздаются голоса отечественных исследователей о необходимости, значимости и важности формирования в России современной суверенной государственно-правовой идеологии и философии права [25; 27; 30; 38].

В этих условиях очень важна ориентация личного состава Росгвардии именно на отечественные российские ценности, а не на чуждые нам западные ценности, пропагандирующие индивидуализм, общество потребления, межличностную вражду и ненависть, отход от традиций российской семьи и нашей национальной идеологии [2; 3; 4; 15; 32; 37; 49].

Нам важно защищать и пропагандировать свои российские национальные традиции и ценности, оберегать их от инокультурного вмешательства. Нам не понять однополые браки, гей-парады, стремления к смене пола и другие просто навязываемые нам Западом так называемые их западные ценности. У нас есть свои собственные ценности, и к ним необходимо приобщать военнослужащих, сотрудников и гражданский персонал войск национальной гвардии.

Педагогическими условиями формирования (воспитания) культуры личности и культуры взаимоотношений военнослужащих (сотрудников) являются:

- 1) организация целостного военно-педагогического процесса в условиях его осуществления (военный вуз, воинская часть, подразделение и т.д.);
- 2) приведение всех сторон жизнедеятельности воинского коллектива к требованиям законов, уставов и этики;
- 3) высокий уровень развития профессиональной компетентности и культуры командиров (офицеров, руководителей, начальников, педагогов);
- 4) проведение психолого-педагогической

- подготовки командного состава для воспитания личной культуры и культуры взаимоотношений военнослужащих (сотрудников);
- 5) наличие сплоченного воинского коллектива;
 - 6) сочетание индивидуального подхода к личности с коллективными формами воспитания военнослужащих (сотрудников) и др.

Реализация педагогических условий становления и развития личной культуры и культуры взаимоотношений военнослужащих (сотрудников) должна осуществляться во всех видах воинской (служебной) деятельности и во взаимной связи с другими направлениями воспитания военнослужащих (сотрудников): государственно-патриотическим, воинским, нравственным, правовым, эстетическим и др.

Данная взаимосвязь обеспечивает развитие в воинских (служебных) коллективах культуры взаимоотношений, улучшает дисциплину, исполнительность и общее морально-психологическое состояние личного состава. Каждое из педагогических условий является важным и необходимым для достижения целей культурного воспитания военнослужащих (сотрудников) и должно применяться в совокупности.

Педагогическая культура офицера. Структура личности образованного и воспитанного военнослужащего

Профессиональная деятельность офицера предполагает высокий уровень его профессиональной компетентности, а также должный уровень педагогической подготовки, педагогической культуры, мастерства и творчества. Говоря о профессионально-педагогической культуре офицера, прежде, следует рассмотреть общие определения таких понятий как «педагогическая культура», «профессионально-педагогическая культура».

И.Ф. Исаев определяет педагогическую культуру как «системное образование, которое представляет собой единство педагогических ценностей, технологий, сущностных сил личности, направленных на творческую реализацию в разнообразных видах педагогической деятельности» [17].

Л.Г. Сударчикова под педагогической культурой понимает «индивидуализированный способ творческой самореализации в педагогической деятельности, обусловленной ценностями и нормами современной культуры и актуальным

уровнем владения преподавателем педагогической технологией» [47].

В.В. Семикин считает, что педагогическая культура представляет собой сплав (эkleктику) педагогических и психологических категорий, в частности: профессионализм; собственный стиль педагогического общения; лекторское и ораторское мастерство; артистизм; работоспособность; стрессоустойчивость; интеллект и эрудиция; педагогическая ориентированность; академические способности и др. [44].

По мнению Е.В. Бондаревской, «педагогическая культура» представляет собой часть общечеловеческой культуры, в которой с наибольшей полнотой запечатлелись духовные и материальные ценности образования и воспитания, а также способы творческой педагогической деятельности, необходимые для обслуживания исторического процесса смены поколений и социализации личности [7].

Необходимо отметить, что педагогическая культура, в многообразии ее структурных компонентов, направлена на повышение качества педагогической деятельности в целом.

Педагогическая деятельность предусматривает наличие трех компонентов: педагогической культуры, педагогического творчества и педагогического мастерства, единство которых оказывает огромное влияние на качество и продуктивность образовательного процесса.

И.Ф. Исаевым предложено изучение профессионально-педагогической культуры в трех ее аспектах: аксиологическом (ценностном), технологическом и личностно-творческом. [18]

На основе предложенной концепции Л.Г. Сударчикова предлагает выделить базовые ориентиры в каждом из предложенных аспектов. Так, в аксиологическом аспекте она выделяет такие базовые ориентиры профессионально-педагогической деятельности как: опора на многообразие культурных ценностей, идей, убеждений и мировоззрений, поликультурность образовательной среды как основа создания толерантной к обучающемуся образовательной среды; готовность к консультированию и психологическому сопровождению обучающихся по проблемам, возникающим в контексте апробации вариативных педагогических технологий, в ходе производственной практики и в процессе обучения и воспитания.

Технологический аспект профессионально-

педагогической культуры, по мнению Л.Г. Сударчиковой, представляет собой способы и приемы педагогической деятельности, умение использовать богатейший арсенал педагогического воздействия на обучающегося, бережно прикасаться к его личности и опосредованно направлять процесс его обучения.

Педагогическая культура неразрывно связана с общей культурой личности. Общая культура личности офицера характеризует его как хорошо образованного, думающего человека и высококвалифицированного специалиста. В ходе своей профессиональной деятельности офицер выполняет задачи по обучению и воспитанию личного состава, следовательно, офицер должен иметь хорошую базовую педагогическую подготовку, иметь высокий уровень личной и профессионально-педагогической культуры.

Проблемам (феномену) педагогической культуры и культуры личности офицера посвящены работы многих исследователей в области военной педагогики (И.А. Алехина, А.В. Барабанщикова, И.В. Блауберга, А.К. Быкова, О.Ю. Ефремова, М.С. Кагана, Э.Г. Юдина и др.), с позиций которых педагогическая культура офицера рассматривалась как сложная многокомпонентная система, как специфическое проявление личностной культуры офицера в военно-педагогическом процессе.

Педагогическая культура офицера является отражением педагогической культуры общества в целом и структурным компонентом его военно-профессиональной культуры, в частности, которая «осваивается офицером и используется им в обучении и воспитании личного состава, в совокупности с результатами его личностного и профессионального развития» [21].

В педагогической культуре офицера выделяются определенные уровни:

- 1) общепедагогический (отражает степень освоения офицером предметной педагогической культуры общества);
- 2) частнопедagogический (характеризует степень освоения педагогической культуры конкретной социально-профессиональной группой);
- 3) профессиональный (определяет степень освоения военно-профессиональной культуры);
- 4) личностный (связан с профессионально-важными (профессионально-значимыми)

качествами личности, определяющими характер военно-педагогической деятельности офицера). [46]

Структура педагогической культуры офицера включает в себя:

- 1) общую и профессиональную эрудированность;
- 2) психолого-педагогическую подготовку;
- 3) военно-педагогическую направленность деятельности;
- 4) культуру познавательной деятельности;
- 5) культуру педагогического мышления;
- 6) культуру речи;
- 7) культуру педагогически направленного общения и поведения;
- 8) профессионально-этическую культуру;
- 9) культуру внешнего вида;
- 10) культуру рабочего места;
- 11) педагогическое мастерство [13].

Все указанные компоненты взаимосвязаны и образуют педагогическую культуру офицера в совокупности, при этом, каждый из них наполнен собственным содержанием.

Общая и профессиональная эрудированность офицера представляет собой ядро его профессиональной компетентности. Общая эрудированность офицера позволяет ему педагогически грамотно выстраивать процесс воспитания и обучения личного состава, для чего ему необходимо знать соответствующие научные положения, законы, понятия и определения, но переработать их в собственном сознании в интересах военно-педагогического процесса. Профессиональная эрудированность офицера базируется на глубоком знании им сущности и содержания военного дела, достижений современной техники и вооружения, способов их эффективного применения.

Психолого-педагогическая подготовка позволяет офицеру эффективно и качественно воспитывать, и обучать личный состав. Знания основ психологии, в совокупности с педагогическими умениями, навыками, опытом и компетенциями, определяют профессиональный облик военного педагога и выступают эффективными средствами воспитательного воздействия.

Военно-педагогическая направленность деятельности включает основные профессионально-значимые (профессионально-важные) свойства офицера как командира и педагога. Интерес к военной профессии, желание трудиться в избранной сфере деятельности, стремление

к самосовершенствованию и научению подчиненных, должны стать для офицера осознанной потребностью. Конкретным выражением педагогической направленности служат целеустремленность и последовательность практических действий офицера, его педагогические взгляды, опыт и убеждения.

Культура познавательной деятельности характеризуется высоким развитием познавательных процессов личности, постоянным, систематическим, целенаправленным стремлением к самообразованию, самосовершенствованию (постоянным творческим поиском), стремлению к повышению своего общекультурного и профессионального уровня развития.

Культура педагогического мышления представляет собой процесс стимулирования и развития таких качеств мышления офицера как: критичность, гибкость, быстрота, самостоятельность, способность к анализу, наблюдательность, память и пр. Культура мышления неразрывно связана с мировоззренческой культурой офицера, определяющей его убеждения, интересы, ценностные ориентации, отношения к воинскому долгу, к собственной деятельности. Являясь для своих подчиненных «проводником» государственной политики и стратегии, офицер должен обладать высоким уровнем педагогической культуры мышления и личным примером, взглядами и убеждениями способствовать формированию мировоззрения подчиненных, воспитывает у них чувства патриотизма, гражданской и личной ответственности за результаты труда.

В культуре речи проявляются коммуникативные и ораторские способности офицера. Речь офицера должна быть грамматически правильной и лексически богатой. Офицер как командир и педагог должен уметь говорить выразительно, образно, доходчиво. Владение техникой речи позволяют офицеру более качественно и эффективно решать профессиональные задачи, стоящими перед ним как перед командиром, педагогом, воспитателем.

Культура педагогически направленного общения и поведения очень важна для формирования положительного облика офицера. Культура педагогически направленного общения тесно связана с культурой речи и мышления офицера. Основу культуры педагогически направленного общения и поведения составляют личностные качества: доброжелательность, наблюдательность,

справедливая требовательность, отзывчивость, интеллигентность. Офицер должен обладать высокой культурой педагогических чувств, педагогическим тактом. Культура общения проявляется в умении слушать и слышать собеседника, устанавливать контакты с подчиненными. Культура собственного поведения офицера должна служить примером для личного состава (подразделения, вуза, воинской части).

Профессионально-этическая культура офицера понимается как его нравственное сознание, формируемое на уровне теоретических этических знаний, в основе которой лежат принципы и нормы морали, требования военной присяги и уставов. Речь идет о таких качествах офицера как: понятие о воинской чести; активная жизненная позиция; единство слова и дела; достойное поведение; нравственные качества (дисциплинированность, организованность, честность, скромность).

Культура внешнего вида офицера проявляется в его аккуратности, подтянутости и собранности, сдержанности, умении двигаться и уверенно держаться. Своим внешним видом офицер олицетворяет культуру уставных нравственных отношений. Подчиненные должны ориентироваться на офицера в его умении выглядеть достойно не только внутренне, но и внешне как при выполнении учебных, служебных, боевых задач, так и в повседневной жизни, в быту.

Культура рабочего места предполагает наличие у офицера:

- способностей к обустройству своего рабочего места;
- навыков поиска, фиксации, обработки и хранения информации;
- навыков ведения документооборота;
- умения эффективно организовывать служебное и личное время.

Важнейшим структурным компонентом педагогической культуры офицера является педагогическое мастерство. По мнению А.В. Барабанщиков, педагогическое мастерство офицера представляет собой «синтез развитого психолого-педагогического мышления, системы педагогических знаний, навыков, умений и эмоционально-волевых средств выразительности, которые в сочетании с высокоразвитыми качествами личности педагога позволяют ему успешно решать учебно-воспитательные задачи» [5].

Педагогическое мастерство следует отнести к интегративным качествам личности офицера, которое обеспечивает высокий уровень овладения им педагогической деятельностью на основе знаний, умений, навыков, компетенций, личного и профессионального опыта, позволяющих офицеру эффективно управлять познавательной деятельностью личного состава (обучающихся, подчиненных) и осуществлять целенаправленное педагогическое взаимодействие.

В педагогическом мастерстве офицера можно выделить четыре компонента:

- мастерство организатора коллективной и индивидуальной работы с военнослужащими (сотрудниками);
- мастерство убеждения;
- мастерство передачи знаний и формирования опыта деятельности;
- мастерство владения педагогической техникой.

Последний из четырех элементов (педагогическая техника) занимает особое место в структуре педагогического мастерства. Педагогическая техника представляет собой совокупность умений и навыков офицера как военного педагога, необходимая ему для эффективного применения системы методов педагогического воздействия на отдельных военнослужащих и/или воинский коллектив в целом.

В реальной педагогической деятельности все компоненты тесно связаны, переплетаются и взаимно усиливают друг друга.

Овладение педагогической культурой – сложный, многоаспектный и длительный процесс. Основы общей культуры личности офицера закладываются еще в семье, в школе. Формирование и развитие его педагогической культуры – во время обучения в вузе, совершенствуется – в дальнейшей военно-профессиональной деятельности.

Процесс формирования педагогической культуры офицера идет по трем направлениям:

- 1) психолого-педагогическая подготовка (находится в прямой зависимости от системы работы с офицерским составом в масштабе вуза, воинской части, конкретного коллектива подразделения):
 - изучение вопросов военной педагогики и психологии в рамках командирской подготовки;
 - общественно-государственная подготовка;

- научно-теоретические семинары, конференции, чтения, лекции по проблемам военного образования и воспитания;
 - изучение и внедрение в подразделении передового военно-педагогического опыта учебно-воспитательной работы и др.
- 2) самостоятельная военно-педагогическая деятельность офицера с подчиненными военнослужащими в целях решения поставленных педагогических задач;
 - 3) самообразование и самовоспитание офицера:
 - подготовка и самоанализ каждого проведенного учебного занятия;
 - изучение военной, педагогической и психологической литературы;
 - изучение военно-исторической и мемуарной литературы;
 - ознакомление с последними исследованиями в психолого-педагогических областях;
 - изучение передового и новаторского педагогического опыта в военном учебно-воспитательном процессе.

Третье направление имеет существенное значение при формировании уровня педагогической культуры и педагогического мастерства офицера. Самовоспитание – сложный интеллектуально-нравственный и волевой процесс и неприемлемое условие успеха в любой деятельности, целеустремленная, активная самостоятельная деятельность, направленная на формирование, развитие и совершенствование положительных и подавление, устранение отрицательных качеств.

Внутреннюю основу самовоспитания составляет потребность в самосовершенствовании.

Самовоспитание офицера характеризуется следующими особенностями:

- 1) строится на современных требованиях военно-педагогической науки;
- 2) является составной частью единого, целостного, взаимосвязанного военно-педагогического процесса;
- 3) оказывает большое влияние и активизирует процесс формирования личности воина, способствует и ускоряет развитие у него необходимых личностно-профессиональных качеств;
- 4) является естественной потребностью

- человека в самореализации;
- 5) предполагает определенный «исходный» уровень воспитанности личности, готовности и способности к самосознанию, самоанализу и самооценке;
 - 6) является необходимым условием самосовершенствования личности офицера;
 - 7) осуществляется в коллективе, в системе воинских взаимоотношений;
 - 8) представляет собой специфический педагогический процесс, в котором субъект и объект воспитания совпадают в одном лице;
 - 9) рассматривается в качестве необходимого компонента всестороннего развития личности офицера.

Между воспитанием и самовоспитанием существует сложная диалектическая взаимосвязь. Воспитание предшествует самовоспитанию, стимулирует, направляет и конкретизирует его. В свою очередь, самовоспитание как результат воспитания придает ему действенность и завершенность (результативность).

Цель самовоспитания:

- развитие положительных качеств;
- устранение отрицательных, негативных качеств;
- формирование новых качеств;
- выработка правил поведения.

Процесс профессионального самовоспитания офицера развивается поэтапно:

- 1) планирование работы по самовоспитанию;
- 2) самопознание (самосознание и самоизучение);
- 3) самоорганизация (использование разнообразных методов, приемов и средств самовоспитания);
- 4) саморегулирование и самокорректировка процесса самовоспитания на всех этапах воинской деятельности.

Основными методами и приемами самовоспитания офицера являются:

- самоубеждение (разрешение противоречий между личными взглядами и требованиями воинского долга);
- обязательство перед собой (обязательства вырабатывать положительные качества);
- самоорганизация (составление программы (алгоритма) действий);
- самовнушение (аутотренинг);
- самостоятельное выполнение упражнений;

- самопоощрение, самонаказание, самоприращение;
- самоанализ, самоотчет, самоконтроль (наблюдение за своей деятельностью);
- самокорректировка (устранение (минимизация) выявленных недостатков).

Таким образом, педагогическая культура офицера представляет собой сложный и многоэтапный (последовательный) процесс овладения офицером военно-педагогическим опытом, в результате которого у него формируются необходимые командиру и педагогу качества.

Педагогическая культура офицера представлена совокупностью его общей культуры и воспитанности, уровнем его педагогического мастерства и степенью овладения им педагогической техникой.

Уровень педагогической культуры офицера принято оценивать по трем критериям:

- 1) деятельностный: навыки и умения офицера ставить и решать педагогические задачи, активность в их решении, уровень развития педагогической техники, результативность военно-педагогической деятельности;
- 2) личностный: уровень развития интеллектуальных и нравственных качеств офицера, степень развития его психолого-педагогических качеств, педагогических способностей, авторитет;
- 3) аксиологический (ценностный): принятие и овладение педагогическими знаниями, идеями, концепциями, имеющими большую значимость для общества и отдельной педагогической системы.

В современных условиях педагогическая культура играет роль важнейшего показателя профессиональной деятельности офицера как командира, воспитателя и военного педагога.

Заключение

Культура как дефиниция рассматривается в исследованиях многих наук. Культура в общем смысле представляет собой динамичное социальное явление, которое обогащается, видоизменяется, трансформируется по мере общественного развития.

Культура имеет множество социальных выражений, одним из которых является ее проявление в военной сфере. Речь идет о таком понятии как воинская культура, вбирающая в себя характеристики личности и типов взаимодействия внутри

коллектива.

Культура личности военнослужащего (сотрудника) представляет собой совокупность его знаний, чувств, стремлений и действий по их реализации, осознанно подчиненных требованиям воинской дисциплины (требованиям воинской этики и права).

Понятие культуры личности военнослужащих (сотрудников) тесно связано с культурой взаимоотношений внутри коллектива. Человек в общественных отношениях выступает представителем определенных групп и профессий, выполняя при этом конкретные социальные роли. Внутри системы он вступает во взаимодействие с другими членами коллектива. Общественные и межличностные отношения диалектически взаимосвязаны.

Культура взаимоотношений военнослужащих (сотрудников) представляет собой степень усвоения, принятия и практической реализации во взаимоотношениях военнослужащих (сотрудников) правовых и этических норм и правил, требований командиров и начальников, интерполированных в условия воинской деятельности. Воспитание культуры взаимоотношений военнослужащих (сотрудников) представляет собой целенаправленный процесс формирования их морально-правовых отношений и личностно-профессиональных качеств, необходимых для осуществления взаимоотношений между военнослужащими (сотрудниками) на основе требований культуры и осуществляемый в целостном

военно-педагогическом процессе.

Педагогическая культура офицера является отражением педагогической культуры общества в целом и структурным компонентом его военно-профессиональной культуры, которая осваивается и используется офицером в обучении и воспитании личного состава, в совокупности с результатами личностного и профессионального развития. Следовательно, профессиональная деятельность офицера предполагает исходно высокий уровень его профессиональной подготовки, педагогической культуры, мастерства и творчества.

Формирование педагогической культуры достигается тремя способами: в ходе психолого-педагогической подготовки; в процессе самостоятельной военно-педагогической деятельности; путем самообразования и самовоспитания.

Самовоспитание – сложный интеллектуально-нравственный и волевой процесс и неприемлемое условие успеха в любой деятельности, целеустремленная, активная самостоятельная деятельность, направленная на формирование, развитие и совершенствование положительных и подавление, устранение отрицательных качеств, внутреннюю основу которой составляет потребность в самосовершенствовании.

Научно доказано, чем выше уровень педагогической культуры офицера, в том числе офицера Росгвардии, тем в меньшей степени его личность подвергнется профессиональной деформации в ходе военно-служебной деятельности.

Список литературы

1. Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2016. – № 27 (часть I). – Ст. 4159.
2. Ананских И.А., Михеев А.А., Кирюшина Н.Ю. Современное российское государство и духовно-нравственное состояние общества // Мир политики и социологии. – 2015. – № 1. – С. 86-91.
3. Ананских И.А., Серпухова О.Ю., Шелепова М.А. Формирование новой концепции брака и семьи в западной христианской церкви (американский профессор Джеймс В. Браунсон о новом прочтении Священного Писания) // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 4. – С. 181-188.
4. Ананских И.А., Силантьева В.А., Кулева М. Трансформация традиционных семейных ценностей как угроза национальной безопасности // Юридическая наука: история и современность. – 2018. – № 1. – С. 40-46.
5. Барабанщиков А.В., Муцынов С.С. Педагогическая культура офицера: Научные поиски, войсковой опыт, практические рекомендации, взгляд в будущее. – М.: Воениздат, 1985. – 159 с.
6. Баранов П.П. Профессиональное правосознание работников органов внутренних дел (теоретические проблемы). – М.: ВЮЗШ МВД России, 1991.
7. Бондаревская Е.В., Кульневич С.В. Педагогика. – М.: Ростов-на-Дону: Творческий центр «Учитель», 1999. – 560 с.

8. Вопросы педагогики высшей школы / Ред. коллегия: Л.Е. Кертман (глав. ред.) и др. – Пермь: б.и., 1973. – 109 с.
9. Гейжан Н.Ф., Витольник Г.А., Кочин А.А. Мусин Я.Н., Силкин Н.Н. Педагогика (курс лекций): Учебное пособие / Под общ. ред. В.П. Сальникова. Санкт-Петербургский ун-т МВД России; Академия права, экономики и безопасности жизнедеятельности. – СПб.: Фонд «Университет», 2003. – 152 с.
10. Давыдов В.П., Сальников В.П., Слепов В.Я. Основы педагогической психологии высшей школы МВД России: Учебник / Под ред. С.В. Кошелевой. – СПб.: Фонд «Университет», 2000. – 256 с.
11. Давыдов В.П., Сальников В.П., Слепов В.Я. Педагогика высшей школы МВД России: Учебник / Под ред. С.В. Кошелевой; под общ. ред. В.П. Сальникова; Санкт-Петербургский ун-т МВД России; Академия права, экономики и безопасности жизнедеятельности. – СПб.: Фонд «Университет», 2003. – 306 с. – Серия: Учебники для вузов, специальная литература.
12. Дьяченко М.И., Кандыбович Л.П. Психологический словарь-справочник. – Мн: Харвест, 2004. – 576 с.
13. Ефремов О.Ю. Педагогика: введение в педагогическую деятельность, теоретическая педагогика, практическая педагогика, история педагогики и образования. – М.: Питер, 2010. – 351 с.
14. Ефремов О.Ю. Педагогика: краткий курс. – М.: Питер, 2009. – 256 с.
15. Жданов П.С., Сальников С.П., Романовская В.Б., Цыганов В.И. От гуманизма к имморализму, от прав естественных к правам противоестественным: смена ценностных оснований западного права // Мир политики и социологии. – 2015. – № 11. – С. 90-98.
16. Захарцев С.И., Сальников В.П. Что отличает человека русской культуры от любого другого: философско-правовой взгляд // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 1. – С. 23-40.
17. Исаев И.Ф. Профессионально-педагогическая культура преподавателя. – М.: Academia, 2002. – 208 с.
18. Исаев И.Ф., Сластенин В.А., Шиянов Е.Н. Педагогика: Учебник. – 7-е изд. – М.: Academia, 2011. – 486 с.
19. Исаева Н.И. Профессиональная культура психолога образования. – М.: Белгород: МПГУ, БелГУ, 2002. – 235 с.
20. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (научно-практический, постатейный). 6-е изд., перераб. и доп. / Под ред. профессора Н.Г. Кадникова. – М.: Юриспруденция, 2019. – 1096 с.
21. Кочергин В.Б. Проблемы формирования профессионально важных качеств курсантов // Материалы дистанц. научно-практ. конф. «Проблемы Вооруженных Сил и российское общество: история и современность». – М., 2008. С. 295-299.
22. Методологические проблемы правосознания сотрудников органов внутренних дел / Э.В. Кузнецов, В.П. Сальников, В.А. Сапун, В.П. Федоров, Н.Г. Янгол. – Л.: ВПУ МВД СССР, 1986 – 96 с.
23. Нуруллин Р.А. Философия культуры: Текст лекций. – Казань: Казанский университет, 2012. – 95 с.
24. Ожегов С.И. Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 тысяч слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им В.В. Виноградова. – 4-е изд., допол. – М.: А ТЕМП, 2006. – 944 с.
25. Сальников В.П. Возрождение государственно-правовой идеологии – ключ к переменам // Союз национальностей. – 2014. – № 2(4). – С. 15-17.
26. Сальников В.П. Вопросы правового воспитания. – Л.: ВПУ МВД СССР, 1983. – 36 с.
27. Сальников В.П. Идеология – ключ к переменам // Бизнес и наше время. – 2014. – № 2(8). – С. 16-18.
28. Сальников В.П. Историческая память, историко-правовые исследования и патриотическое воспитание // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2005. – № 2. – С. 6-9.
29. Сальников В.П. Правовая культура сотрудников органов внутренних дел. – Л.: ВПУ МВД СССР, 1988. – 48 с.
30. Сальников В.П. Проблема отношения права и справедливости в контексте задачи развития российской правовой идеологии // Идеология, духовные ценности и проблемы сохранения культурного наследия России: Сборник статей / Под науч. ред. Е.П. Борзовой. Санкт-Петербургский институт искусства и реставрации – СПб.: СПбКО, 2019. – С. 9-15. – в сб. 170 с.
31. Сальников В.П. Проблемы и пути духовно-нравственного воспитания личного состава органов внутренних дел // Государство и право. – 1995. – № 2. – С. 140.
32. Сальников В.П., Груздева М.Л. Преодоление Европы: философско-правовое эссе // Мир политики и социологии. – 2015. – № 8. – С. 11-22.
33. Сальников В.П., Казаченко В.Ф. Правовое воспитание и правовая культура в системе органов МВД СССР // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1980. – № 1. – С. 54-58.
34. Сальников В.П., Борисов О.С., Кондрат Е.Н. Комментарий к Федеральному закону от 03.07.2016 № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» (постатейный). – М.: Юстицинформ, 2016. – 312 с.
35. Сальников В.П., Кондрат Е.Н., Борисов О.С. Войска национальной гвардии современной России и их предназначение // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 9. – С. 130-145.
36. Сальников В.П., Кондрат Е.Н., Борисов О.С. Войска национальной гвардии Российской Федерации – начало большого пути // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 7. – С. 121-125.

37. Сальников В.П., Романовская В.Б., Цыганов В.И. Западная цивилизация и угроза голубого интернационала: политико-правовая агрессия периода постмодерна // Мир политики и социологии. – 2015. – № 9. – С. 193-202.
38. Сальников В.П., Масленников Д.В., Захарцев С.И., Прокофьев К.Г., Морозов А.И. Принцип суверенности государственно-правовой идеологии и философии права // Мир политики и социологии. – 2019. – № 9. – С. 170-178.
39. Сальников М.В. Геополитические, экономические и социо-культурные факторы в контексте становления и динамики развития национальной политико-правовой традиции в России // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 11. – С. 47-66.
40. Сальников М.В. Отечественная политико-правовая традиция: геополитические, экономические и социально-культурные детерминанты // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2004. – № 3 (23). – С. 20-22.
41. Сальников М.В. Отечественная политико-правовая традиция: факторы, определяющие самобытность // Правовое поле современной экономики. – 2013. – № 10. – С. 27-44.
42. Сальников М.В. Политико-правовая традиция: итоги и размышления // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 1. – С. 170-188.
43. Сальников М.В. Эволюция отечественной политико-правовой традиции: некоторые проблемы соотношения статического и динамического начал // Правовое поле современной экономики. – 2013. – № 9. – С. 62-81.
44. Семикин В.В. Психологическая культура в образовании человека. – СПб.: Союз, 2002. – 226 с.
45. Соколов Н.Я. Профессиональная культура юристов. Понятие. Сущность. Содержание: Учебное пособие. – М.: Проспект, 2014. – 320 с.
46. Солоницын Д.А. Развитие педагогической культуры офицера в процессе военной службы: Дис. ... канд. педагог. наук: 13.00.01. – М.: Военный ун-т МО РФ, 2015. – 235 с.
47. Сударчикова Л.Г. Введение в основы педагогического мастерства: Учебное пособие. – 3-е изд. – М.: Флинта, 2014. – 377 с.
48. Философский энциклопедический словарь. – М.: ИНФРА-М, 2009. – 568 с.
49. Чернова О.Ю. «Право» на однополый брак в контексте личных прав человека // Ученые записки юридического факультета. – 2015. – № 38(48). – С. 81-85.
50. Шамаров В.М., Лойт Х.Х. Воспитательная работа с личным составом органов внутренних дел: Пособие / Под ред. А.А. Прошина, В.П. Сальникова. 2-е изд., перераб. – СПб.: Фонд «Университет», 2001. – 128 с. – (Серия «Современная кадровая политика и органы внутренних дел»).
51. Щуркова Н.Е. Педагогическая технология. – 2-е изд., доп. – М.: Педагогическое общество России, 2005. – 255, [1] с. : ил., табл.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОТряСЕНИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА. МОДЕРНИЗАЦИЯ ЭКОНОМИКИ. ПРИМИРИТЕЛЬНЫЕ ПРОЦЕДУРЫ РАЗРЕШЕНИЯ СПОРОВ

БУЛАТОВ Рашид Борисович,

профессор кафедры государственного права Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения, доктор юридических наук, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: bulatovrash@mail.ru

БОЕР Виктор Матвеевич,

проректор по учебной и воспитательной работе, декан юридического факультета, заведующий кафедрой правоведения и таможенного дела Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (г. Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: boer@guap.ru

АНДРЕЙЦО Сергей Юрьевич,

доцент кафедры правоведения и таможенного дела Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения, кандидат юридических наук, доцент (г. Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: andreytso@mail.ru

Специальность 12.00.02 – Конституционное право; конституционный процесс; муниципальное право

ПРЕДСТАВИТЕЛЬНЫЕ ОРГАНЫ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ В ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ВЛАСТИ ИЗБИРАТЕЛЕЙ

***Аннотация.** Рассматриваются место и роль представительных органов муниципальных образований в механизме реализации функций власти избирателей. Подробно анализируются положения Федерального закона о местном самоуправлении 2003 г. Отмечается, что муниципальная власть является первичным (низовым горизонтальным) видом в публично-властной системе России и конструируется с учетом конституционного принципа разделения властей.*

***Ключевые слова:** муниципальная власть; местное самоуправление; представительные органы; Федеральный закон о местном самоуправлении 2003 г.; разделение властей.*

BULATOV R.B.
BOER V.M.
ANDREYTSO S.Yu.

REPRESENTATIVE BODIES OF MUNICIPALITIES IN EXERCISING THE POWER OF VOTERS

The summary. The place and role of the representative bodies of municipalities in the mechanism of implementation of the functions of the power of voters are considered. The provisions of the Federal Law on Local Self-Government of 2003 are analyzed in detail. It is noted that municipal government is the primary (grassroots horizontal) type in the public-power system of Russia and is constructed taking into account the constitutional principle of separation of powers.

Key words: municipal government; local government; representative bodies; Federal Law on Local Self-Government 2003; separation of powers.

Представительная власть муниципального сообщества рассматривалась, в частности, Н.А. Антоновой, Н.В. Артамоновым, З.М. Магадиевой, С.М. Медведевым, И.Б. Точиевым, А.И. Числовым [8; 10; 17; 23; 31]. «Дух и буква» муниципализма заложены, конечно же, в нормативном содержании действующей Конституции Российской Федерации. Закрепив свод ключевых правил конституционного строительства, она тем самым спроецировала своеобразный каркас (модель, юридическую конструкцию) конституционно-муниципального властеустройства.

Представительные органы являются ведущими в системе органов местного самоуправления. Они избираются всем местным сообществом на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании и выражают волю всего населения муниципального образования, придавая ей общеобязательный характер и осуществляя, таким образом, муниципальную власть, которую, впрочем, реализуют в пределах своих полномочий и другие органы местного самоуправления [11; 12, стр. 178; 18; 25; 26; 27; 32; 33].

Представительная система выглядит как концептуальная совокупность самых массовых организаций (муниципальных советов и им подобных по содержанию), избираемых непосредственно населением (гражданами, обладающими избирательным правом) в порядке, предусмотренном законом. Юридические контуры представительной системы заложены

в Федеральном законе от 6 октября 2003 г. «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон о местном самоуправлении), в котором, в первую очередь, выделены: «Принципы территориальной организации местного самоуправления» (гл. 2); «Муниципальные выборы» (ст. 23), «Представительный орган муниципального образования», в том числе, – численность депутатов представительного органа... (ст. 35), «Избирательная комиссия муниципального образования» (ст. 39) и т.д. [2].

Это – лишь малая толика нормативных установлений о представительной системе. Однако и в этих «крупницах» просматриваются некие ориентиры, прежде всего, – субъективного порядка, т.е. возможные субъекты муниципальных правоотношений в представительной сфере. Достаточно лишь «вчитаться» в упомянутые наименования.

Представительство, если следовать нормативной грамматике, подразумевает, как деятельность представительных органов муниципальных образований по созданию (творению) муниципальных правовых актов (гл. 7). Иные акценты у представительного органа муниципального района – см. ст. 35, п. 4 Закона. Речь об этом пойдёт далее. Здесь же акцентируем внимание на специфике составляющих муниципальных правовых отношений. Коренным их субъектом являются представительные (правотворческие) муниципальные органы, а также, в частности, правотворческая инициатива граждан

(ст. 26), публичные слушания (ст. 28), муниципальные правовые акты (гл. 7), устав муниципального образования (ст. 44). Таким образом, двуединый статус представительных органов муниципальных образований, – очевиден.

Федеральный закон о местном самоуправлении предусматривает норму (ст. 34, п. 6), которая гласит: решение о структуре органов местного самоуправления, следовательно, и о депутатской численности, принимается на местном референдуме (сходе граждан). В ней представлена структура, наименование муниципальных органов и т. д. Кроме того, законодательно урегулирована ситуация, когда представительный орган не формируется.

Еще одна модель представительного органа представлена структурой муниципального района. Она может состоять из глав поселений и депутатов с равной, независимо от численности населения поселения, нормой представительства, так сказать, управленческо-представительный состав (ст. 35, п. 4). Среди существенных факторов отметим то, что представительный орган муниципального образования обладает правами юридического лица (ст. 34, п. 9).

Таким образом, юридическая «композиция» в основе своей составляет совокупность ключевых положений статуса муниципальных советов:

- состоят из депутатов, численность которых определена законами федерации и субъектов;
- избираются на основе избирательного закона;
- представляют собой ключевое звено в структуре органов муниципальных образований;
- наделены собственной компетенцией (в отличие от полномочий иных муниципальных органов);
- могут осуществлять свою компетенцию в случае избрания не менее двух третей от установленной численности депутатов;
- призваны принимать правотворческие акты, являющиеся приоритетными в системе актов муниципальных образований;
- основы их статуса установлены уставами муниципальных образований. Нормативно-правовую основу статуса депутата представительного органа составляют законы о местном самоуправлении. Подход, по меньшей мере, структурно-сходный.

Депутатское сообщество муниципальных образований представляет собой особую категорию (относительно самостоятельную) людей избирательного возраста, наделенных полномочными функциями по осуществлению представительной власти в установленных законом процессуальных формах. Исключительная из них – сессия, с ее особым кворумом депутатов, повесткой дня, включающей вопросы исключительной компетенции, правовыми актами и т. д. Таким образом, приоритет представительной (депутатской) власти в муниципальной системе, – законодательно очевиден. Актуальнейшая проблема заключается в другом, – качественном составе депутатов по самым разным критериям, таким как грамотность, наличие властно-управленческих навыков, нравственная порядочность, выполнение функций в интересах представляемых (избирателей), ответственность за порученное дело.

Говоря о статусе представителей власти муниципального сообщества, мы непременно касаемся вопросов их компетенции. «Компетенция» происходит от лат. слова «*competere*» – «добиваюсь, соответствую, подхожу». Определяется в двух значениях:

- 1) круг полномочий, предоставленных законом, уставом или иным актом конкретному органу или должностному лицу;
- 2) знания и опыт в той или иной области [29, стр. 621].

Полномочие же понимается, как сочетание правомочия и обязанности, предоставленных законом органу (должностному лицу) муниципальной исполнительной власти. Можно уточнить: по сути, – муниципально-властная компетенция; муниципально-властные полномочия, поскольку (в данной теме) они предназначены для осуществления функций муниципальной власти. «Компетенция» есть сложная юридическая конструкция. Ее основу составляют «вопросы муниципального значения», предусмотренные законодательством о местном самоуправлении. Конкретный «реестр» вопросов муниципального значения содержится в уставе того или иного муниципального образования.

Иначе говоря, компетенция представительных органов муниципальных образований охватывает собой весь комплекс вопросов муниципального значения, что отражено в гл. 3 Федерального закона о местном самоуправлении.

Поскольку муниципальные советы являются правотворческими органами, то приоритетным пластом вопросов служат проекты правовых актов. С точки зрения организации их подготовки и принятия, желательны (и целесообразны) планы (программы) проектов правотворческих актов [24]: текущие (например, на квартал) и перспективные (желательно, на год). Если исходить из формата, – ежеквартальные сессии с двумя-тремя вопросами повестки дня сессии, в числе которых проект правового акта. В годовом плане обычно намечается до пяти десятков проектов.

Таковы некоторые черты планирования в представительной процессуальной системе. Вряд ли следует доказывать его полезность. Тем более в условиях новейшего правотворческого процесса. Именно этим обусловлена необходимость разработки «регламента муниципального совета». Это отвечает духу федерального закона о «разграничении полномочий», подкрепляется внесением изменений в Федеральный закон о местном самоуправлении, что предполагает дальнейшие нововведения в этой сфере. А также требуют, как мы выяснили, усовершенствования устав муниципального образования, «реестр вопросов местного значения...».

Представляет определенный интерес анализ места и роли исполнительных органов в механизме реализации функций муниципальной власти.

Исполнительная власть муниципального образования рассматривалась в контексте ряда правовых исследований [13]. Государственная власть – предусмотрено ст. 10 Основного закона России – осуществляется на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную [1]. Их органы – самостоятельны.

Вопрос о принципе разделения властей на местном уровне в нашей стране встал в связи с необходимостью перехода от полновластия советов, от «работающих корпораций» к более результативным формам организации власти. «Для обеспечения эффективного функционирования местного самоуправления жизненно необходимы оптимальное разграничение полномочий органов власти и управления, взаимный контроль, система сдержек и противовесов» [13, стр. 66; 14, стр. 28; 20, стр. 165; 28, стр. 29, и др.]. Значимость системы сдержек и противовесов трудно переоценить [9; 15; 16].

В развитии местного самоуправления, безусловно, важен личностный аспект, связанный с фигурой главы муниципального образования³. Наиболее значимые акценты статуса главы муниципального образования:

- выборный порядок и ответственность перед населением (его избирателями);
- право правотворческой инициативы в представительном органе;
- право подписи и обнародования правовых актов представительных органов. Отдельную строку составляет право представлять интересы муниципального образования за пределами его границ.

Согласно ст. 36 Федерального закона о местном самоуправлении, «Глава муниципального образования является высшим должностным лицом муниципального образования и наделяется уставом муниципального образования в соответствии с настоящей статьей собственными полномочиями по решению вопросов местного значения».

«Высшее должностное лицо муниципального образования». На первый взгляд, термин «высшее» может озадачить человека. Дескать, – может все и везде. Законодатель определил главу муниципального образования как высшее должностное лицо на территории муниципального образования. При этом очевидно, что он, возглавляющий всего лишь деятельность на низовой территории в Российской Федерации, не может рассматриваться в качестве «удельного князя», «сюзерена», выведенного за пределы классических рычагов государственно-правовой ответственности [30, стр. 29].

«Должностное лицо» – читаем в словаре, – лицо, осуществляющее (по назначению или в силу выборов) функции представителя власти или занимающее в государственных или общественных учреждениях, организациях, на предприятиях должности, связанные с выполнением организационно-распорядительных или административно-хозяйственных обязанностей [29, стр. 409]. Должностное лицо – это дееспособный индивидуум, избираемый или назначаемый в установленном порядке на конкретную государственную должность для осуществления в её рамках государственной власти. Речь идет об известных понятиях, таких как «Табель о рангах» (времен императора Петра Великого), «Реестр должностей», прежде всего, федерального

уровня. Выстраивается цепочка однорядовых категорий государственной службы: должность; лицо, ее занимающее; статус служащего.

До сих пор характеристика главы муниципального образования преподносилась в рамках «духа и буквы» разделения властей, их сдержек и противовесов. Чем руководствовались? Специальными законами конца 90-х гг. (и позднее) «О выборах депутатов муниципальных Советов» [4; 6] и «О выборах глав муниципальных образований» [5]. Нынешний законодатель диктует необходимые корректировки: и в плане избираемости, и с учетом законодательного статуса главы муниципального образования.

Согласно ст. 36 Федерального закона о местном самоуправлении, глава избирается на муниципальных выборах либо представительным органом муниципального образования из своего состава, либо представительным органом муниципального образования из числа кандидатов, представленных конкурсной комиссией по результатам конкурса. В случае избрания на муниципальных выборах входит в состав представительного органа и является его председателем, либо возглавляет местную администрацию. В случае избрания представительным органом муниципального образования из своего состава является председателем представительного органа либо возглавляет местную администрацию. Не может быть одновременно председателем представительного органа и главой местной администрации [2].

В отдельных случаях установленная возможность главе муниципального образования входить в состав представительного органа местного самоуправления и председательствовать на его заседаниях фактически приводит к потере самостоятельности представительного органа или к его подчинению главе муниципального образования. Наглядно это можно продемонстрировать на примере Устава г. Оренбурга 1996 г. Согласно ст. 18, п. 1 Устава, Председателем Оренбургского городского Совета является глава города. Формируя администрацию города и возглавляя ее работу, глава города в качестве Председателя Совета руководит подготовкой заседания Совета, в том числе формирует проект повестки дня заседания, председательствует на заседании, подписывает все решения и документы Совета, дает поручения депутатским комиссиям по вопросам их ведения (ст. 19 Устава). При этом

глава города, будучи избранным населением, не несет, согласно Уставу, ответственности за свои действия перед депутатами Совета. Таким образом, используя любое из перечисленных полномочий, Председатель Совета (глава города) может направить работу депутатов Совета по любому желаемому для него направлению либо полностью парализовать работу Совета, например, путем не подписания принятых депутатами Совета постановлений, не созывая сессии, отказывая в их требовании обсуждения того или иного вопроса. И такая практика была распространена в России повсеместно [34, стр. 224].

Следовательно, предоставленная федеральным законодателем свобода правотворческой деятельности местного самоуправления на деле может обернуться сосредоточением этой функции в руках одного человека – главы муниципального образования. Для сравнения: можно ли представить себе конструкцию: Президент Российской Федерации – Председатель Федерального Собрания России? Если да, то следует немедленно исключить из Конституции Российской Федерации провозглашенный в ней коренной принцип демократического Российского государства – разделения государственных властей (ст. 10) в функциональном и федерально-территориальном ракурсе. Подобный взгляд распространяется и на муниципальное устройство власти, т.е. существует потребность реального, законом предусмотренного, разграничения властей в рамках соотношения: «представительный орган муниципального образования – глава муниципального образования». Будучи относительно автономной, каждая из властей отличается своими особенностями. Касаясь характеристики главы муниципального образования, правомерно акцентировать внимание на синтезе двух начал его статуса:

- а) избирательном, урегулированном преимущественно муниципальным процессуальным правом;
- б) властно-полномочном, смежном с представительным органом муниципального образования.

Рассмотрим оба начала.

А. Что характерно для избирательного статуса главы муниципального образования? В частности, как минимум:

- а) учреждение должности в уставном порядке; как подчеркнуто в Законе Санкт-Петербурга

о местном самоуправлении [7], в Уставе должна быть предусмотрена должность главы муниципального округа, города, поселка;

- б) закрепление порядка определения конкретного лица на должность; выше мы рассмотрели три варианта избрания главы муниципального образования (ч. 2 ст. 36 Федерального закона о местном самоуправлении 2003 г.).
- в) муниципально-правовые отношения представляемых (избирателей, вручивших мандат лицу на занятие должности главы) и представителя муниципального населения, избранного на должность главы муниципального образования;
- г) подотчетность и подконтрольность главы представительному органу муниципального образования (ст. 36, п. 5);
- д) правомочие населения (в лице избирателей) на возбуждение вопроса об отрешении главы муниципального образования от должности либо отзыва избранного главы в установленном порядке.

Из множества возможных муниципальных отношений (представительный орган – глава муниципального образования) нас интересует, в первую очередь, правотворческая сфера, т. е. формирование муниципального права. Первым условием правотворческого процесса является перечень лиц, наделённых законом правом правотворческой инициативы. Перечень в соответствии с Федеральным законом о местном самоуправлении составляют: депутаты, глава муниципального образования, иные выборные органы, глава местной администрации; территориальное общественное самоуправление; инициативные группы граждан; иные субъекты правотворческой инициативы (ст. 46).

Возможны ли проекты, подготовленные лицами, не имеющими право правотворческой инициативы? Да, возможны. С одним условием: представительный орган не обязан реагировать на них. Если же проекты подготовлены лицами, наделёнными законом правом правотворческой инициативы, представительный орган обязан рассмотреть инициативный проект, принять или отклонить проект и официально ответить инициатору.

Нами изложена лишь малая толика суждений о муниципальной власти. Анализируя её, невольно

приходишь к мысли о разновесовой категории. На одной чаше весов:

- несостоятельность муниципальной системы, может потому и неизвестной населению, по крайней мере, двум третям граждан;
- плохая явка граждан, а зачастую недостаточная для принятия решения о создании представительных органов, на избирательные участки;
- явный разрыв между обещаниями кандидатов, как правило, ничем не подкреплённых, и результатами (в случае избрания) их деятельности. В результате, – никчемный рейтинг, а фактически – недоверие, а то и неверие в дееспособность избранников.

На другой чаше весов находится малоэффективная муниципальная система и относительно высокая, например, в сравнении с учителями, медиками, оплата труда чиновников. В условиях хождения довольно больших объемов «теневых денег», фактическая зарплата муниципалов увеличена в разы. Как показывает практика, муниципалы повышают себе зарплату, оформляют под разными предлогами трансферты, премии и т.д. На условном языке это называется казнокрадством, которое явно расцвело еще в 90-е гг., со времени приватизации, когда чиновники умышленно занижали ставки объектов, они банкротились и за бесценок приобретались теми же чиновниками. Такова в общих чертах схема разорения государства.

В итоге, хотим мы или нет, приходится констатировать: мы видим, с одной стороны, относительно достаточную и постоянно растущую оплату труда муниципальных чиновников, а с другой стороны, – их не в пользу авторитета власти. В чём же дело? Не хватает полномочий смежному (с представительным) органу, т. е. главе муниципального образования? Тут мы подключаемся к характеристике второй стороны статуса главы муниципального образования. Мы назвали синтез двух начал его статуса и обозначили их буквами: А и Б.

Б. Властно-полномочный, смежный с представительным органом муниципального образования. По федеральному закону, как упоминалось нами, глава муниципального образования является высшим должностным лицом и наделяется уставом муниципального

образования собственными полномочиями по решению вопросов местного значения [2, ст. 36]. Подчеркнем некоторые нормативные черты, что зачастую кроются в бланкетности такого рода: глава муниципального образования наделяется уставом собственными полномочиями по решению вопросов местного значения; уставом, как бы вторит региональный закон, должна быть предусмотрена должность главы муниципального образования.

Уставом муниципального образования определяется:

- «структура и порядок формирования органов местного самоуправления» [2, ст. 44, п. 4];
- «структура и порядок формирования органов местного самоуправления» [7, ст. 34, п. 5].

Глава муниципального образования наделен полномочиями в рамках вопросов муниципального значения (за исключением ст. 35, п. 10 Федерального закона о местном самоуправлении). Кроме того, глава муниципального образования:

- подписывает и обнародует нормативные правовые акты представительного органа муниципального образования;
- издает в пределах своих полномочий правовые акты;
- вправе требовать созыва внеочередного заседания представительного органа.

Определен порядок прекращения полномочия главы муниципального образования:

- а) досрочно;
- б) в порядке отзыва избирателями;
- в) судебный порядок в случае стойкой нетрудоспособности по состоянию здоровья осуществлять полномочия главы муниципального образования.

Таким образом, институт главы муниципального образования занимает условно вторую строчку в системе муниципальных органов после представительных органов муниципального образования. Однако иного свойства, т. е. органа исполнительной власти, хотя и в качестве высшего должностного лица среди других исполнительных органов.

Наряду с главой муниципального образования важное место в системе исполнительных муниципальных органов занимает администрация. «Администрация» – слово латинское

(«administra»), дословно означает – «управление» [29, стр. 24]. Это: деятельность государства по управлению; совокупность государственных органов, осуществляющих функции управления; должностное лицо управления, руководящий персонал учреждения, предприятия.

«Администрация» – это и составляющая производных слов. К примеру: «административная комиссия»; «административная ответственность»; «административная юрисдикция»; «административная юстиция» и, наконец, «административное право».

В рамках этих терминов (по крайней мере, большинства из них) и следует, на наш взгляд, искать основные элементы альтернативной трактовки термина «муниципальная администрация», который означает:

- деятельность муниципального образования по управлению;
- совокупность муниципальных структур, осуществляющих функции муниципального управления (муниципальная управленческая власть);
- должностное лицо муниципального управления, руководящий персонал муниципального предприятия, учреждения. В целом же, названные составляющие обуславливают муниципальные общественные отношения, именуемые муниципальным правом России.

Итак, «муниципальная администрация» – есть синтез муниципальных органов и иных муниципальных структур, осуществляющих функции муниципального управления (исполнительная власть), урегулированные муниципальным правом. Основа его – конституционное право (кстати, в Законе о местном самоуправлении 2003 г., в ст. 2 – «Основные термины и категории» – не предусмотрено само понятие «муниципальная администрация»). Местная администрация (исполнительно-распорядительный орган муниципального образования) наделяется уставом муниципального образования, полномочиями по решению вопросов местного значения и полномочиями для осуществления отдельных государственных полномочий, переданных органам местного самоуправления федеральными законами и законами субъектов Российской Федерации. Таким образом, главы муниципального образования и местной администрации относятся принципиально к разным «весовым

категориям» субъектов права. Следовательно, норма ст. 37 Федерального закона о местном самоуправлении, в которой записано, что главой местной администрации является глава муниципального образования, на наш взгляд, – не конституционна. Вторая же часть нормы – «...либо лицо, назначаемое на должность главы местной администрации по контракту...» – соответствует конституционным положениям.

И еще деталь. Возможность двоякого толкования термина «муниципальная администрация»: узкое – означающее «исполнительно-распорядительный орган муниципального образования»; широкое, – в сочетании с главой муниципального образования. А в совокупности – это исполнительная власть муниципального образования.

Функциональная подвижность муниципальной администрации стратегически обеспечивается ее властными, исполнительно-распорядительными полномочиями по принадлежности к конкретным структурам администрации, руководимой ее главой на принципах единоначалия (кстати, что является еще одним признаком несовместимости властей двух глав – муниципального образования и муниципальной администрации).

К этой категории относится норма ст. 37, п. 6 Федерального закона о местном самоуправлении: «Контракт с главой местной администрации заключается главой муниципального образования».

Полномочия администрации («исполнительно-распорядительного органа муниципального образования») есть совокупность правомочий и обязанностей в рамках «вопросов муниципального значения» (за пределами «исключительной компетенции представительного органа муниципального образования» – ст. 35, п. 10).

Второй (возможный) элемент полномочий формируется из вопросов государственного значения, переданных в ведение муниципалов. Думается, к этой же категории правомерно отнести правомочия и обязанности, приобретенные исполнительно-распорядительным органом в качестве юридического лица. Еще одна совокупность, – полномочия, «разбросанные» в отраслевом российском законодательстве. Примеры: градостроительное законодательство, гражданское законодательство, трудовое законодательство.

Ключевым рычагом реализации исполни-

тельно-распорядительных полномочий является муниципальная служба. Ее правовое регулирование, включая требования к муниципальным должностям, определение статуса муниципального служащего, условия и порядок прохождения муниципальной службы, осуществляется федеральным, региональным законодательством... (ст. 42 Федерального закона о местном самоуправлении). Это: конституции (Российской Федерации, республик в её составе) и уставы иных субъектов федерации; федеральные и региональные законы о местном самоуправлении и муниципальной службе, а также уставы муниципальных образований.

Статус муниципальной службы олицетворяет сочетание общих принципов организации муниципальной службы и правового положения муниципальных служащих. Возможны разные подходы к познанию проблемы [19]. Однако по нашему мнению, при любых обстоятельствах ключевым был и будет принцип верховенства конституционного законодательства в системе специальных нормативных актов по данному предмету. При этом под «конституционным законодательством» имеются в виду конституции России и республик в её составе, уставы иных субъектов федерации.

Принцип же конституционного верховенства проецирует еще одну составляющую, – конституционную законность организации и деятельности муниципальных органов, в числе которых – муниципальная администрация (исполнительно-распорядительный орган). От общего принципа верховенства конституционного законодательства производны и иные, предусмотренные ст. 4 Федерального закона от 2 марта 2007 года № 25-ФЗ « О муниципальной службе в Российской Федерации» [3], такие:

- приоритет прав и свобод человека и гражданина;
- профессионализм и компетентность муниципальных служащих;
- стабильность муниципальной службы;
- доступность информации о деятельности муниципальных служащих;
- взаимодействие с общественными объединениями и гражданами;
- ответственность муниципальных служащих за неисполнение или ненадлежащее исполнение своих должностных обязанностей;
- равный доступ граждан, владеющих

государственным языком Российской Федерации, к муниципальной службе;

- единство основных требований к муниципальной службе, а также учет исторических и иных местных традиций при прохождении муниципальной службы;
- правовая и социальная защищенность муниципальных служащих;
- внепартийность муниципальной службы.

Роль принципов – нельзя переоценить. «Рассыпанные» в законодательных нормативах, соответствующие духу и букве Конституции Российской Федерации, они предопределяют основное, исходное содержание и суть понятий «основы правового положения муниципальных служащих в Российской Федерации».

Должностные обязанности диктуют и адекватную должностную ответственность [21]. Разве это не рычаг в сфере воспитания конкурентно – способных муниципальных служащих?! Должностные ступени муниципальных служащих – от младшей до высшей должности муниципальной службы [3, ст. 8] являются конкретным измерителем их денежного содержания: размер денежного оклада, размеры и порядок установления надбавок и иных выплат к должностному окладу, что определяется нормативными актами муниципальных органов в соответствии с законами субъекта Российской Федерации.

Важным стимулятором денежного содержания является и стаж муниципальной службы [3, ст. 25]. В него включаются: время работы на муниципальных должностях и выборных муниципальных должностях. При этом данный статус приравнивается к правовой характеристике служащих государственной службы. Чем не подтверждение идеи: муниципальная служба является, по сути, школой подготовки государственных чиновников.

Следовательно, налицо синтез двух коренных институтов: муниципальные должности и муниципальная служба. Базовые категории муниципальной службы: законодательная основа; право граждан на равный доступ к муниципальной службе и основные ее принципы, а также урегулирование финансового обеспечения, как важнейшего фактора дееспособности муниципальной службы. В этом же ключе находятся основы правового положения муниципального служащего, являющиеся залоговым стимулятором его конкурентоспособности [22]. Здесь несколько

нормативно-потенциальных блоков, а именно:

- права, обязанности муниципального служащего и ограничения, связанные с муниципальной службой;
- классификация должностей муниципальной службы муниципальных служащих, их денежное содержание;
- порядок прохождения муниципальной службы, основания для ее прекращения, а также поощрения муниципального служащего;
- гарантии для муниципального служащего, включая право на отпуск, регламентацию стажа муниципальной службы, пенсионное обеспечение, распространяемое и на членов семьи муниципального служащего;
- ответственность муниципального служащего за неисполнение или ненадлежащее исполнение возложенных на него обязанностей, предусмотренных муниципальными нормативными актами, соответствующими федеральному и региональному законодательству.

В настоящее время муниципальными служащими большое внимание должно уделяться качественному уровню оказания муниципальных услуг населению, проживающему на территории муниципального образования. Главным критерием оценки профессионализма муниципального работника, независимо от его служебного статуса (глава администрации, руководитель отдела или департамента, специалист подразделения и др.), должно быть внимательное отношение к людям, к их нуждам и заботам, продуманное решение тех вопросов, с которыми они обращаются, не допуская при этом бюрократической волокиты.

Подводя итоги исследования, попытаемся сделать общий вывод о правовой природе муниципальной власти. Муниципальная власть есть особая категория организации социальных сообществ, для которой характерен целый ряд свойств. Из существенных, на наш взгляд, выделяются следующие:

1. Социальными носителями, субъектами муниципальной власти является население (социальная общность) муниципальных образований.
2. Эта власть носит публичный характер, является первичным (низовым горизонтальным) видом в публично-властной системе России.

3. Концепция муниципальной власти сконструирована в угоду общности потребностей и биосоциальной жизнедеятельности населения муниципального образования.
4. Муниципальная власть конструируется с учетом конституционного принципа разделения властей.
5. Муниципальная власть строится по закону как дееспособная в природе хозяйственной и финансовой сферы (природные ресурсы, муниципальная собственность, бюджет, налоги и сборы...).
6. В системе органов, осуществляющих муниципальную власть, предусмотрены, в частности, органы представительной и исполнительной власти.
7. Над муниципальной властью современной России по Конституции Российской Федерации нет других подобных властей с соответственными императивными полномочиями, т. е. отсутствует вертикаль власти.
8. Для муниципальной власти изначально характерны демократические формы её реализации, напрямую доступные населению муниципального образования.
9. Муниципальная власть есть олицетворение муниципального строя на территории субъекта Российской Федерации.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации. – М., 2019.
2. Федеральный закон от 06.10.2003 г. «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – . 2003. – № 40. – Ст. 3822.
3. Федеральный закон от 02.03.2007 года № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2007. – № 10. – Ст. 1152.
4. Закон Санкт-Петербурга от 08.07.1997 г. № 734-110 «О выборах депутатов муниципальных советов в Санкт-Петербурге» // Вестник Законодательного собрания Санкт-Петербурга. – 1997. – № 9. – С 3.
5. Закон Санкт-Петербурга от 18.09.1997 г. № 152-50 (ред. от 26.01.2001) «О выборах глав муниципальных образований в Санкт-Петербурге» // Вестник Законодательного Собрания Санкт-Петербурга. – 1997. – № 12. – С. 3.
6. Закон Санкт-Петербурга от 19.12.2003 г. № 120-38 «О выборах депутатов муниципальных советов в Санкт-Петербурге» // Вестник Законодательного собрания Санкт-Петербурга. – 2004. – № 2. – С 11.
7. Закон Санкт-Петербурга от 07.06.2005 г. № 237-30 «Об организации местного самоуправления в Санкт-Петербурге» // Санкт-Петербургские ведомости. – 2005. – № 107. – 16 июня.
8. Антонова Н. А. Правовые вопросы в организационной деятельности представительных органов местного самоуправления в Российской Федерации: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1995. – 20 с.
9. Артамонова Г.К., Сальников П.П., Султыгов М.М., Анашкина Ю.Н. Конституционно-правовые запреты и система разделения властей // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 1. – С. 69-78.
10. Артамонова Н.В. Проблемы правовой регламентации отзыва депутата представительного органа местного самоуправления // Вестник Брянского государственного университета. – 2013. – № 2. – С. 119–122.
11. Боброва Н.А. Реформа местного самоуправления и ее итоги // Мир политики и социологии. – 2016. – № 6. – С. 111-117.
12. Васильев В.И. Местное самоуправление. – М.: Юринформцентр: Тихомиров М.Ю., 1999. – 452 с.
13. Гуляк И.И. Философия управления: проблемы местного самоуправления в либеральной философии А.Д. Градовского // Вестник Севкавгги. – 2014. – № 18. – С. 66-69.
14. Краснов Б.И. Власть как явление общественной жизни // Социально-политические науки. – 1991. – № 11.
15. Лысов П.К. Судебный контроль как механизм “сдержек и противовесов” в системе разделения властей // Мир политики и социологии. – 2013. – № 9. – С. 67-71.
16. Лысов П.К., Анашкина Ю.Н. Единая государственная власть и принцип разделения властей // Мир политики и социологии. – 2015. – № 7. – С. 87-99.
17. Магадиева З. М. Актуальные проблемы регулирования деятельности представительного органа местного самоуправления // Интеллектуальный потенциал XXI века: ступени познания. – 2014. – № 22. – С. 144–148.
18. Медведев С.М., Числов А.И. Органы местного самоуправления и их должностные лица: некоторые вопросы юридической ответственности // Мир политики и социологии. – 2013. – № 10. – С. 33-46.
19. Наквасит Г. А. Муниципальная служба в Российской Федерации: проблемы конституционно-правового

- регулирования: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2001. – 24 с.
20. Овчинников И.И. Местное самоуправление: конституционно-правовая основа формирования // Конституционный строй России. Вып. 1. – М.: б.и., 1992. – 170 с.
 21. Пономарева В.О. Ответственность органов местного самоуправления и должностных лиц местного самоуправления перед государством: теоретические и правовые аспекты: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Челябинск, 2006. – 25 с.
 22. Пономарева М.Ю. Организационно-правовые основы муниципальной службы: Дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2000. – 183 с.
 23. Права, свободы, законные интересы граждан и органы местного самоуправления: Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2013. – 232 с. – (Серия: «Безопасность человека и общества»).
 24. Программа законодательной деятельности // Вестник Законодательного Собрания Санкт-Петербурга. – 1996. – № 1.
 25. Пылин В.В. Представительные органы местного самоуправления: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 1996. – 17 с.
 26. Рожнецв С.В., Числов А.И. Органы местного самоуправления и интересы малого и среднего бизнеса: проблемы юридической ответственности // Правовое поле современной экономики. – 2013. – № 9. – С. 104-119.
 27. Рожнецв С.В., Числов А.И. Юридическая ответственность органов местного самоуправления и их должностных лиц: понятие и классификация // Мир политики и социологии. – 2013. – № 9. – С. 72-85.
 28. Сердюк В.В., Фардзинова З.А. Роль лидеров местного самоуправления в решении жилищных проблем молодых семей (на примере Владивостокского городского округа) // Гуманитарные научные исследования. – 2014. – № 5 (33).
 29. Советский энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1980. – 1600 с.
 30. Соловьёв С.Г. Муниципальное право России: проблемные вопросы о юридической ответственности глав муниципальных образований // Конституционное и муниципальное право. – 2003. – № 2. – С. 29-30.
 31. Точиев И.Б. Гражданское общество и муниципальное управление // Правовое поле современной экономики. – 2013. – № 9. – С. 38-53.
 32. Точиев И.Б. Муниципальное управление в современной России: специфика функционирования // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 10. – С. 66-81.
 33. Точиев И.Б. Реформирование системы муниципального управления и общая политико-экономическая модернизация современного российского общества // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 1. – С. 49-59.
 34. Уваров А.А. Местное самоуправление в России: Монография. – М.: Норма. 2005. – 303 с.

СОЦИОЛОГИЯ. СОЦИОЛОГИЯ И РЕАЛИЗАЦИЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОГРАММ. ПОЛИТИКА В ОБЛАСТИ МАТЕРИНСТВА И ДЕТСТВА

ЗАХАРЦЕВ Сергей Иванович,
заведующий кафедрой адвокатуры и правоохрани-
тельной деятельности Российского госу-
дарственного социологического университета,
доктор юридических наук, академик РАЕН
(г. Москва, Россия)

E-mail: Zakhartsev2306@mail.ru

ГВАЙ Анна Максимовна,
ГУВД России по г. Москве (г. Москва, Россия)

E-mail: Gvayanna88@gmail.com

Специальность 12.00.01 - Теория и история
права и государства; история учений о праве и
государстве: 12.00.08 - Уголовное право и крими-
нология; уголовно-исполнительное право

УБИЙСТВО МАТЕРЬЮ НОВОРОЖДЕННОГО РЕБЕНКА: ОТ ДРЕВНЕЙ РУСИ ДО СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

***Аннотация.** Рассматривается история назначения наказания за убийство матерью новорожденного ребенка в России, а также проблемы современного законодательства. Изучены факторы, влияющие на отношение к данному составу преступления в разные периоды развития государства. Проанализированы некоторые проблемы квалификации вышеуказанного преступления и пути решения.*

***Ключевые слова:** детоубийство; привилегированный состав; уголовная ответственность; уголовное право; санкция; уголовный кодекс; преступления; направленные против жизни и здоровья человека.*

ZAKHARTSEV S.I.
GVAY A.M.

MOTHER'S MURDER OF A NEWBORN CHILD: FROM ANCIENT RUSSIA TO MODERN RUSSIA

***The summary.** The history of sentencing for the murder of a newborn child by a mother in Russia, as well as the problems of modern legislation, is considered. The factors influencing the attitude to this corpus delicti in different periods of the development of the state are studied. Some problems of qualification of the above crime and solutions are analyzed.*

***Key words:** infanticide; privileged composition; criminal liability; criminal law; sanction; Criminal Code; crimes; against human life and health.*

В соответствии со ст. 20 Конституции Российской Федерации право на жизнь, присущее каждому человеку, является главенствующим в системе прав человека, поскольку определяет его существование. В России высшей ценностью является жизнь и здоровье человека. Указанные обстоятельства обуславливают первоочередность размещения подобных преступлений в Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации и придание убийству статуса самого опасного деликта. Одной из специфических норм Уголовного Кодекса РФ является убийство матерью новорожденного ребенка (ст. 106 УК РФ) [29, стр. 258-259].

В России убийство матерью новорожденного ребенка издавна было довольно широко распространено, а вот уголовно-правовая политика по отношению к данному преступлению претерпевала ряд изменений [23; 35; 36]. Существенное влияние на нее оказывали такие факторы, как обычаи, религия, отношение к жизни человека. Например, в Древней Руси это вообще не всегда признавалось преступлением. М.Н. Гернет указывал: «Наши предки не составляли исключения относительно обычая убивать детей: детоубийство имело место, и у них считалось дозволенным» [9, стр. 337]. Также стоит обратить внимание, что совершение данного преступления порицалось лишь в том случае, когда было совершено в отношении ребенка мужского пола [26, стр. 111]. С приходом христианства изменилось отношение к убийству матерью новорожденного ребенка. Церковные Уставы князей Владимира Святославовича и Ярослава Владимировича законодательно закрепили не только запрет на убийство матерью новорожденного ребенка, но и на аборт, однако же наказание предусмотрено не было. В статье 6 пространной редакции Устава князя Ярослава Мудрого впервые устанавливается наказание – выдворение в церковный дом. Соборное уложение 1649 года предусматривает наказание для отца или матери новорожденного ребенка в виде тюремного заключения сроком на 1 год, после которого виновное лицо должно публично возле церкви покаяться в совершенном преступлении [37].

Необходимо обратить внимание, насколько мягкой была данная санкция, и как она отличалась от санкции за «простое убийство», которое наказывалось смертной казнью. А вот в случае совершения убийства новорожденного ребенка

незамужней матерью или замужней, однако, в случае, когда отцом ребенка является не ее супруг, она подлежит наказанию в виде смертной казни. Таким образом, можно сделать вывод, что семейное положение сильно влияло на наказание, так как мать наказывалась не столько за совершение убийства своего ребенка, сколько за факт его зачатия и рождения «во грехе». Существенно изменилось наказание в Артикуле воинском 1715 г. Петра I за умышленное убийство новорожденного ребенка, вне зависимости от «законности» его рождения, оно предусматривало смертную казнь. Как известно, при Петре Великом многие стороны жизни общества подвергались правовому регулированию [25; 27; 32; 34], не обошло оно и детоубийства.

Таким образом, следует заметить, что законодатель оценивал лишение жизни ребенка как особо тяжкое преступление, вне зависимости от того, родился ли он в браке или нет [14, стр. 180-186]. Кроме того, в данном законодательном акте появилось понятие «не нарочного» убийства ребенка, как следствие телесных наказаний, что являлось смягчающим обстоятельством. Также обратим внимание, что субъектом вышеуказанного преступления могла быть не только мать ребенка, но и его отец [3].

Проект Уголовного Уложения 1813 года предусматривал наказание за сокрытие беременности и убийство матерью новорожденного ребенка, которое зависело от социального положения женщины, так представительницы дворянского сословия лишались такового и отправлялись в отдаленные губернии до конца жизни, а простолюдинки подвергались телесному наказанию кнутом и пожизненной ссылке без клеймения. Кроме того, санкция статьи предусматривала и более мягкое наказание: для дворянского сословия – проживание в отдаленных губерниях на срок от 5 до 10 лет, для крестьян – меньшее количество ударов кнутом. Также вышеуказанный нормативно правовой акт предусматривал наказание матери за заведомое оставление новорожденного ребенка в опасности. В случае наступления смерти ребенка дворянке назначалось бессрочное место жительства в отдаленных регионах, а крестьянке – телесные наказания в виде ударов плетьюми и ссылка на вечное поселение [13, стр. 142-150].

Следует обратить внимание, что данная статья предусматривала наказание и для соучастников

преступления. Предполагалось также наказание матери за убийство новорожденного ребенка по неосторожности, а именно во время сна. Она подлежала церковному покаянию и лишению свободы сроком на 3 месяца [8, стр. 137-140].

В Уложении об уголовных и исправительных наказаниях 1845 года убийство матерью внебрачного новорожденного ребенка являлось смягчающим обстоятельством в случае, если она совершила его из стыда или страха, и только когда оно совершено впервые.

Обратим внимание, что убийство матерью или отцом ребенка, родившегося в законном браке, являлось тяжким преступлением, смягчение наказания за которое не предусматривалось. Кроме того, привилегированным составом являлось убийство «младенца чудовищного вида или даже не имеющего человеческого образа» [38, стр. 500].

22 марта 1903 года императором Николаем II было утверждено новое Уголовное уложение [39, стр. 83-96]. Данный нормативно-правовой акт также предусматривал смягчение наказания для матери внебрачного новорожденного ребенка, однако, же совершение данного преступления впервые не являлось обязательным условием. Кроме того, вышеуказанный документ не содержал нормы об убийстве «младенца чудовищного вида или даже не имеющего человеческого образа» [33].

Следующие существенные изменения были внесены с приходом советской власти. В первую очередь стоит отметить, что жизнь ребенка, рожденного как в браке, так и вне его, защищалась законом одинаково. Убийство матерью новорожденного ребенка перестало быть привилегированным составом. Так в соответствии с УК РСФСР от 1922 года данное преступление квалифицировалось по п. «д» (лицом, на обязанности которого лежала особая забота об убитом) либо «е» (с использованием беспомощного положения убитого) ст. 142. Обратим внимание, что данная статья предусматривала наказание в виде лишения свободы на срок не ниже восьми лет со строгой изоляцией.

В УК РСФСР от 1926 года изменений, касающихся убийства матерью новорожденного ребенка, внесено не было. Следующее изменение было лишь в УК РСФСР от 1960 года, в соответствии с которым убийство матерью новорожденного ребенка относилось либо к

«простому» либо квалифицированному убийству. Следует заметить, что ст. 102 УК не содержала норм, схожих с п. «д» и «е» ст. 142 УК РСФСР 1922 года и ст. 136 УК РСФСР 1926 г. Квалифицированным убийство ребенка становилось лишь в том случае, когда оно совершено с особой жестокостью, способом, опасным для жизни многих людей и т.д. Такая же позиция была предусмотрена законодательством еще 4 союзных республик – Армянской, Белорусской, Грузинской и Казахской, то есть убийство матерью новорожденного ребенка не рассматривалось как привилегированный состав. В то время, как уголовные кодексы Украинской, Азербайджанской, Киргизской, Литовской, Молдавской, Таджикской, Туркменской, Узбекской и Эстонской напротив закрепляли менее строгое наказание за данный состав преступления [10, стр. 12-13].

Проект уголовного кодекса, внесенный Президентом РФ в Совет Федерации в 1992 году, предусматривал выделение отдельной статьи об убийстве матерью новорожденного ребенка. Модельный УК для стран СНГ от 17 февраля 1996 года закреплял вышеуказанный состав преступления как привилегированный. В Уголовном Кодексе Российской Федерации от 1996 года появился отдельный привилегированный состав «убийство матерью новорожденного ребенка», который был закреплен в ст. 106.

Прежде всего следует уточнить, что потерпевшим по данному преступлению является новорожденный ребенок (по рекомендациям медицинской науки – до 4 недель) [30, стр. 183-190]. Согласно предписаниям ч. 1 ст. 53 Федерального закона от 21.11.2011 года № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», моментом рождения ребенка является момент отделения плода от организма матери посредством родов. Указанное правило также было закреплено в приказе Минздравсоцразвития РФ от 27.12.2011 года № 1687н «О медицинских критериях рождения, форме документа о рождении и порядке его выдачи» [1]. Названный документ определил критерии рождения и понятие живорождения. Под живорождением понимается момент отделения плода от организма матери в результате родов при условии, что срок беременности составляет более 22 недель, а масса новорожденного превышает 500 грамм. Ребенок считается

живорожденным, если при рождении не известна масса тела, но при этом длина тела составляет более 25 см и имеются признаки живорождения, к коим относятся дыхание, сердцебиение, пульсация пуповины. Перечисленные выше основания и признаки предназначены в первую очередь для определения юридического момента рождения ребенка. В тоже время, они не могут быть в полной мере использованы для определения момента начала уголовно-правовой охраны жизни. Жизнь, как объект уголовно-правовой охраны, появляется до момента официального установления живорожденности ребенка.

В соответствии с общепринятыми в науке уголовного права представлениями жизнь, как объект уголовно-правовой охраны, возникает в момент родов, а не только с момента отделения плода от тела матери. Начало жизни при такой трактовке определено временем начала родов. В соответствии с материалами судебной практики совершение убийства во время родов становится возможным с момента прорезания плода из тела матери [31, стр. 37-40]. Если плод был уничтожен до момента начала родов, то действия виновного лица следует квалифицировать по ст. 123 УК РФ, если к этому есть предусмотренные данной нормой основания [29, стр. 283-284].

Для применения ст. 106 УК РФ требуется наличие ряда специальных условий. Первое условие уже было сформулировано – потерпевшим может быть только новорожденный. Второе условие касается времени убийства новорожденного. В уголовном законодательстве говорится о следующих временных рамках убийства новорожденного:

1. во время или сразу же после родов;
2. позднее указанных событий.

Указанные временные периоды позволяют говорить о двух возможных видах убийства новорожденного. Первый вид убийства совершается во время или сразу же после родов, то есть временной период ограничивается минутами. Этот вид убийства новорожденного не обязательно связан с каким-либо психическим расстройством матери. Материалы судебной практики свидетельствуют, что подобные убийства зачастую совершаются намеренно, с заранее обдуманым умыслом. Обычно причинами совершения преступлений подобного рода является желание матери избежать ответственности за судьбу ребенка, невозможность его содержать,

желание ни в чем себя не ограничивать и т.д. [28, С. 146-156].

Вторая разновидность убийства новорожденного характеризуется с временной точки зрения. Данное убийство совершается после завершения родов, но в период, когда ребенок считается новорожденным, то есть до достижения им месячного возраста. Убийство ребенка в этот период квалифицируется по ст. 106 УК РФ только в том случае, если мать ребенка находилась в условиях психотравмирующей ситуации или в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости. Возникновение указанных состояний может быть обусловлено тяжелыми родами, оскорблениями или унижением человеческого достоинства матери со стороны близких родственников или других лиц в связи с рождением ребенка.

Третье условие применения ст. 106 УК РФ относится к личности убийцы. Нести ответственность по этой статье может только мать ребенка, достигшая 16 лет. Тем не менее, ежегодно все большее количество девушек, не достигших 16 лет, становятся матерями. Физиологические возможности женского организма к деторождению этого не исключают. В связи с чем, возникает вопрос: в случае не достижения виновным лицом возраста 16 лет, каким образом оно подлежит уголовной ответственности. По общему правилу, лицо может быть привлечено к уголовной ответственности по ст. 105 УК РФ с 14 лет. Однако, в данном случае применение этой нормы в отношении матери, которая еще сама ребенок, является жестоким и несправедливым, поскольку санкция ст. 105 значительно строже, чем ст. 106 УК РФ. То есть если бы девушка была старше по возрасту, то абсолютно тоже самое совершенное ей действие, получило бы более мягкую правовую оценку. В данном случае встает вопрос не только о справедливости, но и о логике. Стоит также отметить, что и в дореволюционной России было немало случаев рождения детей матерями, не достигшим 16 лет. Проанализировав вышеописанную проблему, мы приходим к выводу, что необходимо установить возраст наступления уголовной ответственности по ст. 106 УК РФ с 14 лет.

Надо сказать, что многие убийства, в том числе новорожденных детей, раскрываются с помощью оперативно-розыскной деятельности.

Ее правовому регулированию посвящены многие работы [11; 12; 15; 16; 17; 18; 19; 20; 21; 22; 24].

Также данный состав преступления допускает соучастие другие лиц. Например, в качестве подстрекателя или пособника могут выступать акушерка, мать виновной или отец ребенка. Действия других лиц необходимо квалифицировать по ст. 106 УК РФ со ссылкой на соответствующую часть ст. 33 УК РФ. Если же вместе с матерью новорожденного ребенка в убийстве этого ребенка принимало в качестве соисполнителя другое лицо, то его действие квалифицируется не по ст. 106 УК РФ, а по ч. 1 или ч. 2 ст. 105 УК РФ. Такая же квалификация будет в отношении действий лица по умерщвлению новорожденного, если он действует по просьбе или настоянию матери новорожденного.

Существует определенная конкуренция между ст. 106 и ст. 105 УК РФ. Она может возникнуть в случае убийства матерью новорожденного ребенка, например, с особой жестокостью. В этом случае приоритет отдается привилегированному составу убийства, то есть действия матери следует квалифицировать по ст. 106 УК РФ.

Стоит также заметить, что кроме вменяемости и достижения возраста 16 лет для несения ответственности в соответствии со ст. 106 УК РФ других «специальных» требований для женщины не имеется. Однако, мы считаем, что это неправильно. Должно быть наличие особого психоэмоционального состояния, которое не исключает вменяемости, вызванного сложным процессом родом. Поскольку если женщина еще до родов приняла решение относительно будущего своего ребенка, подготовилась, приискала все необходимое для его убийства, а после родов выполнила заранее запланированные действия, тогда почему же за совершение такого продуманного и циничного преступления она подлежит значительно более мягкому наказанию, чем тому, которое предусмотрено ст. 105. Кроме того,

можно говорить о том, что она совершила убийство «лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии», то есть имеется квалифицирующий признак.

Таким образом, мы изучили исторический аспект наказания за убийство матерью новорожденного ребенка и можем сделать вывод о том, что развитие понятия «убийство новорожденного ребенка» в истории Российского государства было крайне важным фактором, повлиявшим не только непосредственно на его дальнейшее развитие, но и на совершенствование уголовного законодательства в целом, ведь благодаря этому определен момент, когда жизнь становится объектом уголовно-правовой охраны и правовой защиты в целом. Это очень важная проблема цивилизованного правового регулирования [2; 4; 5; 6; 7]. В соответствии с действующим уголовным законодательством, моментом рождения ребенка является момент отделения плода от организма матери посредством родов, именно с этого момента наступает наказание за совершение убийства матерью новорожденного. Это легальная трактовка, которая практически не вызывает существенных замечаний со стороны научного сообщества. К данному пониманию начала жизни человека привел длительный путь развития уголовного законодательства. Мы видим, как с течением времени и развития государства и права менялось отношение к жизни ребенка и, соответственно, как менялось наказание за его убийство. Кроме того, мы приходим к выводу, что действующий УК РФ нуждается в ряде изменений. А именно, в статье 106 УК РФ необходимо установить возраст наступления ответственности с 14 лет, а также включить «наличие особого психоэмоционального состояния, которое не исключает вменяемости, вызванного сложным процессом родом» в перечень необходимых условий для квалификации этого преступления по указанной статье.

Список литературы

1. Приказ Минздравсоцразвития РФ от 27.12.2011 года № 1687н «О медицинских критериях рождения, форме документа о рождении и порядке его выдачи» // Российская газета. – 2012. – № 64. – 23 марта.
2. Артамонова Г.К., Бабаджанов И.Х., Сальников М.В. Право на жизнь и право на смерть в системе соматических прав человека // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 2. – С. 179-192.
3. Артикул воинский 1715 года // <http://www.hist.msu.ru/ER/Text/articul.htm>

4. Бабаджанов И.Х. Актуальные направления правового исследования жизни и смерти человека (межотраслевые связи и проблемы) // *Юридическая наука: история и современность*. – 2016. – № 1. – С. 187-194.
5. Бабаджанов И.Х. Жизнь человека как институциональная категория философско-правовой науки // *Мир политики и социологии*. – 2016. – № 6. – С. 177-183.
6. Бабаджанов И.Х. Жизнь человека как социальная ценность и право на жизнь // *Мир политики и социологии*. – 2012. – № 2. – С. 25-34.
7. Бабаджанов И.Х. Право на жизнь как абсолютная ценность // *Юридическая наука: история и современность*. – 2012. – № 7. – С. 16-20.
8. Безверхов А.Г., Коростелев В.С. Проект Уголовного Уложения Российской Империи 1813 года: Монография. – Самара : Самарский ун-т, 2013. – 191 с.
9. Гернет М.Н. Детоубийство по русскому праву // *А се грехи злые, смертные... Русская семейная и сексуальная культура глазами историков, этнографов, литераторов, фольклористов, правоведом и богословов XIX – начала XX в.: / Изд. подгот.: Н.Л. Пушкарева, Л.В. Бессмертных*. – М.: Ладомир, 2004.
10. Глухова Л.И. Уголовная ответственность за детоубийство. – М.: ВЮЗИ, 1984. – 57 с.
11. Захарцев С.И. Оперативно-розыскные мероприятия. Общие положения: Монография – СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. – 259 с.
12. Захарцев С.И. Прослушивание телефонных переговоров в оперативно-розыскной деятельности и уголовном процессе: Дис. ... канд. юрид. наук. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2002. – 188 с.
13. Захарцев С.И., Гвай А.М. Значение наказания за убийство и тяжкие телесные повреждения: исторические зарисовки // *Юридическая наука: история и современность*. – 2019. – № 9. – С. 142-150.
14. Захарцев С.И., Гвай А.М. История назначения наказания за совершение убийства в России // *Юридическая наука: история и современность*. – 2019. – № 6. – С. 180-186.
15. Захарцев С.И., Игнащенко Ю.Ю. Борьба с незаконным оборотом наркотиков и прослушивание телефонных переговоров // *Наркоконтроль*. – 2006. – № 4. – С. 16.
16. Захарцев С.И., Кирюшкина Н.О. Новые фантомы оперативно-розыскной деятельности: оперативно-розыскная характеристика и оперативно-розыскной кодекс // *Юридическая наука: история и современность*. – 2013. – № 9. – С. 94-101.
17. Захарцев С.И., Кирюшкина Н.О. Оперативно-розыскное право // *Правовое поле современной экономики*. – 2013. – № 9. – С. 187-192.
18. Захарцев С.И., Пахунов А.М. Организация прокурорского надзора за оперативно-розыскной деятельностью // *Российский следователь*. – 2012. – № 9. – С. 37-40.
19. Захарцев С.И., Сальников В.П. Защита прав человека в информационном пространстве // *Стратегические приоритеты*. – 2018. – № 1(17). – С. 62-70.
20. Захарцев С.И., Сальников В.П. Оперативно-розыскная характеристика: понятие и сущность // *Юридическая наука: история и современность*. – 2016. – № 4. – С. 95-110.
21. Захарцев С.И., Игнащенко Ю.Ю., Сальников В.П. Оперативно-розыскные мероприятия в XXI веке: Монография. – СПб.: Фонд «Университет», 2006. – 320 с. – Серия: Теория и практика оперативно-розыскной деятельности. DOI: 10.17513/rp.506
22. Захарцев С.И., Игнащенко Ю.Ю., Сальников В.П. Оперативно-розыскная деятельность в XXI веке: Монография. – М.: Норма, 2015. – 400 с. DOI: 10.17513/rp.469
23. Захарцев С.И., Сальников В.П., Сальников М.В. Уголовно-правовая политика как элемент уголовной политики современной России // *Библиотека уголовного права и криминологии*. – 2017. – № 2(20). – С. 7-22.
24. Захарцев С.И., Вихров В.А., Игнащенко Ю.Ю., Сальников В.П. Оперативно-розыскная деятельность и военная безопасность: Монография / Под ред. С.И. Захарцева. – М.: Граница, 2017. – 424 с.
25. Иконникова И.С. Табель о рангах Петра I и современное развитие идей императора // *Юридическая наука: история и современность*. – 2012. – № 11. – С. 20-24.
26. Карамзин Н.М. История государства Российского. В 3 т. Т. 1. – М.: Рипол Классик, 2014.
27. Кириллова Т.К., Мартынов В.Ф., Тищенко А.Г., Сальников С.П., Щербаковский Г.З. Значение петровских реформ для государственно-правового развития России // *Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России*. – 2005. – № 3. – С. 84-93.
28. Коломытцев Н.А., Одинцова Л.Н. Этика права и проблемы женской преступности в России // *Lex russica*. – 2018. – № 10. – С. 146-156.
29. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (научно-практический, постатейный). 6-е изд., перераб. и доп. / Под ред. профессора Н.Г. Кадникова. – М.: Юриспруденция, 2019. – 1096 с.
30. Мухачева И.М. Состояние психического расстройства, не исключающего вменяемости в соответствии со ст. 106 УК РФ // *Актуальные проблемы российского права*. – 2017. – № 2. – С. 183-190.
31. Павлова Ю.В., Даутбаева-Мухтарова А.Е. Человеческая жизнь: проблема определения момента начала

- правовой охраны // Медицинское право. – 2018. – № 2. – С. 37-40.
32. Петр I Великий. Честь, слава, империя. Труды, артикулы, переписка, мемуары. – М.: Эксмо, 2012. – 480 с.: ил. (Серия «Великий правитель»).
33. Российское законодательство X-XX веков: в 9 т. Т.9: Законодательство эпохи буржуазно-демократической революции / Под ред. О.И. Чистякова. – М.: Юридическая литература, 1994. – 351 с.
34. Сальников В.П., Стеценко С.Г. Законодательная регламентация медицинской деятельности в России во время правления Петра I // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2001. – № 4(237). – С. 219-230.
35. Сальников В.П., Захарцев С.И., Сальников М.В. Уголовная и уголовно-процессуальная политика // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2016. – № 3. – С. 260-283.
36. Сальников В.П., Захарцев С.И., Сальников М.В. Уголовно-исполнительная политика как элемент уголовной политики современной России // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 7. – С. 71-85.
37. Соборное уложение 1649 года // <http://ivo.garant.ru/#/document/57791500/paragraph/5:0>
38. Таганцев Н.С. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. – СПб.: тип. М. Стасюевича, 1912. – [4], 918 с.
39. Хатуев В.Б. Эволюция уголовного законодательства России об ответственности за убийство матерью новорожденного ребенка // Lex russica. – 2019. – № 1. – С. 83-96.

НАЦИОНАЛЬНАЯ, ГОСУДАРСТВЕННАЯ, ЭКОНОМИЧЕСКАЯ, ФИНАНСОВАЯ, ИНФОРМАЦИОННАЯ И ВОЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ. ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА, МЕЖДУНАРОДНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ

ВИНОГРАДОВА Елена Валерьевна,
главный научный сотрудник Института государства и права Российской Академии Наук, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)
E-mail: evigpran@igpran.ru

ЗАХАРЦЕВ Сергей Иванович,
заведующий кафедрой адвокатуры и организации правоохранительной деятельности Российского государственного социального университета, доктор юридических наук, академик РАЕН (г. Москва, Россия)
E-mail: Zakhartsev2306@mail.ru

САЛЬНИКОВ Виктор Петрович,
главный редактор журнала «Мир политики и социологии», доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, академик РАЕН (г. Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: Fonduniver@bk.ru

Специальность 12.00.10 – Международное право; европейское право

САНКЦИИ И РЕТОРСИИ КАК ИНСТРУМЕНТ МЕЖДУНАРОДНОГО ДАВЛЕНИЯ

***Аннотация.** Предлагаются размышления о международном праве и теории права. Анализируются односторонне вводимые санкции со стороны США и других подконтрольных им стран в адрес России, Ирана и других государств. Обосновывается важность, полезность и перспективность занимаемой Россией позиции суверенитета и воспрепятствования давлению со стороны.*

***Ключевые слова:** право; теория права; международное право; санкции; реторсии.*

VINOGRADOVA E.V.
ZAKHARTSEV S.I.
SAL'NIKOV V.P.

SANCTIONS AND RETORTIONS AS AN INSTRUMENT OF INTERNATIONAL PRESSURE

The summary. Reflections on international law and the theory of law are offered. Unilateral sanctions imposed by the United States and other countries controlled by it against Russia, Iran and other states are analyzed. The importance, usefulness and prospects of Russia's position of sovereignty and obstruction of outside pressure are substantiated.

Key words: law; theory of law; international law; sanctions; retortions.

Применение мер международного реагирования в отношении суверенных государств в последние годы часто используется как фактор жесткого, зачастую агрессивного влияния международных структур. Появление этой тенденции контекстно связано с процессами глобализации [12] и, очевидно, при невозможности сохранения политической самостоятельности, обуславливающей суверенную государственность, может привести к утрате некоторыми странами независимости. Об этих процессах свидетельствует анализ деформации системы суверенных ценностей, обуславливающих национальную идентичность. Кризис 2008 г., факторы, иллюстрирующие успех китайской экономической модели, событий «арабской весны» [8], усиливают тенденции стремления некоторых государств к доминированию и установлению нового миропорядка в постбиполярном мире.

Стало естественным позиционировать в процессе формирования стратегии межгосударственных отношений преобладание интересов страны, провозглашающей свои государственно-правовые модели безупречными. Стремлению к поиску подходов в выстраивании международных отношений, основанных на принципах равенства и уважения к суверенным ценностям, противостоит гегемония стран, насаждающих принципы либеральной демократии и либеральной экономики в качестве предпочитаемых политических и экономических идеологий мира [15]. Институализация такого типа отношений между странами стала возможна благодаря созданию моделей международного давления.

Говоря о последствиях мер международного принуждения следует напомнить, что общепризнанным является тезис, что они не должны выходить за пределы, устанавливаемые международными договорами и обычаями. В теории международного права принято делить эти меры в зависимости от целей, субъектов, оснований и т.п. Цель применения позволяет говорить о них

как превентивных, восстановительных и мерах ответственности. Количество субъектов, оказывающих давление, определяет их как коллективные и индивидуальные.

К индивидуальным мерам ответственности относят реторсии, представляющие собой ответные ограничительные меры. В последние годы реторсии применяются достаточно часто. Они, в отличие от репрессалий, в отношении которых уже довольно продолжительное время существует ограничение на применение*, могут использоваться как ответ не только на международное правонарушение, но и на недружественный акт, формально не нарушающий международное право. Генеральная Ассамблея ООН в резолюции 56/83 от 12 декабря 2001 г. приняла к сведению подготовленные Комиссией международного права статьи об ответственности государств за международно-противоправные деяния и включила их в приложение к данной резолюции. В статьях говорится о контрмерах, которые потерпевшее государство может применить против государства, побуждая его выполнить свои обязательства.

Историю односторонних экономических мер, такой, очевидно агрессивной с точки зрения применения мер воздействия на суверенные государства, как США, можно проследить на примере разных стран. Например, в 1950-е г.г., после национализации Англо-иранской нефтяной компании, в отношении республики Иран были применены меры международного воздействия. Они были продолжены после Исламской революции, когда в 1979 г. свергнутый шах Мохаммед Реза Пехлеви бежал в Вашингтон. Захват посольства США в Тегеране, в ответ на отказ выдачи для проведения суда в отношении главы государства, послужил поводом для введения новых ограничительных мер в отношении Ирана [19]. В качестве основания был использован указ президента США Джимми Картера. Очевидно, что такое бесцеремонное отношение к суверенному государству со

стороны США послужило поводом для разрыва в 1980 г. дипломатических отношений между государствами. Была остановлена закупка иранской нефти, заморожены вклады в банках США, ограничена торговля вооружениями.

С течением времени содержание односторонних мер претерпело ряд изменений – некоторые ограничения снимались, некоторые ужесточались. Так, например, в период президентства Рональда Рейгана в 1984 году Иран был включен в список стран, поддерживающих терроризм, с вытекающими из этого последствиями. Через три года было принято решение об ограничении импорта иранской нефти, которое в 1990 г было смягчено.

С 90-х годов активно разрабатывалась правовая основа, обуславливающая необходимость введения односторонних мер в отношении Ирана. Справедливости ради, следует признать, что иногда, например в 2016 г., происходило существенное смягчение ограничительной внешней политики США. После начала переговоров по ядерной программе со странами «шестерки» (Россия, КНР, США, ФРГ, Великобритания, Франция) некоторые товары были выведены из-под санкций. Иран получил возможность импортировать американскую сельскохозяйственную продукцию, медицинские препараты и ряд иных категорий товаров, а США – иранские товары, что существенно отразилось на макроэкономических показателях Исламской Республики. Между тем, наряду со снятием запретов вводились новые ограничения в отношении нефтехимических, судоходных, энергетических, телерадиовещательных и иных компаний. К 2013 году иранская валюта – риал – в результате ужесточения санкций была исключена из международной финансовой системы.

Важной вехой политики США в отношении Ирана можно считать Совместный всеобъемлющий план действий 2015 г. по иранской ядерной программе, прямо предусматривающий отмену санкций в случае ограничения ядерной деятельности Ирана и ее подконтрольности МАГАТЭ. План был поддержан в 2015 году резолюцией Совета Безопасности ООН. После его вступления в силу Президент США Барак Обама подписал указ об отмене широкого перечня санкций, включая разрешение финансовой деятельности с иранскими компаниями, аффилированными с лицами, на которых санкции

продолжали распространяться. Рассматривая оставшиеся запреты, ключевыми можно назвать финансовые транзакции граждан США с иранским правительством или финансовыми институтами, а также деловые контакты контрагентов из США с Ираном.

Однако, в 2017 г. санкционная политика США была существенно ужесточена. В 2018 г. США вышли из соглашения по ядерной сделке. Таким образом, в два этапа односторонние меры в отношении Ирана, отмененные в 2016 году, были не только восстановлены, но и ужесточены.

Здесь хотелось бы напомнить высказывание Президента США Вудро Вильсона, который в своей речи, произнесенной в 1919 г., вскоре после окончания Первой мировой войны продекларировал: «Бойкотированное государство находится в шаге от капитуляции. Никакие войны не нужны, когда есть подобные инструменты, незаметные и смертоносные. Это ужасное возмездие. Подобные меры не приводят к жертвам, однако оказываемое ими давление столь велико, что, по моему мнению, ни одно современное государство не способно его выдержать» [21].

Следует отметить, что односторонние экономические санкции, в юридическом смысле санкциями не являются, так как санкция, как обязательный структурный элемент особой разновидности правовых норм – норм юридической ответственности, присущая всем отраслям права, является реакцией на совершенное нарушение норм права. Правонарушение – это обязательно виновное, противоправное, общественно опасное деяние, за совершение которого предусмотрена юридическая ответственность, установленная санкциями соответствующей нормы. Реализация санкций, закрепляющих юридическую ответственность, сопряжена с осуждением правонарушителя и имеет особый порядок их реализации для видов юридической ответственности разной отраслевой принадлежности. Юридическая санкция – часть нормы юридической ответственности, определяющая последствия правонарушения в виде наказания правонарушителя [1; 2; 9; 16; 17].

Говоря о санкциях необходимо отметить, что их применение обусловлено наличием механизмов принуждения, которым располагает применяющий их субъект. В противном случае принуждение без силы является декларацией. Теория санкций в рамках национальной

правовой системы достаточно разработана, что, безусловно, не исключает новых аспектов ее исследования. Международные или наднациональные санкции, предполагают специфические обеспечительные механизмы, которые непосредственно зависят от соотношения сил и предоставления монополии на применение силы (М. Вебер называл это *Gewaltmonopol*). Очевидно, что эффективность санкций возможна только при наличии надлежащих механизмов принуждения у субъекта, которым может быть государство, или несколько государств, имеющих определенные преимущества. Это делает санкции предпочтительным инструментом внешней политики, особенно в последние годы после разрушения системы баланса сил в международных отношениях. Вначале 90-х годов США, провозгласив «новый мировой порядок», взяли на себя роль мирового лидера, которому позволено самостоятельно решать вопрос о применении мер международного принуждения. В ситуации, когда сложно было ожидать противодействия стран, оказавшихся в новой системе международных отношений, обладающее силой государство, стало применять индивидуальные санкции. Очевидно, что использование такого агрессивного инструмента влияния возможно только при нарушении баланса сил. Такая *realpolitik* в современном международном праве привела к тому, что в сознании многих государственный суверенитет больше не является достаточным основанием для произвольного, неограниченного применения силы в отношении страны, позиционирующей себя как независимое государство.

Нарушение суверенитета односторонними санкциями, то есть путем фактического нарушения международного права, было отмечено в принимаемых в последние годы законах США, закрепляющих право этой страны противодействовать политике суверенных государств, либо под предлогом защиты прав человека вмешиваться во внутренние дела других стран. В качестве примера можно назвать «Всемирный закон имени Магнитского об ответственности за нарушение прав человека» и закон «О противостоянии противникам Америки посредством санкций». Первый из упомянутых законов наделяет Президента США правом вводить запрет на въезд и арест собственности любых лиц, не являющихся гражданами США, подозреваемых или открыто связанных со случаями грубого

нарушения прав человека в любой стране мира. Закон «О противодействии противникам Америки посредством санкций», направленный против Ирана, России и Северной Кореи, позволяет Президенту США вводить санкции в отношении этих стран, он направлен против трех конкретных государств, но его экстерриториальность обеспечивает ему глобальную юрисдикцию всех государств мира. Эти правовые акты со всей очевидностью демонстрируют цели США, проецирующие позицию этого государства на суверенные ценности стран, вне каких бы то ни было ограничений, моральных, правовых, этических, руководствуясь исключительно интересами США. Отсутствие правовых оснований создает вакуум процедурного контроля, что делает возможным нарушение суверенитета других государств.

Санкции стали инструментом политического давления на суверенную Россию. Односторонние меры, введенные США в связи с присоединением Крыма к Российской Федерации в 2014 г. применялись в несколько этапов. Первое введение санкций произошло в марте и апреле указом Барака Обамы, со ссылкой на законы США «О международных чрезвычайных экономических полномочиях» и «О чрезвычайных ситуациях». Санкционный список включал обширный перечень лиц, связанных с предпринимательской деятельностью. Помимо США, санкции были введены со стороны Европейского Союза, Австралии, Албании, Черногории, Исландии, Украины и Молдовы. Второй этап начался в апреле 2014 года и охватывал запрет на ведение финансовой деятельности на территории США 7 российским чиновникам и 17 российским компаниям. Третья санкционная волна, продолжающаяся в настоящее время, началась летом 2014 года из-за вооруженных столкновений на Донбассе. Односторонние меры данного этапа затронули российские энергетические компании (Роснефть, Новатэк), Газпромбанк и Внешэкономбанк. Расширение санкций последовало и со стороны ЕС, однако помимо нефтяной сферы затронуло эмбарго и запрет на импорт оружия и связанных с ним материалов. Осенью США ужесточили санкции, и под них попали Сбербанк, Ростех, Газпром, Газпром нефть, Лукойл, Сургутнефтегаз и ряд физических лиц, преимущественно политиков.

Российские показатели импорта и экспорта за последние годы [18], приведенные на рис. 1 и 2,

отражают существенное негативное воздействие введенных с 2014 года санкций.

Примечательно, что санкции США имеют экстерриториальный характер и могут распространяться на третьи страны. Положения об экстерриториальном характере применения санкций, которые в США именуют «вторичными санкциями», вступают в противоречие с

основополагающими принципами, на которых строятся отношения между государствами. Вне зависимости от правовой оценки индивидуальных санкций, их экстерриториальность неправомерна по своей природе, так как подразумевает нарушение суверенных прав третьих стран, которым навязывается вариант поведения. Ни при каких условиях третье государство, которое

Рис. 1. Экспорт Российской Федерации (2011-2019 гг.)

Источник: <https://tradingeconomics.com/russia/exports>

Рис. 2. Импорт Российской Федерации (2011-2019 гг.)

Источник: <https://tradingeconomics.com/russia/imports>

не вовлечено в спор между другими государствами, не должно становиться объектом применения односторонних санкций, которые вводятся спорящими сторонами.

Санкции против России, введенные США и ЕС, не могут быть оправданы, поскольку как минимум нарушают принцип сотрудничества – один из основных принципов международного права, и создают обстановку, чреватую угрозой международному миру и безопасности.

Институциональные меры санкционного принуждения применяются по решению международной (межправительственной) организации. Применение коллективных мер возможно только на основании существующего между государствами соглашения. Они, как правило, являются ответом на нарушение каким-либо государством обязательства *erga omnes* (в отношении всего международного сообщества).

Следует отметить, что на сегодняшний день правовой основой для применения санкций являются: Резолюции Совета Безопасности ООН; Декларация об основных условиях и стандартных критериях введения и применения санкций и других принудительных мер 2004 г.; «Закон об экономических полномочиях в условиях международного чрезвычайного положения» 1977 г. и поправка сенатора Джона Гленна 1994 г.; «Закон Хелмса-Бертон», принятый в марте 1996 г.; Закон д'Амато или закон «О санкциях в отношении Ирана». Общепризнанной легитимностью обладают лишь санкции, введенные по решению Совета безопасности ООН.

Санкционные меры ответственности – своего рода завершение международно-правового принуждения. Основаниями санкционной ответственности в международном праве являются международные правонарушения – нарушения международного права, совершаемые его субъектами. Государство не может ссылаться на положения своего внутригосударственного права в качестве оправдания для невыполнения своих международно-правовых обязательств. Как неправомерное поведение государства может рассматриваться оказание им в значительных размерах помощи вооруженным бандам, иррегулярным силам, наемникам, которые осуществляют акты применения вооруженной силы против другого государства. Это вытекает из п. «g» ст. 3 Определения агрессии, принятого Генеральной Ассамблеей ООН 14 декабря 1974 г.

В то же время правомерность проведения в исключительных ситуациях спецопераций против террористов на территории иностранного государства, если его власти не способны или не желают своими силами воспрепятствовать их действиям, не признается международным сообществом правонарушением. В любом случае, вопрос об ответственности нарушителя в таких ситуациях может ставить лишь тот субъект, который пострадал.

Антироссийские санкции, которые стали вводиться в последнее десятилетие, стали жесткими и агрессивными. Россия была исключена из всех спортивных международных организаций, в сфере культуры отменялись гастроли, выступления российских дирижеров, музыкантов, артистов.

Надо сказать, что давлению со стороны США периодически подвергается и российская правовая система. Вместе с тем, право такой уникальной и самоидентичной страны как Россия должно быть суверенно [3; 7; 13].

Россия, находясь под жестким экономическим давлением со стороны стран Европы и США, вынуждена преодолевать последствия вводимых в отношении нее мер. Что может привести к преобладанию ресурсной составляющей позиций экспорта с упором на энергоресурсы, газ и нефть.

В то же время, анализ санкций, применявшихся в отношении России в разные периоды времени, позволяет говорить, что, вынужденно отказываясь от импорта, страна находила новые ресурсы и рынки сбыта, что укрепляло ее самостоятельность. Так было в разные исторические периоды российской государственности. Первым примером такого давления на Россию исследователи считают вступление в Ливонскую войну, связанную с периодом правления Ивана Грозного, когда Россия, столкнувшись с отказом поставок из европейских государств меди и бронзы, что привело к активному собственному поиску месторождений и производства черных и цветных металлов. Международное давление периода «Смуты» привело к созданию политически сильного, обладающего огромным влиянием российского государства. События Крымской войны, запустили информационную войну против России, продолжающуюся на протяжении нескольких столетий. В XX в. международное давление в отношении СССР создавая экономические и политические сложности для

страны, сделало необходимым формирование собственной материально-технической базы для ее развития.

Результатом санкционной политики в отношении России стало смещение внешнеэкономических приоритетов с Запада на Восток, пересмотрены рынки импорта и экспорта. Здесь особое место принадлежит Азиатско-тихоокеанскому форуму, решениями которого закрепляется направление на продвижение к открытому общему рынку в регионе на основе равноправия и взаимной выгоды. К ним относятся меры по обновлению инфраструктуры Северного морского пути, модернизации Байкало-Амурской и Транссибирской железнодорожных магистралей как основы транспортного моста «Азия-Европа».

Завершая краткий экскурс в историю применения мер международного реагирования, хотелось бы подчеркнуть, что за исключением ситуации необходимости отстаивать интересы безопасности или прямого воздействия в виде непропорциональных действий другого государства, индивидуальные санкции относятся к инструментам международной политики, нарушающим принципы дипломатии и мирного сосуществования между государствами. Согласно гл. VII Устава ООН, многосторонние санкции относятся к мерам принуждения, которые выводят ситуацию на уровень, близкий к открытому применению вооруженных сил.

Полагаем, что в качестве мер международного реагирования предпочтительнее использовать не санкции, а реторсии. Прежде всего это обусловлено тем, что санкции являются реакцией на совершение международного правонарушения, реализацию которого весьма непросто доказать, учитывая терминологические неопределенности в этом вопросе. Во-вторых, применение коллективных санкций предполагает процедурное одобрение Совета безопасности ООН, что при существовании права вето для некоторых стран, практически блокирует возможность получения такого согласия. В-третьих, применение индивидуальных санкций, порождающих при современной их интерпретации введение т.н. «вторичных санкций», нарушающих принцип экстерриториальности. Кроме того,

если санкции вводятся в одностороннем порядке одним государством или группой, они, совершенно очевидно нарушают принцип суверенного равенства государств. Такие санкции – это реликт прежней системы международных отношений, в рамках которой взаимоотношения между государствами строятся исходя из приоритета защиты собственных интересов, а не поддержки принципа верховенства права. Подобное понимание права использовать меры принуждения, подписанием Пакта Бриана – Келлога по окончании Первой мировой войны и принятием Устава ООН после Второй мировой войны, осталось в прошлом международных отношений. Возможно, применение, в качестве способа международно-правового реагирования – такой меры, как реторсия, позволяет, преодолев все вышеназванные претензии к юридической чистоте санкций, превентивно реагировать на недружественное поведение того или иного государства.

В отсутствие в постбиполярном мире противостоящих сил, способных создать надежную систему сдерживания, односторонние санкции стали самым используемым инструментом давления на суверенные государства. Демонстрация проекции силы расшатывает принцип верховенства международного права, на котором основана система Организации Объединенных Наций. Не случайно в одном из Докладов Совет ООН по правам человека отнес односторонние санкции к способам ведения экономической войны: «Можно с достаточной степенью вероятности утверждать, что установление всеобъемлющего режима односторонних принудительных мер, включая применение национального законодательства о санкциях в отношении третьих сторон, последствия которого практически равносильны последствиям блокады иностранного государства, можно приравнивать к ведению экономической войны» [20, п. 51]**.

В юридической литературе представлены размышления исследователей по поводу различных угроз суверенитету государства [4; 5; 6; 10; 11; 14]. Современная ситуация в мировом сообществе заставляет задуматься, как минимум, еще об одной такой угрозе, как санкции и реторсии.

Примечания

- * В Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН, 1970 г. сказано: «Государства обязаны воздерживаться от актов репрессалий, связанных с применением силы».
- ** См. также «Elements for a draft General Assembly declaration on unilateral coercive measures and the rule of law» в приложении к Докладу.

Список литературы

1. Боброва Н.А. Общетеоретические и межотраслевой аспекты юридической ответственности: Монография. – М.: Юрлитинформ, 2019. – 544 с.
2. Додонов В.Н. Институт правовой ответственности главы государства в современном мире: Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2006. – 160 с.
3. Захарцев С.И., Масленников Д.В., Сальников В.П. Теоретико-методологические основания философии права Ф.М. Достоевского как идеолога «предъевразийства» // Правовое государство: теория и практика. – 2019. – № 2 (56). – С. 17-24.
4. Захарцев С.И., Сальников П.П., Кондрат Е.Н., Числов А.И. Финансовая безопасность и финансовый суверенитет России: современные проблемы // Юридическая наука: история и современность. – 2018. – № 1. – С. 128-132.
5. Захарцев С.И., Клименко О.А., Мирзоев А.К., Сальников М.В., Третьяков И.Л. Суверенитет Российской Федерации: современные угрозы и обеспечение военной безопасности // Мир политики и социологии. – 2017. – № 1. – С. 120-139.
6. Захарцев С.И., Клименко О.А., Мирзоев А.К., Сальников М.В., Третьяков И.Л. Суверенитет Российской Федерации: современные угрозы и обеспечение национальной безопасности // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 12. – С. 69-94.
7. Зорина Н.В., Клименко О.А., Мирзоев А.К., Прокофьев К.Г., Сальников М.В. Идея свободы в суверенной идеологии права: аксиологический и нравственно-правовой аспекты // Мир политики и социологии. – 2018. – № 11. – С. 188-193.
8. Караганов С.А. Новая идеологическая борьба? // Вестник РУДН. – Серия: Международные отношения. – 2016. – Том 16. – № 3: Международные конфликты: Quo Vadis? – С. 405-411.
9. Карташов В.Н. Противоправная деятельность и юридическая ответственность. – Кострома: КГТУ, 2007. – 204 с.
10. Колин К.К. Глобальные угрозы развитию цивилизации в XXI веке // Стратегические приоритеты. – 2014. – № 1. – С. 6-30.
11. Романовская В.Б., Сальников М.В., Силантьева В.А. Духовная безопасность в современном российском обществе: угрозы и пути их преодоления // Правовое государство: теория и практика. – 2019. – № 1. – С. 52-60.
12. Сальников В.П., Ивашов Л.Г., Дзегутанов Б.К. Философия глобализации (Методологические основы геополитической доктрины России): Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2006. – 268 с.
13. Сальников В.П., Масленников Д.В., Захарцев С.И., Прокофьев К.Г., Морозов А.И. Принцип суверенности государственно-правовой идеологии и философии права // Мир политики и социологии. – 2019. – № 9. – С. 170-178.
14. Сальников С.П., Прокофьев К.Г., Силантьева В.А., Клименко О.А., Силантьева Н.В. Суверенитет Российской Федерации: современные угрозы и обеспечение духовной безопасности // Мир политики и социологии. – 2018. – № 1. – С. 139-150.
15. Смирнова Е.В. Идеология как основание типологии обществ? // Вестник Московского университета. – Серия 7: Философия. – 2018. – № 2. – С. 105-118.
16. Сорокин В.В. Юридическая ответственность: духовно-нравственный подход: Монография. – М.: Юрлитинформ, 2018. – 160 с.
17. Хачатуров Р.Л., Липинский Д.А. Общая теория юридической ответственности: Монография. – СПб.: Юридический центр-Пресс, 2007. – 934, [14] с.: табл.
18. Экспорт и импорт России по товарам и странам // URL: <https://ru-stat.com>
19. Doxey M. International Sanctions in Theory and Practice // Case Western Reserve journal of International Law. 1983. No 15(2). Pp. 273-288.
20. Kochler, 2006. Гл. VI «Выводы и рекомендации».
21. Padover, 1942, p. 108.

БЕЗОПАСНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА, ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА. ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ И ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ОХРАНЫ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ

ЗАХАРЦЕВ Сергей Иванович,
заведующий кафедрой адвокатуры и правоохрани-
тельной деятельности Российского государ-
ственного социального университета, доктор
юридических наук, академик РАЕН (г. Москва,
Россия)

E-mail: Sergeyivz@yandex.ru

ГАРАНИН Андрей Олегович,
управа Таганского района г. Москвы (г. Москва,
Россия)

E-mail: GGaraninASergeyivz@yandex.ru

Специальность 12.00.12 – Криминалистика;
судебно-экспертная деятельность; оперативно-
розыскная деятельность.

ИССЛЕДОВАНИЕ ПОДХОДОВ К ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОМУ МЕРОПРИЯТИЮ И ЕГО ОПРЕДЕЛЕНИЕ

***Аннотация.** Исследуются подходы различных ученых к оперативно-розыскному мероприятию и его признакам. На основании анализа формулируется понятие оперативно-розыскного мероприятия. Делается вывод о том, что оно имеет важное значение как для оперативной практики, так и для науки ОРД. Обосновывается, что указанное понятие является одной из главных категорий сформулированной авторами теории оперативно-розыскных мероприятий – частной теории науки ОРД. Предлагается включить понятие оперативно-розыскного мероприятия в Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности».*

***Ключевые слова:** оперативно-розыскная деятельность; оперативно-розыскное мероприятие; теория оперативно-розыскных мероприятий.*

ZAKHARTSEV S.I.
GARANIN A.O.

STUDY OF APPROACHES TO THE OPERATIONAL-SEARCH ACTIVITY AND ITS DEFINITION

***The summary.** The approaches of various scientists to the operational-search activity and its signs are investigated. Based on the analysis, the concept of an operational-search measure is formulated. It is concluded that it is important both for operational practice and for the science of ORD. It is substantiated that this concept is one of the main categories of the theory of operational-search activities formulated by the authors - a private theory of the science of ORD. It is proposed to include the concept of operational-search activities in the Federal Law "On operational-search activities".*

***Key words:** operational-search activity; operational-search activity; theory of operational-search measures.*

Прошло практически почти двадцать пять лет с принятия Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – Закона об ОРД). Однако в нем до сих пор нет определения одного из самых значимых сегментов ОРД – оперативно-розыскного мероприятия.

Регламентировать понятие оперативно-розыскного мероприятия неоднократно просили практические работники. О том же писали и ученые. Так, по справедливому замечанию В.Г. Боброва, выяснение сущности оперативно-розыскных мероприятий – это вопрос, от решения которого во многом зависит рассмотрение различных сторон проведения таких мероприятий [4]. Дать определение оперативно-розыскного мероприятия весьма важно для правового регулирования ОРД, поскольку теория и практика в этой области во многом противоречива.

В своих работах мы тоже неоднократно отмечали, что понятие оперативно-розыскного мероприятия является одним из ключевых во всей ОРД. Его отсутствие лишает научных работников отправной точки. В свою очередь, это влечет разное понимание сущности оперативно-розыскного мероприятия у практических работников, что неминуемо вызывает ошибки в работе. Однако к нашему мнению законодатель не прислушался до сих пор.

При таких обстоятельствах единого понятия и даже единого подхода к оперативно-розыскным мероприятиям наука ОРД не выработала. Причем в научных работах понятие и сущность оперативно-розыскного мероприятия тоже, к сожалению, разрабатывало относительно небольшое число ученых [4; 7; 8; 35; 38]. Большинство специалистов старались не «погружаться» в этот важный для науки вопрос, а использовали какое-либо из известных им определений, не задумываясь над содержанием.

Итак, что такое оперативно-розыскное мероприятие? Вначале представляется целесообразным обратиться к уяснению смысла словосочетания «оперативно-розыскное мероприятие». Для этого следует понять смысловую нагрузку каждого из слов данного словосочетания.

Согласно Толковому словарю русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой, под словом «мероприятие» понимается совокупность действий, объединенных одной общественно значимой задачей. Слово «оперативный» по тому же словарю в интересующем нас значении

означает непосредственно, практически осуществляющий что-нибудь. В качестве примера к слову «оперативный» в словаре приводится - «оперативная работа (в милиции)». Розыск в интересующем нас значении понимается как «предшествующее суду дознание, собирание улик» [34].

Таким образом, если буквально истолковать понятие оперативно-розыскного мероприятия, то оно будет звучать так – непосредственно, практически осуществляющаяся совокупность действий по собиранию улик, по дознанию, предшествующая суду.

Более просто и точно понятие оперативно-розыскного мероприятия звучит как непосредственное практическое осуществление розыскных действий.

Конечно, понятие оперативно-розыскного мероприятия неверно толковать исключительно по С.И. Ожегову и Н.Ю. Шведовой. Названные специалисты русского языка не являются юристами и не могут в полной мере оценить значение слов с учетом законодательства. Так, понятие «розыск» нельзя трактовать только в значении предшествующего суду собирания улик. Розыск предусматривает также и поиск уклоняющихся от наказания лиц, поиск без вести пропавших, различные проверочные мероприятия и другое. Розыск применительно к оперативно-розыскным мероприятиям проводится до возбуждения уголовного дела, в ходе расследования дела, в ходе судебного разбирательства и даже после него. Однако несомненна заслуга С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой в оказании помощи в понимании общего значения интересующих нас слов.

К.К. Горяинов, Ю.Ф. Кваша и К.В. Сурков тоже первоначально рассматривали сущность словосочетания «оперативно-розыскное мероприятие» с помощью словаря С.И. Ожегова [7, стр. 200]. Однако, как представляется, указанное понятие было истолковано ими не вполне точно: так, термины «оперативно», «оперативность» названные ученые истолковали с точки зрения слова «операция», в данном случае имеющего значение скоординированных действий, объединенных общей целью, либо отдельных действий в ряду других подобных. Таким образом, по мнению К.К. Горяинова, Ю.Ф. Кваша и К.В. Суркова, слово «оперативность» косвенно подтверждает понимание термина «меры» как комплекса действий, придает им оттенок

быстроты и своевременности. При этом «мероприятие» они также понимают как совокупность действий [7, стр. 200]. В результате этого получается, что если в словосочетании «оперативно-розыскное мероприятие» первое и третье слова заменить предложенными определениями, то в нем дважды окажется слово «действие»: оперативность – действие и мероприятие – действие. Это противоречит логике, а потому не допустимо. Кроме того, по словарю С.И. Ожегова, которым руководствовались ученые, термин «операция» как скоординированные действия изложен применительно к военным действиям. В этом же словаре приведены примеры по применению названного слова: сухопутная, морская, воздушная, воздушно-десантная операция; наступательная операция, оборонительная операция [34, стр. 466]. Изложенное не вполне применительно для оперативно-розыскной деятельности. Для нее следует руководствоваться скорее термином «оперативный» - непосредственно, практически осуществляющий что-нибудь. Обоснованность данного выбора иллюстрирует пример из словаря: оперативная работа в милиции [34].

Для формулирования определения оперативно-розыскного мероприятия на основе анализа имеющегося научного материала и собранного практического опыта нами выделены отличительные признаки мероприятия. А именно:

- оперативно-розыскное мероприятие является одной из составных частей оперативно-розыскной деятельности.
- оперативно-розыскное мероприятие подразумевает деятельность государственных органов.

Согласно Закона об ОРД, оперативно-розыскная деятельность - это государственная деятельность. Никто, кроме государственных органов и должностных лиц (опять же – государственных) не вправе проводить ОРД. Соответственно, оперативно-розыскное мероприятие может проводиться только государственными органами и их должностными лицами. Этот признак, не требующий казалось бы глубоких обоснований, в последнее время с развитием частных детективов и частных охранных организаций стал вызывать вопросы. Частными лицами и негосударственными органами действительно проводятся действия, схожие с отдельными оперативно-розыскными мероприятиями,

например, опросом или наведением справок. Однако подобные действия статуса оперативно-розыскных мероприятий не имеют.

- оперативно-розыскное мероприятие могут проводить государственные органы и их должностные лица, прямо указанные в Законе об ОРД. Государственных органов в Российской Федерации достаточно много. Однако только те из них, которые предусмотрены Законом об ОРД, могут проводить оперативно-розыскное мероприятие. Другие государственные органы, даже предназначенные для борьбы с преступностью, такие мероприятия не проводят. То есть, например, наведение прокурором, судом справок о чем-либо оперативно-розыскным мероприятием не является, хотя по содержанию их действия могут быть похожи на аналогичное оперативно-розыскное мероприятие.
- оперативно-розыскное мероприятие прямо, непосредственно направлено на решение целей и задач ОРД. Указанный признак строго определяет направленность, цель такого мероприятия. Действия должностных лиц органов, осуществляющих ОРД, весьма многообразны: особая финансовая работа, материально-техническое обеспечение, организационная и руководящая работа и др. Такая работа, в конечном счете, также направлена на разрешение задач ОРД. Однако прямой направленности на решение задач она все же не имеет. Так, например, просто из факта получения новой специальной техники результата не получишь. Этот результат можно получить в ходе проведения соответствующего мероприятия.
- оперативно-розыскное мероприятие проводится только при наличии оснований и условий, прямо указанных в Законе об ОРД. Только для оперативно-розыскного мероприятия Законом детально установлены специальные основания и условия проведения. Другие составляющие ОРД детального закрепления оснований и условий проведения в Законе об ОРД не имеют. Этим подчеркивается особый статус оперативно-розыскного мероприятия в ОРД.
- организация и тактика оперативно-розыск-

ного мероприятия в соответствии с законом об ОРД составляет государственную тайну. Это означает, что приемы, методы, способы проведения оперативно-розыскного мероприятия, составляющие тактику, а также порядок, организация такого мероприятия, - не подлежат оглашению.

- цель оперативно-розыскного мероприятия должна отвечать требованиям морали и нравственности. Это вытекает из духа Закона об ОРД, из сущности такой деятельности. Оперативно-розыскное мероприятие проводится в целях обеспечения безопасности общества и государства, защиты жизни, здоровья, прав и свобод человека, собственности от преступных посягательств. Таким образом, только в этих, без сомнения, моральных и нравственных целях проводится мероприятие. Мы специально подчеркиваем, что имеем в виду именно цель оперативно-розыскного мероприятия. Мораль и нравственность - категории философские. И в научном мире дискуссионны вопросы о том, насколько морально или нравственно прослушивание телефонных переговоров, чтение чужих писем, интерес к личной жизни даже из благих намерений. Вместе с тем, с учетом важности целей оперативно-розыскного мероприятия, такие действия иногда необходимы. Моральность и нравственность оперативно-розыскного мероприятия отличают его от схожих действий иных лиц (например, частных сыщиков), проводящих, опрос не в целях борьбы с преступностью, а в личных интересах.

На основании выявленных признаков оперативно-розыскного мероприятия формулируется его понятие. По нашему мнению, под оперативно-розыскным мероприятием следует понимать одну из составных частей оперативно-розыскной деятельности, сведения об организации и тактике которой составляют государственную тайну, представляющую собой совокупность действий специально уполномоченных на то государственных органов и их должностных лиц, осуществляемых с соблюдением детально регламентированных законом оснований и условий, отвечающую нормам морали и нравственности и непосредственно направленную на достижение целей и разрешение задач

оперативно-розыскной деятельности.

Сформулированное нами определение охватывает как сущностные, так и формальные признаки оперативно-розыскного мероприятия. Данное определение выступает основным понятием, обобщающим понятия других мероприятий. Таким образом, оно выступает категорией теории оперативно-розыскных мероприятий.

Как известно, теория представляет собой совокупность обобщенных положений, образующих науку или раздел науки [34, стр. 822]. Теория оперативно-розыскных мероприятий представляет собой совокупность обобщенных положений об оперативно-розыскных мероприятиях и является частной по отношению к общей (единой) теории ОРД. Более развернуто под искомой теорией понимается система знаний, положений о понятиях, видах, принципах, участниках, основаниях и условиях, организации и тактике проведения оперативно-розыскных мероприятий, о представлении и использовании их результатов, образующая раздел науки ОРД [29, стр. 70; 28, стр. 183].

Указанная теория как частная теория оперативно-розыскной деятельности как открытой науки на монографическом уровне разработана и обоснована нами в 2003-2004 годах [18]. Научное обоснование и разработку теории оперативно-розыскных мероприятий поддержали многие ученые и практические работники. Имелись, правда, и критические замечания, которые были связаны в основном с тем, что ранее в открытой науке ОРД было принято говорить о теории оперативно-розыскной деятельности в целом, не выделяя из нее теорию оперативно-розыскных мероприятий. Однако вскоре идея развивать науку ОРД путем выделения и самостоятельной разработки ее составных частей стало стремлением многих ученых. Уже в конце 2005 года А.В. Шахматовым была успешно защищена открытая (без грифа секретности) докторская диссертация, посвященная теоретической разработке вопросов агентурной работы [37]. Стала разрабатываться в открытом виде теория оперативно-технических мероприятий и т.д. [9; 19; 30; 32].

А термин «теория оперативно-розыскных мероприятий» прочно вошел в научный оборот науки ОРД, в том числе появились монографии, посвященные данной теории. Наши разноплановые исследования практики ОРД, а также

многочисленные научные работы тоже написаны с учетом положений названной теории [6; 27; 10; 12; 21; 13; 11; 23; 22; 24; 20; 25; 16; 36].

Важно и то, что ученые-ордэшники, базируясь на сформулированной нами теории, стали четче и точнее определять объект и предмет в своих научных изысканиях. Например, А.Ю. Козловский пишет, что разделяет наше мнение об объекте и предмете теории ОРД, и основываясь на нем разрабатывает одну из самостоятельных частных теорий ОРД [31, стр. 41-42].

Такой подход мы приветствуем и желаем ученому больших успехов. И хотя, как уже отмечалось, к теоретическим и методологическим вопросам науки у специалистов ОРД интереса явно не много, то, по крайней мере, в научных работах стали реже встречаться такие определения объекта науки ОРД как преступность, информация и др.

В свою очередь, нам приятно осознавать, что мы внесли свою лепту в привитие специалистам ОРД науковедческой культуры. Науковедческая культура, правда, немислима без правосознания. Очень надеемся, что у специалистов по ОРД она будет на высоком уровне [15; 17; 26].

Возвращаясь к оперативно-розыскным мероприятиям надо сказать, что к ним имеются в науке и другие подходы. По наиболее распространенным из них имеет смысл высказаться.

Часть специалистов считает, что оперативно-розыскные мероприятия непосредственно направлены на добывание (получение) фактических данных (информации, сведений) [33, стр. 136]. Мы считаем, что такой подход не верен. Не вдаваясь в стратегию и тактику оперативно-розыскных мероприятий, поскольку эти сведения носят закрытый характер, следует признать, что в ряде случаев оперативно-розыскные мероприятия проводятся не только для добывания фактических данных, но и для иных целей, например, для создания оптимальных условий для захвата преступника, для обеспечения безопасности лица, оказывающего содействие органам, осуществляющим ОРД. Оперативно-розыскные мероприятия порой проводятся для и доведения информации в выгодном для органов, осуществляющих ОРД, свете. Кроме того, мероприятие может быть осуществлено для профилактики и предупреждения преступления, а также в иных целях.

Наконец, если придерживаться того, что

мероприятия обязательно непосредственно направлены на получение информации, то из перечня оперативно-розыскных мероприятий следует исключить оперативное внедрение и сбор образцов для сравнительного исследования. В результате исключительно этих мероприятий информацию не получить: полученные образцы следует в дальнейшем исследовать - а это другое оперативно-розыскное мероприятие. Факт внедрения в преступную среду сам по себе тоже информацию не предоставляет - для ее получения внедренному лицу необходимо выведывать сведения, проводить опросы и другие действия). Более того, в результате сбора образцов или оперативного внедрения информацию можно вообще не получить (например: полученные образцы оказались не пригодны для исследования, внедренный сотрудник был «вычислен» и убит).

Вместе с тем, об исключении названных мероприятий из Закона об ОРД речь, конечно, не идет. Это будет противоречить целям ОРД и здравому смыслу. Да и потом, сбор образцов для сравнительного исследования и оперативное внедрение объективно признают оперативно-розыскными мероприятиями (помимо законодателя) абсолютное большинство теоретических и практических специалистов.

Отсюда – оперативно-розыскное мероприятие не всегда непосредственно направлено на получение данных, информации. Для окончательного разрешения сомнений предлагаем вновь обратиться к смысловому значению данного понятия: оперативно-розыскное мероприятие - это оперативное осуществление действий. В связи с этим, позиция специалистов, придерживающихся указанной точки зрения, не верна.

Ранее в ряде научных работ господствовала точка зрения, что оперативно-розыскные мероприятия проводятся в отношении физических лиц. Такая позиция тоже не выдерживает критики, что объективно доказывает практическая работа. В.Г. Бобров, изучая данный вопрос, написал, что оперативно-розыскные мероприятия фактически проводятся в отношении следующих объектов:

- физических лиц;
- юридических лиц;
- фактов (обстоятельств);
- мест;
- объектов – носителей доказательственной

информации;

- иных объектов [4, стр. 11].

Соглашаясь с В.Г. Бобровым, нам думается, что все перечисленные объекты лучше определить как «объекты оперативной заинтересованности». Понятие «объект оперативной заинтересованности» позволяет уйти от термина «объект», который не может и не должен применяться в юридических науках в столь разных значениях.

Однако структура оперативно-розыскного мероприятия, предложенная В.Г. Бобровым, пока представляется не вполне исследованной и обоснованной, поэтому вызывает некоторые сомнения. В.Г. Бобров считает, что оперативно-розыскное мероприятие состоит из обязательных элементов (функциональной стороны, объекта, субъекта, оперативно-тактической задачи (цели), приемов организационного характера) и факультативных (информационного обеспечения, технического обеспечения, действий, сопутствующих оперативно-розыскному мероприятию) [4, стр. 10, 20-21].

Вместе с тем, наличие и содержание структуры требует дополнительного обоснования. Дело в том, что слово «структура» по своему смысловому значению определяет внутреннее содержание предмета [5, стр. 1157; 34, стр. 802]. Отсюда сомнительно, что в структуру конкретного мероприятия входит, например, отдел уголовного розыска, осуществляющий мероприятие (субъект). Также во внутреннее содержание мероприятия не может быть включен человек, в отношении которого оно проводится (объект). Думается, что в общем виде схематично структуру оперативно-розыскного мероприятия следует определить как совокупность приемов, методов, действий и т.д., направленных на решение задач мероприятия.

В то же время, мы искренне приветствуем разные суждения, направленные на познание сущности оперативно-розыскного мероприятия. Как известно, одним из проявлений единства и борьбы противоположностей как источника исторического развития знаний является

борьба мнений, свободная критика в науке. Когда впервые объясняется то или иное явление, то обычно выдвигается несколько различных или прямо противоположных гипотез, предположений, мнений, разъясняющих смысл и сущность изучаемого явления. В ходе борьбы этих противоположностей одни гипотезы, предположения отвергаются, а другие подтверждаются и принимаются как наиболее вероятные или как научно обоснованные, то есть истинные. Прекращение этой борьбы означало бы прекращение познания [1, стр. 136]. Развивая эту мысль, можем сказать, что мы всегда с уважением относились и относимся к различным суждениям, конструктивной критике, плюрализму мнений [14]. При этом мы приветствуем труд ученых, не слепо повторяющих выученные в 1970-80-х годах суждения, выдаваемые за истину, а периодически проводящих ревизию накопленных знаний, стремящихся оценить и, возможно, уточнить их с позиций сегодняшнего дня [2; 3; 4].

Завершая статью, хотим вновь повторить разработанное нами определение оперативно-розыскного мероприятия. Под оперативно-розыскным мероприятием следует понимать одну из составных частей оперативно-розыскной деятельности, сведения об организации и тактике которой составляют государственную тайну, представляющую собой совокупность действий специально уполномоченных на то государственных органов и их должностных лиц, осуществляемых с соблюдением детально регламентированных законом оснований и условий, отвечающую нормам морали и нравственности и непосредственно направленную на достижение целей и разрешение задач оперативно-розыскной деятельности.

Указанное определение мы предлагаем включить в Закон об ОРД. Мы даже предлагаем включить в названный закон отдельную статью, посвященную только ключевым понятиям в оперативно-розыскной деятельности. Наличие таких понятий, несомненно, усилит соблюдение законности в оперативно-розыскной деятельности.

Список литературы

1. Андреев И.Д. Теория как форма организации научного знания. – М.: Наука, 1979. – 303 с.
2. Аتماжитов В.М., Бобров В.Г. О законодательном регулировании оперативно-розыскной деятельности. – М.: Шумилова, 2003. – 23, [1] с. – (Библиотека оперативника (открытый фонд)).
3. Бобров В.Г. О правовой природе оперативно-розыскных мероприятий // Актуальные вопросы теории и практики оперативно-розыскной деятельности: Труды Академии управления МВД России. – М., 2001. – С. 65-73.
4. Бобров В.Г. Понятие оперативно-розыскного мероприятия. Основания и условия проведения оперативно-розыскных мероприятий. – М., 2003.
5. Большая энциклопедический словарь / Гл. ред. А.М. Прохоров. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1999.
6. Бухаров Н.Н., Захарцев С.И., Рохлин В.И., Федоров А.В., Шахматов А.В. Прослушивание телефонных переговоров в оперативно-розыскной деятельности: Учебное пособие. Изд. 2-е. / Под редакцией В.П. Сальникова.– СПб.: Фонд «Университет», 2005. – 128 с. – (Серия: «Теория и практика оперативно-розыскной деятельности»).
7. Горяинов К.К., Кваша Ю.И., Сурков К.В. Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности»: комментарий. – М.: Новый юрист, 1997. – 570, [1] с.
8. Дубоносов Е.С. Основы оперативно-розыскной деятельности / Под ред. Г.К. Сенилова. – М.: Книжный мир, 2002. – 184 с.
9. Евстратиков Б.М., Захарцев С.И., Медведев В.Н., Сальников В.П. Оперативно-розыскные мероприятия на каналах связи (Правовой анализ) / Под редакцией В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2005. – 256 с. – Серия: Теория и практика оперативно-розыскной деятельности.
10. Захарцев С.И. Диалектический метод в оперативно-розыскной деятельности // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 7. – С. 62-69.
11. Захарцев С.И. Коррупция и деньги: К вопросу применения оперативно-розыскных мероприятий // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 10. – С. 137-141.
12. Захарцев С.И. Оперативно-розыскная политика // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 11. – С. 163-172.
13. Захарцев С.И. Понятие и виды оперативно-розыскных мероприятий // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2003. – № 4 (249). – С. 135-139.
14. Захарцев С.И. Право и истина // Мир политики и социологии. – 2012. – № 9. – С. 146-152.
15. Захарцев С.И. Правосознание: понятие и уровни // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 2. – С. 48-53.
16. Захарцев С.И. Прослушивание телефонных переговоров в оперативно-розыскной деятельности и уголовном процессе: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД РФ, 2002. – 26 с.
17. Захарцев С.И. Профессиональная деформация правосознания сотрудников полиции, судей и прокуроров // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2013. – № 4 (9). – С. 335-343.
18. Захарцев С.И. Теория и правовая регламентация оперативно-розыскных мероприятий: Дис. ... докт. юрид. наук. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2004. – 397 с.
19. Захарцев С.И., Игнащенко Ю.Ю. Специально предусмотренные условия проведения оперативно-технических мероприятий // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2005. – № 4. – С. 182-188.
20. Захарцев С.И., Игнащенко Ю.Ю. К вопросу о регламентации оперативно-розыскных мероприятий, ограничивающих конституционные права человека и гражданина // Российский следователь. – 2006. – № 5. – С. 31.
21. Захарцев С.И., Кирюшкина Н.О. Новые фантомы в оперативно-розыскной деятельности: оперативно-розыскная характеристика и оперативно-розыскной кодекс // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 9. – С. 94-101.
22. Захарцев С.И., Кирюшкина Н.О. Оперативно-розыскное право // Правовое поле современной экономики. – 2013. – № 9. – С. 187-192.
23. Захарцев С.И., Пахунов А.М. Организация прокурорского надзора за оперативно-розыскной деятельностью // Российский следователь. – 2012. – № 9. – С. 37-40.
24. Захарцев С.И., Сальников В.П. Внеаучное знание в оперативно-розыскной деятельности // Правовое поле современной экономики. – 2013. – №10. – С. 193-199.
25. Захарцев С.И., Сальников В.П. О конвергенции уголовно-процессуального права России и зарубежных государств // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2015. – № 2 (19). – С. 29-33.
26. Захарцев С.И., Сальников В.П. Правосознание юриста и правовой нигилизм: современные проблемы профессиональной деформации // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 11. – С. 11-29.

27. Захарцев С.И., Чабукиани О.А. Оперативно-розыскные мероприятия и следственные действия: понятия и соотношение. – СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2010. – 268 с.
28. Захарцев С.И., Игнащенко Ю.Ю., Сальников В.П. Оперативно-розыскная деятельность в XXI веке: Монография. – М.: Норма, 2015. – 400 с. DOI: 10.17513/np.469
29. Захарцев С.И., Игнащенко Ю.Ю., Сальников В.П. Оперативно-розыскные мероприятия в XXI веке: Монография. – СПб.: Фонд «Университет», 2006. – 320 с. – Серия: Теория и практика оперативно-розыскной деятельности.
30. Захарцев С.И., Медведев В.Н., Сальников В.П. Снятие информации с технических каналов связи: правовые вопросы: Монография. Санкт-Петербургский университет МВД России; Академия права, экономики и безопасности жизнедеятельности / Под общей редакцией В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2004. – 256 с. – Серия: Теория и практика оперативно-розыскной деятельности.
31. Козловский А.Ю. Таможенный сыск через призму наук: сыскология и оперативно-розыскная деятельность таможенных органов // Оперативник (сыщик). – 2012. – № 4 (33). – С. 41-42.
32. Медведев В.Н. Правовое регулирование снятия информации с технических каналов связи в оперативно-розыскной деятельности: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2003. – 22 с.
33. Михайлов В.И., Федоров А.В. Таможенные преступления: уголовно-правовой анализ и общие вопросы оперативно-розыскной деятельности / Под ред. А.В. Федорова. – СПб.: Юридический центр пресс, 1999. – 324 с., [4] л. ил., портр.
34. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: Азъ, 1992.
35. Правовые основы оперативно-розыскных мероприятий / Под. ред. Е.М. Рябкова, В.В. Петрова; предисл. В.Т. Томина. – М.: Шумилов, 2004. – 57 с.
36. Рохлин В.И., Захарцев С.И., Миронов М.А., Стуканов А.П. Институт реабилитации в российском законодательстве: возникновение, развитие, понятие, перспективы / Под ред. В.И. Рохлина. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2007. – 407 с.
37. Шахматов А.В. Агентурная работа в оперативно-розыскной деятельности (теоретико-правовое исследование российского опыта): Дис... докт. юрид. наук. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2005. – 438 с.
38. Шумилов А.Ю. Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности». – М.: Шумилова И.И., 2004. – 330, [1] с.

ЗАВУРБЕКОВ Фаридун Завурбекович,
преподаватель кафедры теории и истории
государства и права Нижегородского государ-
ственного университета им. Н.И. Лобачевского
(Национального исследовательского универси-
тета) (г. Нижний Новгород, Россия)
E-mail: zfz2005@gmail.com

СМИРНОВА Лидия Алексеевна,
Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского (Национальный исследо-
вательский университет) (г. Нижний Новгород,
Россия)
E-mail: lida_smirnova_a@mail.ru

Специальность 12.00.01 - Теория и история
права и государства; история учений о праве и
государстве

КЛАССИЧЕСКИЙ ИСЛАМ И РАДИКАЛИЗМ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

***Аннотация.** Дан обзор истории становления, особенностей и постулатов ислама. Акцентируется внимание на феномене исламского радикализма и его крайних формах – экстремизме и терроризме, выступающих итогом неверной интерпретации коранических норм. Рассмотрен ряд причин зарождения и развития радикальной мысли. Определена идеологическая роль фундаментализма в функционировании радикальных организаций. Показана противоположность ценностей исламистских террористических организаций, и ценностей классического ислама в трактовке мусульманских богословов и ученых.*

***Ключевые слова:** радикализация; джихад; исламский радикализм; исламский экстремизм; исламский терроризм; исламский фундаментализм; Хасан аль-Банна.*

**ZAVURBEKOV F. Z.
SMIRNOVA L.A.**

CLASSICAL ISLAM AND RADICALISM: THE PROBLEMS OF INTERPRETATION

***The summary.** This article talks about Islam: the history of this religion, its particularities and its dogmas. In addition, it talks particularly about Islamic radicalism, Islamic extremism and terrorism as extreme forms of religion as a result of a bad interpretation of Koran's rules. Furthermore this piece talks about the reasons of this radical form of Islam and its evolution. Lastly there is the identification of a contradiction between «Islamic State» (following IS- the most famous representative of radical Islamic organisations) and Islamic theologians' point of view.*

***Key words:** radicalization; jihad; Islamic radicalism; Islamic extremism; Islamic terrorism; Islamic fundamentalism; Hasan Al-Banna.*

Радикализация ислама – серьёзный вопрос, стоящий особенно остро на повестке дня. Сегодня ряд преступлений с выраженным экстремистским подтекстом рассматривается средствами массовой информации исключительно путем апеллирования к исламскому вероисповеданию преступника. На фоне данного обстоятельства в обществе начинает развиваться исламофобия, распространение получает высказывание: «Не все мусульмане террористы, но все террористы – мусульмане». В 2010 году среди британцев – немусульман компанией DJS Research был проведен опрос, данные которого наглядно иллюстрируют отношение, которым объято общество: 63% респондентов считают, что мусульмане – террористы, 94% – что мусульмане угнетают женщин. В этой связи крайне значимым аспектом является то, что 80% опрошенных признались в том, что ничего не знают об исламе, 40% не смогли ответить, кто такой Аллах, 36% затруднились ответить на вопрос о роли пророка Мухаммада. Более того, показательно, что 60% респондентов сказали, что не желают ничего знать об исламе, а 77% уверены в том, что мусульманам не следует учить исламу людей, принадлежащих к другой конфессии [6]. Результаты приведенного опроса демонстрируют, что общество имеет крайне скудные знания об одной из крупнейших мировой религии; в свою очередь, непосредственно невежество и устоявшиеся социальные предрассудки формируют определенный образ ислама, разнящийся с его действительным содержанием [2; 12; 14; 19; 20; 29; 32; 34; 37].

Где же проходит грань между классическим исламом и радикализмом? Почему человек отходит от столпов ислама и обращается в радикализм? Совпадает ли взгляд на религию мусульманских богословов и представителей радикальных исламистских организаций?

Ислам – самая молодая из существующих мировых религий, возникшая на Аравийском полуострове в VII веке н.э. Основателем мусульманского вероисповедания был пророк Мухаммад, получивший, согласно учению, божественное Откровение. Посланник Аллаха начал проповедовать единобожие и веру в единого Господа среди политеистов и населения иудейского вероисповедания, населявших в то время его Родину – Мекку. Мекканцы встретили рассказы Мухаммада о божественном

Откровении без особенного энтузиазма, более того, они породили агрессию по отношению к Пророку, поэтому первое время Мухаммад был вынужден обороняться от неверовавших в него. Позднее он переселился в Йасриб (Медину) для продолжения своей миссии. В Медине проповеди Мухаммада были приняты с большим успехом. Впоследствии Мухаммад станет не только духовным, но и светским лидером Медины [3; 16; 18; 23; 25; 26; 27; 30; 38].

Ранняя Медина представляла собой специфическую религиозно-политическую общину, «управляемую волей Аллаха, вложенной в уста Пророка». По причине того, что в Коране Мухаммад признавался последним пророком, после его смерти возникла проблема передачи власти. Было определено, что следующий правитель должен будет совмещать функции имама (духовного настоятеля) и амира (политической и военной фигуры). Понятие «халиф» сочетало в себе эти роли. По мере развития государства формировалась идея расширения территорий. К основным задачам мусульман отнюдь не относилось насильственное распространение своего вероисповедания, напротив, многими арабистами отмечен нейтральный подход к иным конфессиям: иноверцы имели право исповедовать свою религию на исламских территориях. Халифат стремился привнести именно политическое господство ислама и экономическое господство самих мусульман, обложивших иноверцев определенным видом налога [1]. Насильственное же обращение в ислам прямо запрещалось Кораном.

Единение религии и политики является важной особенностью ислама, которая многими учеными выдвигается на передний план при исследовании взаимозависимости мусульманской религии и радикальной мысли, развивающейся в её пределах. Однако и данная идея подвергается сомнению. Отмечается, что представители традиционного ислама в большинстве своём отводят политическому противоборству второстепенное место, тогда как идеологи фундаментализма именно политическую деятельность, выражающаяся в яром стремлении установить исламское господство, воспринимают с точки зрения наибольшей ценности [41].

Что представляет собой мусульманская вера? К пяти столпам ислама традиционно относят:

- 1) Исповедание веры, подразумевающее признание единобожия и принятие

пророческой миссии Мухаммада.

- 2) Молитву.
- 3) Обязательную милостыню.
- 4) Пост.
- 5) Паломничество в Мекку.

К пяти столпам веры прямо не относится, но примыкает еще одна обязанность – джихад.

Данный термин в Писании рассматривается с нескольких сторон:

1. Джихад сердца – борьба с пороками, несправедливыми мыслями.
2. Джихад языка – открытое или тайное осуждение/одобрение действий.
3. Джихад руки – наказание за нарушение норм закона и нравственных предписаний.
4. Джихад меча – вооруженная борьба.

Именно «джихад меча» или «газават» вызывает столь острые дискуссии в последнее время. Изначально данный термин означал оборонительные действия мусульман против преследовавших их язычников и иудеев. Позднее, халифами из династии Омейядов, для оправдания активных завоеваний, джихаду намеренно предписывалось значение вооруженной борьбы против иноверцев.

Как относится к убийству Писание? По законам шариата убийство рассматривается как запретное деяние (харам), наказание за которое последует и в земной жизни, и в небесной. В Коране: «...Кто убьет человека не за убийство или распространения нечестия на земле, тот словно убил всех людей...» (Сура Трапеза, 32 аят).

Идеологическая роль религии проявляется в таких феноменах как исламский радикализм и экстремизм, исламский терроризм [13; 17; 36]. Исламский радикализм – доктрина и основанная на ней политическая практика, являющаяся идеологическим основанием радикальных исламистских организаций [9]. Исламский экстремизм – идеология, пропагандирующая насильственные меры отстаивания собственных конфессиональных взглядов. Говоря конкретнее, радикализм есть сама сущность приверженности к крайним взглядам, экстремизм- идеология, подразумевающая конкретный набор насильственных методов для реализации заявленной цели. Экстремизм может быть составной частью радикализма, а может и не проявляться в конкретном политическом движении [9].

В чем состоят причины развития радикальной мысли? При рассмотрении данного

вопроса выделяются несколько факторов, ответственных за появление исламистского радикализма. Во-первых, исламская революция в Иране 1979 года, которая доказала, что установление главенства ислама в условиях современного мироустройства возможно на практике. Во-вторых, война в Афганистане, продемонстрировавшая мощь и могущество моджахедов («войска Аллаха»), сумевших одержать победу над сверхдержавой. В-третьих, распад биполярной системы, развязавший руки тем, чья деятельность впредь не рассматривалась в контексте средств ведения «холодной войны». Иллюстрирующим данное обстоятельство примером может являться Усама бен Ладен, чья деятельность в Афганистане на стороне моджахедов была направлена против советских войск при активной поддержке со стороны спецслужб США [41]. Кроме того, крушение одной крупной идеологической системы предусматривало рождение новой. В качестве еще одной причины можно выделить «возраст» ислама. Ислам является самой молодой мировой религией, он возник в VII веке, в то время как, например, христианство зародилось ещё в I веке нашей эры. Так, на данный момент ислам находится примерно на той ступени развития, на которой находилось христианство в расцвет деятельности церковного института католической церкви, имеющим название «Инквизиция» [41]. К причинам также можно отнести специфику ислама с точки зрения структурной составляющей. Если же христианство персонцентрично (определяется личностью Иисуса Христа), то мусульманская религия библиоцентрична (зиждётся на Писании). В свою очередь, в исламе отсутствует определенный институт, отвечающий за проблемы доктринального характера, интерпретация норм Корана и Сунны возлагается на мусульманских богословов, однако при этом отсутствует четкое понимание критериев, определяющих корректность мнения того или иного ученого при толковании божественных догм. Кроме того, важным замечанием является то, в исламе отсутствует институт духовенства, хадисы упоминают исключительно Пророка, Его Сподвижников и Алимов – исламских ученых. Вследствие отсутствия четкой иерархии и условий авторитетности мусульманских исследователей вопрос толкования норм Писания становится ещё более острым.

Абстрагируясь от причин, обозначенных путем

обращения к историческим сведениям, следует рассмотреть следующий ряд факторов, обеспечивающий развитие радикальной мысли: социально – экономические (нестабильная ситуация в государстве, низкий уровень жизни, высокий уровень безработицы), политические (популярность оппозиционной мысли, недоверие населения государственному аппарату, стремление конкретных фигур на политической арене использовать человеческий ресурс для достижения конкретной цели). Кроме того, важно заметить, что основная масса людей, входящих в экстремистские организации – молодежь, именно у данной социальной группы отсутствует жизненный опыт, четкая иерархия собственных ценностей, объективность в восприятии социальной реальности, молодежь характеризуется эмоциональной нестабильностью, острой возбудимостью. Примечательно, что структура населения стран «очага экстремистской мысли» наглядно подтверждает представленный выше тезис: государства Ближнего Востока характеризуются высокой долей детей и молодежи, возраст каждого второго не превышает 24 лет [7].

Что касается исламского терроризма, на данный момент учеными не определено точное понимание данного термина и отличия его от исламского экстремизма. Однако большинство исследователей сходятся на мнении, что исламский терроризм есть крайняя форма исламского экстремизма. Определения исламского терроризма формулируются через обращение к двум условным подходам: «мусульманскому» – он подразумевает отсутствие такого понятия как исламский терроризм, так как ислам есть религия мира; «немусульманскому» – он склоняется к определению исламского терроризма как реакции восточных обществ на западную глобализацию, кроме того, данная позиция рассматривает исламский терроризм как одно из составляющих радикальных исламистских организаций [11]. Базовым подходом является определение терроризма как политики и практики устрашения политических противников, выражающейся в применении насильственных мер [9]. В случае исламского терроризма, защищаемые ценности, которые составляют проводимую политику, будут базироваться на неверно интерпретируемых мусульманских догмах.

Рассмотрим такое явление как фундаментализм. Фундаментализм является идеологической

базой для осуществления деятельности радикальных организаций, которые впоследствии имеют тенденцию к осуществлению экстремистских актов. Исламский фундаментализм – течение, требующее возврата к истокам ислама, к прямому толкованию Корана. Все догмы и столпы веры фундаменталистами принимаются в буквальном смысле, без адаптации к конкретным временным реалиям. Именно подход, подразумевающий прямое толкование идей Писания без учета контекстно-временных рамок, непонимание тонкостей фусха – классического арабского языка и составление на данной теоретической основе трудов идеологов фундаментализма, из которых наиболее ярким представителем является Хасан аль-Банна, приводит к формированию определенной идеологической базы, которая обеспечивает стабильное функционирование различных террористических организаций.

Последователи фундаментализма имеют богатый теоретический базис, оставленный одним из первых идеологов фундаментализма Хасаном аль-Банной. Аль-Банна «обожествил» концепцию джихада, обозначив ее в качестве обязанности каждого мусульманина. Что касается возвращения чистоты ислама, по мнению последователей фундаментализма, оно достигается через сочетание религии и политики: «Ислам – это вера и общество, мечеть и государство». Кроме того, идея значимости джихада для «очищения» веры подкрепляется тезисами Аль-Банной о необходимости использования насильственных мер: «Метод наш – наставление и совет, а если это не помогает – то искоренение силой и устранение» [10]. Догмы, выведенные Хасаном аль-Банной являются определяющими в движении фундаментализма, именно его труды определяют его форму и конкретное содержание.

Важно также отметить значимость религии в общественной жизни. Религия является одним из тех инструментов, которые отвечают за складывание социальной идентичности и обеспечивают единение в определенных социальных группах. По причине того, что на фоне глобализации стираются понятия национальной или культурной идентичности, преимущественное значение уделяется непосредственно религиозной консолидации общества. Многие ученые современности сходятся на мнении, что радикальная мысль, имеющая религиозное обоснование, имеет более разрушительные последствия, чем иные ее

виды. Причиной Б. Хоффман обозначает то, что «ограничения, накладываемые другими [светскими] террористами на творимое ими насилие из желания заручиться поддержкой возможных сторонников, не распространяются на религиозных террористов...» [41]. Особенностью является то, что насилие принимает форму санкционированных актов, оно проходит своеобразную легитимацию, ответственными за которую становятся идеологи террористических организаций. Учитывая данные факты, становится очевидно, что религиозная мотивация является наиболее эффективной формой воздействия, она наиболее устойчива, тем и более привлекательна на фоне других видов.

Для наглядного рассмотрения проявления радикализма в идеологии объединений стоит обратиться к наиболее известной террористической организации – ИГ (запрещена в РФ). Она позиционирует себя как организация, действующая во имя Аллаха и призванная возродить господство ислама. В действительности же концепции, выдвигаемые ИГ (запрещена в РФ), богословам и профессорам, изучающим мусульманскую религию, кажутся абсурдными. В этом отношении показательным является письмо ученых и шейхов последователям и бойцам ИГ. В нем рассматриваются противоречия между классической интерпретацией ислама и толкованием его радикальными лидерами [5]. Рассмотрим некоторые из них:

1) Разногласие между классическим исламом и позициями представителями ИГ возникает при понимании идеи джихада. В письме, составленном шейхами, профессорами и богословами, делается акцент на двух видах джихада:

- великий джихад – борьба против биологического начала личности;
- меньший джихад – борьба против врагов.

По Писанию меньший джихад не может объявляться без коллективного согласия и без весомых причин. Великий же джихад должен

проистекать постоянно. Согласие всего мусульманского мира не может быть обеспечено по той причине, что представители традиционного ислама на практике выступают против извращения собственной религии и развития радикализма в её пределах. Данный факт иллюстрируется с помощью обращения к многочисленным фетвам, изданным муфтиями, алимами и факихами, и направленным на порицание всякого насилия, осуществляемого лидерами и последователями радикальных исламистских организаций.

2) Отношение к иноверцам также вызывает большие разногласия. Члены ИГ видят своей целью борьбу против неверных – кафиров. Ученые же выражают несогласие по поводу отношения ИГ (запрещена в РФ) к людям иных конфессий, в особенности, христианам. Согласно Писанию, христиане и иудеи являются людьми Книги, монотеистами, жестокость к которым не может быть оправдана; политеисты также, исходя из норм Корана, не должны преследоваться, они лишь могут облагаться подушной податью.

3) Обращение людей в рабство, практикуемое ИГ, также является преступлением против ислама; обращение в мусульманскую веру строго запрещено Кораном.

В заключение отметим, что все мировые религии призывают к миру, справедливости и равенству [8; 19; 21; 40]. Причиной появления радикализма является неверная интерпретация изначальных норм. Религиозный символизм используется для реализации политических целей, в связи с этим из цельной мировой религии вычленяются отдельные положения, которые трактуются отдельными фигурами в угоду поставленным целям. Говоря о политизации и радикализации религии, следует делать акцент непосредственно на самом интерпретаторе, а не на конфессии, к которой он принадлежит. Важная роль здесь должна быть отведена суверенной государственно-правовой идеологии [15; 33].

Список литературы

1. Алексеев И.Л. Расцвет арабо-мусульманской цивилизации: новые города, ремесла, искусства и науки // arzamas.academy/courses/58/5
2. Аманацкий Ю.В. Ислам как мировая религия. Лекция // Юридическая наука: история и современность.

- 2019. – № 2. – С. 179-191.
3. Ананских И.А., Завурбеков Ф.З., Фомичев М.Н. Гражданский кодекс Исламской Республики Иран, шариат и источники исламского права о регулировании брачно-семейных отношений // Мир политики и социологии. – 2016. – № 8. – С. 124-128.
 4. Андреева Е.А. Причины возникновения и способы предупреждения экстремизма в современном мире // Международно-правовые средства противодействия терроризму в условиях глобализации: Сборник материалов Всероссийской конференции, 27-28 июля 2016 года, г. Ставрополь / Министерство образования и науки Российской Федерации, Ставропольский государственный педагогический институт. – Ставрополь: СГПИ, 2016. – С. 163-66. – в кн 491 с.
 5. Балтанова Г.Р. Исламская критика нового халифата // Вестник экономики, права и социологии. – 2015. – № 1. – С. 171-175.
 6. Большинство британцев – немусульман недолюбливают ислам // Интерфакс – Запад: URL: <https://interfax.by/news/obshchestvo/kultura/68729/>
 7. Бордунова Е. Молодежь в странах Ближнего Востока: социально-экономические и политические последствия быстрого демографического роста // <http://www.demos-cope.ru/weekly/2010/0415/student03.php>.
 8. Буддизм: pro et contra / Сост., вступ. статья, коммент. С.В. Пахомова; сост. указателя С.В. Пахомова, С.Н. Пахомовой; отв. ред. Р.В. Светлов. – СПб.: РХГА, 2017. – 1132 с.
 9. Воронцов С.А. Исламский радикализм как угроза национальной безопасности современной России // Философия права. – 2008. – № 2(27). – С. 94-100.
 10. Гарифуллин Д.М. Идеологические и социально-политические факторы формирования современного исламского фундаментализма и экстремизма // Вестник научной ассоциации студентов и аспирантов исторического факультета Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. – Серия: Studia historica juvenum. – 2015. – № 1(11). – С. 125-127.
 11. Горбатова В.В. Исламский экстремизм и терроризм как категории политического анализа // Вестник Московского университета. – Серия 12: Политические науки. – 2012. – № 4. – С. 113-115.
 12. Горылев А.И., Яшнов А.И. Отражение религиозных норм в организации государственной власти в исламских государствах // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 12. – С. 144-149.
 13. Дикаев С.У. Терроризм и преступления террористического характера (опыт системного анализа): Монография / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2004. – 359 с.
 14. Еремеев Д.Е. Ислам: образ жизни и стиль мышления. – М.: Политиздат, 1990. – 286 с.
 15. Зорина Н.В., Клименко О.А., Мирзоев А.К., Прокофьев К.Г., Сальников М.В. Идея свободы в суверенной идеологии права: аксиологический и нравственно-правовой аспекты // Мир политики и социологии. – 2018. – № 11. – С. 188-193.
 16. Ибрагимов Г. Происхождение ислама и его социальные корни. – Алма-Ата: Казгосиздат, 1937. – 91 с.
 17. Ибрагимов С.М. Идеологические и уголовно-правовые меры борьбы с содействием террористической деятельности на Северном Кавказе // Мир политики и социологии. – 2012. – № 11. – С. 135-139.
 18. Ислам. Историографические очерки / Под ред. С.М. Прозорова. – М.: Наука, 1991. – 228 с.
 19. Ислам: pro et contra, антология / Сост., коммент. Д. В. Шмони́на, В. Г. Рохми́строва, вступ. статья Р. В. Светлова, Д. В. Шмони́на. – СПб.: РХГА, 2017. – 1133 с. – (Русский Путь).
 20. Ислам: Энциклопедический словарь / Под ред. С.М. Прозорова. – М.: Наука, 1991. – 315 с.
 21. Иудаизм: pro et contra / Е.С. Норкина, И.С. Кауфман, Р.В. Светлов – СПб.: РХГА, 2017. – 859 с.
 22. Казанчян Л.А. Разграничение понятий «радикализм» и «экстремизм» // Фундаментальные и прикладные научные исследования: актуальные вопросы, достижения и инновации: Сборник статей XXIV Международной научно-практической конференции. В 3 ч. Ч. 3. – Пенза: Наука и Просвещение, 2019. – 240 с. – С. 99-103. – в кн. 240 с.
 23. Климович Л.И. Ислам, его происхождение и социальная сущность. – М.: Знание, 1956. – 40 с.
 24. Кобелева А.Л. К вопросу о причинах и профилактике молодежного экстремизма // Международно-правовые средства противодействия терроризму в условиях глобализации: Сборник материалов Всероссийской конференции, 27-28 июля 2016 года, г. Ставрополь / Министерство образования и науки Российской Федерации, Ставропольский государственный педагогический институт. – Ставрополь: СГПИ, 2016. – С. 151-153.. – в кн 491 с..
 25. Крымский А.Е. История мусульманства. – М.: Кучково поле, 2003. – 349 с.
 26. Массэ А. Ислам. Очерк истории. – М.: Наука, 1963. – 228 с.
 27. Мюллер А. История ислама: от доисламской истории арабов до падения династии Аббасидов / Пер. с нем. – М.: Астрель, 2004. - 911 с.
 28. Нечитайло Д. А. Современный радикальный исламизм : стратегия и тактика / Под ред. чл.-кор. РАН В.Л. Шульца; Рос. акад. наук, Центр исслед. пробл. безопасности. - М.: Наука, 2011. - 461, [1].

29. Прозоров С.М. Ислам как идеологическая система. В 2 т. – М.: Восточная литература РАН, 2004.
30. Рахимзода Р.Х. Исламское право и оперативно-розыскная политика // Мир политики и социологии. – 2016. – № 7. – С. 81-92.
31. Родионов М.А. Ислам классический. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2001. – 256 с. («Мир Востока», IX).
32. Роз М. Исламское право. История и современность. – М: Медина, 2019. – 576 с.
33. Сальников В.П., Масленников Д.В., Захарцев С.И., Прокофьев К.Г., Морозов А.И. Принцип суверенности государственно-правовой идеологии и философии права // Мир политики и социологии. – 2019. – № 9. – С. 170-178.
34. Сафаров Б.А. Формирование раннего исламского государства. – Душанбе, 2011. – 200 с.
35. Сергун Е.П. Соотношение понятий «религиозный экстремизм» и «религиозный фундаментализм» // Правовая культура. – 2012. – № 2(13). – С. 99-103.
36. Силкин Н.Н., Иоголевич В.А., Шелепова М.А. Терроризм – угроза мировой безопасности // Мир политики и социологии. – 2016. – № 3. – С. 132-142.
37. Сюкияйнен Л.Р. Мусульманское право: вопросы теории и практики. – М.: Наука, 1986. – 235 с.
38. Фомичев М.Н. Идеология раннего ислама в период создания арабского государства // Мир политики и социологии. – 2018. – № 1. – С. 30-33.
39. Францева Е.Н. Социально-психологические факторы, влияющие на возникновение экстремизма в молодежной среде // Международно-правовые средства противодействия терроризму в условиях глобализации: Сборник материалов Всероссийской конференции, 27-28 июля 2016 года, г. Ставрополь / Министерство образования и науки Российской Федерации, Ставропольский государственный педагогический институт. – Ставрополь: СГПИ, 2016. – С. 174-176. – в кн 491 с.
40. Христианство: pro et contra, антология. 2-е изд., испр. и доп. / Сост.: Д.К. Богатырев, А.М. Прилуцкий; вступ. статья Д.К. Богатырева. – СПб.: РХГА, 2017. – С. 7–57. – в кн. 1029 с. – (Русский Путь).
41. Эмануилов Р.Я., Яшлавский А.Э. Террор во имя веры: религия и политическое насилие. – М.: Мосты Культуры; Иерусалим: Гешарим, 2011. – 344 с.

ФИЛОСОФИЯ ПРАВА. ПРАВОСОЗНАНИЕ. ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА. СОЦИОЛОГИЯ ПРАВА. ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

ЗАХАРЦЕВ Сергей Иванович,
заведующий кафедрой адвокатуры и правоохранительной деятельности Российского государственного социального университета, доктор юридических наук, академик РАЕН (г. Москва, Россия)

E-mail: Zakhartsev2306@mail.ru

САЛЬНИКОВ Виктор Петрович,
главный редактор журнала «Мир политики и социологии», доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (г. Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: Fonduniver@bk.ru

Специальность 12.00.01 - Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

ПРОДОЛЖАЕМ ЗНАКОМСТВО С КОМПРЕХЕНДНОЙ ТЕОРИЕЙ ПРАВА

***Аннотация.** Уясняется сущность права. Рассматривается онтология права и гносеология права, отражаются философские проблемы права. Формулируется вывод о праве как о противоречивом социальном явлении. Обосновывается теория компрехендного (всеохватывающего) изучения права.*

***Ключевые слова:** философия; философия права; право; теория государства и права.*

**ZAKHARTSEV S.I.
SAL'NIKOV V.P.**

WE CONTINUE OUR ACQUAINTANCE WITH THE COMPREHEND THEORY OF LAW

***The summary.** The essence of law is clarified. The ontology of law and epistemology of law are considered, philosophical problems of law are reflected. The conclusion is formulated about law as a contradictory social phenomenon. The theory of comprehend (comprehensive) study of law is substantiated.*

***Key words:** philosophy; philosophy of law; law; theory of state and law.*

Как известно, вопрос: «Что есть право?» – всегда интересовал человека. Философы и другие ученые с Античности и до наших дней изучали право, сравнивали его с другими социальными явлениями, законом, государством. На основе трудов этих мыслителей образовалось несколько правовых теорий, наиболее известными из которых являются юснатуралистическая, позитивистская, божественная, историческая, социологическая, договорная, психологическая и ряд других.

В 2014-2015 годах мы обосновали компре-хендную теорию права [12; 14; 15; 18] и рады констатировать, что она вызвала заметный интерес у исследователей. Положительные рецензии на наши книги [16; 17; 19], в той или иной мере отражающие названную теорию, написали Д.А. Керимов, И.Ф. Покровский, А.Г. Хабибулин, В.В. Лазарев, В.М. Баранов, М.В. Баранова, Ф.Х. Галиев, Ф.М. Раянов и другие известные ученые. [1; 8; 11; 20; 21; 23; 25; 27; 28; 29; 30] Стала узнаваема и популярна компре-хендная теория права за рубежом. Статьи и материалы о ней переведены на английский, немецкий, итальянский, китайский, польский, украинский, таджикский языки. Более того, две наших монографии, непосредственно затрагивающие указанную теорию, переведены на английский язык, несмотря на сложное современное отношение к России и всему русскому, изданы в престижных зарубежных издательствах и активно изучаются при организации научных изысканий [32].

В интересах расширения аудитории ознакомленных с компре-хендной теорией права, хотим напомнить ее основные моменты.

Итак, при гениальных достижениях человечества в технических и гуманитарных науках, вопрос о том, что такое право по-прежнему открыт. Было сформулировано несколько определений права, предложены различные подходы к его познанию. Однако за тысячелетия существования человека единого и утраивающего всех подхода разработано не было.

Означает ли данный факт то, что право невозможно постичь? Мы верим в силу знаний и исходим из того, что любое социальное явление принципиально познаваемо. При познании права, как нам кажется, вопрос в другом.

Мы уже не раз писали о том, что право с точки зрения познания напоминает нам бриллиант. Как

известно, наиболее распространенная огранка бриллианта составляет 57 граней. И вот думается, что ученые видят ту или иную грань камня, подчас даже подробно рассматривают ее, при этом упуская из виду, что есть еще как минимум 56 граней этого же камня. То же происходит и с правом. Специалисты по одной грани этого феномена судят о нем как о целом. Очевидно, что получаемые таким образом теории со временем упираются в неразрешимые противоречия. Далее появляются новые мыслители, которые также, иногда искренне полагая, что видят предмет целиком, заостряют взгляды на одном из проявлений предмета. Их теории также опровергаются другими концепциями, которые тоже далеки от совершенства. Исторически сколько было различных концепций понимания права? Казалось бы, не мало. Однако их и не так много, как граней бриллианта.

Исследования позволили нам высказать предположение, что пока не будет создано значительное количество самостоятельных концепций, объективно и полно раскрывающих конкретные грани права, единого и общего понятия нам не удастся создать. Но как только количество определений права достигнет критической массы, оно перерастет в качество, в результате чего мы получим понимание права на уже совершенно новом уровне, может быть удивительным для нас всех.

Отсюда вопрос: если мы объединим все, что нам известно сейчас о праве, мы получим нечто большее и всех устраивающее? Судя по всему – нет. Пока мы лишь дошли до понимания того, что нельзя останавливаться только на одной концепции права, пытаться «делать» ее господствующей, главной. Надо стремиться объять право целиком, изучать право всеохватывающе. Такой компре-хендный подход (от латинского *Comprehendo* – всеохватывающий) к изучению права в данном случае является наиболее подходящим.

Мы убеждены, что познание права, как и любого другого явления нужно начинать с философии. Именно философия позволяет «подняться» над проблемой, оценить ее в историческом аспекте, в динамике, с учетом развития научных знаний о мире и бытии. Думается, что в философском плане значительное количество правовых исследований, хотя и имеющих глобальные цели, фактически представляют

собой работу у подножия пирамиды. И наивно полагать, что «дистанцию огромного размера» мы преодолеем быстро. Причем подчас вместо подъема к знаниям работа ведется «по кругу». Например, более столетия назад Н.М. Коркунов подвел убедительный итог попыткам создания так называемой энциклопедии права. Он, в частности, написал: «Создать из энциклопедии науку наук, которая была бы вместе с тем и самостоятельной, особой наукой и обнимала бы собой содержание всех отдельных наук, оказалось невозможным» [22, стр. 33-34]. Вместе с тем, спустя столетие, к названной идеи предлагают вернуться заново.

Другой характерный пример. В настоящее время встречаются попытки объединить в интегральную теорию права теории естественного и позитивного права. Но ведь право – не только эти две теории. Значит конструкция в таком виде обречена на провал. Философски подняться над проблемой и оценить, что объединение только указанных теорий будет совершенно не полным – получается не у всех.

Философских оценок требует современное отношение юридической науки к праву. Так, в настоящее время отчетливо наблюдается, что о феномене «право» многие специалисты стали писать «возвышенно хорошо». Дескать, все, что связано с истинным правом – это справедливо и честно. А вот что несправедливо, тоталитарно, недемократично (хотя и содержится в правовых нормах) – это уже не право. Отсюда стали расхожими выражения – неправовой закон, антиправовая власть, антиправовые отношения и т.д. То есть, право, особенно в последнее время, стало идеализироваться.

Такой подход стал настолько распространенным в студенческой среде, что преподаватели ряда отраслевых дисциплин сетуют, что в вузах, в которых студентам внушается мысль о различии и противоречиях права и закона, крайне затруднительно приохотить будущих правоведов изучать кодексы и другой законодательный материал, так как многие студенты убеждены, что почти все это не является правом [24, стр. 312].

Важно понять, что если будем смотреть на феномен права «через розовые очки» мы не приблизимся к пониманию права и его сущности. Следует признать, что если правовые нормы реформаторских законов приводят к массовому обнищанию населения, ущемлению

потребностей в образовании и здравоохранении – то это правовой произвол. Произвол! Но именно правовой. Вместе с тем, применяемое популярное словосочетание «неправовой закон» выгораживает само право, как бы все объясняет и всех устраивает. При таких обстоятельствах право становится святыней, идиолом, на который все молятся и не допускают критики. Мол: право – это по определению хорошо, честно, чисто, свободно от дурных примесей. О том же: право – это свобода, справедливость, равенство и ни как иначе. Например, В.С. Нерсесянц начал книгу о философии права так: философия права занимается познанием права как необходимой формы свободы, равенства и справедливости в общественной жизни людей [26, стр. 1].

Но такое понимание права односторонне, не критично и не объективно. Некритичность познания какого-либо явления противоречит самой сути философии. Для философии права указанное положение таит в себе большую опасность. Некритичный подход доводит понимание какого-либо явления до гипертрофированных форм. Это неизбежно приводит к извращенному пониманию явления, сущности, концепции. Последующая критика, которая рано или поздно прорывается, подчас уничтожает не только сформированные подходы к изучаемому явлению, но и дискредитирует само явление, связанные с ним концепции и идеи.

Предпринимаемые ныне попытки отгородить право от критики, думается, обречены. Даже если исходить из божественного происхождения права, то молиться будут Богу, а не праву. Что и естественно. Противопоставлять Бога праву либо дополнять Бога правом нелепо и бессмысленно.

Опять же, если попытаться как-то идеализировать право, создать такое право, к которому должны все стремиться, то его все равно не верно сводить до формы свободы, равенства и справедливости. Право значительно многогранней и неоднозначней, чем указанные выше категории. Причем ведь даже точно определить указанные философские категории – сложнейший философский вопрос.

Право – это важное и необходимое явление общественной жизни. Но такими же по значимости являются и другие явления – культура, экономика и др. Возможна ли, например, идеальная справедливость в экономике, если, примитивно, один хочет подороже продать,

а другой – подешевле купить? Возможна ли идеальная справедливость в правовом споре лиц при разделе имущества – справедливость у каждого своя. Возможна ли однозначная оценка произведений культуры (скажем, «Черного квадрата» Малевича), будет ли она полностью справедлива? При этом никто не пишет о неэкономной экономике, некультурной культуре и т.д.

Здесь следует сказать, что мы не отождествляем право и закон. Однако считаем в корне неверным эти понятия противопоставлять. Причем противопоставлять однобоко, односторонне, выгораживая право как явление, свободное от критики. Хочется спросить, почему пишут «неправовой закон», а не, например, «неправовое право»? Для чего обелять правовые нормы? Тем более, бывает так, что нормы, кажущиеся нам на сегодняшний день правовыми и во всех смыслах справедливыми, через исторический отрезок времени уже правовыми не кажутся. Например, реформы в России, проведенные в 1990-х годах и оформленные соответствующими правовыми нормами, первоначально казались именно правовыми, либеральными. Однако по прошествии уже небольшого количества времени они привели к значительным негативным последствиям: развалу государства, сепаратизму в России, национализму, обнищанию значительной части населения, вооруженным конфликтам и др. Неоднозначность результатов проведенных реформ признало и руководство страны. Сейчас очевидно, что нормы права, устанавливавшие ход указанных реформ, едва ли можно отнести к правовым (в том смысле, который закладывается отдельными учеными-идеалистами).

Но есть и обратные примеры. Приказ маршала Г.К. Жукова о защите Ленинграда любой ценой по своей жестокости казалось бы вряд ли уместится в правовые рамки. Однако ход истории объективно продемонстрировал высшую справедливость такого решения, правоту и правильность, то есть именно правовой характер. Сейчас всем очевидно, что если бы не удержали Ленинград, то количество убитых было бы в разы больше и вопрос победы над фашизмом оставался бы открытым. Надо сказать, что в истории человечества накопилось немало именно правовых норм, содержащих тем не менее насилие и жестокость.

Кроме того, надо учитывать, что один и тот же закон на разных этапах общественного бытия может быть как правовым, так и неправым. Более

того, одно и то же действие (например – спекуляция) может быть как уголовно-наказуемым деянием, так и позитивной, эффективной экономической деятельностью.

Таким образом, концепция правовых и неправовых законов не может стать ориентиром для государственных органов и должностных лиц, применяющих право. Данная концепция представляет собой некую умозрительную конструкцию, которая не может быть реализована при применении права. Здесь, на данном этапе в очередной раз ярко высвечивается вопрос именно научной, диалектической проверки идей и конструкций.

Глубокое исследование проблемы «правовых-неправовых» законов проведено профессором О.Э. Лейстом. По его справедливому мнению, серьезным препятствием на пути становления содержательных философских направлений изучения права в последние годы стала концепция, которая еще недавно называлась ее сторонниками «историко-материалистическая концепция различия и соотношения права и закона», а теперь переименована ими в «либертарную». Закону, принятому государством, эта концепция противопоставляет право, сущность которого усматривается в свободе, равенстве и справедливости. На этом основано понятие «неправовой закон» – это тот закон, который не соответствует представлениям о свободе, равенстве и справедливости. Исходя из такой концепции в многовековой истории человечества вообще трудно найти «правовые законы». Если считать право воплощением свободы, равенства, справедливости, то история права начинается только с XVII-XVIII вв., а все предыдущее право (Законы Хаммурапи, Законы Ману, римское рабовладельческое право, все право Средних веков, в России – Русская правда, все Судебники и Уложения и т.п.) не должно считаться правом. Получается, что «либертарная концепция» как бы упразднила большую часть истории права. Отдавая должное теоретической смелости и последовательности основателя этой концепции В.С. Нерсисянца, отметим, что получается, он упразднил и большую часть истории государства. Государство, по его мнению, конституируется только на основе «правовых законов», а все остальное, что до сих пор в истории считалось государством, было различными видами деспотизма, принципиально отличающимися от

государства.

Но дальше – больше. Как продолжил О.Э. Лейст свою мысль, на основе абстрактных рассуждений, противопоставляющих всегда хорошее право нередко плохому закону, трудно сформулировать какие-либо конкретные рекомендации современному законодателю, который принципиально признает идеи свободы, равенства и справедливости, но не всегда умеет воплотить их в законе. Кроме того, из поля зрения сторонников критикуемой концепции начисто выпало противоположное соотношение – хорошего закона и зыбкого, необеспеченного и потому плохого права. Пример такого соотношения – ст. 59 Конституции Российской Федерации о праве на замену военной службы альтернативной гражданской службой и невозможность реализовать это право из-за отсутствия законодательного определения порядка его осуществления. Сторонники различия права и закона не заметили, что право отличается от закона способностью реализовываться в конкретных правоотношениях, в правах и обязанностях членов общества и потому в праве не могут воплотиться чрезмерно общие формулировки (хорошего по замыслу) закона, не имеющие разработанного механизма их перевода в конкретные правовые отношения [24, стр. 307-310].

С приведенными рассуждениями мы полностью согласны.

Таким образом, право не следует идеализировать. Оно представляет собой явление общественной жизни, человеческой жизни и отражает процессы, происходящие с людьми. Говоря о естественных правах человека (право на жизнь, свободу совести, перемещения, вероисповедания и т.д.) никто не будет спорить с тем, что все эти права появляются у человека после рождения, но ни как не до рождения. То есть право неразрывно связано с живым человеком, родившимся и тем самым появившимся в общественной жизни. Соответственно, нельзя отделять право от человека и общества. Право – не облако, витающее где-то вне людей. А поскольку право неразрывно связано с человеком и обществом, про него не следует говорить как о чем-то сверхъестественном, возвышенном. Оно просто отражает и общество в целом, и конкретных людей – их достоинства и их пороки.

Для нас была и остается загадкой, почему именно право подвержено такой идеализации

среди правоведов (в основном теоретиков права). Экономисту, культуру, политику специалисты в этих областях оценивают более взвешенно и объективно, без иллюзий.

Возможно, сам феномен права содержит в себе постоянное стремление человека к доброте, честности, справедливости. Или может быть идеал из права создают ученые, несколько оторванные от конкретных правовых реалий, застопоренности многих правовых механизмов, волокиты в спорах, несправедливости, нечестности, подлых уловок, подкупа или давления на суд и т.д.? Заметим, что эти качества были и есть у права всегда, на протяжении всей истории. Они многократно описаны в литературе, исторических работах, да и самими юристами.

Надо жить в реалиях. Нами был проведен социологический опрос пяти тысяч москвичей, россиян. Им был задан вопрос: «Что такое право, по Вашему мнению? Если затрудняетесь, то с каким словом (словами) у Вас ассоциируется право?»

Ответ сильно озадачил. 86 процента ответили, что право это запрет либо это слово ассоциируется в первую очередь с запретом и наказанием! 5 процента – затруднились. 9 процентов ответили иначе. Но приводить другие ответы, думается и не так важно за явным преимуществом понимания права через запрет чего-либо и наказания в случае неисполнения [16, стр. 112].

Надо сказать, что нами ранее опрашивалось две тысячи москвичей. Цифры были очень схожи. В частности, тогда для 83% опрошенных право ассоциировалось с запретом и наказанием [12, стр. 50].

Что же получается? Ученые пишут о мере свободы, равенства и справедливости, а у людей, общества оно главным образом ассоциируется с запретом и наказанием? И почему запрет и наказание в праве более значимы для людей, чем обязательные установленные правила или узаконенный порядок осуществления каких-либо действий?

Конечно, желательно провести подобный опрос с максимальным учетом всех параметров опрашиваемых: возраста, образования, социального положения и пр. Разбивку ответов желательно тоже сделать по социальным группам. Это, конечно, даст возможность установить более точные результаты общественного мнения, нежели случайная выборка пяти тысяч

москвичей.

Мы открываем нашим последователям широкий пласт научной работы. Особенно интересно провести такой опрос в наиболее развитых европейских странах и сравнить с полученными в России данными. Мы не исключаем, что в Западной Европе результаты могут быть другие. Но могут быть и примерно такие же, так как, по нашим наблюдениям, там развиты не только законопослушание, но и законобоязнь.

С одной стороны хорошо, что право ассоциируется у россиян с запретом и наказанием, но не насилием и жестокостью. Однако, с другой стороны, запрет и наказание – не позитивная реакция человека. Они не радуют и как правило не вызывают положительных эмоций. Значит логично предположить, что право позитивных эмоций у большинства людей не вызывает. А говоря точнее, вызывает негативные. При этом даже если допустить, что при опросе конкретных слоев населения будут несколько иные результаты, то все равно 86 процентов ассоциирующих право с запретом и наказанием – это очень много.

Чем опасны запрет и наказание? В них не ищут спасения и защиты.

Право как и любой феномен можно оценить через прошлое, настоящее и будущее. Если с прошлым правом более-менее понятно, то настоящее право напоминает философский вопрос: наполовину налитый стакан полупустой или полуполный? Будущее права достаточно туманно, так как нельзя сказать, что ученые в настоящее время однозначно и точно представляют себе, каким оно должно быть.

В предлагаемых современных концепциях (естественных, либертарных, интегральных, других) присутствует много идеализма. Однако человечеству пока не удалось и в ближайшем будущем, несомненно, не удастся создать идеального общества, хотя бы общества абсолютно справедливого. Вне идеального общества модели идеализированного права в полном объеме не реализуемы, они будут преломляться в самых разных направлениях, возможно доходящих и до антиправовых. Примеры того, когда светлые идеи превращаются в беззаконие и террор всем известны.

Надо учитывать и зависимость права от внешних факторов, например, от экономики. По Ф. Энгельсу право практически полностью зависит от экономики. Право зависит от

экономики по позитивизму. Право частично, но тоже зависит от экономики по юснатурилизму. Даже если признавать право некоей данностью, главенствующей и правящей в мире, без сильной экономики многие естественные права человека станут ничего не содержащими и не имеющими практического смысла лозунгами (право на достойную жизнь, право на уважение, право на защищенную старость и др.). То есть право как минимум частично, в некоторой степени зависимо от экономики [13]. Этот вывод важен, ибо в таком случае надо объективно признать, что право не может быть полностью справедливым. Ведь экономика справедливой быть не может. И если право хотя бы частично зависит от экономики, то оно как минимум иногда по определению несправедливо.

Многие современные специалисты, познавая право, отталкиваются от какой-либо устраивающей их концепции происхождения права. Однако мы бы предложили вначале оценивать сущность и содержание права. Это процесс весьма интересен.

Ведь право – это и защита от насилия, и насилие по принуждению исполнения норм, и регулятор насилия. Причем в каждом обществе с учетом его ментальности, традиций, культуры и других социальных факторов параметры регулирования насилия различны.

Право – это и реализация человеком потребностей, и их ограничение, и регулятор потребностей. При этом, если так можно выразиться, право обеспечивает жизнь человека человеческой.

Право – это и конкретные законы издаваемые государством, и бытие не зависящее от конкретных законов и даже побуждающее издавать эти законы.

Право – это и разумный регулятор жизнедеятельности, и бессмыслица, абсурд, безрассудность (например, бессмысленные и комичные законы в прецедентном праве). Право показывает как интеллектуальность, так и безрассудство человечества.

Право стремится к справедливости, но одновременно допускает и несправедливость.

Право направлено на установление объективной истины, и в то же время – допускает ее неустановление.

Право динамично и, одновременно, противоречиво в своей динамике. Так, в зависимости от внешних общественных факторов одно и то же

деяние может считаться преступлением, а может эффективным ведением дела (напр. спекуляция).

Право просто и понятно с точки зрения вечных ценностей (не убий, не укради), но в то же время трудно с точки зрения квалификации указанных деяний.

Право в ряде случаев формирует политику и, одновременно, является инструментом политики. При этом право не может решать все проблемы человечества, хотя многие почему-то его таким видят.

Право регулирует экономику и в то же время зависит от экономических процессов.

Подобные размышления можно продолжать и продолжать. В конечном счете видится, что право – это несомненно сложное диалектическое многофакторное социальное явление, зависящее от объективных и субъективных факторов. К субъективным факторам, например, можно отнести самодурство лица, правомочного издавать правовые нормы (таких примеров много).

Таким образом, право – есть сложное социальное явление, многоаспектное и противоречивое, которое надо рассматривать без идеализации. Этот вывод лежит в основе формирования и формулирования нами теории комплексного изучения права.

Нас не вполне устраивают распространенные в наше время определения права, поскольку они, хотя и раскрывают черты права, но, во-первых, достаточно односторонни, а во-вторых, как уже отмечалось, рассматривают право идеалистично и не объективно.

Если право само по себе сложное и противоречивое социальное явление, то соответственно этими противоречиями пропитано и правовое бытие. Противоречивость правового бытия проявляется в принятии правовых законов в той же сфере экономики, которые практически всегда улучшают положение одних и тем не менее ухудшают положение других. Причем подчеркнем – принятии именно правовых законов.

Или правоприменительная практика. Сейчас в мировую моду вошел так называемый состязательный процесс. Он считается наиболее демократичным, обеспечивающим равенство сторон и т.д. В ходе такого процесса стороны нередко предоставляют суду противоположные и взаимоисключающие сведения о предмете спора. Сие означает, что как минимум одна из сторон откровенно врет. В результате суд выносит решение.

И указанное действие считается правовым! При этом решения суда зависят от хитрости сторон, изворотливости адвокатов, красноречия и т.д. Как все понимаем, решения суда отнюдь не всегда правильны. А право в данных случаях, – что парадоксально! – по сути выступает регулятором вранья, провокатором и стимулятором лжи, а вовсе не установления истины и справедливости. Некоторые процессуалисты (мы их поддерживаем) считают, что и в состязательном процессе суд должен устанавливать именно объективную истину. Но это, увы, не меняет сущности права, которое своими нормами фактически регламентирует ложь (или возможность лжи) как минимум одной из сторон в суде!

Здесь любопытно привести высказывание директора Института философии РАН академика А.А. Гусейнова о его соприкосновении с правом. Он пишет: «Как директору института мне пришлось пару раз иметь дело с судом. У меня осталось самое тяжелое ощущение от всего этого. Рассматривая реальную ежедневную жизнь института, могу сказать: на 95, может быть, на 99 процентов все отношения в институте, его позитивная деятельность основаны на обычае, устоявшихся стереотипах поведения, устных договоренностях, здравом смысле – словом, на вещах, которые, если вынести их в суд, то они сразу же могут быть поставлены под сомнение». А.А. Гусейнов также справедливо пишет о том, что насыщая российское общество юристами, мы нарушили историческую, характерную для нашего общества меру соотношения права и закона со справедливостью, нравственностью и обычаем [10, стр. 14].

Нам кажется, что юристам – ученым и практикам – надо быть ближе к философии, основываться на ней, и в силу этого больше сомневаться, смотреть на правовые явления критично. Шаг в этом направлении станет началом движения от наблюдаемого мифического правового идеализма в сторону правового реализма, комплексного изучения права.

Сейчас, наверное, не существует ни одной области общественных отношений, которые в той или иной степени не были бы урегулированы правом. Нормы права по своему отражают и характеризуют экономику, культуру, политику, историю, интеллект, образ мысли, отношение к человеку и т.д.

При таких обстоятельствах, право – есть одна

из форм отражения бытия. А поскольку право не мыслимо без человеческого бытия – то это форма отражения общественного бытия, призванная регулировать возникающие общественные отношения.

Комплексная и системная оценка права через источники права позволяет добиться, как нам кажется, большей объективности и честности его познания.

Правовое бытие диалектично, а соответственно содержит внутренние противоречия. Наиболее ярко это проявляется в пределах правового регулирования общественных отношений. С одной стороны, общество стремится к максимальному урегулированию общественных отношений правом. Буквально так, чтобы на любую жизненную ситуацию, во-первых, была соответствующая правовая норма, а во-вторых, чтобы эта норма не была противоречивой, однозначно понималась и применялась. Движение в эту сторону видят и ощущают все. Правовой массив заметно увеличивается. За последнее время ушло в небытие понимание юриста как человека, если не знающего, то хотя бы ориентирующегося во всех законах. Потребовалась более узкая специализация на специалистов области уголовного, гражданского и административного права. Однако и там рост правового массива объективно обусловил необходимость еще более узких дифференциаций специальностей. Так, из гражданского права «выпестовались» специалисты по земельному, семейному, трудовому праву и т.д. Однако дальнейший рост законов и подзаконных нормативно-правовых актов продолжается, требуя еще более «узких» специалистов. Например, в настоящее время очень ценны юристы – специалисты по такой небольшой части административного права как правилам дорожного движения. Правила дорожного движения, их применение, разбор дорожно-транспортных происшествий имеет тысячи правовых нюансов. И такие нюансы значимы для людей: для определения их вины, меры ответственности и даже свободы.

Но, с другой стороны, для любого общества желательно, чтобы законы были известны, просты и понятны всем. Сейчас даже юристу не всегда под силу разобраться с множеством тонкостей современной правовой системы государства. В итоге большинство людей, как это ни парадоксально, перед нормами права достаточно

беззащитны. Указанный вывод подтверждает бесчисленное множество примеров, когда образованные люди, имеющие при этом богатый жизненный опыт, легко оказывались обманутыми не только мошенниками, но и государственными чиновниками (теми же инспекторами ГИБДД), ловкими юристами.

В правовом бытии получился очередной парадокс и внутреннее противоречие. Общество и люди с одной стороны заинтересованы в том, чтобы все было четко регламентировано правом, а с другой стороны уже не могут «переварить» уже имеющийся правовой массив. При этом право, увы, в силу объективных причин может действовать против человека и общества. Если еще недавно, фраза: «Невозможно сделать шаг, что-нибудь при этом не нарушив!», – воспринималась с юмором, то сейчас в ней слышится все больше трагизма. Причем в данном случае все – как обычные горожане, так и государственные чиновники, – находятся в принципе в одинаковых условиях. Государственные чиновники, служба которых регламентирована комплексом инструкций и приказов, также легко могут стать субъектами как административной, так и уголовной ответственности. Под стать сказанному русская народная поговорка: «Был бы человек, а статья найдется».

Таким образом, право и правовая реальность предстают сложными и диалектически противоречивыми явлениями.

Изложенное позволяет «крупными мазками» сформулировать теорию комплексного изучения права. Первоначально надо сказать, что актуальность формирования и формулирования этой теории вызвана необходимостью с философских позиций обратиться к понятию права, оценить его комплексно и честно, отказываясь от часто применяемого сегодня метода идеализации права. Указанная теория, по нашему замыслу, должна выполнить роль частной теории в философии права.

Объектом теории выступают объективно существующие общественные отношения, регулируемые правом. Предметом теории комплексного изучения права является само право как сложное, противоречивое, многоаспектное, динамично меняющееся социальное явление, оцениваемое без господства какой-либо правовой концепции.

Предмет теории комплексного изучения

права включает также:

- Закономерности диалектических сущностных противоречий в праве и правовом бытии (некоторые из них были названы).
- Закономерности влияния на адекватную и объективную оценку права и правовой реальности сторонних факторов (к таким факторам относятся экономика, политика, идеология, роль руководителя государства и др.)
- Перспективы развития права в контексте правовой реальности.

Мы начали статью с того, что бриллиант получился из алмаза тогда, когда обосновали необходимость его 57 граней. Полагаем и надеемся, что как только перед исследователями права откроется примерно такое же множество граней и черт права, четко определится его сущность и предназначение. Это произойдет не сейчас, и, думается, не в ближайшее время.

Кстати, констатируем, что в последнее время в правовой среде появились интересные правовые концепции. Например, профессор В.М. Шафиров обосновывает особый статус Конституции в познании и понимании права. Он пишет, что Конституция не является видом закона, она не может быть одновременно правом и давать название отдельной отрасли права. То есть, по мысли автора, Конституция имеет надотраслевой характер [31]. Ю.П. Боруленков стремится развить идеи постмодернистов, в частности Х.-Г. Гадамера, и пытается обосновать методологический статус герменевтики в юридическом познании [2; 3].

Профессор Ф.Х. Галиев при анализе права использует синкретизм современной правовой культуры [4; 5; 6; 7; 9].

Мы специально отходим от критики этих новых концепций. Они, разумеется, не бесспорны. Но эти концепции важны тем, что заостряют внимание на новых гранях права, что собственно

очень ценно для компрехендной теории познания права.

Но здесь надо вновь подчеркнуть, что компрехендное познание права предполагает не упорное обоснование какой-либо одной концепции права, чем нередко «грешат» многие ученые. И при этом не через интегральную теорию права, сводящуюся к попыткам взять «лучшее» из отдельных правовых концепций. Полностью не познав право, невозможно сказать, что в нем «лучшее», а что – «худшее». Кроме того, познание права, не оценивая его негативные черты, является не полным, а значит и не объективным. Речь идет и не об объединении разных правовых концепций.

Смысл предложенного подхода нам видится в строго объективном, реальном, деидеализированном, деидеологизированном познании права, не допуская господства какой-либо концепции. Чем объективней мы будем оценивать право как сложное, противоречивое, многогранное социальное явление, четче вскрывать все его противоречия и изъяны, сильные и слабые стороны, возможности и пределы этих возможностей и т.д., – тем скорее мы придем к познанию права.

Нам приятно, что сформулированная нами компрехендная теория права заняла свое место среди других правовых теорий, пользуется популярностью и активно развивается. В настоящей статье мы постарались максимально точно и дословно познакомить читателей с нашими основными аргументами и выводами о праве.

В то же время хочется заметить, что понимание права и применение закона предполагают разные подходы. Понимая право, мы можем строить различные варианты подхода к нему. Закон же требует его неукоснительного исполнения, совершенен он или нет, можно ли его называть справедливым, не важно – он требует своего исполнения. Совершенен ли закон или нет, по мнению, например, следователя, он должен соблюдаться.

Список литературы

1. Борзова Е.П., Покровский И.Ф. Замечательная публикация в Кембридже уникальной книги. Рецензия на монографию С.И. Захарцева и В.П. Сальникова «Философия. Философия права. Юридическая наука» (М.: Юрлитинформ, 2015. 264 с) и ее перевод: (Zakhartsev S.I., Salnikov V.P. The Philosophy of Law and Legal Science. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2018) // Мир политики и социологии. – 2018. – № 2. – С. 188-192.
2. Боруленков Ю.П. Методологический статус герменевтики в юридическом познании // Юридическая наука:

- история и современность. – 2015. – № 7. – С. 189-199.
3. Боруленков Ю.П. Юридическое познание (некоторые методологические, теоретические и праксеологические аспекты) / Под ред. В.Н. Карташова. – М.: Юрлитинформ, 2014. – 391 с.
 4. Галиев Ф.Х. Воздействие права на общественные отношения и синкретизм правовой культуры // Вестник Башкирского ун-та. – 2013. – Том 18. – № 4. – С. 1352-1356.
 5. Галиев Ф.Х. О синкретизме правовой культуры // Правовое государство: теория и практика. – 2013. – № 4(34). – С. 36-73.
 6. Галиев Ф.Х. Правовая культура: социально-философские проблемы // Мир политики и социологии. – 2016. – № 7. – С. 182-190.
 7. Галиев Ф.Х. Синкретизм современной правовой культуры: Монография. – Уфа: БашГУ, 2011. – 354 с.
 8. Галиев Ф.Х., Раянов Ф.М. Когда рецензию писать не только приятно, но и почетно. О книге С.И. Захарцева и В.П. Сальникова «Философия. Философия права. Юридическая наука», переведенной на английский язык и изданной в Кембридже: Zakhartsev S.I., Salnikov V.P. The Philosophy of Law and Legal Science. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2018. 270 p. // Правовое государство: теория и практика. – 2018. – № 2(52). – С. 206-208.
 9. Галиев Ф.Х., Раянов Ф.М. Обществоведение в XXI веке: теоретико-правовой аспект. – Уфа: Башк. энцикл., 2018. – 292 с.
 10. Гусейнов А.А. У философов и юристов много общих тем // Философия права в начале XXI столетия через призму конституционализма и конституционной экономики / Под ред. В.В. Миронова и Ю.Н. Солонина. – М.: Московско-Петербургский философский клуб, 2010. – 321, [1] с.
 11. Дворецкая Е.В., Кузнецов Э.В. Сохраняя величие предмета. Рецензия на монографию С.И. Захарцева и В.П. Сальникова «Философия. Философия права. Юридическая наука» // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 11. – С. 193-197.
 12. Захарцев С.И. Некоторые проблемы теории и философии права: Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – М.: Норма, 2014. – 208 с. DOI: 10.17513/np.468
 13. Захарцев С.И. Экономика и право: проблемы соотношения // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 8. – С. 49-54.
 14. Захарцев С.И., Сальников В.П. Как познать право? Мы предлагаем комплексный подход // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 9. – С. 17-30.
 15. Захарцев С.И., Сальников В.П. Комплексная теория познания права // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 8. – С. 11-26.
 16. Захарцев С.И., Сальников В.П. Философия и юридическая наука: Монография. – М.: Юрлитинформ, 2019. – 424 с. DOI: 10.17513/np.491
 17. Захарцев С.И., Сальников В.П. Философия. Философия права. Юридическая наука. – М.: Юрлитинформ, 2015. – 264 с. DOI 10.17513/np.454
 18. Захарцев С.И., Сальников В.П. Что такое право? Вопросы онтологии и гносеологии // Правовое государство: теория и практика. – 2015. – № 2 (40). – С. 14-22.
 19. Захарцев С.И., Масленников Д.В., Сальников В.П. Логос права: Парменид – Гегель – Достоевский. К вопросу о спекулятивно-логических основаниях метафизики права: Монография. – М.: Юрлитинформ, 2019. – 376 с. DOI 10.17513/np.467
 20. Керимов Д.А. В развитие дискуссии о философии и праве. Рецензия на монографию С.И. Захарцева и В.П. Сальникова «Философия. Философия права. Юридическая наука» – М.: Юрлитинформ, 2015. – 264 с. // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 1. – С. 78-85.
 21. Керимова Т.В. Классическая монография о философии и праве. Рецензия на монографию С.И. Захарцева и В.П. Сальникова «Философия. Философия права. Юридическая наука» М.: Юрлитинформ, 2015. 264 с. // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 5. – С. 168-172.
 22. Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. Переизд. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. – 428 с.
 23. Кузнецов Э.В., Масленников Д.В., Покровский И.Ф., Экимов А.И. Английская версия российского издания: S.I. Zakhartsev, V.P. Salnikov. The Philosophy of Law and Legal Science. – Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2018. // Юридическая наука: история и современность. – 2018. – № 9. – С. 191-194.
 24. Лейст О.Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права. – М.: Зерцало-М, 2011. – 352 с.
 25. Масленников Д.В., Степашин С.В. Философия права и комплексная теория права. Рецензия на монографию С.И. Захарцева и В.П. Сальникова «Философия. Философия права. Юридическая наука» // Юридическая наука. – 2016. – № 6. – С. 177-179.
 26. Нерсесянц В.С. Философия права. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2011. – 835 с.
 27. Покровский И.Ф., Гук А.И. Когда философия и право снова вместе. Рецензия на монографию С.И. Захарцева «Некоторые проблемы теории и философии права» / Под ред. В.П. Сальникова. – М.: Норма, 2014. – 208 с.

- // Мир политики и социологии – 2015. – № 2. – С. 184-190.
28. Покровский И.Ф., Исмагилов Р.Ф., Гук А.И. Действительно, философия и право снова вместе в исследовании современных научных мыслителей. Некоторые идеи по поводу рецензии Д.А. Керимова и монографии С.И. Захарцева и В.П. Сальникова «Философия. Философия права. Юридическая наука». – М.: Юрлитинформ, 2015. – 264 с. // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 9. – С. 196-200.
 29. Раянов Ф.М. Галиев Ф.Х. Поздравляем с выходом новой фундаментальной книги. Рецензия на монографию С.И. Захарцева и В.П. Сальникова «Философия и юридическая наука» М.: Юрлитинформ, 2019. 424 с. // Правовое государство: теория и практика. – 2019. – № 1. – С. 181-188.
 30. Хабибулин А.Г., Мурсалимов К.Р. Рецензия на книгу С.И. Захарцева «Некоторые проблемы теории и философии права» / Под ред. В.П. Сальникова. – М.: Норма, 2014. – 208 с. // Мир политики и социологии. – 2015. – № 9. – 203-209.
 31. Шафиров В.М. Конституция. Отраслевое право. Правоприменение // Российская юстиция. – 2016. – № 3. – С. 2-4.
 32. Zakhartsev S.I., Salnikov V.P. The Philosophy of Law and Legal Science. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2018. 270 p. DOI: 10.17513/np.452.

ЗОРИНА Наталья Владимировна,
адвокат Коллегии адвокатов «Санкт-Петербург-
ская Адвокатская Коллегия Нарышкиных»
(г. Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: Maxsh777@mail.ru

ИСМАГИЛОВ Игорь Рашидович,
юрист по корпоративному праву компании
Eurasian Resources Group (Люксембург)
E-mail: rid@baltp.ru

МАКСИМОВ Александр Александрович,
аспирант Санкт-Петербургского Юридического
института (г. Санкт-Петербург, Россия)

МОРОЗОВ Алексей Игоревич,
заместитель генерального директора «Лидер и
К°» (г. Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: n0055050@gmail.com

ХАБИБУЛИН Алик Галимзянович,
заведующий кафедрой экономических и финан-
совых исследований Высшей школы государ-
ственного аудита (факультета) Московского госу-
дарственного университета им. М.В. Ломоносова,
профессор кафедры теории государства и права
и политологии юридического факультета МГУ
им. М.В. Ломоносова, доктор юридических наук,
профессор, Заслуженный юрист Республики
Башкортостан (г. Москва, Россия)
E-mail: 21alikh@mail.ru

Специальность 12.00.01 – Теория и история
права и государства; история учений о праве и
государстве

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ХРИСТИАНСКИХ ЦЕННОСТЕЙ И ИДЕИ ГОСУДАРСТВА В ПЕРВЫХ РУКОПИСЯХ Г.В.Ф. ГЕГЕЛЯ

Аннотация. Обозначается, что в своих первых (до 1800-го года) рукописях, рассматривая христианство как исторический феномен, Гегель выделяет: собственно учение Иисуса; христианство как историческое социальное явление, выражающее важнейшие ценности общества; христианство как государственную религию. По мере развития органического понимания государства, обусловленного эволюцией философского метода, Гегель все более позитивно оценивает взаимное влияние христианских ценностей и государства.

Ключевые слова: Гегель; ценности; христианство; государство; метод.

**ZORINA N.V.
ISMAGILOV I.R.
MAKSIMOV A.A.
MOROZOV A.I.
KHABIBULIN A.G.**

INTERPRETATION OF CHRISTIAN VALUES AND THE IDEA OF THE STATE IN THE FIRST MANUSCRIPTS OF G.V.F. HEGEL

The summary. It is indicated that in his first (before 1800) manuscripts, considering Christianity as a historical phenomenon, Hegel highlights: the actual teaching of Jesus; Christianity as a historical social phenomenon expressing the most important values of society; Christianity as the state religion. With the development of an organic understanding of the state, due to the evolution of the philosophical method, Hegel increasingly positively assesses the mutual influence of Christian values and the state.

Key words: Hegel; values; Christianity; state; method.

Развитие молодым Гегелем метода познания философского содержания, его «путь к «Науке логики»», осмысление идеи христианства, развитие понятия государства – это глубоко взаимосвязанные, но все же различные творческие процессы. Формирование идеи христианства и идеи государства, как мы находим ее у зрелого Гегеля, является прежде всего результатом генезиса логического метода [11, стр. 181-183]. И именно это должно представлять первостепенный интерес для исследования, поставившего своей задачей анализ идеи государства в философии Гегеля.

В целом ранние работы Гегеля по религии отмечены сильным влиянием кантовской этики, идей Просвещения, а также идей немецких романтиков, в самой значительной степени следовавшим антихристианской, гностической, традиции. Из-под влияния учения И. Канта, просветителей XVIII в. и содержащихся в их трудах оценках христианских ценностей и идеи государства Гегель выходил постепенно, по мере формирования его собственного философского учения. В итоге идея христианства и идея государства в трудах зрелого Гегеля как содержательно, с точки зрения комплекса идей, так и «качественно», с точки зрения глубины мысли, весьма значительно отличается от того, что мы видим в его ранних работах, а значит, и от представлений оказавших на него влияние Канта и просветителей.

В поздний период своего творчества Гегель стремился показать внутреннюю связь своей спекулятивно-логической философии с духом ортодоксального христианства. Можно даже сказать: конфессионального христианства, имея в виду подчеркнутое декларирование Гегелем своей принадлежности к лютеранству. Истина

и истинность конфессионального христианства была подтверждена самим судом истории. А именно к суду истории, как к высшей инстанции, неизменно апеллировал поздний Гегель и в области права, и в сфере философского знания, в вопросе о критериях его истинности [4, стр. 369].

Но в начале творческого пути вопрос о критерии истины еще не получил для Гегеля окончательного решения и проблема ориентации философской мысли на те или иные духовные традиции (прежде всего на гностицизм в его новейших интерпретациях, на атеизм Просвещения или на историческое христианство, каким оно утвердилось в мировой истории с IV века) стояла очень остро. Возможно, этот выбор был решающим для культуры той эпохи в целом. В качестве примера можно указать, например, на полемику между педагогическими проектами масонского филантропизма и классического неогуманизма, активным деятелем которого пару десятилетий спустя стал сам Гегель [8, стр. 5-14].

Первым крупным, хотя и не завершенным, самостоятельным произведением Гегеля, стала рукопись 1792 – 1795 гг., впервые опубликованная в 1844 г., т.е. после смерти философа, под названием «Народная религия и христианство» [3, стр. 45-86]. Здесь Гегель, следуя идеям (а также и терминологии) просветителей, дает общую негативную оценку христианской религии, противопоставляя христианство языческим народным верованиям античности.

С одной стороны, автор, заслугой которого в дальнейшем станет восстановление античной диалектики с учетом достижений новоевропейской научной мысли, выдвигает идеал классической культуры. С другой, явно не без влияния учения Ш.-Л. Монтескье о государстве [5; 6; 7] (которое неоднократно отмечали исследователи

в отношении раннего Гегеля [1, стр. 112-115]) он отдает предпочтение естественно развивающейся культуре, народном духу, в противоположность внешнему догматизму христианской религии, навязанной обществу государством. Такую религию он, вслед за просветителями, называет «позитивной» религией и считает ее характерной для деспотического государства древности.

Признаком истинной, народной, религии является, по Гегелю, соответствие ее догматов требованиям разума: «догматы, даже если их авторитет покоится на божественном откровении, обязательно должны быть такими, чтобы они, собственно, были утверждены всеобщим разумом людей, чтобы их обязательность сразу же усматривал и чувствовал любой человек, как только он обратит на них свое внимание... Но в то же время эти догматы должны быть простыми, и если это истины разума, то они являются простыми именно потому, что тогда не требуют ни аппарата учености, ни обилия утомительных доказательств, и благодаря этой особенности, благодаря тому, что они просты, они приобретают тем большую силу и тем большее впечатление производят на душу, на определение воли к действиям и в такой своей концентрированности имеют куда большее влияние, принимают куда большее участие в образовании народного духа, чем нагроможденные и искусственно упорядоченные приказы, которые именно из-за этого всегда требуют многих исключений» [3, стр. 69-70]. Отметим, что уже здесь Гегель требует для религии быть открытой разуму, что составит важный мотив всех его последующих работ, включая и труды зрелого мыслителя по философии права.

Развернутый вариант концепции христианства как позитивной религии, начиная с 1795 г., Гегель пытается дать в новой работе, рукопись которой вошла в историю философии под названием «Позитивность христианской религии» [3, стр. 87-208]. Характеризуя понятие «позитивности», Гегель пишет: «Позитивность религии – это понятие, возникшее и приобретшее значительность лишь в более новое время; позитивная религия противопоставляется естественной, а тем самым заранее предполагается, что существует только одна-единственная естественная религия, поскольку есть единое человеческое естество, но что религий позитивных может быть много. Уже из этого противопоставления явствует,

что позитивная религия противоестественна или сверхъестественна, содержит понятия, сведения, для рассудка и для разума недостижимые и чрезмерные, требует таких чувств и действий, которые никогда не были бы произведены человеком естественным, но которые, если взять чувства, насильственно вызываются особыми средствами, а если взять действия, то совершаются только по указке и из послушания, без личной заинтересованности» [3, стр. 89]. Хотя здесь христианство еще определяется как позитивная религия, но это, скорее, относится к христианству, рассматриваемом исключительно в качестве государственной религии. В учении самого Христа философ теперь склонен в большей мере усматривать черты народной религии.

Гегель не случайно оставил эти рукописи «грызущей критике мышей» (выражение К. Маркса). В дальнейшем он кардинально изменит свой взгляд и относительно христианства, и относительно сущности и значения государства для человека, общества и культуры, и относительно общих принципов отношения государства и религии [9, стр. 20-24]. Понятие «позитивности» религии он пока сохраняет, но уже не для христианства.

Философу следовало прежде всего изменить свой негативный взгляд на государство, который сформировался у него под очевидным и признанным историками философии влиянием Ж.-Ж. Руссо [12]. В поздней философии Гегеля государство – это же не механизм, деформирующий народную веру. Государство само по себе есть «душа» общества, его внутренняя истина, выражение высшей нравственной идеи. Как писал Гегель: «государство – не механизм, а разумная жизнь самосознующей свободы, система нравственного мира» [4, стр. 299].

Соответственно этому, изменяется и оценка христианства, важное значение которого поздний Гегель будет видеть именно в том, что оно дает окончательно форму для проявления нравственной природы государства. Об этом аспекте всемирно-исторической «миссии» христианства нам еще предстоит говорить более подробно. Здесь же пока заметим предварительно, что и государственность, в свою очередь, имеет в трактовке позднего Гегеля существенное значение для христианства, для его становления и для проявления его важнейших, глубинных, черт. В

Лекциях по философии религии мы увидим, как историческое развитие религий последовательно коррелируется с историческим развитием государств и самого принципа государственности.

Последнее десятилетие XVIII в., в особенности его вторая половина, было отмечено значительной эволюцией понимания Гегелем идеи христианства и его исторического значения для развития института государства. Философ пока сохраняет отношение к государственному христианству как к позитивной религии, но уже окончательно, хотя и постепенно, отходит от негативной оценки этой религии в целом. Данная тенденция отчетливо выражается в рукописи «Жизнь Иисуса», которая, как и рассмотренная выше работа, относится к 1795 году [2, стр. 35-100]. В ней Гегель дает свою интерпретацию учению Спасителя как выражению нравственного духа народа.

Согласно Гегелю, этот нравственный дух народа получает свое осознание и выражение в разуме. Разум же, как показал И. Кант, этические идеи которого Гегель пока что разделяет, является единственным критерием моральности выбора человека. Именно потому, что разум всеобщ, потому, что он дает всем людям одни и те же законы, мы можем приписать максимам наших поступков статус всеобщего законодательства (высший нравственный закон, по Канту). Поэтому Гегель вполне последователен, когда он делает своего Иисуса «глашатаем кантовской этики» (выражение А.В. Гулыги) и даже вкладывает в его уста нечто подобное кантовскому категорическому императиву. Именно разум как основание индивидуального морального сознания и как основание нравственного духа народа позволил стать «религии Иисуса» народной религией.

И не случайно Гегель открывает свою рукопись настоящим гимном разуму: «Чистый, не знающий пределов разум есть само божество. В соответствии с разумом упорядочен план мироздания, разум раскрывает перед человеком его назначение, непреложную цель его жизни; он часто меркнул, но никогда полностью не угасал, даже во мраке всегда сохранялось слабое его мерцание» [2, стр. 35]. Эта связь религии, нравственности и разума, повторим,

всегда была одним из оснований гегелевского учения о христианском государстве, его характерной чертой.

Многие элементы позднего учения Гегеля о христианских ценностях и идеи государства мы найдем в рукописи 1800 г., известной под названием «Дух христианства и его судьба» [2, стр. 101-194]. К этому времени Гегель полностью оставил работу над своими ранними, незавершенными рукописями, и сделал попытку изложить новую концепцию, в которой христианство выступает как народная религия уже не в одном моральном учении Иисуса, но в широком общественном течении, разрешающим противоречия своей эпохи. При этом в «критическом анализе Гегелем истории церкви, – отмечает Н.В. Мотрошилова, давая оценку ранним работам Гегеля по религии и нравственности, – просматривается конструктивный принцип, от которого зависит и характер первых проб гегелевского историзма. Гегель выбрал путь исторического исследования, но исследования не описательного, а теоретического, сущностного, философского. При рассмотрении истории он пользуется ценностно-теоретическими критериями: ими становятся представления о «природе» человека и о предназначении религии» [10, стр. 34].

В работе «Позитивность христианской религии» философ рассматривает три этапа развития христианства: учение Иисуса, христианство как историческое общественное явление, христианство как государственная религия. В своей первой рукописи «Народная религия и христианство» он считает негативно-«позитивной» все христианство в целом. В «Позитивности христианской религии» и в «Жизни Иисуса» он выводит из-под этого суждения первый этап – этап проповеди Иисуса, в рукописи «Дух христианства и его судьба» – второй этап – этап формирования христианства как общественного течения. В дальнейшем Гегель сделает связь христианства и государства не только не несущей в себе негативной характеристики «позитивности» (Гегель вскоре откажется полностью от этого термина применительно к характеристике религии), но и главным всемирно-историческим достоинством «абсолютной религии».

Список литературы

1. Гайнутдинов Р.И., Масленников Д.В. Идея духа истории в трактовке Montesquieu и Гегеля // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. – 2019. – Т. 20. – № 4. – С. 112-123.
2. Гегель Г.В.Ф. Философия религии в двух томах. Т. 1. – М.: Мысль, 1975. – 531 с.
3. Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет. Т. 1. – М.: Мысль, 1972. – 668 с.
4. Гегель Г.В.Ф. Философия права. – М.: Мысль, 1990. – 524 [2] с.
5. Денисов А.М. Учение Montesquieu и Руссо как теоретические источники принципа историзма в правовой теории // Мир политики и социологии. – 2017. – № 1. – С. 18-22.
6. Зорина Н.В., Лежнева О.Ю., Поливко Е.А.. Судебная власть как гарант конституционных прав личности (концепция Ш.-Л. Montesquieu) // Мир политики и социологии. – 2019. – № 8. – С. 193-196.
7. Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Поиск эмпирических оснований справедливости и права в творчестве Томаса Гоббса, Джона Локка, Шарля Montesquieu и Жана-Жака Руссо // Мир политики и социологии. – 2016. – № 10. – С. 38-44.
8. Масленников Д.В. Логическая форма философии в системах Фихте и Гегеля: к вопросу о метатеоретических основаниях неогуманистической педагогики // Образование. Экономика. Общество. Научно-практический образовательный журнал. – 2007. – № 3. – С. 12-19; № 4. – С. 5-14.
9. Масленников Д.В., Ревнова М.Б. Отношение религии и государства в философии права Г.В.Ф. Гегеля // Юридическая мысль. – 2018. – № 1. – С. 20-25.
10. Мотрошилова Н.В. Путь Гегеля к «Науке логики» (Формирование принципов системности и историзма). – М.: Наука, 1984. – 352 с.
11. Сальников В.П., Масленников Д.В., Исмагилов И.Р. Развитие теоретико-методологических оснований политико-правовой науки в «Йенской реальной философии» Г.В.Ф. Гегеля // Мир политики и социологии. – 2016. – № 12. – С. 181-188.
12. Сальников С.П., Клименко О.А., Мирзоев А.К., Третьяков И.Л. Жан-Жак Руссо и Джон Локк: некоторые идеи о суверенитете и естественном праве // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 5. – С. 173-179.

САЛЬНИКОВ Михаил Викторович,

Президент Фонда содействия науке и образованию в области правоохранительной деятельности «Университет», главный научный сотрудник Юридического института (г. Санкт-Петербург), доктор юридических наук, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: salnikov-mihail66@yandex.ru

ЗАХАРЦЕВ Сергей Иванович,

заведующий кафедрой адвокатуры и правоохранительной деятельности Российского государственного социального университета, доктор юридических наук, академик РАЕН (г. Москва, Россия)

E-mail: Zakhartsev2306@mail.ru

ГАВРИЛОВА Елена Николаевна,

аспирант Юридического института (Санкт-Петербург) (г. Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: elena9043577@gmail.com

Специальность 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

ПРОБЛЕМА ОБОСНОВАНИЯ ИДЕИ ПРАВА В ФИЛОСОФИИ НОВОГО ВРЕМЕНИ И В ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНОМ ИДЕАЛИЗМЕ НЕМЕЦКОЙ КЛАССИКИ

***Аннотация.** Следуя установке трансцендентальной философии права на дедуцию идей морали и права, И. Кант и И.Г. Фихте формируют исторически новую парадигму правового мышления. При этом они исходят из методологически интерпретируемого положения об абсолютной свободе субъекта. Теоретические основания этой парадигмы не сводимы ни к концепции естественного права, как она трактовалась в эпоху Нового времени, ни к идее общественного договора Т. Гоббса. Однако при этом в трансцендентальной философии права в снятом виде воспроизводится мысль об абсолютной природе права, которая последовательно проводилась в теории естественного права, а также воспроизводится установленный теорией общественного договора принцип автономности бытия сферы социального относительно внешней природы.*

***Ключевые слова:** естественное право; общественный договор; трансцендентальный идеализм; Гоббс; Кант; Фихте.*

**SAL'NIKOV M.V.
ZAKHARTSEV S.I.
GAVRILOVA E.N.**

THE PROBLEM OF SUBSTANTIATING THE IDEA OF LAW IN THE PHILOSOPHY OF MODERN TIMES AND IN THE TRANSCENDENTAL IDEALISM OF THE GERMAN CLASSICS

The summary. Following the installation of the transcendental philosophy of law on the deduction of the ideas of morality and law, I. Kant and I.G. Fichte form a historically new paradigm of legal thinking. At the same time, they proceed from a methodologically interpreted position on the absolute freedom of the subject. The theoretical foundations of this paradigm are not reducible either to the concept of natural law, as it was interpreted in the era of modern times, or to the idea of the social contract of T. Hobbes. However, at the same time, in the transcendental philosophy of law, the idea of the absolute nature of law, which was consistently carried out in the theory of natural law, is reproduced in a removed form, and the principle of autonomy of being of the social sphere with respect to external nature, established by the theory of social contract, is reproduced.

Key words: natural law; social contract; transcendental idealism; Hobbes; Kant; Fichte.

Одним из результатов становления немецкой классической философии явилось формирование новой парадигмы правовой мысли, которая не сводилась ни к традиционным установкам теории естественного права, ни к выступившим в качестве их альтернативы концепциям общественного договора [16, стр. 53-54].

Теории естественного права воспринимались в XVIII столетия прежде всего как наследие платонизма, с его обращением к вечным и неизменным идеям в качестве объективного первообраза всего сущего, включая нормы права и морали. Трактовка первоосновы этих норм как «законов природы» была связана с античным пониманием «природы» (φύσις) в качестве сущности бытия вещей. Дело законодателя состояло в том, чтобы силой философского умозрения проникнуть в эту сущность и согласовать с нею формулируемые законы государства. Коррективы, внесенные мыслителями Средних веков (прежде всего Фомой Аквинским) в эти воззрения, принципиально не меняли суть дела [4, стр. 249-250]: в реалистической схоластике платоновские идеи трактовались как мысли Бога, предшествовавшие акту творения, а философское умозрение сближалось с богомыслием [1; 6; 7; 24].

В эпоху Нового времени, начиная с XV – XVI вв., на смену пониманию природы как сущности вещей приходит механистическая модель мира, где природа (natura) понималась как совокупность всех материальных вещей, существующих в пространстве и времени. Теперь естественные законы права максимально сближались с законами природы. Однако при этом сохранялась стоящая перед наукой задача выведения (дедукции) позитивных законов государства из вечных и неизменных «естественных

законов».

Наиболее известную попытку такого рода предпринял на методологической основе ново-европейского рационализма Гуго Гроций [12; 25]. «Своеобразие этого писателя, – считал П.И. Новгородцев, – заключается в том, что он открывает собой так называемое рационалистическое направление в философии права... Ибо рационалистический элемент является необходимой принадлежностью всякого философствования, и значение Гуго Гроция состоит лишь в том, что в сфере философских заключений он отвел этому элементу первенствующее значение» [20, стр. 116]. Согласно аналогичному замечанию Г.В.Ф. Гегеля, выдвинутые Гуго Гроцием «всеобщие рассудительные и разумные основоположения и особенно их доказательства, дедукции, оказали большое влияние на процесс становления современной правовой мысли» [2, стр. 391]. Е.А. Фролова, анализируя учение Гуго Гроция, указывает на подход к решению задачи идентификации естественного права: «Принадлежность правил к естественному праву, по Гроцию, можно доказать двояким способом: а priori (умозрением) – то есть тогда, когда необходимость нормы предоставляется разумом человека и согласно с природой вещей; и а posteriori (опытом) – то есть в тех случаях, когда правило признается таковым у многих народов, что сообщает этому правилу достаточную вероятность (когда данное мнение основано на общем соглашении)» [31, стр. 59]. В итоге, именно Гроций с предельной четкостью ставит в эпоху Нового времени задачу обоснования права, исходя из априорных принципов разума.

В основе новой философии лежала механистическая картина мира. Мир представлялся как

пустое пространство, заполненное движущимися механическими частицами – атомами. Эта механистическая картина природы в целом плохо сочеталась с идеей вечных законов, регулирующих свободную волю человека через посредство норм права и морали. Ведь в таком мире не оставалось места ни для Бога, ни для платоновских идей, ни для свободы воли. В то же время по-прежнему была актуальной задача обоснования морали и права, в целом обоснования существующей в мире всеобщей гармонии. Для решения этих вопросов было два возможных пути: во-первых, признание бытия Бога и Его воли как результата веры вопреки требованиям разума; во-вторых, выведение норм права и морали исключительно из сущности человека, без оглядки на закономерности внешней природы. Исторически правовая наука Нового времени реализовала оба эти пути в их взаимном сочетании: первый путь – в учении деизма, второй – в развитии теории общественного договора.

Учение деизма, действительно, позволяло на определенном историческом этапе сочетать механистическую картину мира и обоснование сверхнатуральных принципов права и морали. Суть деизма состояла в концепции двух истин: одна из них – истина позитивной науки, согласно которой в мире господствуют только естественные законы природы, открывающиеся естественному свету разума. В сфере же морально-правового сознания действуют истины, установленные Богом. Хотя здесь нельзя обойтись без признания существования Бога, однако Его бытие может быть только делом веры, а не рационального разума.

Исходя из этого деисты полагали, что Бог существует, Он сотворил мир. Однако подобно совершенному механизму, создавшему совершенный механизм и больше не имеющему нужды касаться его, Бог также не вмешивается в дела сотворенного Им мира. Поэтому явления природы, согласно точке зрения деистов, можно объяснить, ссылаясь исключительно на законы природы; мораль же и право объяснялись со ссылками на волю Бога. Деисты не признавали истины Откровения, значения Священного Писания и Священного Предания. Однако признавали бытие Бога и акт Творения.

Одним из первых позицию деизма занял в XVI в. французский ученый Жан Боден. Его деизм основывался на идее «естественной религии». На его основе Жан Боден вводит в научный оборот

понятие государственного и общественного суверенитета как «постоянной и абсолютной (непрерывной) власти государства, как его обязательного атрибута... Согласно Бодену, суверенитет предполагает полноту и неделимость властных полномочий, а также их персонализированность в фигуре высшего суверена» [19, стр. 24]. Однако Бог и естественные законы у Бодена все же выше носителя суверенной власти [9; 10; 11; 18; 30, стр. 105].

Томас Гоббс, сохраняя установки деизма, дававшие возможность ссылаться на волю Бога при обосновании естественного права, реализует и второй возможный путь. А именно: выведение естественных законов морали и права из «природы» человека, минуя природу внешнюю. Согласно Гоббсу, эгоистическая воля личности, взятая сама по себе, ничем не отличается от атома природы и потому находится в некотором «естественном состоянии». Но в то же время ее природа специфична, составляет особый элемент миропорядка. Соответственно, и естественное состояние – это не абстрактная противоположность правовому состоянию: оно имеет внутренне содержание, составляющее генетическую основу последующих правовых форм [5; 8].

Подобно атому воля человека неизбежно сталкивается с другой подобной ей волей. Поскольку воля другого столь же эгоистична и другой личности столь же присуще стремиться к самосохранению, постольку между личностями неизбежно возникает вражда, которая рано или поздно должна привести к подчинению одной воли другой. Но здесь Гоббс добавляет еще один тезис. А именно: о том, что воля одного человека в среднем измерении равна воле другого человека. Отсюда ученый делает вывод, что не может сложиться такая ситуация, при которой один человек окончательно возвысится над другими, а значит, неизбежна вечная вражда: «война всех против всех».

Это состояние является наихудшим и самым опасным для человека: «В подобной войне ничто не может быть справедливым. Состояние войны всех против всех характеризуется также тем, что при нем ничто не может быть несправедливым. Понятия правильного и неправильного, справедливого и несправедливого не имеют здесь места. Там, где нет общей власти, нет закона, а там, где нет закона, нет справедливости. Сила и коварство являются на войне двумя основными

добродетелями. Справедливость и несправедливость не являются ни телесными, ни умственными способностями. Если бы они были таковыми, они, подобно ощущениям и страстям, должны были бы быть присущи и человеку, существующему изолированно. Но справедливость и несправедливость есть качества людей, живущих в обществе, а не в одиночестве» [3, стр. 95-96]. Чтобы преодолеть естественное состояние вражды всех против всех, люди заключают общественный договор. Результатом этого договора является установление высших естественных законов и установление абсолютной власти единого суверена.

Теория общественного договора впервые формирует представление о специфике общественного бытия и бытия человека, принципиально не сводимых к явлениям природы. Однако это представление само по себе не возводится до уровня научного понятия ни Т. Гоббсом, ни Дж. Локком [13; 14; 27]. Для подобного теоретического развития учения о праве требовалось с гораздо большей степенью радикальности провести водораздел между закономерностями природы и социальными закономерностями. Этот шаг исторически был связан с именем И. Канта, показавшего абсолютную противоположность царства природы и царства свободы.

Кант, как и Гоббс, не отвергает точки зрения деизма, однако на первое место у него выходит задача обоснования права, исходя из высшего принципа, на основании которого мы отделяем то, что относится в внутренней природе человека, от природы внешней. В качестве такого принципа Кант указывает на принцип абсолютной свободы. Именно этот принцип составляет основной водораздел между, с одной стороны, социальным пространством, в конечном итоге являющемся экспликацией абсолютной свободы, и, с другой стороны, миром природы, в которой свободы вовсе нет и господствует исключительно принцип детерминизма, реализующий форму необходимости. Обосновать идею права и морали, опираясь исключительно на закономерности, связанные с реализацией сущностной свободы человека, – такова основная задача, которую ставит перед собой Кант в учении о нравственности.

Условием реализации сущностной свободы является субъектность, понимаемая как способность к самоопределению, к действию,

определяемому автономной, а не гетерономной волей. Способность определить, насколько субъект действует автономно, согласно Канту, предоставляется разумом. Если источником желания и, соответственно, источником акта воли, является разум, то воля выступает как автономная, поскольку разум не является чем-то внешним по отношению к субъекту. Наоборот, он составляет самую суть субъекта.

Соответственно, далее перед человеком встает задача определить, насколько его желания формируются именно разумом. Здесь Кант возвращается к традиционной точке зрения философии Нового времени, согласно которой разум всеобщ и одинаково действует для каждого человека. Поэтому, если индивидуальный принцип действия человека может стать нормой для всех, значит, его источником является всеобщий разум. Это положение Кант формулирует как высший нравственный закон.

Высший нравственный закон занимает то место в учении Канта о разуме, которое в правовой модели Гоббса занимал первый естественный закон. Но в отличие от всех учений Нового времени этот высший закон имеет в системе учения Канта не предписывающее, а лишь регулирующее значение. Если человек следует высшему нравственному закону единственно лишь из того желания, чтобы его поступок имел моральное значение, то он может быть определен как моральный. Если же имеет место любая иная целевая установка, но действие человека в итоге не противоречит высшему нравственному закону, то его поступок должен быть определен как легальный. Принцип моральности порождает нормы морали, принцип легальности – право. Поскольку моральная установка здесь первична, то в итоге оказывается, что Кант дедуцирует право опосредовано через процесс дедукции морали.

И.Г. Фихте, развивая теоретико-методологические основания права, заложенные в трансцендентальной философии И. Канта, прежде всего стремился преодолеть кантовский агностицизм в отношении субъекта познания [15; 21; 22; 23; 26; 32]. «Фихте верил, что его мышление о природе права, как и относительно любого другого предмета, должно развиваться на основе трансцендентальной дедукции. В основе этого убеждения лежала его точка зрения, согласно которой понятие права не может быть выведено

ни чисто эмпирически, ни в результате исторического наблюдения, но должно трансцендентально дедуцироваться как «форма чистого разума» [33, стр. 165-166]. Не принимая кантовскую позицию относительно опыта как единственной формы познания, Фихте указывает на познавательные возможности рефлексии: «Разуму принадлежит здесь только наблюдение за движением Я, обращение же на самого себя составляет деятельность самого Я, которое поэтому объективно по отношению к рефлексии» [29, стр. 484].

В работе И.Г. Фихте «Основа естественного права согласно принципам наукоучения» из высшего основоположения наукоучения непосредственно дедуцируется понятие права. Согласно идеалу науки, представленному Фихте в «Основах общего наукоучения», правовое знание должно быть обоснованным, т.е. вытекать из более общего положения и быть очевидным для всех. В случае с науками о морали, праве, обществе и государстве, как и в собственно философской сфере, эта дедукция еще и создает свою предметность. Так, дедукция знания о естественном праве из высшего основоположения, эксплицирующего активность Я самосознания, включает в себе выведение положений о существовании других Я (это знания, в отличие от рефлексии собственного самосознания, не обладает качествами самоочевидности), об их равенстве, о необходимости признания ими друг друга в процессе взаимодействия.

Но эти знания, приобретающие качества очевидности и достоверности, благодаря дедукции из самоочевидного высшего основоположения, именно в силу этого становятся обязательными императивами для личности. Личность обязана следовать им, если только она действует как свободная личность. Именно ее самоопределение как субъекта свободы конкретизируется в ряд положений о принципах отношения к Другому. Следовать этим принципам и быть свободным – в данном случае это одно и то же. Поэтому достижение положения о признании Другого означает одновременно как знание личности об этом Другом и природе свободного отношения к нему, так и непосредственно создает обязывающую норму такого отношения, обладающую качествами объективности. Комплекс таких норм и составляет, собственно, то, что Фихте называл естественным правом: «Дедуцированное отношение между

разумными существами, отличающимися тем, что каждое ограничивает свою свободу понятием о возможности свободы другого, при условии, что первое так же точно ограничивает свою свободу свободой другого, называется правоотношением, а только что установленная формула есть положение права» [28, стр. 51].

Таким образом, естественное право впервые в истории юриспруденции Нового времени не принимается как Богом данный закон и не постулируется как результат общественного договора, а выводится из единого принципа свободы, что, как раз, и соответствует совершенно новой парадигме в истории правовой науки [4, стр. 253]. В связи с тем, что отношения естественного права включают в себя взаимодействие Я и Другого, неизбежно встает вопрос не только о взаимограничении свободы контрсубъектов в таком взаимодействии, но и о воздействии Другого на мое Я, что не может восприниматься личностью иначе как насилие и принуждение к соблюдению правовых норм. Однако следуя диалектическому методу, Фихте подводит читателя к диалектическому выводу о том, что само принуждение личности к праву непосредственно вытекает из принципа ее свободы, что позволяет ученому говорить об «учреждении принудительного закона», осуществленном в системе естественного права на основе идеи свободы. При этом право оказывается непосредственно выведено из понятия свободного субъекта и не нуждаются в опосредующей дедукции принципа морали.

Этот «принудительный закон», согласно Фихте, должен действовать таким образом, чтобы из каждого нарушения права для личности, преступившей его нормы, следовало такое же нарушение его собственного права. Но правом такого рода ограничение моего права становится, во-первых, будучи само по себе неотвратимо и действуя с необходимостью, а, во-вторых, нарушитель права должен обязательно предвидеть такого рода последствия для себя. Соблюдение этих условий возможно только в том случае, если будет существовать обеспечивающая их внешняя власть.

Такого рода внешняя власть, по Фихте, легитимна только в том случае, если она служит цели достижения взаимной безопасности. Здесь автор «Наукоучения» вполне следует за Т. Гоббсом. При этом он особо оговаривает, что это не должна быть «механическая мощь, но это должна

быть свободная власть» [28, стр. 130]. Другими словами, это должна быть власть, необходимость которой вытекает в конечном итоге только из деятельности самосознания личности.

В философии права Фихте естественное право и государство оказываются синтетически связанными между собой. В теории государства и права поэтому становятся бессмысленными отсылки к естественному состоянию человека, ведь таким состоянием отныне является само государство. Поэтому право должно пониматься как внутренняя логическая составляющая государства и законов. Оно не существует в отрыве от них, равно как и действительное государство с его законами не существует вне своей логической предпосылки, т.е. вне права. В своем понимании государства как воплощения высшей нравственной идеи Фихте предвосхищает учение Гегеля о религиозно-нравственных началах государства [17, стр. 20-21].

В целом общая посылка этико-правового

учения была едина для Канта и для Фихте. Она предполагала включение деятельности субъекта познания в объект его рефлексии, что, в свою очередь, задает необходимость дедукции основоположений права из деятельности субъекта на основании идеи свободы. Но саму эту задачу ученые решают по-разному: для автора «Критики практического права» и «Метафизики нравов» переход от свободы субъекта к нормам права опосредован высшим нравственным законом, для автора «Основы естественного права согласно принципам наукоучения» право непосредственно обосновано в идее свободы.

Таким образом, в трансцендентальной философии права Канта и Фихте формируется парадигма правовой мысли, которую нельзя отнести ни к концепции естественного права, ни к идее общественного договора. Хотя эта парадигма и является действительным развитием содержания политико-правовых учений эпохи Нового времени.

Список литературы

1. Верховодов Е.В., Сальников В.П., Романовская В.Б. «Естественное право» и «добродетель» в трудах Аристотеля // *Юридическая наука: история и современность*. – 2015. – № 8. – С. 201-208.
2. Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии. Т. 3. – СПб: Наука, 1994. – 583 с. – Серия «Слово о сущем».
3. Гоббс Т. Избранные произведения. В 2 т. Т. 2. – М.: Мысль, 1991. – 731 с.
4. Захарцев С.И., Масленников Д.В., Сальников В.П. Логос права: Парменид – Гегель – Достоевский. К вопросу о спекулятивно-логических основаниях метафизики права: Монография. – М.: Юрлитинформ, 2019. – 376 с. DOI 10.17513/np.467
5. Зорина Н.В. Проблема свободы воли как основы права в учении Томаса Гоббса // *Мир политики и социологии*. – 2018. – № 7-8. – С. 184-191.
6. Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Конвергенция в философии и богословии в творчестве Фомы Аквинского как обеспечение устойчивости концепции естественного права // *Юридическая наука: история и современность*. – 2016. – № 10. – С. 176-184.
7. Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Платон, Аристотель, Фома Аквинский и идея справедливости в естественно-правовой традиции // *Мир политики и социологии*. – 2016. – № 9. – С. 19-26.
8. Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Поиск эмпирических оснований справедливости и права в творчестве Томаса Гоббса, Джона Локка, Шарля Монтескье и Жана-Жака Руссо // *Мир политики и социологии*. – 2016. – № 10. – С. 38-44.
9. Клименко О.А. Идея государственного суверенитета и ее формирование от античности и средневековья до исходных начал Никколо Макиавелли и Жана Бодена // *Мир политики и социологии*. – 2014. – № 11. – С. 90-94.
10. Клименко О.А. Становление понимания государственного суверенитета в эпоху Модерна (от идей Ж. Бодена до правовых оснований Вестфальского мира) // *Мир политики и социологии*. – 2016. – № 6. – С. 53-57.
11. Клименко О.А., Мирзоев А.К., Третьяков И.Л. Политическая концепция абсолютного суверенитета Марсилиуса Падуанского и Жана Бодена в контексте синкретизма современной правовой культуры // *Юридическая наука: история и современность*. – 2016. – № 3. – С. 22-28.
12. Курзенин Э.Б., Сальников В.П. Идеи естественного права в трудах Гуго Гроция // *Евразийский юридический журнал*. – 2014. – № 12(79). – С. 120-122.
13. Лежнева О.Ю. Д. Локк об институтах перехода от естественного состояния в гражданское состояние //

- Государственно-правовые институты современного общества: Сборник статей к Всероссийской научно-практической конференции посвященной 100-летию Республики Башкортостан (г. Уфа, 14 декабря 2018 г.) / Отв. ред. Ф.М. Раянов. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2018. – С. 229-235.
14. Лежнева О.Ю., Поливко Е.А. Дж. Локк о судебной власти как проявлении верховенства права и прав личности в гражданском состоянии общества // Верховенство права и национальные интересы России: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (г. Уфа, 30 ноября 2018 г.) // Отв. ред. Г.М. Азнагулова. В 2-х ч. Ч. 1. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2018. – С. 92-96.
 15. Масленников Д.В. Природа логического в философии абсолютного идеализма (Гегель и Фихте). – СПб: НОИР, 2011. – 151 с.
 16. Масленников Д.В., Пономарев А.А. Кантовская философия права в системе парадигм правовой мысли // Юридическая мысль. – 2016. – № 5 (97). – С. 52-58.
 17. Масленников Д.В., Ревнова М.Б. Отношение религии и государства в философии права Г.В.Ф. Гегеля // Юридическая мысль. – 2018. – № 1 (105). – С. 20-25.
 18. Мирзоев А.К. Суверенитет: генезис и концептуальная эволюция представлений в политико-правовой науке (исходные начала – Никколо Макиавелли и Жан Боден) // Мир политики и социологии. – 2013. – № 11. – С. 149-157.
 19. Мирзоев А.К., Клименко О.А. Развитие понятия суверенитета от Марсилия Падуанского до Гегеля // Юридическая наука. – 2016. – № 3. – С. 22-29.
 20. Новгородцев П.И. Сочинения. – М.: Раритет, 1995. – 446,[2] с. : портр.
 21. Поливко Е.А. Собственность и идея верховенства прав личности в учении И. Канта и И.Г. Фихте // Верховенство права и национальные интересы России: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (г. Уфа, 30 ноября 2018 г.) // Отв. ред. Г.М. Азнагулова. В 2-х ч. Ч. 1. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2018. – С. 111-115.
 22. Прокофьев К.Г. Обоснование идеи верховенства права в учении И.Г. Фихте // Верховенство права и национальные интересы России: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (г. Уфа, 30 ноября 2018 г.) / Отв. ред. Г.М. Азнагулова. В 2-х ч. Ч. 1. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2018. – С. 116-120.
 23. Прокофьев К.Г. Проблема метода в обосновании морали и права в немецкой классической философии (И. Кант, И.Г. Фихте) // Мир политики и социологии. – 2017. – № 5. – С. 185-195.
 24. Романовская Л.Р., Верховодов Е.В. Античные корни естественно-правовой теории // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – Серия: Право. – 2002. – № 1. – С. 84-88.
 25. Сальников В.П., Курзенин Э.Б., Сальников М.В. Развитие политико-правовой мысли от Гуго Гроция к представителям германской государственно-правовой науки // Правовое поле современной экономики. – 2014. – № 10. – С. 11-20.
 26. Сальников В.П., Масленников Д.В. Прокофьев К.Г. Смысл различия в подходе И. Канта и И.Г. Фихте к задаче дедукции права и морали // Юридическая наука: история и современность. – 2018. – № 4. – С. 185-192.
 27. Сальников С.П., Клименко О.А., Мирзоев А.К., Третьяков И.Л. Жан-Жак Руссо и Джон Локк: некоторые идеи о суверенитете и естественном праве // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 5. – С. 173-179.
 28. Фихте И.Г. Основа естественного права согласно принципам наукоучения / Пер. с нем. А.К. Судакова. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2014. – 392 с. – (История философии в памятниках).
 29. Фихте И.Г. Сочинения в двух томах. Т. 1 / Составитель и примечания Владимира Волжского. – СПб.: Мифрил, 1993. – 687 с.
 30. Фролова Е.А. Политическое учение Жана Бодена: теоретические проблемы доктрины государственного суверенитета // Аграрное и земельное право. – 2018. – № 2 (158). – С. 104-109.
 31. Фролова Е.А. Философия права в Новое время: Гуго Гроций // Право и государство: теория и практика. – 2019. – № 5 (173). – С. 58-62.
 32. Шафиев А.Ю. Развитие института собственности в работе И.Г. Фихте «Основа естественного права согласно принципам наукоучения» // Государственно-правовые институты современного общества: Сборник статей к Всероссийской научно-практической конференции посвященной 100-летию Республики Башкортостан (г. Уфа, 14 декабря 2018 г.) / Отв. ред. Ф.М. Раянов. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2018. – С. 320-326.
 33. Haeng-Nam Lee. Dailektit der sittlichen Freicheit. Hegels Auseinandersetzung mit seinen Vorganger. Frankfurt a.Main: Nomos, 2017.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Научный журнал «Мир политики и социологии» публикует научные статьи и материалы различной экономико-правовой тематики, отвечающие требованиям научной новизны, актуальности, фундаментальности и аргументации выводов.

Редакция принимает к рассмотрению научные статьи на русском языке. Срок принятия решения о публикации – не более двух месяцев с даты регистрации рукописи.

Основанием для включения статьи в журнал является:

- положительная рецензия независимого рецензента, определяемого редакционным советом журнала;
- для аспирантов дополнительно – отзыв-рекомендация научного руководителя;
- издательский договор с автором статьи;
- лицензионный договор о передаче прав на использование произведения автора;
- выполнение правил представления рукописей и требований к их оформлению.

Требования к оформлению статьи.

1. Электронный вариант статьи предоставляется в формате Word или RTF, кегль 14 «Times New Roman».

2. Бумажный вариант статьи предоставляется в двух экземплярах форматом А4, печать текста через полтора интервала.

3. Объем статьи – не менее 12 стр., но не более 18 стр. (до 40 000 знаков, включая пробелы); объем статьи для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук – не менее 6 стр. 4.

Рисунки встраиваются в формате BMP, диаграммы – в формате Excel, таблицы – в формате Word.

5. Аннотация статьи – на русском и английском языках (не более 1000 знаков, включая пробелы).

6. Ключевые слова – на русском и английском языках (не более 7).

7. Затекстовые ссылки (на русском и английском языках) оформляются в соответствии с библиографическими требованиями, размещаются после текста статьи под заголовком «Список литературы». Источники располагаются по алфавиту. Для связи затекстовых библиографических ссылок с текстом статьи используют знак отсылки, который приводят в виде цифр (порядковых номеров). Отсылки в тексте статьи заключаются в квадратные скобки. Если ссылку приводят на конкретный фрагмент текста документа, в отсылке указываются порядковый номер и страницы. Сведения разделяют запятой. Например:

- в тексте: [7, стр. 15].

- в затекстовой ссылке: 7. Бачинин В.А., Сальников В.П. Правовая реальность в контексте цивилизации и культуры. Методология причинного анализа: Монография / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб: Фонд «Университет», 2005. – 224 с. – (Серия: «Наука и общество»).

8. Если автор считает необходимым привести ряд комментариев, то перед списком литературы необходимо создать раздел под заглавием «Примечания», в котором в порядке очередности будут указаны авторские уточнения или пояснения, обозначенные в тексте одной и несколькими (до трех) звездочками.

9. Специальные символы (например, греческие, древнерусские и другие редкие буквы) оформляются в виде картинки или сопровождаются шрифтами с данными символами.

К тексту статьи прилагаются данные об авторе:

1. Ф. И. О. автора (полностью на русском и английском языках).

2. Полное название (на русском и английском языках) организации, где работает автор, с указанием города, страны.

3. Почтовый адрес.

4. Контактный адрес: E-mail, телефон, факс.

5. Ученая степень и звание.

6. Основные направления научных исследований.
7. Специальность по Номенклатуре специальностей научных работников.
8. Для аспирантов и соискателей: научный руководитель (Ф. И. О., научная степень, ученое звание, должность).

Обязательными компонентами условий включения статьи в научный журнал являются:

- представление автором текста статьи и комплекта сопутствующих документов в строгом соответствии с вышеназванными требованиями, подтверждаемое получением регистрационного номера;
- подписание лицензионного договора;
- предварительная оплата автором научного рецензирования статьи (рецензентом, определяемым редакционным советом журнала).

Рукопись статьи направляется рецензентам после поступления на счет Издательства оплаты по договору на этот вид деятельности.

Печать статьи в порядке естественной очередности с предоставлением одного экземпляра ее оттиска при получении положительной рецензии производится для автора бесплатно. Оплата расходов за редактирование и полиграфию осуществляется за счет средств Фонда поддержки науки и образования в области правоохранительной деятельности «Университет».

В случае необходимости срочной публикации статьи Издательство может после получения положительной рецензии за отдельную плату реализовать определяемый автором ускоренный выход статьи в свет: один, полтора, два, два с половиной, три или три с половиной месяца после подписания журнала в печать.

В этом случае автор также компенсирует все затраты по выпуску его статьи. Автору предоставляется один экземпляр журнала с собственной статьей.

Плата за опубликование рукописей аспирантов не взимается.

По просьбе автора могут предоставляться дополнительные платные услуги:

1. Одно повторное рецензирование статьи, в случае неположительной первой рецензии.
2. Литературное редактирование.
3. Написание и перевод на английский язык текста аннотаций, перечня ключевых слов, затекстовых ссылок.
4. Продажа дополнительных экземпляров журнала на льготных условиях.
5. Предоставление библиографического описания и электронной версии окончательного варианта статьи с указанием страниц в журнале сразу после появления оригинал-макета номера журнала.

Перечень обязательных и дополнительных услуг, а также полная стоимость публикации статьи в журнале определяется издательским договором.

Рукопись статьи и сопутствующие ей документы направляются на редактирование и в печать после поступления средств на счет по издательскому договору. Авторские гонорары не выплачиваются. Рукописи и сопутствующие материалы не возвращаются.

Материалы просим присылать по адресу:

Фонд содействия науке и образованию в области правоохранительной деятельности «Университет»
Редакция журнала «Мир политики и социологии»,
198261, Санкт-Петербург, пр-т Ветеранов, д. 114, корп. 1, лит. Б
тел.: 8 (901) 370-00-25, тел./факс: 8 (812) 755-56-58
E-mail: fonduniver@bk.ru

www.fonduniver.ru

Редактор О.П. Человечкова, к.ю.н.
Технический редактор, верстка Д.А. Ларин

**ФЕДЕРАЛЬНЫЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
«МИР ПОЛИТИКИ И СОЦИОЛОГИИ»**

2019, № 10

Подписано в печать 02.12.2019. Формат 60 x 84 ¹/₈. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Объем 27,5 уч.-изд. л.; 27,5 усл. печ. л. Тираж 500 экз. Заказ № 266.
Фонд содействия науке и образованию в области правоохранительной деятельности «Университет»

198261, Санкт-Петербург, пр. Ветеранов, д. 114, корп. 1, лит. Б
тел.: 8 (901) 370-00-25; E-mail: fonduniver@bk.ru

**ЦЕНТР ЗАЩИТЫ
ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГА**

РОО «ЦЕНТР ЗАЩИТЫ ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА»

Специалисты нашего центра всегда готовы проконсультировать Вас по любым вопросам, связанным с правами потребителей и защитой этих прав в таких сферах как:

- покупка-продажа недвижимости;
- покупка-продажа любых товаров;
- выполнение строительных или ремонтных работ;
- бытовые услуги;
- транспортные услуги;
- медицинские услуги;
- туристические услуги;
- кредитные вопросы;
- услуги ЖКХ;
- возврат мебели;
- страхование недвижимости и автомобилей.

ЧЕСТЬ И ЗАКОН
АДВОКАТСКОЕ БЮРО

Адвокатское Бюро «Честь и Закон»

В рамках Адвокатского Бюро можно получить услуги в следующих направлениях:

- гражданско-правовые споры, в т.ч. семейные;
- уголовный процесс;
- жилищное право;
- арбитражный процесс;
- административное право;
- трудовые споры.

**ПЕРВАЯ
ЮРИДИЧЕСКАЯ
ПОЧТА**

Первая юридическая почта предлагает для физических и юридических лиц оказание услуг подачи любого документа посредством курьера в государственные органы без траты личного времени лица.

Это удобно, потому что предоставляется полное сопровождение документов:

- личная консультация и четкое определение гос. органа-получателя;
- составление и оформление юридически грамотных документов;
- своевременная доставка документов в государственный орган.

Преимущества использования Первой юридической почты:

- снятие ограничения по количеству обращений юридического лица в гос. органы за день;
- колоссальная экономия личного времени, нервов и денежных средств подающего;
- отсутствие необходимости в большом штате курьеров;
- отсутствие необходимости оформлять доверенность на подачу и получение документов.

Принципы нашей работы:

- гарантия полной конфиденциальности;
- индивидуальный подход к каждому клиенту;
- детальность и внимательность в каждом вопросе;
- стоимость услуг всегда соответствует результатам проведённой работы.

Лидер Консалт Право осуществляет высококвалифицированную защиту прав и законных интересов своих доверителей, а также оказывает профессиональную юридическую поддержку, направленную на развитие бизнеса своих клиентов.

Комплексное юридическое обслуживание – это полное юридическое сопровождение финансово-хозяйственной деятельности компании по всем правовым вопросам (гражданским, трудовым, финансовым, таможенным, административным, налоговым, земельным), возникающим в процессе осуществления хозяйственной деятельности.

Сопровождение включает в себя широкий спектр услуг, в частности:

- регистрацию компаний и ведение малого бизнеса, помощь при оформлении фермерских хозяйств;
- регистрацию Некоммерческих организаций;
- аккредитацию иностранных филиалов и представительств;
- взаимодействие с государственными органами и иными организациями;
- консультации по вопросам корпоративного права;
- подготовку документов для лицензирования деятельности предприятия;
- открытие счетов, оформление зарплатных проектов;
- бухгалтерское сопровождение бизнеса;
- представление интересов в арбитражных судах РФ и судах общей юрисдикции РФ;
- правовой комплаенс;
- реорганизацию фирм, приведение в соответствие с законодательством, внесение изменений в учредительные документы;
- ведение процедуры банкротства компании;
- ликвидацию компаний.

**Адрес : г. Санкт-Петербург, Лиговский проспект, дом 78, корпус 2, лит. А, 6 этаж.
Тел: 642 01 11; 607 64 43; E-mail: info@legalhelp.pro**

КАК ПРАВИЛЬНО ВЫБРАТЬ САНАТОРИЙ

В «Солнечной» всегда солнечно!

Среди многообразия курортных здравниц мы всегда стараемся выбрать для себя лучшее. По типу лечения, дополнительным услугам, а для кого-то критерием выбора является наличие бассейна, SPA и WELLNESS.

А потому из всего многообразия предложений Кисловодска стоит остановить свой взгляд на санатории «Солнечный». В этом нашего корреспондента убедил владелец и один из руководителей санатория Владимир ТУРИВНЕНКО.

- Насколько мне известно «Солнечный» - самый большой и самый молодой санаторий Кисловодска, ему нет еще и десяти лет.

Как удалось за столь короткий срок добиться популярности?

- Верю, статус крупнейшей здравницы Кисловодска подразумевает и ответственность «Солнечного» в качестве главного законодателя моды на курорте. В этих условиях мы просто обязаны инвестировать значительно больше ресурсов в развитие своей лечебной, оздоровительной и досуговой инфраструктуры по сравнению с обычными санаториями и SPA-отелями. Например, другие четырехзвездочные здравницы Кисловодска располагают либо одним стандартным крытым плавательным бассейном, либо предлагают лишь открытый бассейн в летнее время. И только в «Солнечном» круглый год вы можете бесплатно пользоваться сразу тремя специализированными бассейнами. Тут же расположены просторный зимний пляж под огромным стеклянным

куполом и зона развлечений в окружении двух пляжных баров один из которых работает прямо на воде. Сегодня подобное не могут предложить даже значительно более дорогие санатории и SPA-отели региона.

В качестве другого примера можно привести новый конгресс-центр «Солнечного». Сейчас это единственное место на курорте, позволяющее проводить многодневные бизнес-события высокого уровня с присутствием до 600 одновременных участников в пределах единого комплекса. Причем без остановки плановой работы самого санатория. Это открывает недоступную ранее возможность проводить настоящие масштабные корпоративные мероприятия на одном из самых знаменитых курортов России. Расскажу Вам и о самых интересных методиках, которые применяют для лечения пациентов «Солнечного».

Бioresонансная терапия (БРТ) позволяет протестировать организм на аллергены, на продукты питания, наличие вирусов, грибов, паразитов и избавиться от них без применения медицинских препаратов. Кроме того можно протестировать склонность пациентов к определенным заболеваниям и проверить подходят ли им препараты, которые они принимают.

